

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2009

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

**Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»**

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2009

К 150-летию Императорской Археологической комиссии

Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав <i>Тихонов И.Л.</i>	5
Реставрация и охрана памятников архитектуры в деятельности Императорской Археологической комиссии <i>Щенков А.С.</i>	18
Археология и Министерство путей сообщения (на материалах Сибири конца XIX – начала XX в.) <i>Вдовин А.С., Кузьминых С.В.</i>	25
К истории раскопок в Херсонесе (1888–1907 гг.) <i>Романчук А.И.</i>	37
Археологические памятники Русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов <i>Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.</i>	46

К юбилею Х.А. Амирханова

Путь к вершинам (к 60-летию Х.А. Амирханова) <i>Любин В.П.</i>	58
Женщина–зверь–орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграфетта на Русской равнине <i>Гаврилов К.Н.</i>	66
О причинах разнообразия форм ножей костёнковского типа <i>Лев С.Ю., Кларик Л., Гиря Е.Ю.</i>	81
О хронологии и периодизации позднеплейстоценовых – раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье) <i>Леонова Е.В.</i>	94
Клушино I – новый палеолитический памятник в Подмосковье <i>Трусов А.В.</i>	108
Культура поздней поры верхнего палеолита бассейна Оки: история исследований и состояние изученности <i>Чувильева Ю.Н.</i>	114
Судьба Кабульского музея <i>Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А.</i>	123

Статьи

Датирующие возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. <i>Горюнова В.М.</i>	132
---	-----

Публикации

Глиняная антропоморфная и зооморфная пластика середины I тыс. до н.э. Кнышовского городища <i>Воропаева Н.Н., Гавриш П.А.</i>	142
“Клад” II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской <i>Сергацков И.В.</i>	149

Критика и библиография

Литература о происхождении нефритовых украшений культуры Синлунва во Внутренней Монголии и Южного Китая

Лаптев С.В.

168

В.И. Молодин. “Кресты-тельники Илимского острога”. Новосибирск, 2007.

Боброва А.И., Капитонова М.А.

169

Хроника

Археологические раскопки – реалити-шоу?

Гаджиев М.С.

172

Международная научная конференция “Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья (VIII–X – начало XI в.)”

Винников А.З.

174

К 70-летию Арсена Тиграновича Синюка

Коллеги по работе, ученики

176

К 60-летию Сергея Анатольевича Скорого

Гуляев В.И.

178

Памяти Светланы Александровны Плетневой

Коллектив авторов

180

Памяти Игоря Викторовича Сергацкова

Друзья и коллеги

183

Аннета Леонидовна Нечитайло. Памяти археолога

Пустовалов С.Ж.

184

К юбилею академика В.П. Алексеева

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б.

186

Список сокращений

188

Правила для авторов

189

Авторский указатель тома за 2009 г.

190

Сдано в набор 13.07.2009 г. Подписано к печати 07.09.2009 г. Формат бумаги 60 × 80 ¹/₈
Цифровая печать Усл. печ. л. 24,0 + вкл. Усл.кр.-отг. 16,9. Уч.-изд.л. 25,5. Бум.л. 12,0
Тираж 692 экз. Зак. 667

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number 4, 2009

Towards the 150th anniversary of the Imperial Archeological Commission

The Imperial Archeological Commission: structure and personnel	
<i>Tikhonov I.L.</i>	5
Restoration and safekeeping of architectural monuments as a constituent part of the work of the Imperial Archeological Commission	
<i>Schenkoy A.S.</i>	18
Archeology and the Ministry of Railways (based on data from Siberia, end of 19 th – beginning of 20 th c.)	
<i>Vdovin A.S., Kuzminykh S.V.</i>	25
Towards the history of excavations at Chersonessos (1888–1907)	
<i>Romanchuk A.I.</i>	37
Archeological sites of Russian Palestine: archive documents from the 1870–1910-s	
<i>Beliaev L.A., Butova R.B., Lisovoy N.N.</i>	46

Towards the jubilee of Kh.A. Amirkhanov

The path to the summits (towards the 60 th anniversary of H.A. Amirkhanov)	
<i>Lyubin V.P.</i>	58
Woman–animal–ornament. Cultural specificity in the art of the Russian Plain Epigravettian	
<i>Gavrilov K.N.</i>	66
Towards the reasons for the form diversity of Kostenki knives	
<i>Lev S.Y., Klaric L., Giria E.Yu.</i>	81
Towards the chronology and periodization of Late Pleistocene – Early Holocene sites in the Northwestern Caucasus (on the basis of materials from the latest investigations at Gubskoe gorge)	
<i>Leonova Ye.V.</i>	94
Klushino 1 – a new Paleolithic site in the Moscow region	
<i>Trusov A.V.</i>	108
The culture of Late Stage of Upper Paleolithic in the Oka river basin: history and present-day investigation	
<i>Chuviliaeva Yu.N.</i>	114
The fate of the Kabul museum	
<i>Munchaev R.M., Koshelenko G.A.</i>	123

Articles

Dating potential of early wheel-made pottery of the 10 th – beginning of the 11 th c.	
<i>Goryunova V.M.</i>	132

Publications

Anthropomorphic and zoomorphic clay figurines, mid-1 st millennium BC, from Knyshevskoe site	
<i>Voropaeva N.N., Gavrish P.A.</i>	142
The 2 nd millennium BC “hoard” from the vicinity of Kachalinskaya stanitsa	
<i>Sergatskov I.V.</i>	149

Critics and Bibliography

Literature on the origins of jade ornaments: Xinglongwa culture in Inner Mongolia and Southern China

Laptev S.V.

168

V.I. Molodin. “Body crosses from the Ilimsky ostrog”. Novosibirsk, 2007.

Bobrova A.I., Kapitonova M.A.

169

Chronicle

Archeological excavations – a reality show?

Gadzhiev M.S.

172

International conference “The East Slavic world of the Dnieper-Don interfluvial area and the nomads of Southern Rus’ steppes in the Early Middle Ages (8th–10th – beginning of the 11th cc.)”

Vinnikov A.Z.

174

Arsen Tigranovich Siniuk. Towards the 60th anniversary

Collective of authors

176

Towards the 60th anniversary of S.A. Skoryi

Guliaev V.I.

178

In memory of Svetlana Aleksandrovna Pletneva

Collective of authors

180

In memory of Igor Viktorovich Sergatskov

Collective of authors

183

In memory of Anneta Leonidovna Nechitailo

Pustovalov S.Zh.

184

To the jubilee of Academician V.P. Alekseev

Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B.

186

List of abbreviations

188

Rules for authors

189

Index of authors, 2009

190

**К 150-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ**

**ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ:
СТРУКТУРА И КАДРОВЫЙ СОСТАВ**

© 2009 г. **И. Л. Тихонов**

Санкт-Петербургский государственный университет

В феврале 2009 г. исполнилось 150 лет со дня учреждения Императорской Археологической комиссии (далее – АК). В ИИМК РАН готовится коллективная монография, представляющая собой комплексное историографическое исследование, посвященное этому важнейшему археологическому органу дореволюционной России. После небольшой по объему, но чрезвычайно информативной статьи, опубликованной в “Советской археологии” к 125-летию юбилею АК (Пескарева, Рябинин, 1984), в последние годы появилась серия публикаций, освещающих как общие вопросы, связанные с созданием и деятельностью АК, так и отдельные стороны работы комиссии и ее сотрудников (Васильева, 2000; Носов, 2003; Длужневская, 2006а; б; 2007; Мусин, 2006. С. 49–78; 2007; Тихонов, 2006; 2008а; Медникова, 1995; Медведева, 2004; 2005; 2006; Елшин, 2007). Значительным вкладом в изучение истории АК стала кандидатская диссертация М.В. Медведевой, посвященная деятельности комиссии по исследованию и охране археологических и архитектурных памятников северо-запада России (2007). Появились биографические очерки о председателях и сотрудниках комиссии: С.Г. Строганове, А.А. Бобринском, В.Г. Тизенгаузене, А.А. Спицыне (Гурулева, 2005; Бобринской, 2003; Тихонов, 2003; 2007; 2008в). Во всех этих работах деятельность АК по налаживанию системы научных исследований и контроля за раскопками археологических памятников в Российской империи оценивается весьма высоко. Только в нескольких статьях ставятся под сомнение некоторые аспекты ее деятельности (Медведь, 2002; Смирнов, 2006). Особое место среди них занимает тезисная публикация, вышедшая в Украине, в которой без какого-либо использования документальных и других источников автор делает вывод о том, что “у дослідження Пантікапея та малих міст європейського Боспору діяльність Комісії нанесла значної шкоди” (Баукова, 2006).

Широкое распространение в историографии получило мнение о том, что, являясь единственным государственным органом, АК с самого начала выполняла функции общегосударственного коор-

динирующего и контролирующего центра отечественной археологии. Между тем историю АК можно довольно четко разделить на два периода, рубежом между которыми является середина 1880-х годов (Тихонов, 2008г. С. 244).

Создание АК ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного патронажа над только начинающей свое становление отечественной археологией. Еще в 1830-е годы у президента Академии Художеств А.Н. Оленина возникает мысль о создании правительственного органа, который ведал бы всеми делами, относящимися к археологии. Названия предлагались следующие: “Археологическая комиссия”, “Попечительский комитет” или “Главное управление изыскания древностей”. Новый орган должен был заняться разведкой и раскопкой древностей в Крыму и на Кавказе; систематизацией и описанием памятников, их изданием; выработкой инструкций; сосредоточением всех средств, выделяемых на раскопки; налаживанием руководства и контроля за работой исполнителей на местах. Однако по финансовым соображениям этот проект остался нереализованным (Тункина, 2002. С. 189).

В 1840-е годы руководство археологическими работами сосредоточилось в Министерстве внутренних дел и Кабинете Его Императорского величества, где в непосредственном подчинении министра Л.А. Перовского возникла группа “чиновников по археологической части”. В 1840-х – первой половине 1850-х годов ими была проведена серия исследований в Северном Причерноморье, Поволжье, Центральной России. Перовский пытался создать в рамках Министерства внутренних дел и некую Комиссию для изыскания или исследования древностей, но до придания ей официального статуса дело так и не дошло. Тогда же Перовским были разработаны и специальные правила “для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях”, высочайше утвержденные 12 января 1852 г. Этот документ, по существу являвшийся первой правительственной инструкцией по проведению раскопок, требовал неукоснитель-

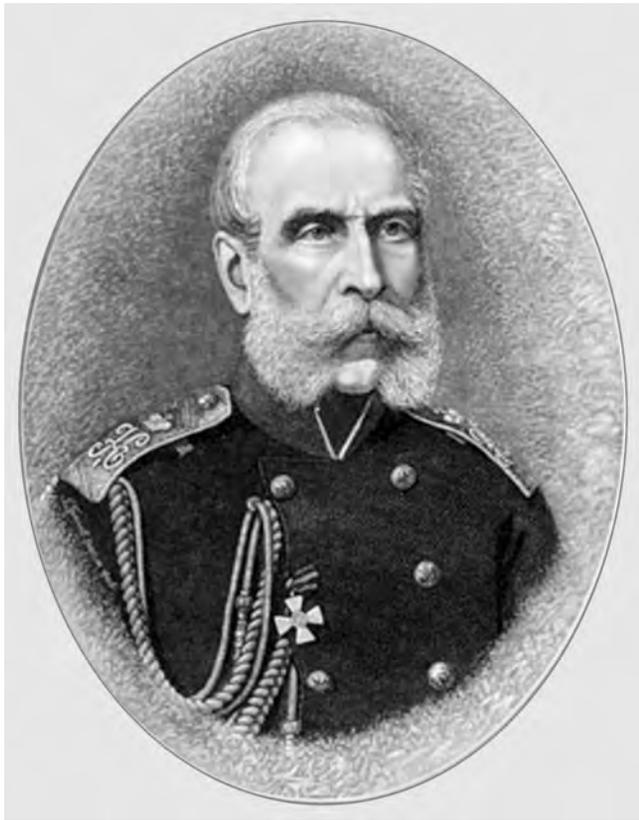

Рис. 1. Граф С.Г. Строганов – создатель и председатель Археологической комиссии в 1859–1882 гг.

ного ведения специального журнала, в который бы заносились все сведения о производимых работах, и присутствия на раскопках чиновников, “занимающихся собственно археологической частью”. Правила также предписывали доводить раскопки до конца, даже если они не сулили значительных находок; делать рисунки на месте; описывать отношение предметов друг к другу (РА ИИМК. Ф. 6. Д. 179. Л. 16–19; Тункина, 2002. С. 253, 636, 638).

В 1856 г. после внезапной смерти Л.А. Перовского указом Александра II “заведывание археологическими розысканиями” было поручено графу С.Г. Строганову (РА ИИМК. Ф. 14. Д. 1. Л. 2), который пользовался широкой известностью в качестве мецената, коллекционера, любителя искусств и археологии. В 1839–1853 гг. под руководством С.Г. Строганова было осуществлено шеститомное издание “Древностей Российского государства”, являющееся первой сводкой неписанных источников отечественной истории. С 1835 по 1847 г. он – попечитель Московского учебного округа. Но его блестящая карьера на посту московского попечителя оборвалась из-за конфликта и все более нарастающих разногласий с министром народного

просвещения С.С. Уваровым, отцом А.С. Уварова. В этом контексте становится понятно, почему молодой граф Уваров сразу же после назначения Строганова перешел в другое ведомство и переселился из Петербурга в Москву. Путь в существовавшее в Москве еще с 1804 г. Общество истории и древностей Российских для него был закрыт, поскольку председательствовал в нем все тот же С.Г. Строганов. Оставалось только одно – создавать собственную научную организацию, что Уваров блестяще и реализовал в 1864 г. учреждением Московского Археологического общества, которое изначально рассматривал в качестве альтернативы АК. Таким образом, вопреки широко распространенному мнению о том, что конфликт между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом разгорелся в 1880-е годы, становится очевидно, что это противостояние существовало изначально, и причины его имели, увы, банальный личностный характер (Тихонов, 2006).

После назначения С.Г. Строганова группа сотрудников Л.А. Перовского “по археологической части” распалась: так, примеру А.С. Уварова последовал князь А.А. Сибирский. Из прежних сотрудников начал активно помогать Строганову, пожалуй, только П.С. Савельев. Фактически пришлось собирать коллектив археологов заново. Из дневника И.Е. Забелина (2001. С. 37) мы знаем, что Строганов намеревался пригласить Б.Э. Кене, П.С. Савельева и самого Забелина. В это же время он разрабатывал проект положения о “Главной Археологической комиссии”. Важно отметить, что Строганов стремился придать ей статус центрального государственного органа, основной задачей которого являлось “разыскание древностей посредством земляных раскопок”. Этим комиссия изначально отличалась от археологических обществ, которые трактовали археологию очень широко, как изучение любых памятников старины, в том числе и невещественных. Первый параграф проекта гласил: “Главной Археологической комиссии подлежит заведование всеми археологическими раскопками в России и местными музеями древностей”. Восьмой параграф указывал, что “раскопки на землях казенных и общественных производятся не иначе, как с разрешения председателя комиссии”. С.Г. Строганов также выдвинул предложение о создании архива комиссии, в котором бы сосредотачивались все дела об археологических розысканиях в России и соответствующие им планы, рисунки, модели (РА ИИМК. Ф. 14. Д. 1. Л. 19–23).

В окончательном виде проект Положения об Императорской Археологической комиссии был ут-

вержден императором Александром II по докладу министра двора 2 февраля 1859 г. в качестве опыта на три года. Первый параграф Положения определял цели комиссии следующим образом: “1) розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности; 3) ученую оценку открываемых древностей”. В разделе “Действия комиссии” определялся круг ее задач и способы достижения поставленных целей: “§ 5. Для изыскания древностей Комиссия раскапывает древние курганы и производит земляные раскопки на местах, или замечательных в историческом отношении, или дающих повод рассчитывать на открытие древностей. § 6. Комиссии предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности... § 7. Комиссия, в мере средств своих, заботится, что бы в том случае, когда настает надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятник зодчества, курган и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных или общественных, приняты были, по возможности, нужные археологические меры, и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то что бы к ним мог быть допущен ее чиновник” (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 1. Л. 3–6). Как мы видим, в утвержденном Положении уже не было пункта о разрешении раскопок на казенных и общественных землях, а формулировки были довольно расплывчатые и неопределенные, никаких конкретных рычагов для реализации своих полномочий комиссия не получала.

Первоначальный штат Археологической комиссии состоял из председателя, назначаемого высочайшим повелением, которому никакого жалования не предусматривалось; одного старшего члена с 1200 р. жалования в год; двух младших членов (по 1000 р.); производителя дел (800 р.); журналиста (350 р.); канцелярского чиновника (200 р.) и художника (500 р.). В штат комиссии были включены директор Керченского музея (928 р.) и его помощник (572 р.). На раскопки выделялось 10 тысяч рублей ежегодно. Таким образом, общий годовой бюджет Археологической комиссии первоначально составлял 17 764 рубля. Разместилась комиссия в двух небольших комнатках, выделенных для нее С.Г. Строгановым в собственном дворце на углу Невского проспекта и Мойки, хотя там ей было весьма тесно (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–15).

В первый же год своего существования АК провела раскопки на юге России – в Керчи, на Таманском полуострове и в Екатеринославской губернии – в поисках погребений скифских царей, описанных Геродотом (Миронов, 1900). Последние работы были поручены И.Е. Забелину, назначенному летом 1859 г. младшим членом комиссии. С.Г. Строгановым была составлена инструкция Забелину, который до этого времени никакого опыта по части археологических раскопок не имел. Основными ее требованиями были следующие пункты: лично присутствовать на раскопках; вести поденный журнал с описаниями курганов и погребений, положением костяков и вещей в могиле; снимать точные планы; различать вещи, случайно попавшие в насыпь; сохранять черепа; обязательно доходить до материка и тщательно исследовать его. На раскопки было выделено 2500 рублей, но реально из-за проблем с наймом рабочих удалось исследовать только четыре насыпи, потратив всего 819 рублей (РА ИИМК. Ф. 1. Д. 6. 1859 г. Л. 7, 8, 17, 18). И.Е. Забелин достаточно быстро освоил новое для него дело и проводил раскопки на неплохом для своего времени уровне (Алексеев, 2003).

Помимо степей Нижнего Поднепровья основным районом раскопок Археологической комиссии на долгие годы стала территория, некогда входившая в Боспорское царство – Керченский и Таманский полуострова. Об этом прямо свидетельствует отказ С.Г. Строганова на предложение председателя Московского Археологического общества А.С. Уварова выделить в 1877 г. какую-нибудь часть финансовых средств комиссии на снаряжение экспедиции для раскопок курганов в Киевской, Черниговской и Полтавской губерниях: “...не желая отвлекать средств, дарованных Императорской Археологической комиссии, от прямой их цели – от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове” (Археология..., 2007. С. 385). На северо-западе России до начала 1890-х годов комиссия всего лишь дважды выступила инициатором проведения раскопок и “розысканий” (Медведева, 2007. С. 104). С.А. Желбелев высказывался по поводу полевой деятельности АК в первую четверть века ее существования еще более категорично: “Пополнение Эрмитажа стояло, несомненно, на первом плане деятельности Комиссии” (1923. С. 112). Сам С.Г. Строганов, воспитанный на традициях античного искусства, полагал главной целью Археологической комиссии поиск его ярких произведений.

Наряду с Забелиным наиболее активно в 1860-х – первой половине 1880-х годов проводил раскопки барон В.Г. Тизенгаузен, ставший делопроизводителем комиссии с 1861 г. В 1864 г. уже в чине млад-

Рис. 2. Барон В.Г. Тизенгаузен – с 1861 г. делопроизводитель, с 1864 г. – младший, с 1876 г. – старший член, с 1892 г. – товарищ председателя Археологической комиссии.

шего сотрудника АК он осуществлял самостоятельные исследования в Поволжье и на Дону. С 1868 г. Тизенгаузен сосредотачивает свою деятельность на Таманском полуострове, где основными объектами его изучения становятся крупные курганные насыпи и иногда городища. Среди них особенно яркими памятниками оказались Семибратние курганы и курганы в районе Анапы. Эти работы продолжались до 1884 г. с одним только перерывом летом 1873 г. на раскопки в Ольвии.

На примере деятельности Тизенгаузена хорошо видно, что, по сути дела, члены Археологической комиссии в тот период полагали свои функции законченными после завершения раскопок и доставления находок в Петербург, и практически не занимались научной обработкой добытого материала, за исключением подготовки небольших текстов о самих раскопках к ежегодно публикуемому «Отчету Императорской Археологической Комиссии». Так, в огромном списке научных трудов В.Г. Тизенгаузена по различным вопросам восточной нумизматики и общеисторическим проблемам ориенталистики кроме весьма кратких текстов отчетов есть всего две небольшие заметки, посвященные археологии, да и то не связанные с его собственными раскоп-

ками. Уже современники прямо отмечали, что его мало интересовали в научном отношении раскапываемые памятники. Еще более курьезным в глазах современных археологов может быть некое противопоставление археологии и научной деятельности в некрологе о Тизенгаузене, написанном председателем Восточного отделения РАО В.Р. Розеном (Тихонов, 2007. С. 230–239).

Обработкой и публикацией почти всего добытого на юге России материала в основном занимался академик Л.Э. Стефани, с 1851 г. являвшийся хранителем отделения классических древностей Императорского Эрмитажа и с 1860 г. – членом-корреспондентом Археологической комиссии. В 1874–1875 гг., отправляясь несколько раз за границу для лечения, Строганов передавал временно заведование комиссией директору Эрмитажа С.А. Гедеонову или Л.Э. Стефани. До 1881 г. публикуемый ежегодно Отчет Археологической комиссии состоял из двух частей: в первой давалась информация о проводимых комиссией раскопках, а во второй, не уступающей, а чаще и превосходящей первую по объему, – описания находок, выполненные Стефани.

Связи с Эрмитажем еще более упрочились, когда председателем АК в 1882 г. был назначен его директор А.А. Васильчиков. С этого времени комиссия переехала в здания Эрмитажа, окончательно обосновавшись в 1889 г. в помещениях первого этажа на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки. В годы председательства Васильчикова прервалось издание ежегодного «Отчета», а некоторую активность в деле отстаивания и расширения прерогатив комиссии, вероятно, следует отнести на счет ее старшего члена с 1876 г. – В.Г. Тизенгаузена, который впрямую писал в 1886 г.: «С новым председателем Комиссии, по-видимому, дела ее будут поведены несколько энергичнее, чем при его предшественнике» (Археология..., 2007. С. 362).

Новый этап в деятельности АК начинается с 1886 г., когда ее председателем был назначен граф А.А. Бобринский. В отличие от обоих своих предшественников на этом посту он имел опыт археологических раскопок, которые проводил начиная с конца 1870-х годов в Киевской губернии. В 1882 г. он был избран действительным членом, а в 1885 г. – управляющим Отделением славяно-русской археологии Русского археологического общества. Бобринскому удалось добиться издания Высочайшего Повеления от 11 марта 1889 г., предоставившего комиссии «исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных», а также

Рис. 3. Раскопки В.Г. Тизенгаузена на Таманском полуострове. 1883 г.

контроль за охраной и реставрацией монументальных памятников древности. В апреле 1889 г. состоялась серия совещаний АК с представителями научных обществ, на которых были определены их взаимоотношения: правила выдачи и форма открытых листов, пятилетний срок научной собственности обществ на находки, создание единого архива по всем археологическим исследованиям, доступного любым занимающимся этими проблемами лицам. В конце 1889 г. прошло совещание с представителями Эрмитажа и Исторического музея, на котором были согласованы принципы распределения археологических находок по музеям, а 31 октября 1890 г. были утверждены “Правила о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией Художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников”. Эти меры завершили формирование единой централизованной системы археологических исследований в Российской империи на государственных и общественных землях, с координирующим центром в лице Императорской Археологической комиссии.

Разрешение на раскопки (Открытый лист) выдавалось при условии обязательного предоставления отчета и находок только для исследований археологических памятников с научными целями. Главным принципом, которым комиссия руководствовалась при решении вопроса о выдаче Открытого листа и денежных средств на раскопки, было научное имя заявителя и известность его комиссии. Никогда не получали отказа уже известные, зарекомендовавшие себя научными работами исследователи. Большие шансы получить Открытый лист имели представители провинциальной интеллигенции: учителя, врачи, чиновники и т. д. Но и в этом случае, если заявитель впервые обращался за листом, комиссия, как правило, требовала рекомендаций уже известных ей исследователей. Практически всегда получали отказ заявители, обращавшиеся с явными или слабо замаскированными кладоискательскими целями. Правда, иногда и в этой системе выдачи Открытых листов происходили сбои и серьезные недоразумения. Наиболее крупный скандал разразился в 1904 г., когда выяснилось, что горный

Рис. 4. А.А. Васильчиков – директор Императорского Эрмитажа в 1879–1888 гг., председатель Археологической комиссии в 1882–1886 гг.

техник Д.Г. Шульц, копавший скифские курганы у станицы Келермесской на Кубани по Открытому листу, полученному от Археологической комиссии, присвоил и продал часть найденных золотых вещей (Галанина, 1997. С. 22–24).

С деятельностью А.А. Бобринского связано и значительное увеличение штата комиссии. В начале 1880-х годов весь ее коллектив состоял из пяти человек: старшего члена В.Г. Тизенгаузена (служил в АК с 1861 г.), младшего члена Н.П. Кондакова (с 1876 г.), производителя дел И.А. Суслова (с 1865 г.), художника И.Н. Медведева (с 1859 г.) и сторожа Михайлова (с 1867 г.). В 1888 г. было утверждено новое положение об Археологической комиссии, не добавившее штатных единиц, зато значительно поднявшее жалование сотрудникам АК. Помимо увеличения окладов на один ранг увеличивался класс должностей, что было немаловажно в иерархической структуре Российской империи. Так, должность старшего члена приравнивалась к пятому, а членов – к шестому классу по “Табели о рангах”.

В начале 1891 г. ушли из комиссии, “не сработавшись” с новым председателем, Н.П. Кондаков и

И.И. Толстой, которые были заменены В.Г. Дружининым и А.А. Спицыным. Приход в АК Спицына в феврале 1892 г. заметно активизировал ее работу по изучению первобытных и славяно-русских памятников. В 1894 г. А.А. Бобринский вновь ходатайствовал об увеличении штата комиссии, по крайней мере, еще на двух членов – ученого секретаря и архитектора. Он указывал, что после 1889 г. функции АК значительно расширились, и перед ней ставится задача создания общедоступного центра научной информации по отечественным древностям. Последнее должно было быть достигнуто за счет доступности дел для исследователей и расширения библиотеки, на пополнение которой стали выделяться специальные средства (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 203–206). Тогда же была введена должность товарища (заместителя) председателя комиссии, которую занял барон В.Г. Тизенгаузен, а после его отставки в 1900 г. – академик В.В. Латышев. В 1902 г. графу Бобринскому опять удалось добиться расширения штата и существенного увеличения жалования членам АК. Товарищ председателя стал получать 5500 рублей в год, а члены – по 3700 рублей. По этому же предложению были введены должности фотографа комиссии и двух сторожей для Ольвии (РА ИИМК. Ф. 25. Д. 68). В 1895 г. на должность старшего члена был принят Н.И. Веселовский. С 1891 г. членом комиссии с заведованием Керченским музеем древностей стал выпускник Дерптского университета К.Е. Думберг, при котором раскопки в Керчи вышли на качественно новый уровень, а в 1901 г. его сменил на этом посту В.В. Шкорпил. В том же 1901 г. штатным сотрудником, которому были поручены раскопки в Ольвии, стал Б.В. Фармаковский.

Также А.А. Бобринский начал активно пользоваться возможностями параграфа 4 “Положения 1859 г.”, который гласил, что “Комиссия имеет почетных членов, членов-корреспондентов, содействующих ей в достижении ее целей”. До 1886 г. только Л.Э. Стефани являлся единственным членом-корреспондентом АК. В мае 1886 г. В.Г. Тизенгаузен, по поручению Бобринского, была составлена докладная записка о кандидатурах на звание почетных членов и членов-корреспондентов. В первые были выдвинуты “ветераны комиссии” Л.Э. Стефани и И.Е. Забелин, а во вторые – старший библиотекарь публичной библиотеки В.В. Стасов, директор Азиатского музея АН академик В.В. Радлов, старший хранитель Эрмитажа Ю.Б. Иверсен, профессор Варшавского университета Д.Я. Самоквасов, профессор Петербургского университета Н.И. Веселовский (РА ИИМК. Ф. 1. 1860 г. Д. 7. Л. 7, 8). В 1888 г. членом-корреспондентом был утвержден горный инженер И.А. Лопатин.

Рис. 5. Граф А.А. Бобринский – председатель Археологической комиссии в 1886–1918 гг. – на раскопках кургана Солоха. 1913 г.

тин, собравший и передавший комиссии большую коллекцию древностей бронзового века в Южной Сибири. В последующие два десятилетия в члены-корреспонденты АК были выдвинуты академик В.В. Латышев (1892 г.), генерал-майор А.Л. Бертье-Делагард и академик А.С. Лаппо-Данилевский (1893 г.), профессор Киевского университета Ю.А. Кулаковский и чиновник особых поручений при Военном губернаторе Семиреченской области Н.Н. Пантусов (1894 г.), профессор Петербургского университета В.А. Жуковский, академики архитектуры И.С. Китнер и Г.И. Котов, профессор Юрьевского университета В.К. Мальмберг (1895 г.), руководитель раскопок Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжинич (1898 г.), профессор Петербургского университета С.А. Жебелев (1902 г.), старший хранитель Эрмитажа А.К. Марков (1907 г.), академик Н.Я. Марр (1907 г.), архитектор К.К. Романов (1910 г.). Научные труды членов-корреспондентов отмечались представлениями Археологической комиссии по Министерству Императорского Двора к награждению чинами и орденами.

В 1890-е годы появляется и новая категория лиц, сотрудничающих с Археологической комиссией, – ее сверхштатные члены, которые не получали жалования, но могли присутствовать на заседаниях комиссии правом голоса. Ими являлись профессор Варшавского университета, а затем директор Московского архива Министерства юстиции Д.Я. Самоквасов (1886 г.), академик живописи, директор Музея Общества поощрения художеств М.П. Боткин (1888 г.), профессор Киевского университета В.Б. Антонович (1891 г.), директор Петербургского Археологического института Н.В. Покровский (1892 г.), профессор Петербургского университета Ф.А. Браун (1896 г.), директор Института гражданских инженеров Н.В. Султанов (1897 г.), известный киевский коллекционер Б.И. Ханенко (1905 г.), профессор Новороссийского, а затем Галльского университета Э.Р. фон Штерн (1909 г.), профессора Киевского университета Ю.А. Кулаковский (1911 г.) и Петербургского университета М.И. Ростовцев (1912 г.) (РА ИИМК. Ф. 1. 1898 г. Д. 298; 1913 г. Д. 415. Л. 1–5).

Таким образом, мы видим, что А.А. Бобринский сумел привлечь к работе в Археологической комиссии значительное число выдающихся исследователей древности. Председатель всегда проявлял немалую заботу о сотрудниках. Так, например, по его ходатайству, в обход существующих правил, А.А. Спицыну в начале 1916 г. был присвоен чин 4-го класса – действительного статского советника, а К.К. Косцюшко-Валюжиничу и В.В. Шкорпилу в 1904 г. было предложено отправиться на двухмесячную “стажировку” в Германский Археологический институт в Афинах за счет средств комиссии (РА ИИМК. Ф. 1. 1891 г. Д. 199. Л. 60; 1903 г. Д. 74. Л. 1).

Еще одно важное направление деятельности А.А. Бобринского на посту председателя Археологической комиссии – это заметная активизация раскопок, организуемых ею. Уже в 1888 г. Бобринский добивается увеличения финансирования полевой и издательской деятельности комиссии. В смету также была введена новая статья расходов – “сверхсметные кредиты”, которая значительно расширяла возможности по приобретению древностей у частных лиц. В 1888 г. начались раскопки в Херсонесе, порученные К.К. Косцюшко-Валюжиничу, который позднее был принят в штат АК. Еще более масштабные и систематические работы в 1901 г. были начаты в Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского, после того как Бобринский добился выделения на них специальных средств в сумме 4000 рублей в год. К 1899 г. годовой бюджет комиссии значительно возрос и достиг 57 915 рублей, из которых помимо денег на исследование Ольвии выделялось 6000 рублей на раскопки в Херсонесе и 4000 рублей – в Керчи, 12 000 – на остальные раскопки, 3240 – на приобретение древностей, 7000 – на издания (РА ИИМК. Ф. 25. Д. 47. Л. 11). Значительно расширилась “география” работ, проводимых АК. Об этом С.А. Жебелев писал: “С 80-ых годов, когда во главе комиссии стал А.А. Бобринский, комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей европейской, а отчасти и азиатской России” (Жебелев, 1923. С.108). Кроме того, важно отметить, что если в первые три десятилетия существования АК финансировала, за редким исключением, раскопки своих сотрудников, лишь изредка выделяя деньги на работы других исследователей, то в 1890-е годы ситуация изменилась. Так, из “Книги выдачи открытых листов и авансов за 1891–1897 гг.” можно узнать, что регулярно крупные выплаты по несколько тысяч рублей получали только К.К. Косцюшко-Валюжинич, К.Е. Думберг, Н.И. Веселовский и Н.Я. Марр в 1891–1892 гг. на изучение Ани. Остальные исследователи как сотрудники комиссии, так и другие, как

правило, получали суммы в размерах от 50 до 500 рублей (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200). Например, в 1890 г. А.А. Спицыну (тогда еще учителю Вятской женской гимназии) было ассигновано 400 рублей на работы в Вятской губернии. В 1892 г., когда Спицын уже стал сотрудником Археологической комиссии, эта сумма возросла до 900 рублей (РА ИИМК. Ф. 1. 1888 г. Д. 71. Л. 58, 115), но в дальнейшем он чаще получал по 100 рублей в год на свои раскопки.

Также комиссия имела средства на приобретение древностей у частных лиц. В период 1885–1894 гг. на эти цели было отпущено 29 тысяч рублей. С 1880-х годов все чаще в Археологическую комиссию пересылались клады и отдельные вещи, за которые находчикам выплачивалось вознаграждение. Например, только в 1892 г. через Вятский статистический комитет поступило 15 крупных находок, сделанных на территории Вятской губернии. Среди них были и клад серебряных монет XVI в., и серебряная чаша VIII–X вв., за которую было выслано находчику 100 рублей. А за огромный клад серебряных слитков Археологическая комиссия выплатила 975 рублей 36 копеек (Бердинских, 2005. С. 155, 165). Одним из самых крупных приобретений стала покупка коллекции кавказских древностей полковника, инженера К.И. Ольшевского, из которой в Эрмитаж было передано 453 предмета, в Исторический музей – 270 и в другие музеи – 435 предметов. Из среды специалистов-археологов нередко раздавалась критика в адрес такой практики распределения находок между музеями, при которой происходило разделение вещей из единых комплексов по принципу их художественной ценности. Однако следует учитывать то обстоятельство, что Эрмитаж обладал правом выбора наиболее эффективных изделий (Археология..., 2007. С. 89, 224).

С самого начала своей деятельности комиссия иногда устраивала выставки наиболее значимых в научном отношении, ярких и эффектных материалов. Особенно регулярными они стали при А.А. Бобринском. Это был тоже своего рода “отчет” (помимо печатного), на что расходовались государственные средства. Кроме того, по Положению требовалось представлять находки на “воззрение” императора. Первоначально выставки устраивались в залах Эрмитажа, а начиная с 1890-х годов – в собственных помещениях АК. Иногда публиковались и специальные каталоги подобных выставок. Нередко их посетителями бывали и российский император с семьей. Например, в 1904 г. Николай II с супругой более часа осматривали выставку, на которой экспонировались предметы, добытые раскопками В.И. Каменского на неолитических стоянках близ Балахны на р. Оке, а также коллекции каменного

Рис. 6. Выставка древностей, найденных в 1895–1896 гг., организованная в Археологической комиссии в 1897 г.

века с верховьев Волги и оз. Бологое. В других комнатах высокие гости осмотрели материалы курганных раскопок А.А. Бобринского и Н.И. Веселовского в Среднем Поднепровье и на Кубани, результаты исследований в Херсонесе и Керчи, древнерусские находки из раскопок В.Н. Глазова и Н.И. Репникова. Важно отметить, что на выставках показывались не только высокохудожественные вещи, но и рядовой археологический материал, тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов как ученых, исследующих древнейшее прошлое, а не “раскопщиков-кладоискателей”, добывающих ценные экспонаты для музеев.

Несколько раз императоры посещали объекты, исследовавшиеся Археологической комиссией в Херсонесе. В мае 1893 г. Александр III с семьей осмотрел раскопки и “склад древностей”, о чем К.К. Косцюшко-Валюжинич составил специальный рапорт председателю комиссии. Он сообщал, что император особо заинтересовался собранием амфорных ручек с клеймами (РА ИИМК. Ф. 1.1900 г.

Д. 174. Л. 63). В августе 1913 г. А.А. Бобринскому удалось организовать визит Николая II в Херсонес, о котором он сообщал в письме к Б.В. Фармаковскому от 16 августа 1913 г. (Зуев, 1999. С. 67). Главным результатом этой встречи, продлившейся несколько часов, стало распоряжение царя о выделении специальных средств на публикацию фундаментального труда М.И. Ростовцева “Античная декоративная живопись на юге России”, который вскоре вышел в свет. Подобные визиты, широко освещавшиеся прессой, способствовали росту авторитета Археологической комиссии и археологической науки в целом в обществе, придворных кругах и, что особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата (Тихонов, 2008б. С. 157).

В 1890-е годы при АК был учрежден специальный реставрационный отдел, вокруг которого группировались лучшие архитекторы и художники, искусствоведы и реставраторы. Сотрудники отдела архитекторы-реставраторы П.П. Покрышкин и К.К. Романов ежегодно объезжали значительные

Рис. 7. Визит императора Николая II в Херсонес.

территории по всей России, составляя чертежи и обмеры бесценных памятников архитектуры. В 1898 г. АК выступила с инициативой создания при МВД новой комиссии для выработки положения об охране памятников старины, а также обосновала необходимость создания при губернских статистических комитетах специальных отделений, которые могли бы заняться составлением сводов древних памятников и вопросами их охраны (Охрана памятников..., 1978. С. 145–150). Предусматривалось и распространение прав комиссии по разрешению раскопок на бывшие общинные земли, переходящие в собственность крестьян в результате аграрной реформы. Затрагивался также вопрос об археологических памятниках, находящихся на частных землях. АК предлагала объявить их собственностью государства, распространив на них действие указа 1889 г.

В годы председательства А.А. Бобринского заметно активизировалась издательская деятельность комиссии: возобновилась регулярная публикация

“Отчета”, с 1888 по 1916 г. увидели свет 35 из всех 37 выпусков серии “Материалы по археологии России”. В 1901 г. начали выходить “Известия Императорской Археологической комиссии”, которые стали подлинно научным журналом, с присущими подобным изданиям стилем публикаций и структурой, охватывающей обзоры отдельных групп памятников, хронику деятельности археологических обществ и музеев, библиографию.

Подводя итоги, можно заметить, что со второй половины 1880-х годов Археологическая комиссия стала превращаться в крупнейший научный и координирующий центр российской археологии. Оставались и нерешенные проблемы; к ним в первую очередь нужно отнести весьма ограниченный штатный состав комиссии, который не мог справиться со все возрастающей нагрузкой по исследованию археологических памятников и систематизации поступающего материала, решению вопросов реставрации и сохранения монументальных памятников старины.

Рис. 8. Раскопки кургана Солоха, проведенные старшим членом Археологической комиссии Н.И. Веселовским в 1912–1913 гг.

Несмотря на территориальную и ведомственную близость к Зимнему дворцу, бурные события 1917 г. мало затронули деятельность Археологической комиссии. В первой половине 1918 г. она налаживает отношения с новыми органами уже советской власти и продолжает работать в прежнем составе, вначале под руководством А.А. Бобринского, летом 1918 г. покинувшего Петроград. С августа заседания АК проходят под председательством В.В. Латышева. В это же время начинается реформа комиссии, значительно расширившая ее состав и в целом направленная на превращение ее в обширный многопрофильный научный институт. Осенью 1918 г. новым председателем комиссии был избран Н.Я. Марр, а ученым секретарем – Б.В. Фармаковский, которые энергично взяли дело реорганизации в свои руки (Платонова, 1989). К 1 февраля 1919 г. личный состав Российской Государственной Археологической Комиссии насчитывал уже 56 человек, а в апреле 1919 г. был подписан декрет Совнаркома об учреждении Российской Академии Истории Материальной Культуры. С этого момента закончилась

история Археологической комиссии и началась история ее преемников: Российской Академии Истории Материальной Культуры – Государственной Академии истории материальной культуры – Института истории материальной культуры – Института археологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* К портрету И.Е. Забелина на фоне археологии // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова. СПб., 2003.
- Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост. и ком. С.П. Щавелева. Курск, 2007.
- Баукова А.* Вплив Імператорської археологічної комісії на дослідження античних пам'яток керченського півострова // Археологічні дослідження Львівського університету. 2006. Вип. 9.
- Бердинских В.А.* История кладоискательства в России. М., 2005.

- Бобринской А.А.* Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце / Публ., предисл. и примеч. И.Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003.
- Васильева Р.В.* Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. II. СПб., 2000.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. М., 1997.
- Гурулева В.В.* С.Г. Строганов – первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина. СПб., 2005.
- Длужневская Г.В.* Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917 гг.) // Зап. ИИМК РАН. 2006а. № 1.
- Длужневская Г.В.* Императорская Археологическая комиссия на службе Российской истории и культуры // Вестн. Санкт-Петербургского университета. 2006б. Сер. 2. Вып. 4.
- Длужневская Г.В.* Фотографы Императорской Археологической комиссии // Археологические вести. № 14. М., 2007.
- Елиин Д.В.* Раскопки Императорской Археологической комиссии в Киеве 1908–1914 гг. // Вестн. Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. История. Вып. 4.
- Жебелев С.А.* Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Петроград, 1923.
- Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001.
- Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997.
- Медведева М.В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // Археологические вести. № 11. СПб., 2004.
- Медведева М.В.* Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // Археологические вести. № 12. СПб., 2005.
- Медведева М.В.* Археологическое изучение средневековых памятников на северо-западе России в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Вестн. молодых ученых. Сер. Ист. науки. 2006. № 1.
- Медведева М.В.* Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья северо-запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
- Медведь А.Н.* Высочайшее повеление 1889 г. и взаимоотношения научных обществ во второй половине XIX в. // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. 2 (15). Март–апрель (<http://archaeology.kiev.ua/journal/020302/medved.htm>).
- Медникова Е.Ю.* Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.
- Миронов А.* Первые годы деятельности Императорской Археологической комиссии. 1859–1860 гг. // Вестн. всемирной истории. 1900. № 4, 8.
- Мусин А.Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.
- Мусин А.Е.* О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Зап. ИИМК РАН. № 2. СПб., 2007.
- Носов Е.Н.* “Древние достопамятности Отечества и народов, его населявших, в коллекциях Института истории материальной культуры РАН” // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003.
- Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начала XX в. Сб. документов. М., 1978.
- Пескарева К.М., Рябинин Е.А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4.
- Платонова Н.И.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // СА. 1989. № 4.
- Смирнов А.С.* Представления об охране древностей в обществе и государственных институтах Российской империи // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 20. Воронеж, 2006.
- Тихонов И.Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2003.
- Тихонов И.Л.* “Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...” (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом) // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006.
- Тихонов И.Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антикведческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007.
- Тихонов И.Л.* Императорская Археологическая комиссия (1859–1918 гг.). К 150-летию создания // Из ис-

- тории отечественной археологии. Вып. 1. Воронеж, 2008а.
- Тихонов И.Л.* “Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров”: Российские монархи и археология // Вестн. Санкт-Петербургского университета. 2008б. Сер. 2. История. Вып. 4. Ч. I.
- Тихонов И.Л.* Триада деятельности А.А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований: Матер. междунар. науч. конф., посв. 150-летию А.А. Спицына. СПб., 2008в.
- Тихонов И.Л.* Императорская археологическая комиссия – “придворная контора по добыванию древностей” или общероссийский центр археологии? // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. Т. III. М., 2008г.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

К 150-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

РЕСТАВРАЦИЯ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

© 2009 г. А. С. Щенков

Московский архитектурный институт

Императорская Археологическая комиссия в том виде, в котором она первоначально замышлялась, была мало связана с проблемами охраны или исследования архитектурных памятников. Много позже, когда ИАК уже стала ведущей организацией страны в вопросах архитектурной охраны и реставрации, в одном из ее отчетных изданий пояснялось: “Положение 1859 года не вменяло в обязанность... ни изыскания мер к сохранению памятников, ни составления им каталога или списка, не было у ней полномочий воспрепятствовать разрушению и искажению памятников” (Материалы..., 1911. С. 15).

Был, правда, в самом начале деятельности ИАК инцидент, когда комиссию привлекли к охране монументального памятника прошлого, но этот род деятельности тогда не получил развития. Речь идет о сделанном в конце 1860 г. сообщении члена ИАК Ф.Г. Солнцева о состоянии церкви Владимира. Наибольшее беспокойство вызывала сохранность Успенского собора и живописи собора Княгинина монастыря. В отношении Успенского собора тревогу, видимо, внушали работы, связанные с пристройкой к нему с севера большого придела (выстроен в 1862 г. в “русском стиле” по проекту епархиального архитектора и известного реставратора Н.А. Артебена). Председатель ИАК граф С.Г. Строганов обратился с соответствующим докладом к министру двора, а тот – к императору. Результатом стал указ, согласно которому надзор за строительством поручается Строительному комитету МВД, а за сохранением и возобновлением древней живописи в соборе наблюдение возлагается на ИАК. Работы в Княгининском монастыре были отложены, но оговорено, что любые работы по фрескам возможны только по “предварительном о том сношении с Археологической комиссией”.

Чтобы понять роль ИАК в сохранении архитектурных памятников, надо иметь в виду, что в 1860-е годы в России существовало несколько организаций, направленность деятельности которых была близка к охране архитектурного наследия. Помимо ИАК это Императорское русское археологическое

общество (ИРАО, 1846 г.), Московское археологическое общество (МАО, позднее ИМАО, 1864 г.), Одесское общество истории и древностей (ООИД, 1839 г.). Последнее занималось раскопками античных и средневековых древностей юга России, и из его действий, связанных с сохранением архитектурных памятников, надо назвать только приобретение предназначавшегося к продаже участка земли с развалинами генуэзской крепости в Судак.

В то же время ИРАО и МАО проявляли озабоченность проблемами охраны монументального наследия. Необходимо было решить две проблемы: составить список памятников, требующих охраны и изучения, и сформировать органы или механизмы такой охраны. В ИРАО эти вопросы поднимались в 1851 и в начале 1860-х годов, МАО под энергичным руководством А.С. Уварова стало заниматься ими практически с момента своего создания. На организованном МАО I Археологическом съезде (1869 г.) было принято решение о разработке мер по сохранению памятников и сформирована комиссия по подготовке соответствующего проекта. В нее вошли представители МАО и ИРАО. Разработанный проект был представлен на II Археологическом съезде (1871 г.), им одобрен и направлен министру народного просвещения для получения высочайшей апробации. При этом отмечалось, что на время организации новой структуры желательно выдвинуть требование, чтобы никакие переделки памятников не допускались без согласования с одним из археологических обществ – петербургским, московским или одесским. В государственных инстанциях проект не получил утверждения: не понравилось предложение создать специальную комиссию, ведающую проблемами охраны памятников: зачем плодить комиссии, когда уже есть ИАК? Это возражение было не единственным, все понимали, что создание системы охраны памятников – дело сложное и трудоемкое, и это пугало.

Для рассмотрения предложенного проекта, а по существу, – для его переработки, в 1874 г. была создана комиссия во главе с товарищем министра внут-

ренных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским. В нее вошли помимо членов ИРАО и МАО представители Академии наук, Академии художеств, Святейшего Синода и ИАК. Комиссия сформулировала свои предложения к 1876 г. Ее проект, во многом повторявший положения проекта 1871 г., предполагал создание нового государственного учреждения с разветвленной структурой. Он тоже не получил одобрения, скорее всего, из-за своей дороговизны (подробнее см.: Баталов, 2002. С. 175–181). Но проделанная работа не осталась без последствий и в скором времени отозвалась на практике охраны архитектурных памятников.

В 1877 г. член МАО К. Тихонравов обнаружил, что на церкви Покрова на Нерли артелью крестьян ведутся ремонтные работы с закраской старых фресок, грубой заменой элементов подлинной кладки и декора. Выяснилось, что ремонт идет с разрешения владимирского архиерея, поскольку Строительный устав оставлял в его компетенции работы по сельским храмам. Тихонравов оповестил секретаря МАО В.Е. Румянцева, тот – министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода Д.А. Толстого. Следствием стало решение Синода 1879 г., что на будущее время поправки и переделки памятников старины¹ возможны только по согласованию с одним из археологических или исторических обществ – петербургским, московским или одесским (Баталов, 2002. С. 181). Реализовалась формула, предложенная II Археологическим съездом в качестве первоочередной меры для охраны архитектурного наследия.

Центром по контролю за работами на памятниках, консультативным и, отчасти, проектным, стало МАО, причем в московском обществе работали и петербургские специалисты, и представители других городов.

Однако не умирала идея подчинить всю работу по охране культурного наследия государственной структуре, не оставляя ее в ведении только общественных организаций. В 1889 г. было обнародовано высочайшее решение возложить весь надзор за памятниками древности, за археологическими раскопками и реставрацией или ремонтом зданий на ИАК. Решение вызвало обиду МАО, которое отстраняли от дела, им серьезно налаженного. В том же 1889 г. были проведены переговоры между ИАК и МАО по вопросу разграничения сфер деятельности. Согласились на том, что московское Общество может сосредоточиться на вопросах частных переделок памятников, притом преимущественно памятников

“местных” (Древности, 1894. С. 129). Эта договоренность нередко нарушалась, отношения двух организаций оставались весьма сложными. Первым камнем преткновения стали работы в Успенском соборе во Владимире: МАО, курировавшее их до 1889 г., не оставило руководство реставрацией и после высочайшего указа о передаче полномочий ИАК. Для петербургской комиссии это стало предметом обсуждений уже на первых заседаниях, посвященных охране архитектурных памятников (Архив ИИМК. Ф. 1. Е.х. 221. Л. 1об.).

Надо признать, что ИАК на первых порах была не готова к новому делу. Не было штатных сотрудников, способных выполнять вновь появившиеся функции, губернские и епархиальные власти не торопились посылать материалы в непривычную для них инстанцию. Нужно было налаживать организационную сторону работы и одновременно погружаться в реставрационную проблематику. В Петербурге нашли специалистов. Среди них – работавшие до того в МАО реставратор Н.В. Султанов, академик Н.П. Кондаков, а также начинавшие специализироваться в реставрации В.В. Суслов и Г.И. Котов. На заседания приглашались архитектор А.Н. Померанцев, ученые смежных областей – исследователь церковной живописи Н.В. Покровский, археолог А.А. Спицын.

Императорская Археологическая комиссия обладала не очень широкими полномочиями. У нее не было права останавливать или запрещать работы на памятниках, возбуждать преследования против производителей несанкционированных работ. Она могла только обращаться к губернским властям или в Синод с просьбой принять меры против нарушителей. Комиссия не располагала средствами для проведения реставрационной деятельности или даже минимального поддержания памятника. Ее финансовые возможности ограничивались оплатой командировочных расходов эксперта или, самое большее, небольших обмерных мероприятий.

Поначалу работы разворачивались медленно. В 1890 г. ИАК провела 11 заседаний, посвященных памятникам архитектуры, однако был рассмотрен всего один проект – реставрации дворца царевича Дмитрия в Угличе (Н.В. Султанов). Вместе с тем с первого же заседания обсуждался вопрос о бесконтрольных действиях МАО. В первые четыре месяца 1891 г. было проведено семь заседаний, рассмотрено три проекта (Архив ИИМК. Ф. 1. Е.х. 221). В последующие годы ИАК рассматривала по 12–15 дел в год.

Существенные изменения начали происходить после 1901 г., когда в ИАК была сформирована специальная Реставрационная комиссия, в которой

¹ Заметим, что Строительный устав 1874 г. определял как древние сооружения, возникшие до начала XVIII в.

предусматривался один штатный сотрудник. Этим сотрудником в 1902 г. стал молодой и энергичный архитектор П.П. Покрышкин, с именем которого связана вся дальнейшая работа Реставрационной комиссии ИАК. Вели ее заседания председатель ИАК А.А. Бобринский или товарищ председателя В.В. Латышев. В обязанности П.П. Покрышкина входили предварительная экспертиза дел, поступавших в Комиссию, и доклады о них на заседаниях. Изучение возникавших вопросов нередко заставляло знакомиться с проблемой на месте, в связи с чем приходилось осуществлять многочисленные выезды в различные регионы России.

К 1908 г. в Реставрационной комиссии было уже четыре штатных сотрудника, среди которых П.П. Покрышкин занимал положение “члена-докладчика”. Кроме него штатными членами комиссии состояли Н.И. Веселовский, А.А. Спицын и Б.В. Фармаковский, сверхштатными – М.П. Боткин, Н.В. Покровский, Н.В. Султанов. В качестве представителей ведомств в заседаниях участвовали Г.И. Котов, А.Н. Померанцев, М.Т. Преображенский, Е.А. Сабанеев, М.А. Чижов. С 1908 г. началось издание специальных выпусков Известий ИАК, посвященных работе Реставрационной комиссии. Составителем и редактором этих выпусков стал П.П. Покрышкин. Они публиковались два раза в год, в 1918 г. вышел последний, девятнадцатый выпуск.

Императорская Археологическая комиссия и ее Реставрационная комиссия находились в постоянном взаимодействии с другими организациями, занимавшимися охраной архитектурных памятников. Уже к середине 1890-х годов ИАК добилась того, что ее признали главной контролирующей инстанцией, и именно сюда стал поступать основной поток документов по реставрации и переделке памятников прошлого. Конфликт в отношениях с МАО со временем смягчился. И если в начале 1900-х годов из-за возникшей взаимной неприязни из Московского общества вышли Н.П. Кондаков, В.Г. Тизенгаузен, то через десять лет (в 1899 г.) Н.П. Кондаков по его просьбе был принят вновь, действительными членами МАО стали ранее отошедшие от его дел Н.В. Султанов и А.А. Бобринский (Императорское..., 1915. С. 33, 34, 166, 167, 347, 348). Время от времени возникали частные взаимные претензии, но принципиальных разногласий не было. Поток дел, требовавших разрешения, был велик, ни та, ни другая организация не могли даже проконтролировать, все ли требующие экспертизы работы поступают на рассмотрение.

За время работы ИАК в области охраны памятников архитектуры принципы этой работы заметно эволюционировали. Постепенно расширился

спектр практиковавшихся подходов, представления о ценности культурного наследия и путях его сохранения усложнились. В конце 1880-х годов взгляды специалистов на архитектурное наследие и задачи реставрации были достаточно единообразны. Все сходились на том, что надо по возможности раскрывать первоначальные формы памятника, причем фрагментарно сохранившиеся элементы дополнять с учетом оставшихся следов старого, одновременно привлекая знания об аналогах той или иной формы. Старались избегать гипотетических реконструкций, но в то же время воссоздание первоначального часто казалось более важным, чем сохранение подлинного, хотя бы и относительно позднего. Тщательное исследование памятника и опора на исторические знания предопределяли, по существовавшему убеждению, научность реставрации даже при гипотетичности ряда ее решений.

Часто ситуация складывалась так, что речь шла не о научной реставрации, а только о поддержке и сохранении того, что признавалось ценным в перестраиваемых сооружениях. Практические потребности в расширении зданий, в пристройке к храмам приделов и т.п. были столь многочисленны, что с ними было необходимо считаться. В подобных случаях стремились, во-первых, добиться того, чтобы добавления гармонировали со старой основой – не выбивались по стилю, богатству декора и т.д. Г.И. Котов высказал однажды мысль, что желательно давать более свободы составителям проектов, если уж пристройки вообще допустимы, но он был поддержан (Известия... , 1910. С. 6–11). Вторая задача виделась в том, чтобы при переделках не уничтожались ценные элементы здания – декорированные наличники окон, крыльца и другие “археологические подробности”.

Изложенные позиции были в равной мере близки ИАК и МАО. В 1894 г. МАО разрешило, а в 1895 г. ИАК отвергла проект губернского архитектора Шишкина по устройству на главном четверике ярославской церкви Иоанна Предтечи в Толчкове позакомарного покрытия вместо четырехскатного с одновременным приданием его центральной главе луковичной формы (взамен имевшегося сложного барочного завершения). В обоих учреждениях решение основывалось на представлении о доказанности или недоказанности существования первоначального позакомарного покрытия, а не на признании ценности существующего, хотя бы и более позднего (ср.: Древности, 1900. С. 331; Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 57/1895. Л. 4–34). Десять лет спустя А.В. Щусев поставит это в упрек: “Глаза реставраторов в ученом увлечении перестают видеть красоту и характер форм и пропорций, не видят

связи широких простых перекрытий с вычурностью главок” (Щусев, 1905. С. 133).

Первой работой, которую курировала ИАК в 1889–1890 гг., была реставрация палат царевича Дмитрия в Угличе, Н.В. Султановым. После тщательного исследования памятника он констатировал невозможность восстановления внутренней планировки: “...даже вооружившись сравнительным методом (привлечением аналогов. – *А.Щ.*) и всеми данными современной археологии, мы можем только спроектировать внутренность в характере XVI века, но отнюдь не восстановить ее в первоначальном виде, а это будет научная ложь” (Известия... , 1908. С. 110). Избегав гипотетического воссоздания интерьеров, Н.В. Султанов оказался вынужден пойти на “научную ложь”, спроектировав новое крыльцо и лестницу на второй этаж, которая была функционально необходима. Весьма сложная, затейливая по рисунку лестница, равно как и покрытие палат с гребешками и флюгерами на коньках кровли, с гербом на средокрестии, модернизировали облик памятника. Реставрационные приемы оказались близкими к практике предыдущих десятилетий. После непростых обсуждений, после принятия во внимание замечаний Технико-строительного комитета МВД, требовавшего максимальной достоверности проектных предложений, проект был принят и осуществлен со всеми своими сильными и спорными сторонами.

Разногласия ИАК и МАО, о которых уже упоминалось, на этом этапе чаще всего были связаны не с различием профессиональных позиций, а с разной информированностью в отдельных частных вопросах или с отличиями в трактовке норм Строительного устава. Например, в 1908 г. МАО требовало в церкви села Сивково при расширении арки, ведущей в трапезную, уменьшить предполагаемый проем, чтобы сохранить потайное окно, через которое патриарх Иоаким слушал службу (в селе была его летняя резиденция). ИАК, не зная этой особенности, разрешила расширение в желательном для прихода варианте (Древности, 1908. С. 143–147; 1909. С. 1–7, 179, 234, 235, 262).

В 1907 г. МАО сначала запретило, а затем разрешило заменить в церкви Иоанна Воина на Божедомке в Москве колокольню XVIII в. на новую, выстроенную в стиле XVII в. У ИАК возникли сомнения в правильности такого решения, но пока шла переписка, колокольня была снесена. Формально МАО не могло препятствовать перестройке, поскольку охраняемыми древностями признавались сооружения XVII в. и старше. ИАК могла только выразить сожаление по поводу утраты. П.П. Покрышкин заметил, что прежняя колокольня была “совсем не

худая, ... новая менее гармонирует с храмом” (Известия... , 1910. С. 38–40).

Взгляды, господствовавшие в начале 1890-х годов, во многих случаях сохранялись и в последующее десятилетие, хотя со временем повышались требования к обоснованности воссоздания утраченных элементов, больше внимания уделялось тактичности новых дополнений к памятникам. Это очень заметно сказывалось в работе ИАК, которая постепенно не только формально, но и по существу становилась лидирующей организацией страны, контролирующей и экспертирующей работы на архитектурных памятниках.

В начале XX в. архитектурное наследие привлекло внимание художников и, отчасти, архитекторов, группировавшихся вокруг журнала “Мир искусства”, а позднее – “Старые годы”. В их среде стало проявляться недовольство работой МАО и ИАК. Неприятие вызывала готовность идти на компромиссы с владельцами памятников и минимализировать требования по сохранению подлинных элементов построек. Высказывалось убеждение в необходимости охранять наследие классицизма, что не предусматривалось Строительным уставом. Не одобрялась практика строгого восстановления утраченных элементов, из-за чего иногда терялась живописность древнего сооружения. Н.К. Рерих писал в 1903 г.: “Дело памятников старины может вестись очень научно... и все же в нем может не быть духа живого... В художественном понимании дела старины есть много... что можно воспринять только чутьем” (Рерих, 1914. С. 77). Опора на чутье имела свои слабые стороны, но критика оказалась полезной и в некоторых отношениях обогатила, как увидим далее, и позиции ИАК.

В 1910 г. на основе очерченных взглядов сложилось Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, в числе учредителей которого были А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, И.А. Фомин, А.В. Щусев. Общество первоначально осознавало себя как некую альтернативу ИАК. В статье, посвященной его образованию (Общество защиты... , 1910. С. 45), говорилось, что когда охраной памятников занимается учреждение, облеченное властью, но зависимое, оно заведомо неэффективно. Понятно, что речь шла об ИАК, причем обвинение в необъективности, вызванной зависимостью от кого-то, надо отнести преимущественно к модной тогда риторике. Суть же состояла в желании продемонстрировать возможность и необходимость иного подхода к охране наследия. Как и в случае с МАО, дело началось размежеванием и противопоставлением позиций, но достаточно скоро антагонизм сменился сотрудничеством, плодотворно

отразившимся на охране культурного наследия и совершенствовании профессиональной работы ИАК. В состав Реставрационной комиссии (возможно, как представитель Академии художеств) вошел один ее из оппонентов – А.В. Щусев, ставший впоследствии ее активным сотрудником. Позднее в работу комиссии включился Н.Е. Лансере². В Общество вступили А.А. Бобринский, П.П. Покрышкин, В.В. Суслов.

В числе крупных реставрационных работ, проводившихся в 1890–1900-е годы под эгидой ИАК, надо назвать реставрации Успенского собора во Владимире-Волынском и Софийского собора в Новгороде. Первая из них была следствием инициативы А. Прахова, проявленной им еще в конце 1880-х годов. В 1891 г. сооружение осматривал М.Т. Преображенский, обнаруживший в руинированном произведении провинциального барокко некоторые следы домонгольской русской архитектуры. В 1893 г. ИАК направила для исследования памятника В.В. Сулова и Г.И. Котова, в задачи которых входили осмотр места соприкосновения старой и новой кладки, определение сохранности фресок, изучение культурного слоя в поисках упавших деталей. Последний пункт архитекторы не успели выполнить, но, сняв частично наслоения у подошвы здания, они обнаружили первоначальную кладку низа стены. Зондажи этой кладки, раскрытие ее ниже уровня пола дали достаточно полную картину первоначальных форм собора, за исключением уничтоженной главы с барабаном. Было принято решение о полном восстановлении храма. Одним из мотивов такого решения стало стремление раскрыть исторический памятник – “светильник православия на Волыни”, другим – признание неэффективности консервационных мер и констатация того факта, что только в процессе полного реставрационного раскрытия могут быть выявлены все сохранившиеся черты изначальной архитектуры. Памятник был воссоздан по проекту Г.И. Котова, одобренному ИАК в 1896 г. и реализованному к 1900 г. Образцом для утраченной главы послужили пропорции и силуэт главы Дмитровского собора во Владимире, близкого Успенскому по времени возведения и созданного западной строительной артелью (Г.И. Котов был убежден в связи волынского храма с западной строительной культурой) (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 221. Л. 10, 32; Д. 65а. Л. 19, 99–108). Г.И. Котову же принадлежат проекты иконостаса с заметным влиянием мотивов модерна и звонницы в духе западной романтики.

Реставрация Софийского собора в Новгороде выполнялась В.В. Суловым. В значительной

мере она была связана с устройством отопления в храме и проектированием его росписи. Архитектурная часть работ заключалась в восстановлении позакомарного покрытия, перекладке сводов охватывающей собор галереи (располагавшихся в то время несколько ниже, чем первоначальные), в некоторых частных переделках. Был сохранен ряд относительно поздних пристроек и декоративных элементов, оставлена прежняя форма куполов, хотя рассматривался и вариант с приданием им полусферических очертаний. По настоянию В.В. Сулова ход реставрации несколько раз рассматривала выездная комиссия ИАК, с которой согласовывались все принципиальные вопросы. В процессе работ В.В. Сулов сделал важные историко-архитектурные наблюдения о характере памятника, во многом определившие проектное решение. Результаты реконструкции тогда были оценены как тактичные, не разрушившие привычный образ храма, хотя сегодня нельзя не обратить внимание на то, что реставратор выровнял поверхность стен, придав им небывалую геометричность (Сулова, Славина, 1978. С. 402–406).

Важной работой, выявившей ранее не осмысливавшиеся проблемы, стала реставрация церкви Спаса на Нередице в Новгороде. Храм конца XII в. с замечательными росписями позднее утратил позакомарные покрытия, были изменены форма главы, конфигурация окон. Его кладка и обмазка многократно вычинивались, так что на поверхности памятника возникло подобие некоего лоскутного одеяла из разновременных известковых слоев. Общая лапидарность форм и лоскутность фактуры церкви стали для многих художников концентрированным образом Новгорода – его архитектуры, его исторического быта.

Реставрация, которую в 1904 г. провел П.П. Покрышкин, во многом была новаторской. Он впервые применил то, что теперь именуется археологическими обмерами – треуголирование, позволившее запечатлеть все “неправильности” формы, всю ее пластическую сложность. Как заметил П.П. Покрышкин при публикации своего метода, для исторических сооружений нормально отступление от геометрически правильных очертаний, и только сохранение при реставрации всех неправильностей может уберечь памятник от разрушения его художественного образа (Покрышкин, 1905). Не имея возможности подробно говорить об этой важной реставрационной работе, отметим некоторые ее ключевые моменты. Удержав все особенности пластики, П.П. Покрышкин восстановил позакомарное покрытие храма, вернув ему основу его первоначального вида. Перештукатурив храм, он стер столь характерную для памятника “лоскутность”.

² Имя А.В. Щусева как участника заседаний появляется в делах ИАК в 1912 г., Н.Е. Лансере – в 1915 г..

Работа вызвала резкую критику со стороны Н.К. Рериха и, в менее жесткой форме, И.Э. Грабаря и А.В. Щусева. Суть ее лучше всего передал И.Э. Грабарь: “Новое покрытие... обнаружило всю необычайную соразмерность его масс и стройность пропорций отдельных частей. Однако что-то неуловимое и вместе с тем особенно нам дорогое и близкое – после реставрации исчезло... Исчезло бесследно то очарование, которое Спасу-Нередице придавала примитивность его приемов, вся его наивная самодельщина, взамен которой появилось холодное и мудрое мастерство, слишком еще византийское...” (Грабарь, б.г. С. 193). Сегодня мы понимаем, что реставрация раскрыла реальный образ архитектуры прошлого, развенчала близкую Рериху и Грабарю идею якобы изначально господствовавшей “самодельщины”. Но наряду с этим надо признать, что пропала некая патина, отпечаток, наложенный на старое произведение историей.

Возникшая дискуссия оказалась полезной; к концу 1910-х годов и в ИАК стало проявляться внимание к исторически возникшим наслоениям. В 1913–1915 гг. под наблюдением комиссии (на место должны были поехать Д.В. Милеев и П.П. Покрышкин, но выезжал, видимо, только П.П. Покрышкин) проводилась реставрация замка князей Острожских в Остроге. При открытии памятника епархиальный архитектор В.Г. Леонтович говорил, что первоначально хотели попытаться восстановить дворец в былом величии, но эта идея была отвергнута ИАК: «Императорская Археологическая Комиссия, под наблюдением которой производились работы, находит, что, реставрируя древнее сооружение, необходимо сохранять его в том виде, как оно есть в данный момент, не уничтожая ни наслоений последующих веков, ни переделок (за исключением разве переделок последнего времени), к которым глаз уже привык и которые “сроднились” с зданием и стали неотъемлемой его принадлежностью, не уничтожая также ни пятен на стенах, наложенных временем, ни патины на металле, ... так как все это правдивые свидетели, ... они придают зданию особую чарующую прелесть неподдельной старины, без всяких, часто фальшивых, прикрас» (Архив ИИМК. Ф. 21. Д. 44. Л. 4). Несколько раньше, в 1914 г., П.П. Покрышкин составил “Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства”, где развивал ту же мысль: «Многие неудачные опыты реставрации привели, наконец, специалистов к выводу, что следует всемерно избегать “реставрирования” и ограничиваться лишь простым осторожным ремонтом... при этом первоначальное или, вообще, интересное в памятнике не всегда открывается в целостности – в таких случаях поневоле возникают вопросы частичной реставрации» (Покрышкин, 1915. С. 178; 1916).

В практике ИАК еще в 1890-е годы появился пример целенаправленного использования методов частичной реставрации. По инициативе епископа Брестского Иосифа (Соколова) руинированная церковь Бориса и Глеба в Гродно была дополнена деревянными конструкциями, чтобы обеспечить возможность проведения богослужений без современного вмешательства в материальный состав древнего памятника (XII в.). По указанию епископа конструктивное решение предусматривало сохранение культурного слоя под зданием. Проект восстановления (практически – консервации) храма, разработанный губернским архитектором Н.В. Романовым, Иосиф прислал для согласования в ИАК, писал он в комиссию и по поводу всех своих дальнейших действий, связанных с этим памятником. В 1890-е годы данный пример был единственным, явно опережавшим реставрационную мысль.

Более последовательное применение приемов частичной (фрагментарной) реставрации относится к 1910-м годам. Самый заметный случай – раскрытие домонгольской плинфяной кладки бывшего нартекса церкви Спаса на Берестове в Киеве (начало XII в.), произведенное П.П. Покрышкиным в 1910 г. Основная часть первоначального храма рухнула при оползании склона надпойменной террасы, в XVII в. митрополитом Петром Могилой нартекс был превращен в собственно церковь – к нему пристроили апсиды. Позднее с запада добавились притвор и колокольня. П.П. Покрышкин, сохранив структуру барочно-классического храма, укрепил его и раскрыл первоначальную кладку “ради научного исследования и ради красоты” (Известия... , 1910. С. 3). В целом сохранилась поздняя композиция, но она была усложнена; фактура превратилась в более многослойную из-за того, что на заметной части здания стала видна домонгольская кладка с утопленным рядом, с характерным орнаментом, выложенным из плинфы.

Появление фрагментарных реставраций и даже консервационных проектов свидетельствует об изменившихся представлениях о задачах охраны памятников архитектуры. Но новые подходы существовали в ИАК с более традиционными. В комиссии сотрудничали специалисты с различными взглядами, и в некоторых случаях противопоставление их мнений выражалось весьма явно. Один из характерных примеров – обсуждение проекта реставрации Рождественского собора Ферапонтова монастыря, который разрабатывался архитектором А. Вальтером под патронажем Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Предполагалось разобрать четырехскатную кровлю и по сохранившимся остаткам восстано-

вить систему кокошников. Барочная форма главы, стилистически отличающаяся от восстанавливаемого завершения, должна была быть заменена на луковичную. ИАК согласилась с проектом, но отсутствовавший на заседании А.В. Щусев по возвращении в Петербург поднял вопрос о недопустимости такого решения, заменяющего подлинную главу на гипотетическую. “Нарушение ансамбля группы монастырских зданий с поздними наслоениями – это равносильно опыту приделки рук Венере Милосской”, – отметил он. Некоторые члены комиссии его поддержали, но многие предпочли привычный подход, направленный на воссоздание стилистической целостности памятника. Среди них были, в частности, В.В. Суслов и Е.А. Сабанеев, заметивший еще при первом обсуждении, что ужасно не восстановить древних форм, если есть такая возможность (Известия... , 1915. С. 61, 62, 72, 73).

Еще один характерный пример разногласий в ИАК – обсуждение высказанной Г.И. Котовым мысли, что не обязательно сохранять ветхие и лишённые значительных достоинств церкви. Для научных целей достаточно составить их чертежи и провести фотофиксацию. Ему возразил А.А. Спицын, подчеркнувший, что до проведения исследования невозможно сказать, какие памятники особенно важны для науки. И в зданиях среднего достоинства могут оказаться “детали высокого значения”. При этом А.А. Спицын заметил, что ценны именно сами здания, а не чертежи. Самое, пожалуй, знаменательное, что комиссия отказалась обсуждать возникший вопрос “ввиду его сложности” (Известия... , 1911. С. 41–43).

Несмотря на различия позиций членов ИАК и возникавшие из-за этого отдельные разногласия, можно констатировать, что в комиссии уже вскоре после передачи ей в 1889 г. полномочий по охране памятников архитектуры сложился высокообразованный квалифицированный коллектив. Профессиональные взгляды ее сотрудников развивались в ходе весьма обширной и трудоемкой работы. Развитию этих взглядов способствовал диалог с различными слоями культурного сообщества страны, особенно с организациями, работавшими в области охраны наследия. Среди них важное место занимали МАО и Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

Сформировавшаяся система профессиональных убеждений сохранилась у работавших в ИАК специалистов и в послереволюционное время, когда ИАК прекратила свое существование, а функции охраны наследия перешли к совершенно иным институтам. Это проявилось, в частности, на Первой Всероссийской конференции по делам реставрации, проходившей в Москве в 1921 г. Именно пет-

роградские архитекторы Г.И. Котов, К.К. Романов наиболее последовательно защищали принципы безусловного сохранения подлинника, минимальных гипотетических докомпоновок, что во многих случаях означало приоритет фрагментарных реставраций (ЦМММ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 19, 22. См. на эту тему: Памятники архитектуры... , 2004. С. 98–106). Можно утверждать, что ИАК была не только органом охраны архитектурных памятников, но и центром, где сложилась основа отечественной реставрационной методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталов А.Л.* Организация реставрации в 1850–80-е гг. // Памятники архитектуры в дореволюционной России. М., 2002.
- Грабарь И.* История русского искусства. Т. 1. М., б.г. Древности. Тр. МАО. Т. XV. Вып. 1. М., 1894.
- Древности.* Тр. МАО. Т. XVII. М., 1900.
- Древности.* Тр. комиссии по сохранению древних памятников. Т. 2. М., 1908.
- Древности.* Тр. комиссии по сохранению древних памятников. Т. 3. М., 1909.
- Известия Императорской Археологической Комиссии.* Вып. 26. СПб., 1908.
- Известия Императорской Археологической Комиссии.* Вып. 34. СПб., 1910.
- Известия Императорской Археологической Комиссии.* Вып. 41. СПб., 1911.
- Известия Императорской Археологической Комиссии.* Вып. 59. СПб., 1915.
- Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования.* Т. 2. М., 1915.
- Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Имп. Археологическим обществом.* М., 1911.
- Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации.* М., 2002.
- Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации.* М., 2004.
- Покрышкин П.П.* Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // ИАК. Вып. 16. СПб., 1905.
- Покрышкин П.П.* Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // ИАК. Вып. 57. Петроград, 1915.
- Покрышкин П.П.* Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства. Псков, 1916.
- Рерих Н.К.* По старине // Рерих Н.К. Сочинения. Кн. 1. М., 1914.
- Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Старые годы.* 1910. IV.
- Сулова А.В., Славина Т.А.* Владимир Сулов. Л., 1978.
- Щусев А.В.* Мысли о свободе творчества в религиозной архитектуре // Зодчий. 1905. № 11.

К 150-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

АРХЕОЛОГИЯ И МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.)

© 2009 г. А. С. Вдовин*, С. В. Кузьминых**

* Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

** Институт археологии РАН, Москва

Конец XIX – начало XX в. ознаменованы для Сибири бурным развитием всех сторон жизни, что было обусловлено вовлечением восточных окраин империи в общероссийские экономические и культурные процессы, связанные с развитием капитализма. Необходимость экономического освоения новых территорий приводит к массовому переселению, расширению городов и появлению новых населенных пунктов, увеличению площади пахотных земель, строительству сети железных дорог, развитию горного дела и золотодобычи. Это нашло свое отражение в проведении широкомасштабных строительных работ. Особенно важно то, что с проведением изыскательских экспедиций, развертыванием строительства Сибирской (СЖД) и Минусинской (МЖД) железной дорог, Обь-Енисейского канала и оросительных систем, разработкой рудных залежей и золотодобычей в поле зрения все чаще и чаще попадали памятники археологии и отдельные предметы (Сунчугашев, 1989; Ковешникова, 1992; Ожередов, 1992).

Начавшееся в середине XIX в. железнодорожное строительство обеспокоило Императорскую Археологическую комиссию. В 1862 г. она направляет письмо в Главное Управление путей сообщений с просьбой предоставлять сведения “о предстоящем производстве дорог и других строительных работах, могущих повлечь разрушение археологических памятников, с целью своевременной организации археологических работ” (РА ИИМК. 1862. Ф. 1. Д. 26. Л. 1–5). Однако в России в то время еще не существовало законодательства, связанного с охраной историко-культурного наследия; кроме того, часть железных дорог строилась акционерными обществами и без государственного участия. На организацию археологического надзора, а тем более охранных раскопок ни железнодорожное ведомство, ни акционерные общества не пошли. В 1869–1870 гг. была построена основная ветвь Балтийской железной дороги Гатчина – Ивангород, пересекающая Ижорское плато и разрушившая многочисленные курганы и селища славян и води (Румянцева, 2006. С. 7). Только по завершении строительства

этой дороги в 1871 г. ИАК вернулась к обсуждению вопроса о выработке законодательных мер по охране археологических памятников, а II Археологический съезд принял решение о необходимости проведения раскопок курганов на Северо-Западе; для этих целей Русское археологическое общество привлекло Л.К. Ивановского (Килуновская и др., 2006. С. 21). На обсуждение этого съезда был вынесен проект закона об охране памятников, о котором немало говорилось еще на I съезде в 1869 г. (Формозов, 1990. С. 74).

В 1891 г. было принято решение о постройке СЖД до Владивостока, в 1895 г. она прошла через Красноярск (рис. 1). С началом ее строительства Министерство путей сообщения в 1891 г. издает приказ об обязательности археологического надзора, осуществляемого ИАК, и производстве раскопок в случае обнаружения находок, а также включения в договоры на строительство пунктов об охране археологических древностей. Кроме того, МПС должно было предоставлять в ИАК карты с проектами железных дорог (Сорокина, 2008. С. 33).

Первые сведения о находках в зоне строительства СЖД поступили в научные общества от самих строителей. В 1896 г. заместитель начальника работ по строительству Средне-Сибирской железной дороги инженер Г.М. Будагов (Бочанова, 2007) отправил в Московское археологическое общество клад монет (174 шт.), обнаруженный “на правом берегу Чульмы, близ Краснореченского завода, во время каменной кладки для станции Красной” (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 165. Л. 1).

В зоне проектирования и строительства дороги были открыты и раскопаны многие археологические памятники. Активно занимался археологическими исследованиями инженер-гидролог Г.О. Оссовский, который обследовал, описал десятки памятников и раскопал несколько курганов в Мариинском и Ачинском округах (Ковешникова, 1992. С. 114). Археологические материалы фиксировались и в окрестностях Красноярска. Н.Ф. Катанов упоми-

Рис. 1. Строительство Сибирской железной дороги. 1908 г.

нает о том, что “учитель [Красноярской] гимназии Р.Г. Лянгвальд подарил мне древний полый топор (кельт. – А.В., С.К.), найденный близ лагерей во время проведения железной дороги” (1900. С. 55).

В 1897 г. Восточно-Сибирское отделение Русского Географического общества обратилось в ИАК с просьбой выдать Открытые листы на 1898 г. Юлию Яковлевичу Меклеру, Михаилу Павловичу Овчинникову и Михаилу Аполлоновичу Шмидту для организации археологического надзора за земляными работами вдоль линии железной дороги от Иркутска до Байкала. Преследовалась цель – сохранить встреченные строителями археологические предметы, описать условия их залегания и в случае необходимости самостоятельно провести раскопки (РА ИИМК. 1897. Ф. 1. Д. 212. Л. 1). ИАК поддержала инициативу ВСОРГО и выдала Открытый лист на проведение данных работ, однако достоверной информации о них не сохранилось. В 1902 г. Ю.Я. Меклер вновь обратился за Открытым листом для исследований на байкальском участке СЖД. В том же году из зоны строительства

дороги (с. Малый Баранчик) А. Смирнов передал в Иркутский музей серию каменных пестов (Бердникова, 2003. С. 42–46).

Весной 1914 г. началось строительство железной дороги Ачинск–Минусинск (МЖД), проложенной по территории с высокой концентрацией археологических памятников, особенно могильников бронзового и раннего железного веков. В Красноярский подотдел Русского географического общества (КОРГО) тут же стали поступать сигналы о древностях, обнаруженных при земляных работах. При прокладке уже первых метров полотна на р. Чулым возле Ачинска строители обратили внимание на находки костей мамонта вместе с обработанными камнями, соотнесенных позднее с палеолитической стоянкой (Ларичев, 1969. С. 109). Подобные сигналы вызвали особое беспокойство у членов КОРГО.

Члены КОРГО А.Я. Тугаринов (ККМ. О/ф 7886. Д. 241), А.П. Ермолаев и С.М. Сергеев неоднократно выезжали на трассу строительства МЖД для осмотра археологических памятников. Первым забил тревогу в 1913 г. А.П. Ермолаев после посе-

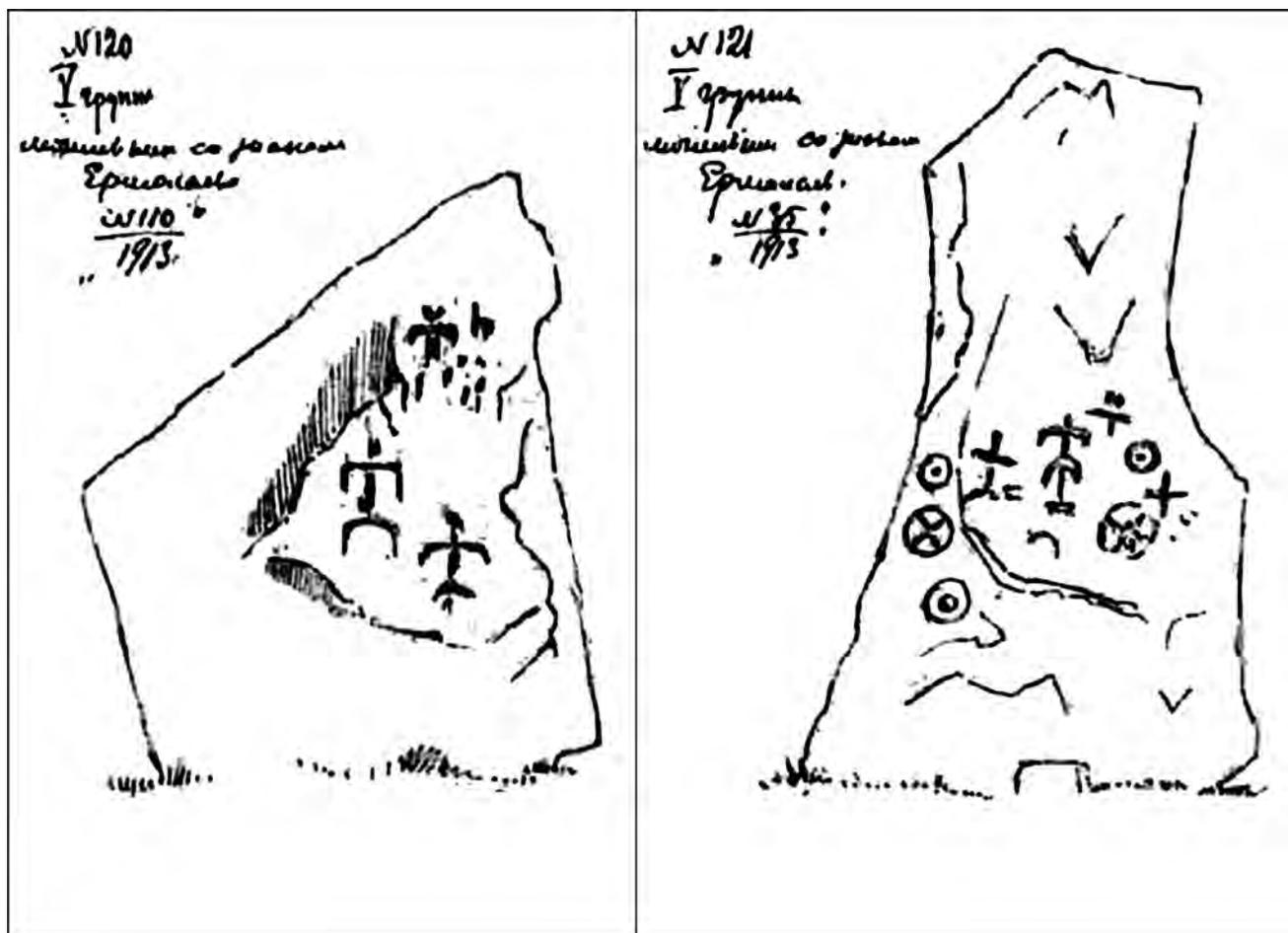

Рис. 2. Рисунок курганных камней, осмотренных и пронумерованных А.П. Ермолаевым в 1913 г. в районе оз. Шира (рисунок М.С. Тюнина, 1920 г.).

щения окрестностей оз. Шира (рис. 2). Он обратил внимание КОРГО на необходимость проведения наблюдений за строительными работами и сбора всего, что будет найдено во время земляных работ на железной дороге (ККМ. О/ф 7886/205. Л. 8). С этим же он обращается к А.А. Спицыну в Археологическую комиссию, к графине П.С. Уваровой в Московское Археологическое общество, к В.А. Городцову в Российский Исторический музей, подчеркивая, что местные музеи и научные общества не смогут ничего сделать для сохранения и изучения памятников, так как не имеют средств для организации археологических исследований и покупки древностей (ККМ. О/ф 7886/210. Л. 269, 270). В ходе поездок сотрудникам КОРГО удалось собрать значительную коллекцию древностей из зоны строительства МЖД. Среди них наиболее известными стали впоследствии находки из разрушенного могильника у д. Андроновой (Тугаринов, 1926) – эпонимного памятника одной из стержневых археологических культур позднего бронзового века Северной Евразии (рис. 3).

В апреле 1914 г. С.М. Сергеев обратился к А.А. Спицыну “принять на себя инициативу в возбуждении в ИАК вопроса об охране памятников старины в районе строящейся дороги”, изъявив даже готовность провести раскопки курганов около д. Биря на собственные средства (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 6. Л. 41). Но после безрезультатных обращений в ИАК, МАО и РИМ сибирские организации остались один на один с проблемой сохранения памятников в зонах хозяйственного освоения вдоль трассы МЖД. Стремление привлечь в эти работы финских археологов, особенно после знакомства членов КОРГО с А.М. Тальгреном в 1915 г. (Вдовин, Кузьминых, 2006. С. 170, 171), было довольно утопическим проектом в условиях начавшейся мировой войны.

В июне 1914 г. по поручению КОРГО и ее председателя В.Ю. Григорьева в зону строительства МЖД выехал С.М. Сергеев для принятия экстренных мер “к охранению найденных ценностей” (ААА КК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 62. Л. 2). Он осмотрел разрушенные могилы у с. Назарово. Оказалось, что в насыпи

одного из курганов устроена землянка для рабочих, другой раскопан администрацией дороги без особой в том необходимости (Вдовин и др., 2001. С. 71; Вдовин, Кузьминых, 2006. С. 169). Часть материалов все же поступила в Минусинский музей. Так, начальник 5 участка МЖД 12 августа 1914 г. передал “три черепа, глиняный горшочек и четыре медных вещи” (РА ИИМК. 1914. Ф. 1. Д. 316. Л. 26), сопроводив их следующим комментарием: “ввиду массы раскопанных мест, мое мнение, что Минусинскому музею следовало бы командировать своего агента на место раскопок” (РА ИИМК. 1914. Ф. 1. Д. 316. Л. 26об.).

Поездка С.М. Сергеева показала, в каком плачевном состоянии находятся археологические памятники в зоне строительства МЖД, и он рекомендовал администрации дороги обратить внимание на местные памятники древности и предложил КОРГО наладить контакты с губернскими властями, отмечая необходимость энергичного вмешательства администрации и научных обществ с целью прекращения дальнейших раскопок курганов. Особое опасение вызывала сохранность памятников южнее с. Ужур (куда годом раньше выезжал А.П. Ермолаев). С.М. Сергеев предложил принять следующие меры по сохранению памятников в зоне строительства дороги: 1) запретить раскопки курганов в полосе отчуждения, за исключением случаев нахождения курганов в местах отсыпки полотна дороги; 2) о каждом случае предполагаемого уничтожения кургана администрация дороги должна заблаговременно извещать ученое учреждение (например, КОРГО) и местные полицейские власти для принятия мер к сохранности найденных предметов и доставке их в музей; 3) вещи, найденные случайно при земляных работах, должны быть точно зарегистрированы и в обязательном порядке переданы в местные музеи; должно быть установлено ответственное лицо, наблюдающее за выполнением этого предписания; 4) в район постройки дороги должны быть откомандированы археологи для раскопок наиболее важных памятников, подлежащих уничтожению, и сбора найденных при земляных работах костей животных и человека (Вдовин и др., 2001. С. 72; Вдовин, Кузьминых, 2006. С. 169, 170).

Председатель КОРГО В.Ю. Григорьев в июле 1914 г. обратился с письмом к академику В.В. Радлову, занимавшему тогда пост Председателя Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, с просьбой принять под покровительство дело охраны памятников в зоне строительства МЖД. Кроме того, Распорядительный комитет КОРГО предложил привлечь к этой деятельности

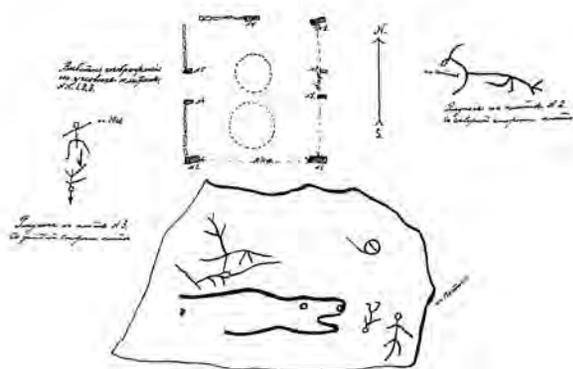

Рис. 3. Сосуд из могильника у д. Андроновой (сборы А.Я. Тугаринова, 1914 г.) (из фондов КККМ, колл. 90–17).

Археологическую комиссию с тем, чтобы ИАК дала указания местной администрации и руководству МЖД принять необходимые меры по обереганию памятников и выделению небольших средств для организации наблюдения. В качестве исполнителей предполагалось привлечь А.В. Адрианова, И.Т. Савенкова и И.П. Кузнецова-Красноярского (РА ИИМК. 1914. Ф. 1. Д. 316. Л. 14, 15). В марте 1915 г. к Радлову вновь обратился член КОРГО Н.Н. Козьмин с просьбой привлечь к этому делу Комитет для изучения Средней и Восточной Азии и в целом Российскую академию наук (РА ИИМК. 1914. Ф. 1. Д. 316. Л. 28).

В.В. Радлов попытался повлиять на ситуацию, отправляя письма и ходатайства в различные инстанции, в том числе в Министерство путей сообщения и енисейскому губернатору (ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 37). Последний ответил Радлову, что все необходимые меры были приняты еще в прошлом – 1914 – году: издан циркуляр о мерах по охране памятников древности за № 1033, который инженер Перлов по его распоряжению довел до сведения и исполнения старшим агентам стройки, разъяснив им о сути мер по сохранению памятников старины. При этом губернатор утверждал, что “о всех находках древностей немедленно сообщается председателю Красноярского Подотдела Императорского Русского Географического Общества, в Императорскую Археологическую

План кургана близ д. Верхняя (Сухая) Ерба Знаменской волости Минусинского уезда Енисейской губ. Минусинские уездные власти

Рис. 4. План кургана близ д. Верхняя (Сухая) Ерба Знаменской волости Минусинского уезда Енисейской губ. (рисунок С.М. Сергеева, 1914 г.).

Комиссию в Петроград и в Иркутскую Ученую Комиссию и принимаются все возможные меры для хранения найденных древностей до прибытия командированных этими учреждениями лиц”; кроме того, он пишет Радлову о том, что от главного инженера строительства не поступало сигналов о фактах уничтожения памятников древности (ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 86. Л. 73, 73об.).

Последнее утверждение вызывает некоторое недоумение, но оно вполне понятно и оправдано в официальном ответе руководства строительства МЖД губернатору, а в большей степени – для информирования далекого Петрограда: важно не только скрыть факты разрушения археологических памятников, но и продемонстрировать рвение за их сохранность. В этой связи издевкой над деятельностью членов КОРГО, ратовавших за действенные меры по сохранению памятников археологии в зоне строительства МЖД, является полученная енисейским губернатором “благодарность Комитета [для изучения Средней и Восточной Азии] за доставление сведений относительно мер, принятых для охраны памятников древностей в районе постройки железной дороги Ачинск–Минусинск” (ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 71).

Намеченная членами КОРГО широкая программа по охране и исследованию археологических памятников в зоне строительства МЖД была реализована лишь частично, и то прежде всего благодаря инициативе и бескорыстной деятельности А.Я. Тугаринова, А.П. Ермолаева, С.М. Сергеева, В.Ю. Григорьева, Н.Н. Козьмина. Хотя, казалось бы, складывалась идеальная картина: в России уже существовала законодательная база об археологическом надзоре при строительных работах, были решены финансовые вопросы (приказ МПС 1891 г.).

Но без адресной правовой и материальной поддержки из центра все попытки местных организаций наладить действенный контроль и регулярные охраняемые исследования в зоне строительства МЖД оказались малоэффективными, а сами центральные археологические учреждения страны – Императорская археологическая комиссия и Московское археологическое общество – не смогли в силу военного времени не только организовать надзор за проведением строительных работ на МЖД, но и принять деятельное участие в работах, инициированных сибирскими научными организациями. В этой связи требования ИАК перед уничтожением археологических памятников описывать их, наносить на карту, принять меры к сохранению находок (Сорокина, 2008. С. 33) чиновниками МПС попросту игнорировались.

Кроме того, в условиях начавшейся мировой войны усилия КОРГО по осуществлению программы охранных исследований в зонах железнодорожного строительства намеренно сдерживались властями. К тому же научных сил, заинтересованных в охране и сохранении объектов историко-культурного наследия, было явно недостаточно на огромную территорию Сибири, а государственных органов, несших за это ответственность на местах, попросту не было. Впрочем, правительство и в предшествующие десятилетия спустя рукава относилось к охране археологических памятников, попадавших в зоны хозяйственного освоения. Оно на протяжении нескольких десятков лет обсуждало законодательство по этому вопросу, игнорируя предложения с мест, хотя в реальности в российской провинции в то время были силы (университеты, музеи, научные общества), способные при финансовой поддержке ИАК организовать работу по охране и сохранению историко-культурного наследия. Государство не спешило расстаться со своей монополией. Это негативно влияло на отношение сибирской администрации к археологическим памятникам. Общеизвестно, что многие чиновники не прочь были пополнить свои коллекции из несанкционированных раскопок либо сами раскапывали памятники без всякой научной цели.

В итоге сбылись мрачные предсказания сотрудника Красноярского городского музея А.П. Ермолаева о том, что при строительстве МЖД “сотни и тысячи могил и курганов будет вскрыты земляными работами; окажется и масса подъемного материала!” (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 472. Л. 6). Сбылся и другой его прогноз: о расхищении и вывозе минусинских древностей за границу, которые в те годы поступили во многие частные и музейные собрания Европы и Америки. За рубежом оказа-

лись и некоторые частные российские коллекции. Так, с санкции Археологической комиссии в Финляндию в 1917 г. было продано огромное собрание И.П. Товостина (Кузьминых, Вдовин, 2007. С. 88–91). Уничтожение археологических памятников в зоне строительства МЖД явилось одной из мрачных страниц старой русской археологии.

С.В. Кузьминых работал при поддержке грантов РГНФ, проекты 08-01-00024а и 09-01-00510а.

Приложения¹

№ 1

(письмо инженера Т. Будагова в МАО от 21.02.1896 г., на бланке “г. Томск, Министерство путей сообщений, Начальник работ по постройке Средне-Сибирской железной дороги”, исходящий № 1014, рукопись; ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 165. Л. 1)

В Императорское Московское археологическое общество

Во исполнения желания Августейшего Председателя Комитета по сооружению Сибирской железной дороги имею честь препроводить при сем для хранения сто семьдесят четыре монеты пяти- и двухкопеечного достоинства, найденные железнодорожными рабочими Средне-Сибирской железной дороги Дмитрием Смирновым, Егором Шалиным и запасным рядовым Иваном Пучковым 22 июля 1895 г., на правом берегу Чулыма, близ Красно-реченского завода, во время каменной кладки для станции Красной, покорнейше прося о получении монет уведомить.

За Начальника работ инженер Т. Будагов (подпись)

№ 2

(письмо А.П. Ермолаева П.С. Уваровой от 04.02.1914 г., рукопись; ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 472. Л. 5, 6)

Ваше Сиятельство!

Милостивая государыня, Прасковья Сергеевна!

При сем имею честь представить для сведения Вашего Сиятельства второй экземпляр моего письма, отправленного одновременно с сим в Императорское Московское Археологическое Об-

щество в ответ на его предложение от 17-1-1914 г. за № 58.

Кроме того, беру на себя смелость обратиться Ваше Сиятельство на печальное положение памятников древности в Минусинском и Ачинском у[ездах] Енисейской губ[ернии], что ближайшей весной начинается постройка новой Ачинско-Минусинской железной дороги. Дорога эта проходит по местностям, богачейшим в археологическом отношении. Сотни и тысячи могил и курганов будут вскрыты земляными работами; окажется и масса подъемного материала!

Все это через скупщиков пойдет за границу!

Местные музеи за недостатком средств не смогут сделать ничего.

Доволя об этом до сведения Вашего Сиятельства, я убедительнейше прошу не отказать взять под свое покровительство минусинские древности и что-нибудь предпринять в смысле их охраны от расхищения и вывоза за границу.

Примите уверение в глубоком моем уважении и постоянной готовности к услугам Вашего Сиятельства.

А. Ермолаев (подпись)

4-II-1914 г. Красноярск. Город[ской] музей

№ 3

(Письмо С.М. Сергеева А.А. Спицыну от 22.04.1914 г. из Красноярска, машинопись; РА ИИМК. Ф. 5. Д. 6. Л. 41–43)

Милостивый государь Александр Андреевич.

В текущем году преступлено к сооружению железной дороги от Ачинска до Минусинска. Дорога будет прорезывать степи южной части Ачинского и Минусинского уездов, которые, как Вам неизвестно, покрыты многочисленными курганами и могильниками. В некоторых местах железнодорожная насыпь и выемки для добычи земли уничтожили целые могильники. Так сказать, официальное уничтожение курганов, в особенности если при этом будут находимы предметы из золота, что весьма возможно, будет способствовать массовой хищнической раскопке в степях теми же рабочими. Местная полицейская власть вряд ли сможет бороться успешно с этим злом, так как районы ее деятельности обширны. Массовый наплыв рабочего люда, вызванный постройкой, неизбежно увеличит их прямую работу в отношении судебно-полицейских функций. Местный отдел Географического об[ществ]а по недостатку средств не сможет предпринять каких-либо серьезных мер

¹ При публикации документов в квадратные скобки заключены раскрытые сокращения, пропуски и описки, а также фамилии ряда персон, в косые скобки – утраты или непонятые фрагменты текста. Большинство персон, упоминаемых в документах, общезвестны и не комментируются, кроме фамилий двух чиновников (см. ниже).

к охране памятников старины, хотя бы в виде командировок своих членов на места уничтожения курганов. Один из таких могильников около деревни Верхняя (Сухая) Ерба Знаменской вол[ости] Минусинского уезда, при проезде моем в минувшем году на раскопки, были попутно осмотрены мною. Курганы начинаются сейчас за деревенскими усадьбами. Насыпи курганов почти сравнялись с землей и только сохранившиеся местами камни (плиты) обозначают места исчезнувших курганных насыпей. По этим более-менее ясным следам я насчитал до сотни курганов. На восток и запад от этого могильника, возвышаются две группы больших курганов. Высота насыпи их достигает двух саженей. Расстояние между плитами, поставленными по углам квадрата, до десяти саженей. Один из этих курганов в восточной группе заинтересовал меня целым рядом выбитых изображений на угловых плитах. Снимок, план и зарисованные изображения прилагаются. Непрерывные дожди в течение нескольких дней и недостаток времени не позволили снять с рисунков эстампажи. Ввиду вышесказанного позволяю себе обратиться к Вам с почтительной просьбой принять на себя инициативу в возбуждении в Археологической Комиссии вопроса об охране памятников старины в районе строящейся дороги и сохранению для науки находимых при земляных работах предметов старины. В текущем году я предполагаю продолжать раскопки прошлого года в Абаканской волости около д. Биря на свои средства, может быть Археологическая Комиссия признает возможным ассигновать мне небольшую сумму на производство раскопок или указанного большого кургана или небольших курганов, которые будут уничтожены земляными работами. Если Комиссия не признает возможным сделать ассигнование, то может быть придет на помощь какое-либо другое ученое общество. Разумеется, найденные предметы будут назначены учреждению, давшему средства. Получить средства от местного подотдела Географического о[бществ]а или Иркутской Архивной Комиссии, членом коих я состою, исключается возможность по недостатку средств.

Официальное положение мое таково: состою на государственной службе по ведомству Главного Управления Землеустройства и Земледелия в должности Заведующего Красноярским переселенческим пунктом. Археологией Сибири занимаюсь более десяти лет. Отчет о раскопках прошлого года представлен Археологической Комиссии. Открытый лист мною испрашивается через Иркутскую Архивную Комиссию. Покорнейше прошу извинить за злоупотребление Вашей любезностью, но создающееся положение дела не может оставить

меня, как и всякого кому дороги памятники старины, безучастным зрителем.

Прошу принять уверения в личном уважении [от] Вашего покорного слуги

С. Сергеев (подпись) (рис. 4)

№ 4

(письмо Председателя ИГУАК М. Овчинникова в ИАК на бланке ИГУАК от 28.04. 1914 г., рукопись, исходящий № 100; РА ИИМК. Ф. 1. 1914. Д. 316. Л. 10, 10об.)

В Императорскую Археологическую Комиссию

Член Комиссии Сергей Михайлович Сергеев, производивший в 1913 г. в Минусинском уезде, Енисейской губ[ернии] раскопки курганов, относящихся к бронзовому периоду (...), вновь обратился в Иркутскую Архивную Комиссию с просьбой о предоставлении ему права продолжить раскопки курганов у подножья горы Туран, Абаканской волости, Минусинского уезда. Цель раскопок, по словам г[осподина] Сергеева, заключается в выяснении некоторых особенностей погребального обряда, недостаточно освещенного в прошлом 1913 г., так как им было вскрыто только два кургана, в центре которых помещались детские погребения, хорошо обставленные, сравнительно с мужскими, помещавшимися по сторонам, что дало возможность последовательно прийти к заключению о пережитке матриархата у современников курганов, а поэтому для установления своего предположения г[осподину] Сергееву необходимо раскопать большее количество курганов.

На основании вышеизложенного Архивная Комиссия покорнейше просит выдать Сергееву открытый лист на право производства раскопок в Минусинском уезде, и, если возможно, не отказать попросить Министерство путей сообщения, дабы оно не чинило препятствий к осмотру и собиранию археологических предметов, вырываемых при проведении линии будущей жел[езной] дороги Ачинск–Минусинск, так как г[оспода] строители к предметам древностей, благодаря своему невежеству, относятся варварски. Помимо г[осподина] Сергеева, желательным было бы снабдить некоторыми полномочиями и А.И. Линькова, директора Минусинской учительской семинарии, открытый лист для которого уже получен. Такие мероприятия по отношению к железнодорожным строителям смогут спасти от уничтожения ценный научный материал.

Товарищ Председателя М. Овчинников (подпись)

За правителя дел (подпись)

№ 5

(письмо В.В. Радлову от Председателя КОРГО В.Ю. Григорьева от 04.06.1914 г. на его бланке, машинопись; РА ИИМК. Ф. 1. 1914. Д. 316. Л. 14, 15)

Ваше Превосходительство Василий Васильевич.

В настоящее время приступлено к постройке железнодорожной линии от Ачинска до Минусинска. Направление линии трассировано от Ачинска к западу от почтового тракта в район с. Ужур, через Старый Июс, степью между Б[елым] Июсом и Ши́ра (станция проектирована в 12 в[ерстах] к западу от последнего), на Карым, Сон, долиной последнего на Бирю и Уйбат и отсюда в район устья Абакана. Как изволите видеть, на значительнейшем пространстве принятым направлением захватываются районы, наиболее богатые древними памятниками; особенно это надо сказать в районе Ачинск–Ужур и Биря–Уйбат.

При производстве земляных и каменных работ будут разрыты курганы, камни (между прочим и петроглифы) будут использованы в качестве построечного материала. Вместе с тем рабочие и привлеченный постройкой разнообразный люд, несомненно, не только будут пользоваться случайно вскрытыми могилами, но, соблазненные находками ценных предметов, начнут в широких размерах систематическое расхищение того, что успело сохраниться после грандиозного разгрома исторических памятников, совершенного в XVIII веке.

На днях мною получено уже известие о вскрытии богатейшего могильника близ Ачинска. Получив об этом телеграмму, я просил одного из членов Подотдела выехать на место, чтобы спасти, что окажется возможным. Но это только начало работ. Между тем в составе членов Подотдела не имеется специалистов-археологов, помимо названного исследователя-любителя (С.М. Сергеева) и Подотдел совершенно лишен средств, чтобы организовать даже простую охрану или наблюдение в районе железнодорожных работ. На указанную выше командировку пришлось взять деньги (50 р.) из средств, оставшихся на уплату жалования служащим Музея. Поэтому Подотдел чувствует полное бессилие, чтобы не только предотвратить, но даже смягчить тот непоправимый ущерб, который угрожает исторической науке и археологии.

Распорядительный Комитет решил обратиться к Вам, как высокоавторитетному ученому, с просьбой принять под Ваше покровительство дело охраны памятников и войти по этому вопросу в сношение с соответствующими учреждениями как об организации охраны, так и по сбору всего вскрываемого при работах археологического материала.

Распорядительный Комитет полагает, что, прежде всего, необходимо 1) чтобы в деле приняла участие ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссия, 2) чтобы местной администрации было сделано указание о необходимости принять меры к обереганию памятников и доставлению находимых предметов в Подотдел для дальнейшего затем направления в ИМПЕРАТОРСКУЮ Археологическую Комиссию, 3) чтобы были ассигнованы в распоряжение Подотдела хотя бы небольшие средства для организации наблюдения и доставки коллекций в Музей, 4) чтобы к администрации по постройке дороги было обращено от вполне авторитетного учреждения указание о необходимости не допускать расхищения памятников и о доставлении найденных предметов в распоряжение Подотдела или непосредственно И[мператорской] Арх[еологической] Комиссии.

Но наиболее действенным, лучшим исходом была бы организация хотя бы небольшой экспедиции с ассигнованием в ее распоряжение необходимых средств.

В Минусинском уезде в настоящее время живет известный исследователь-археолог А.В. Адрианов, находящийся в административной ссылке, но против его участия в раскопках едва ли можно сделать сильные возражения. В Минусинск приехал И.Т. Савенков, а в Чебаках должен жить это лето И.П. Кузнецов[-Красноярский]. Все это лица, которые если не сами могут принять участие в работах, то могут организовать дело на месте.

Вопрос стоит очень остро и этим обстоятельством Распорядительный Комитет оправдывает свою решимость беспокоить Вас изложенной просьбой.

Не откажите принять уверения в моем к Вам глубоко уважении и искренней преданности.

4 июня 1914 г. В. Григорьев (подпись)

№ 6

(Письмо С.М. Сергеева от 05.07.1914 г. из Красноярска в ИАК, машинопись, с печатью ИАК и ее входящим № 1206; РА ИИМК. Ф. 1. 1914. Д. 316. Л. 24, 24об.)

В Императорскую Археологическую
Комиссию

Покорнейше прошу Археологическую комиссию почтить меня уведомлением, будет ли выслан мне, по примеру прошлого года, открытый лист на право раскопок в Минусинском и Ачинском уездах, который испрашивала для меня Иркутская Губернская Архивная Комиссия еще в начале мая с[его] г[ода]. Неимение открытого листа лишило меня возможности произвести немедленные раскопки двух курганов в районе постройки Ми-

нусинской дороги на 52 и 183 [ерстах], начатых самовольными раскопками г[оспод] инженеров из простого любопытства, как мне объяснили. Один из этих курганов мною сфотографирован. Карточка прилагается. Мне осталось только подобрать выброшенные тут же раздробленные кости и черепа (найденные сосуды были частью разбиты при выемке, частью разошлись по рукам) и просить г[оспод] инженеров не производить раскопки до моего следующего приезда. Я предполагал снова побывать в этих местах в середине июля, рассчитывая к тому времени получить открытый лист. Ввиду изложенного, позволю себе еще раз просить Комиссию, если мне будет выслан открытый лист, переслать таковой в непосредственном времени, чтобы спасти для науки хотя что-нибудь.

В первых числах июня я был командирован Красноярским Подотделом Географического общества в район постройки дороги для осмотра большого кургана в окрестностях Ачинска, где, по полученным сообщением, были находимы погребальные урны. К счастью, курган этот оказался большим холмом геологического происхождения, а находимые сосуды – большими железистыми конкрециями сфероидальной формы. К моему приезду большое количество этих конкреций под видом сосудов разошлась уже по рукам подрядчиков и проч[их] лиц. Рабочие продавали их что-то по несколько рублей за штуку. Вышеописанный случай иллюстрирует отношение администрации дороги к древностям. При таком порядке все находки пропадут для науки раньше, чем какое-либо ученое общество сможет командировать кого-либо из членов для правильных работ и описания. Получив сведения, что дальше по линии также были находимы погребения, я проехал вдоль линии до границы Минусинского уезда, причем вынес впечатление, что там также не стесняются с древностями и уничтожают курганы и грунтовые погребения не только на том месте, где сооружается насыпь, но и по сторонам, где, казалось бы, не будет никаких земляных работ.

С. Сергеев (подпись) 5 июля 1914 г.

Мой адрес: г. Красноярск Енисейской губ., Переселенческий пункт С.М. Сергееву

№ 7

(На бланке “ОБЩЕСТВО Ачинско-Минусинской железной дороги”, от начальника 5 участка от 12.08.1914 г., Минусинск, машинопись; РА ИИМК. Ф. 1. 1914. Д. 316. Л. 26, 26об.)

Г[осподину] Заведующему Минусинским музеем

Имею честь препроводить Вам три черепа, глиняный горшочек и четыре медных вещи. Два черепа были найдены в резерве на 422 версте, который

проходил через небольшой курган, огороженный каменными плитами. В кургане оказалось три скелета и два глиняных горшка и одна голова собачья или баранья, что трудно было определить. Скелеты найдены от поверхности земли на глубине 1 1/2 аршин, головами на Юг. Скелеты были положены все вместе рядом и по бокам обложены бревнами, затем перекрыты каменными плитами. От бревен осталась только черная пыль. В этой же могиле были найдены медный наконечник и бляха с проушиной.

Затем третий череп был вырыт в числе 3-х взрослых и одного маленького, с металлическими вещами (кольцо и запонка) в кургане на 430 версте на глубине 2-х аршин, в щебенистом грунте. Головами были положены тоже на Юг, обложены бревнами и перекрыты также каменными плитами. Около двух больших скелетов почему-то черепов не оказалось. Все кости были очень слабы и ломались от руки. В найденных раньше могилах кости были лучше сохранившимися.

При производстве земляных работ от 431 до 407 версты было найдено очень много костяков в малых курганах по два и по три костяка. Способ погребения был один и тот же, т.е. головами на Юг и по-видимому в сидячем положении, потому что голова и все кости до таза были в куче, а таз и ноги лежали все правильно. Почти в каждом кургане были глиняные горшки и обязательно около голов.

Можно было бы собрать и больше костяков, но благодаря некультурности рабочих достичь этого было очень трудно, так как рабочие моментально всегда все ломали.

На 407 версте линия проходила очень близко около большого кургана, высотой около 2-х сажень, и около подошвы было вырыто масса костяков, зарытых в земле не более 1/2 аршина или 1 аршина, некоторые костяки лежали в разных направлениях. Сам курган остался нетронутым, потому что не попал под линию железной дороги.

Ввиду массы раскопанных мест, мое мнение, что Минусинскому музею следовало бы командировать своего агента на место раскопок.

Начальник 5 участка Инженер (Подпись)

Счетовод участка (Подпись)

№ 8

(копия письма Н.Н. Козьмина В.В. Радлову от 14.03.1915 г. машинопись; РА ИИМК. Ф. 1. 1914. Д. 316. Л. 28, 28об.)

Глубокоуважаемый Василий Васильевич

В дополнение к лично мною переданному сообщению, что с постройкой железной дороги

Ачинск–Минусинск, проходящей через Ачинскую и Минусинскую степи, богатые, как Вам известно, памятниками глубокой старины, и вызвавшей наплыв рабочего и служилого люда, прикосновенного к постройке, началось раскапывание курганов и могильников с целью поисков “кладов”, а с другой стороны эти могильники уничтожаются при производстве выемок и добычи материала для насыпей. Особенно заслуживает внимания это обстоятельство потому, что в районе рек Уйбат и Бири линия железной дороги пересекает наиболее богатую могильную степь, где открыты уже были наиболее интересные петроглифы и фигурные камни, плиты с надписями. Материал же, из коего сделаны могильные памятники, в этом районе представляет твердые породы, так что является большой соблазн для утилизации его для постройки и поделок.

Красноярский подотдел ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического общества, получающий уже сведения о вскрытии могил и даже командировавший однажды для спасения остатков содержимого одной из могил одного из своих членов, весьма озабочен судьбою памятников и обращался с просьбами к местному губернатору и в Управление Ачинско-Минусинской железной дороги, но опасается, что без авторитетного вмешательства более обширных и выдающихся ученых учреждений не достигнет положительных результатов.

Поэтому еще летом прошлого года Комитет Подотдела постановил обратиться к Вашему содействию и просить Вас привлечь к этому делу внимание высших ученых учреждений, как Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии и Академию наук, с тем, чтобы местной администрации было дано указание на необходимость принять меры к охране памятников старины и просьбу Подотдела, которую должен был Вам передать председатель его, считаю своим долгом изложить и усердно просить Вас о содействии.

Прошу принять выражение глубокого уважения и преданности Н. Козьмин (подпись), член Распорядительного Комитета Красноярского Подотдела ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического общества.

Адрес: Красноярск, Воскресенская 40.

№ 9

(черновик письма В.В. Радлова Н.Н. Козьмину от 17.03.1915 г., исходящий № 101; ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 37)

Милостивый Государь Николай Николаевич

Ваше письмо на мое имя от 14 марта в тот же день было мной доложено Русскому Комитету для

изучения Средней и Восточной Азии, постановившему: 1) обратиться к министру путей сообщения и к Енисейскому губернатору с просьбой принять меры для охраны памятников древностей; 2) копию Вашего письма сообщить Императорской Археологической Комиссии.

Прошу принять уверение в соверш[еннейшем] почтении и преданности

В. Радлов (подпись)

Его Выс[окоро]дию Н.Н. Козьмину

№ 10

(черновик письма В.В. Радлова губернатору Енисейской области² от 17.03.1915 г., исходящий № 98; ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 34)

Его Высокопрев[осходительст]ву Господину
Губернатору Енисейской области

Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в заседании 14 марта постановил обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой принять меры для охраны памятников древности в Ачинских и Минусинских степях, в районе работ по постройке железной дороги Ачинск–Минусинск. По дошедшим до Комитета сведениям, во время этих работ подвергаются уничтожению такие драгоценные памятники отдаленной старины, как курганы, могильники, фигурные камни и плиты с надписями.

Председ[атель], Действ[ительный] Тайн[ый]
Сов[етник], Акад[емик] В. Радлов (подпись)

№ 11

(черновик письма В.В. Радлова С.В. Рухлову³ от 17.03.1915 г., исходящий № 97; ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 33)

Милостивый государь Сергей Васильевич

Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии постановил обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на ту опасность, которой подвергаются памятники древности в Ачинских и Минусинских степях вследствие постройки железной дороги Ачинск–Минусинск. До сведения Комитета дошло, что рабочими и служилым людом, прикосновенными к постройке,

² Иван Владимирович Хазиков, бывший вице-губернатор Костромской губернии.

³ Сергей Васильевич Рухлов (1852–1918), русский государственный деятель, министр путей сообщения (1909–1915), член Государственного Совета.

раскапывают[ся] курганы и могильники с целью кладоискательства; кроме того, могильники уничтожаются при производстве выемки и добычи материалов для насыпей; фигурными камнями и плитами с надписями пользуются для постройки и (...). Комитет позволяет себе выразить надежду, что Вашим Высокопревосходительством будут приняты меры для охраны памятников древности, исчезновение которых принесло бы большой ущерб науке.

Его Высокопрев[осходительств]ву С.В. Рухлову (без подписи)

№ 12

(письмо и.о. Енисейского губернатора [И.В. Хазикова] на бланке от 19.05.1915 г., исходящий № 11881, г. Красноярск, машинопись, оригинал; ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 86. Л. 73, 73об.)

В состоящий под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

Вследствие отношения от 17 марта 1915 г. за № 98, имею честь уведомить Комитет, что как усматривается из сообщенных мне Главным инженером по постройке Ачинск-Минусинской железной дороги в отзыве от 5 сего мая за № 26563 сведений – о принятии мер охраны памятников древности в Ачинских и Минусинских степях в районе работ названной постройки им, Инженером, 14-го июня прошлого года за № 1033 был издан циркуляр, к копии при сем прилагаемый.

О всех находках древностей немедленно сообщается председателю Красноярского Подотдела ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества, в Императорскую Археологическую Комиссию в Петроград и в Иркутскую Ученую Комиссию и принимаются все возможные меры для хранения найденных древностей до прибытия командированных этими учреждениями лиц.

При этом Главный Инженер присовокупил, что случа[ев] уничтожения памятников древности ему совершенно неизвестно.

Относясь к сохранению памятников старины в полосе отчуждения Ачинск-Минусинской железной дороги ревниво – Управление постройки с признательностью приняло бы от Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии всякое определенное сообщение о сведениях его о разрушении памятника старины и безусловно предприняло бы и в этом отдельном сообщении самое серьезное расследование.

Распоряжение о сохранении памятников старины сделано не только упомянутым выше циркуляром, но и при поездках Инженера Перлова на линию личными его распоряжениями и разъяснениями старшим агентам постройки.

И[сполняющий] д[ела] Губернатора в звании Камергера Двора Его Императорского Величества (подпись)

Старший Советник (подпись)

Делопроизводитель (подпись)

№ 13

(черновик письма В.В. Радлова Енисейскому губернатору [И.В. Хазикову] от 07.06.1915 г., рукопись, исходящий № 226; ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 71)

Его Высокопрев[осходительств]ву Господину Енисейскому Губернатору

Состоящ[ий] под Высоч[айшим] Е[го] И[мператорского] В[еличества] Покров[ительством] Русский Комит[ет] для изуч[ения] Средн[ей] и Восточ[ой] Азии в засед[ании] от 20 июня с.г. постановил выразить Вашему Высокопрев[осходительств]ву благодарность Комитета за доставление (отчет от 19 мая с.г. за №1181) сведений относительно мер, принятых для охраны памятников древностей в районе постройки железной дороги Ачинск–Минусинск.

Председ[атель], Действ[ительный] Тайн[ый] Сов[етник], Академик

В. Радлов (подпись)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердникова Н.Е.* Археологическое наследие КБЖД // Земля Иркутская. 2003. № 2/3.
- Бочанова Г.А.* Григорий Моисеевич Будагов (1852–1921 гг.) (к 155-летию со дня рождения) // Личность в истории Сибири XVIII–XIX веков: Сб. биографических очерков. Новосибирск, 2007.
- Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П. и др.* Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск, 2001.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006.
- Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета Император-

- ского Казанского университета летом 1899 года. Казань, 1900.
- Килуновская М.Е., Попов С.Г., Семенов Вл.А.* Ижорское плато: культурно-историческая стратиграфия // На Ижорском плато: Археологические исследования 2003–2004 гг. СПб., 2006.
- Ковешникова Е.А.* Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. Красноярск, 1992.
- Кузьминых С.В., Вдовин А.С.* К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск, 2007.
- Ларичев В.Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Л., 1969.
- Ожередов Ю.И.* Археологические находки и памятники на Обь-Енисейском канале (обская часть) // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 2. Красноярск, 1992.
- Румянцева З.Р.* Балтийская железная дорога. История строительства железнодорожной ветви Санкт-Петербург – Таллин // На Ижорском плато: Археологические исследования 2003–2004 гг. СПб., 2006.
- Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.
- Сунчугашев Я.И.* Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск, 1989.
- Тугаринов А.Я.* Андроновские могилы // СЖВ. 1926. Вып. 1.
- Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. Изд. 2-е, доп. М., 1990.

К 150-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

К ИСТОРИИ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ
(1888–1907 гг.)

© 2009 г. А. И. Романчук

Уральский государственный университет, Екатеринбург

На 2007–2008 гг. приходится несколько юбилеев. 1827 г. стал первым годом раскопок Херсонесского городища. А в 1888 г. началось систематическое исследование его древностей под контролем Императорской Археологической комиссии. Первые три года работы возглавлял выдающийся византист Н.П. Кондаков. По рекомендации Одесского общества истории и древностей (ООИД) его помощником стал К.К. Косцюшко-Валюжинич. За период 1888–1907 гг. кроме ежегодных отчетов он опубликовал три статьи в научных изданиях, планируя по выходу на пенсию в 1908 г. написать книгу. О том, что он последовательно собирал материалы для будущей работы, свидетельствует его личный архив, содержащий копии документов, относящихся к периоду до 1888 г., письма его корреспондентов с копиями ответов на них, вырезки из газет, где освещались результаты раскопок.

Отражением намерений исследователя служит рапорт делопроизводителя ИАК А.С. Раевского, сообщавшего, что, “найдя архив в отменном состоянии, хотя и упрощенном – в погодных папках, я отобрал для отсылки в Комиссию и для детального обсуждения с В. Роотом (зять Косцюшки) и М. Скубетовым (чертежник) материалы раскопок за 1906 и 1907 гг., лапидарную жатву осени 1907 г., неизданные труды Косцюшки.

Труды следующие: А) Совершенно готовый к печати со многими таблицами труд об амфорных ручках; Б) Атлас орнаментов на доньшках чернолаковых сосудов; В) Корпус херсонесских монет в слепках; Г) Корпус надписей на грузилах; Д) Корпус резных камней в слепках” (Архив ИИМК. Ф. 1/1908. Д. 5. Л. 70).

О планах раскопок ИАК. В 1887 г. А.А. Бобринский, доказывая, что только правительственная организация сможет осуществить планомерное исследование Херсонеса¹, писал: “Возродить Хер-

сонес – Русские Помпеи! Здесь трудно ожидать больших результатов, там сохранилось все, здесь – только фундаменты, так как Херсонес неоднократно подвергался разрушению разных народов... Если приводить руины Херсонеса в действительный порядок, то следует заранее отказаться от надежды ежегодного обнаружения каких-либо редких древностей. Таковые будут, без сомнения, попадаться по временам, я даже полагаю, что они будут встречаться более часто, чем может показаться с первого взгляда. Но могут повторяться года за годами, в которых не будет вовсе сделано интересных находок, которые будут посвящены неблагоприятной вывозке мусора и камней и обнаружению фундаментов. Хотя в этих фундаментах многие не видят научного интереса.

Исследовать везде, не только внутри стен монастыря, но и к западу, в окрестностях, у Херсонесского маяка, где некоторые ученые на основании находок монет ищут следы древнего, довизантийского Херсонеса, и где вовсе не было произведено научных раскопок. Раскопки сосредоточить исключительно в одних руках, только при этом условии возможен желательный порядок и строгая система раскопок... Предпочтительнее Комиссия, так как орган правительственный; не зависит от разных случайностей, которые играют большую роль в частных обществах. ООИД на деле уже показало, что оно хоть и привело к значительным открытиям, но сохранить их не смогло. Что касается монахов, следовало бы раз и навсегда запретить им всякое вмешательство в дело раскопок и сохранение руин. Для сего следовало бы возможно скорее приказать им сдать в ведение Комиссии точную опись всех хранящихся в так называемом музее и дворе древностей до постройки здания музея” (Архив ИИМК. Ф. 1/1887. Д. 22. Л. 37–39).

Состояние исследований перед 1888 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич, следуя планам комиссии, стремился к систематическому исследованию городища, заботясь одновременно о сохранении памятников, что приводило к постоянным конфликтам с мона-

¹ Следует помнить, что на руководство раскопками претендовало Московское археологическое общество, председатель которого П.С. Уварова, обратившись к Александру III, сообщила, что существующее состояние дел погубит памятники.

стырем, занимавшим часть территории городища, и с Военным ведомством, имевшим здесь различные сооружения. Безусловно, он не был единственным, кто осознавал значимость материалов Херсонеса, но именно на его долю выпало не только “добыть” бесценные сокровища, но и сохранить их для будущего².

Начиная с 1891 г. в “Крымском вестнике” появляются статьи о “новостях археологии”. Они показывают, как постепенно городище приобретало вид музея под открытым небом, прекратились бессистемное извлечение древностей и их расхищение, которые имели место с первых лет раскопок памятника.

О том, что “унаследовал” К.К. Косцюшко-Валюжинич, свидетельствуют не только документы, подписанные П.А. Уваровой и А.А. Бобринским, которые не могли быть полностью объективными, но и непосредственно членами ООИД, до 1886 г. контролировавшего исследование Херсонеса.

В 1879 г. Е.Э. Иванов, будущий автор книги о Херсонесе (1912), писал вице-президенту ООИД Н.Н. Мурзакевичу: “Грустные мысли навеяли на меня эти раскопки... Разбитые и разбросанные колонны, карнизы и капители, разрытые могилы, вывороченные камни и плиты, битые черепки, кучи мусора, зияющие цистерны... Улицы с рядом домов людей зажиточных, остатки огромного храма, который побольше предполагаемого храма, где крестился Владимир, а вокруг него около десятка разбитых гробниц и больше ничего” (Архив НЗХТ. Д. 37. Л. 20).

Его слова созвучны с тем, что сообщал А.А. Бобринский в Министерство Императорского двора (9.08.1887 г.): “В течение уже почти ста лет здесь копал, кто хотел, меры же, принимаемые к сохранению Херсонеса – устройство странноприимного дома, преобразованного в монастырь, официальные раскопки Одесского общества, – не принесли пользы. Причины этого в том, что, во-первых, отсутствовали строго установленный план и система раскопок; во-вторых, к раскопкам допускались все, кто хотел ими заниматься, не обладая ни достаточными знаниями (монахи), ни средствами (Одесское общество)” (Архив ИИМК. Фонд ИАК. 1/1887. Д. 22. Л. 38, 39).

П.С. Уварова в послании в ООИД (октябрь 1887 г.) подчеркнула: “Велись они (раскопки. –

А.Р.) людьми, не уважающими науку” (Архив ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 59. Л. 14).

С 1876 г. контроль за работами был возложен на ООИД, которому рекомендовалось систематически раскрыть следы византийского Херсона, его храмов, а из извлеченных архитектурных предметов, разнообразных ваяний и вещей создать христианский музей. Для непосредственного руководства исследованиями был создан специальный комитет. Участие в изучении памятников Херсонеса Общества, в котором имелись известные в России и за рубежом специалисты по античной истории, должно было изменить положение дел, но на практике раскопки производились монахами. Это способствовало расхищению находок, торговле ими, что вынуждено было признавать и руководство ООИД (Юргевич, 1884). Позднее по этому поводу говорилось, что “покойный председатель Одесского общества, профессор Н.И. Мурзакевич, имел возможность правильно обставить дело раскопок, поручив его кому-либо из членов общества, проживающих в Севастополе, но почему-то предпочитал поручать раскопки монастырю” (Архив НЗХТ. Д. 49. Л. 2).

Ход исследований критиковался в местной печати; неудовлетворительное состояние дел заставляло руководство ООИД направлять в монастырь предписания (в 1884 г. была разработана специальная инструкция: Архив НЗХТ. Д. 37. Л. 23–25), но положение не изменялось. В октябре 1887 г. графиня П.С. Уварова в письме к В.Н. Юргевичу указывала: “В то время я не раз говорила покойному Мурзакевичу, что невозможно рыть без предварительного обсуждения плана, поручать это заочно надсмотрщику, даже не имеющему представления о первых основаниях археологии”. Далее, перечислив выдающиеся археологические открытия второй половины XIX в., она отмечала, что “без подготовки, без обдуманного плана, Шлиман не открыл бы Трои”. В заключение П.С. Уварова сравнивала отношение к памятникам в Италии и в Херсонесе: “В Риме сносятся целые здания для очистки развалин Форума. В Риме очищают Форум от чудных садов, а у нас засыпают исторические развалины для устройства плантаций архимандрита” (Архив ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 59. Л. 17). Критикуя деятельность ООИД (09.08.1887 г.), А.А. Бобринский все же признавал его заслуги, так как оно “сохранило и способствовало изучению античных эпиграфических памятников” (Архив ИИМК. Фонд ИАК. 1/1887. Д. 22. Л. 37, 38)³. Но, пожалуй, главной заслугой Общества стала рекомендация К.К. Косцюшко-Валюжинича в качестве

² В документах Археологической комиссии подчеркивалась уникальность Херсонеса, “единственного памятника империи, уничтожение которого не может быть вознаграждено никакими средствами” (см.: Антонова, Филиппенко, 1997. С. 151).

³ Детальный анализ деятельности ООИД см.: Тункина, 2002. С. 608.

руководителя раскопок. С его приходом они перестали быть неконтролируемыми.

Приступая к организации полевых исследований, глава ИАК А.А. Бобринский отмечал, что для их успешного хода необходимо соблюдение двух условий: 1) сосредоточить изучение Херсонеса в одних руках, что позволит разработать систему и составить план; 2) принять меры к сохранению открытого и привести в порядок все, что было раскопано в предшествующие годы (Архив ИИМК. Фонд ИАК. 1/1887. Д. 2. Л. 39).

Но полностью сделать изучение Херсонеса планомерным, как декларировалось, не удалось: препятствовала строительная деятельность монастыря и Военного ведомства.

Освещение первых открытий в печати. Успех сопутствовал первому году работ К.К. Косцюшко-Валюжинича. Была открыта мастерская по производству терракотовых фигур. К эпиграфическим памятникам, обнаруженным ранее, добавились свидетельства раннего существования Херсонеса на берегу Карантинной бухты. Они вызвали сомнения в сообщении Страбона, писавшего о двух Херсонесах. После открытия мастерской К.К. Косцюшко-Валюжинич сообщил Н.П. Кондакову: “Разведки подтвердили мнение, что существовал (здесь) древний город, так как везде нашли греческую посуду” (Архив ИИМК. Фонд ИАК. 1/1887. Д. 22. Л. 104). Позднее он отметил, что обнаружена “в нижнем слое земли древняя монета – III в. до н.э.”. Упомянув, что со всех терракотовых фигур сделаны слепки, он жаловался на монастырское руководство: “Опять явился экононом и просил очистить занимаемое нашим маленьким музеем помещение. Положение делается невыносимым. Неужели еще не созрело сознание необходимости постройки музея для Херсонеса, который нам, русским, должен быть дороже всяких Помпей” (Архив ИИМК. Фонд ИАК. 1/1887. Д. 22. Л. 89).

Появление находок античного периода требовало объяснения, почему ранее они (кроме эпиграфических памятников) не встречались. По мнению автора одной из газетных заметок тех лет, причина состояла в том, что раскопки “не производились до материка, выдающиеся эпиграфические памятники, например, надпись в честь Диофанта, обнаруженная в стенах позднего города, относятся к случайным находкам... Если бы, производя раскопки в Херсонесе, углублялись до материка, то, несомненно, был бы разрешен вопрос, над которым так долго ломают головы наши ученые: где находился древнегреческий Херсонес, основанный в V в. до Р. Хр.

...Если до сих пор на этот вопрос не последовало ответа, то только благодаря тому, что раскопки велись на незначительной глубине и что между руководителями не было человека, настолько опытного, чтобы на основании одних цементированных цистерн и колодцев, высеченных в скале, он мог догадаться о существовании под открытым небом города другого, более древнего, и принять необходимые меры, чтобы увериться в основательности такого предположения... Н.П. Кондаков также писал, что под стенами позднего города, вероятно, скрывается ранний. Его мнение опровергает профессор В.Н. Юргевич, ссылаясь на Страбона, которому профессор верит больше, чем неоспоримым фактам, и утверждает, что древний Херсонес находился на другом месте и что найденные остатки нескольких древних фундаментов ничего не доказывают” (Архив НЗХТ. Д. 49. Л. 4).

В.Н. Юргевич, защищая тезис о двух Херсонесах, полагая, что в местности “нового Херсонеса” (на берегу Карантинной бухты) ручки амфор с клеймами астиномов отсутствуют; это доказывает, что древний город следует искать там, где он указан Страбоном, через три бухты от нового (Юргевич, 1889. С. 47–60). Исследования следующего года опровергли его выводы. “Нынешние раскопки, – сообщал в ИАК К.К. Косцюшко-Валюжинич, – подобно прошлогодним, обнаруживают остатки двух поселений, одно над другим, с разным размещением находок. Внизу, на глубине 5 аршин, опять встречается множество амфорных ручек с именами греческих сановников, лампочек с рельефными художественными изображениями, обломки прекрасной греческой посуды с рисунками и римской с орнаментами и именами мастеров; выше идут монеты римских императоров, грубая глиняная посуда с поливой, херсонесские монеты византийской эпохи и другие предметы христианского периода” (Архив НЗХТ. Д. 38. Л. 16).

В 1890 г. “раскопки между морем и монастырским садом выявили площадь с древним наслоением без каких-либо сооружений, а над ней улицу византийского Херсонеса и разрушенную часовню с тремя усыпальницами... В нижнем наслоении сделано очень много находок, исключительно дохристианского времени; из них главнейшие: множество амфорных ручек с именами астиномов, монограммами фабрикантов и разными изображениями” (Косцюшко-Валюжинич, 1893. С. 33). Близкие материалы встретились и в следующем году (Архив НЗХТ. 1891. Д. 2. Л. 7, 8).

В 1891 г. было начато исследование некрополя. Позднее (18.02.1893 г.), извещая севастопольского градоначальника о раскопках, К.К. Косцюшко-Ва-

люжинич отметил, что они “дали блестящие результаты в виде многочисленных весьма ценных находок. На основании найденных здесь эпитафических памятников и монет можно заключить, что этот некрополь просуществовал от IV в. до н.э. до VI в. н.э.” (Архив НЗХТ. Д. 42. № 33). В следующем году появилась статья М. Энгеля, где подчеркнуто: “Раскопки вывели на свет памятники, свидетельствующие об автономном Херсонесе... Ныне г. Косцюшко на основании пятилетних разведок считает возможным признать указания Страбона не основательными” (Энгель, 1892).

В 1893–1894 гг. был исследован фрагмент древней оборонительной стены. Стремясь продолжить раскопки, К.К. Косцюшко-Валюжинич направил официальное прошение настоятелю монастыря (6.01.1895 г.), в котором говорилось, что стена “указывает прежние очертания Карантинной бухты и определяет площадь, которую занимал древний город” (Архив НЗХТ. Д. 42. № 44).

Относительно исследований 1895 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич писал: “Раскопки в юго-восточном углу площади, впереди храма (собор св. Владимира) происходили плантажным способом. Ниже уровня византийского города... обнаружены остатки древних построек, сооруженных из больших плит, отесанных с обеих сторон и плотно пригнанных без извести... Характер кладки стен и найденные здесь черепки тонкой чернолаковой посуды высокого качества доказывают древнее происхождение этих построек, а если принять во внимание, что все они составляют южную часть главной улицы, то можно с уверенностью сказать, что эта широкая и красивая улица досталась византийскому городу в наследство от древнегреческого Херсонеса и проходила через его акрополь. Тут должны находиться лучшие храмы и памятники; из последних некоторые во время раскопок найдены брошенными поблизости, как-то стела с гражданской присягой, псефизма в честь Диофанта и Аристана, и пьедестал от Афины” (Косцюшко-Валюжинич, 1898. С. 168, 169).

В 1899 г. во время изучения оборонительной стены были выявлены “наслоения около нее римского, античного и более позднего времени, а также пристенная гробница”⁴. Относительно оборонительных стен в портовом районе в 1900 г. отмечено: “Это наиболее интересный пункт раскопок городища, по тому значению, которое он имел в древние времена. Он служил для обороны древнего города в продолжение 2-х тыс. лет, и для такой роли он соответственно устроен... Раскопки дают ответ о том,

где находился древний Херсонес, и материалы для изучения топографии и географии города” (Энгель, 1900).

В 1901 г. итоги завершившегося столетия были подведены самим К.К. Косцюшко-Валюжиничем. К тому времени завершились споры о местонахождении древнего Херсонеса и сформировалось представление о сложной стратиграфии памятника (Косцюшко-Валюжинич, 1901а. С. 34–40). Склоняясь к мнению В.В. Латышева, что стены, открытые в 1899 г., построены во второй половине IV в. до н.э., исследователь писал: «Первые выходцы из Гераклеи, занявшие под город небольшую полосу побережья с частью превосходной бухты, не могли, конечно, тотчас же приступить к сооружению столь монументальной, единственной в своем роде стены; и “древний” Херсонес был, несомненно, в это время обнесен простой стеной, от которой еще уцелели незначительные остатки со стороны моря, где ее не считали необходимым заменить более прочной стеной с ее идеальной кладкой» (Архив ИИМК. Ф. 25/1905. Д. 256. Л. 4).

На рубеже столетий, описывая раскопки 1899–1900 гг., корреспондент “Крымского вестника” М. Энгель подчеркнул, что обнаружено много «интересных и для исторической науки, и для “обычного”, любознательного посетителя руин памятников; К.К. Косцюшке удалось добиться преобразования этих руин; своей неутомимостью и кропотливым трудом достичь преобразования внешнего вида мертвого города ... обозначились границы более древнего города ... раскопки стали более похожи на развалины Высокой Трои». Примечательно, что уже в те годы было понятно, что “Херсонесское городище – одно на черноморском побережье не было занято новым городом, и понятно, что оно хранит в себе остатки более древней эпохи Херсонеса и более ранние следы субкультуры. Таким образом, монастырские сооружения, возникшие в этом месте, быть может, совершенно случайно, на века скрыли под собою неоцененные памятники старины” (Энгель, 1892).

Критические замечания о раскопках в Херсонесе Д.В. Айналова. В 1892 г. Херсонес посетил Д.В. Айналов. Осмотрев памятники, он высказал соображения о возможном плане исследований. По его мнению, раскопки “проводятся без определенного плана. Руководителями являются в данном случае заметные на поверхности земли следы хорошей кладки стен, полукругов апсид и пр. Соображаясь же с данными топографии города, можно избрать более правильный путь к обнаружению города. Самое первое и главное, что затрудняет

⁴ Историю изучения памятника см.: Рогов, 2000. С. 88–97.

дальнейшие раскопки – это остающаяся земля и камни, которые в некоторых местах, еще со времен работы Одесского общества истории и древностей, заново погребли некоторые части города. И, главное, ввиду трудностей, представляемых вывозкой земли и камней, следует начать раскопки не внутри города, а на берегу, начиная с западной стены по всему западному берегу. Этим сохранятся многие памятники и постройки от постоянных обвалов и разграблений, т.к. весь этот берег представляет обнаруживающиеся от обвалов помещения и могилы, привлекающие грабителей. Можно назначить здесь два пункта для работ: восточную часть – участок Феоны⁵; главный торг в центре города, на него приходится два спуска. Раскопки пойдут к центру города, и тем *удастся привлечь к делу и известие о пути, по которому шел Св. Кирилл через Херсонес с мощами Св. Климента*” (Архив ИИМК. Ф. 1/1892. Д. 10. Л. 27).

К.К. Косцюшко-Валюжинич в ответ на замечания направил в ИАК подробные разъяснения: “Напрасно г. Айналов полагает, что раскопки велись и ведутся без определенного плана. Первые два года я исключительно преследовал одну мысль: собрать возможно больше интересных находок, т.к. был уверен, что ИАК признает неудобным производить ежегодную крупную денежную трату, если раскопки не приведут к хорошим результатам, и продолжаю думать, если б не были открыты: в 1888 г. мастерская с моделями терракотовых фигур и в 1889 г. большой храм с остатками превосходного мозаичного пола, то дальнейшее расследование Херсонесского городища было бы приостановлено. ...Позволю себе спросить: были бы открыты те ценные эпиграфические памятники, между которыми первое место занимает Присяга, если бы не производились раскопки на площади, в центре города, и может ли поручиться г. Айналов, что в то время, когда по прошествии, быть может, 10 лет раскопки, производимые по его теории, дошли бы, наконец, до площади, где находится освященный в 1891 г. храм, где в это время посажены деревья, – монастырское начальство разрешило бы перекопать эту площадь?”

В единственном спуске к морю на северном берегу нет портов, но здесь производятся ежегодные раскопки, хотя, каюсь, не мечтал об открытии пути, *по которому шел Св. Кирилл*, но исключительно преследовал цель: собрать в глубоком культурном

слое берега возможно больше амфорных ручек с надписями, черепков тонкой расписной посуды, обломков терракотовых фигур, – как лучшее доказательство глубокой древности той местности, на поверхности которой мы видим теперь развалины византийского Херсонеса” (Архив ИИМК. Ф. 1/1892. Д. 10. Л. 29, 30).

Стремление К.К. Косцюшко-Валюжинича выявить наиболее ранние слои вызывало критические замечания некоторых представителей общественности, упрекавших его в том, что он уничтожает памятники христианского времени во имя поиска языческих (Немирович-Данченко, 1891). Но ученый следовал правилам, предписанным ИАК и одобренным А.А. Бобринским: “Раскопки Комиссии, принявшей за правило докапываться до грунтовой скалы, обнаружили под остатками поздних зданий фундаменты языческого города. Раскопки этих нижних слоев дали несколько предметов цветущей эпохи греческого искусства IV–III вв. до н.э.” (Архив ИИМК. Ф. 25/1891. Д. 22. Л. 9).

“Критики” деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича не учитывали условий, в которых ему приходилось работать.

Взаимоотношения К.К. Косцюшко-Валюжинича с монастырем. Если обратиться к истории раскопок Херсонеса XIX в., становится очевидным, что многие детали, которые могли бы помочь восстановлению строительной биографии памятников, остались не отмеченными в отчетах. Причины, обусловившие такое положение, объективны (методика раскопок той эпохи, спешные работы в связи со строительной деятельностью на территории городища) и субъективны (взаимоотношения между К.К. Косцюшко-Валюжиничем и монастырем).

В одном из проектов по благоустройству городища (1902 г.) ученый писал: “1. До работ монастырь должен извещать заведующего раскопками. 2. Не препятствовать исследованию этих участков (там, где ведутся работы монастыря). 3. Находимое при работах передавать зав. раскопками, а не продавать или дарить. 4. Все до 1888 г. передать без остатка зав. раскопками. 5. Не разрешать братии входить в роль экскурсоводов. 6. Не разрешать вывозить на раскопки нечистоты. 7. Не пасти скот на древнем городище” (Архив НЗХТ. Д. 40. Л. 244об., 245).

Свидетельства архивных документов позволяют воссоздать условия, в которых приходилось работать К.К. Косцюшко-Валюжиничу. На площади, где возводился собор в память крещения Руси, до 1888 г. было открыто несколько сакральных соору-

⁵ Участок Феоны упоминается в Житии св. Капитона (Латышев, 1906), который якобы был послан в Херсон императором Константином по просьбе херсонитов-христиан и стал первым епископом города.

жений. К изучению одного из них К.К. Косцюшко-Валюжинич обратился повторно. Но монастырским руководством “были изгнаны рабочие, поставленные в ее (базилики. – *А.Р.*) внутренней части”. Все это “привело к коллективной кляузе монастыря, в которой было сказано, что эта базилика исследована Одесским обществом истории и древностей и самим Косцюшко”. Защищаясь, исследователь отметил: «Базилики, расположенные с южной стороны нового храма, никогда внутри ни расследованы, ни мною доследованы не были. Надеюсь найти какие-либо указания на время сооружения этих древних храмов ... я поставил их (рабочих. – *А.Р.*) для перекопки алтарных частей названных базилик. Базилики эти уцелели только благодаря моему о том ходатайству, и насколько дороги монастырю “памятники древней святыни”, доказывает возведение в 1889 г. на месте часовни с фресковой росписью... хозяйственной постройки»⁶.

На основании переписки между Синодом, ИАК и К.К. Косцюшко-Валюжиничем можно судить о методике раскопок. В одном из отношений в ИАК сказано, что площадь (около собора. – *А.Р.*) выравнивается “без изменения каждого камня, открытого здесь”. На остальной территории “землекопы проходят рвами на глубину от 1,5 аршин до 2 аршин, выбрасывая камни и оставляя глинистую землю для посадки деревьев. Одновременно вся местность прозондирована шупами, и не встречено никаких древних остатков” (Архив НЗХТ. Д. 37. Л. 16об.). В одном из посланий (8.11.1895 г.) К.К. Косцюшко-Валюжинич сетует на то, что не монастырь существует для сохранения Херсонеса (как это планировалось при его создании), а Херсонес – для монастыря: “Распланировка вокруг собора: сад, стена, дом с северной стороны, производство работ, необходимых для благоустройства ... повлечет за собой уничтожение остатков древних зданий, из коих удалось спасти лишь две базилики, расположенные с южной стороны храма, и то лишь при условии оставить только три ряда кладки стен, которые в своем первоначальном виде закрывали нижнюю часть храма” (Архив НЗХТ. Д. 39. Л. 127).

Вряд ли существует необходимость умножать примеры. Блестящий знаток истории исследований Херсонеса И.А. Антонова писала, что при органи-

зации систематических раскопок была допущена дипломатическая ошибка: руководство монастыря, которое считало, что территория Херсонеса и, следовательно, археологические находки являются его собственностью, было отстранено от решения вопросов исследования городища. Это породило обиду, которая сказывалась на взаимоотношениях К.К. Косцюшко-Валюжинича и монастыря (Антонова, Филиппенко, 1997. С. 152). Но, пожалуй, претензии монастыря на владельческие права в большей мере, чем “дипломатическая ошибка”, вызывали конфликты. Об этом свидетельствует одно из событий 1884 г., когда для участников археологического съезда была организована “научная экскурсия”, в ходе которой П.С. Уварова намеревалась “открыть одну из многочисленных могил, которыми изобилуют окрестности Херсонеса”. Она получила на это разрешение от городских властей, но ошибочно был указан участок, находящийся во владении монастыря (заметим, что юридически территория Херсонеса ему не принадлежала). Эконом в не очень тактичной форме передал графине просьбу настоятеля “здесь не рыть”. И, как пишет П.С. Уварова, она “удалилась под присмотром урядника и эконома монастыря на городскую землю”. «Грустным недоразумением» назвал этот эпизод автор заметки в “Севастопольском листке” (6.09.1884, № 72), – замечает председатель Московского археологического общества, обращаясь к В.Н. Юргевичу (октябрь 1887 г.), и продолжает – К великому прискорбию заметила, что Пахомий полный хозяин исследования развалин этого города, а между тем, Вы, как вице-президент того ученого общества, которое стоит во главе этого ученого труда и под ответственность которого производились эти раскопки, не имеете в этом чисто научном деле ту власть, которая необходима для спасения оставшихся руин Херсонеса от конечной их гибели... Никто из ученых, посетивших Херсонес, не мог понять, каким образом дело ведется заочно Одесским обществом, а заведует им на деле лицо, вполне неизвестное науке” (Архив ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Д. 59. Л. 13–17).

К.К. Косцюшко-Валюжиничу выпала доля навести порядок на памятнике, неоднократно возвращаясь к исследованию объектов раскопок ООИД. Строительная деятельность на территории городища обуславливала спешку, использование плантажного метода, приводивших к ошибкам в планах и неудовлетворительной фиксации находок (не только с позиций наших дней). Однако если сравнить опубликованный Д.В. Айналовым (1905) план расположения храмов с тем, что можно видеть сегодня, становится очевидно, что многие сакральные сооружения не сохранились или были засыпаны.

⁶ Во время одного из конфликтов К.К. Косцюшко-Валюжинича обвинили в “инослави”, в том, что он как католик не уважает православные святыни и потому нежелателен в качестве руководителя раскопок. Отвечая, он напомнил, что базилики, построенные до VI в., одинаково дороги для православных и католиков, поскольку разделение церквей произошло в 1054 г. Данный сюжет с извлечениями из архивных документов изложен в научно-популярной книге (Романчук, 1991).

Когда речь заходит о “качестве раскопок” К.К. Косцюшко-Валюжинича, недостатки объясняются его дилетантизмом. При этом отмечается, что на неудовлетворительную фиксацию материалов указывали сотрудники ИАК. Так, в 1898 г. Херсонес посетил А.А. Спицын. На основании его доклада заведующий Южным отделом Ф.И. Браун предписывал ввести нумерацию предметов, посылать в комиссию опись с их указанием, чтобы любой интересующийся мог точно установить место и условия находки (Архив НЗХТ. Д. 40. Л. 16, 17). В 1904 г. вновь был поднят вопрос о правилах хранения древностей. И другой член ИАК Н.И. Веселовский, заметив, что будет сложно восстановить детали в случае пропажи или передачи вещи другому лицу, предлагал свой труд для систематизации материалов (Архив НЗХТ. Д. 41. Л. 75). В последующем эту работу частично выполнил сам К.К. Косцюшко-Валюжинич, сообщая в ИАК “о присвоении *номеров* (курсив мой. – А.Р.) всем находкам текущего года и занесении в соответствующую опись” (Архив НЗХТ. Д. 41. Л. 73).

Безусловно, можно критиковать выводы, методы исследований предшественников, но без них вряд ли развивались бы наши знания о Херсонесе. Вместо оценки методики раскопок тех лет лучше прислушаться к словам А.А. Бобринского: “Для Херсонеса новое солнце светило с той поры так ясно и постоянно; неутомимая Ваша энергия, Ваше терпение и аккуратность привели к результатам, которыми Вы могли по праву гордиться. Никто, кажется, даже из завзятых скептиков, не будет отрицать и сомневаться ни в важности раскопок в Херсонесе, ни в том факте, что открытием этого источника научного света мы всецело обязаны Вам” (Архив НЗХТ. Д. 39. Л. 211). В 1898 г. в рапорте в Министерство Императорского двора А.А. Бобринский отметил: “За десять лет достигнуты чрезвычайно разносторонние и, во многих отношениях, блестящие результаты. Он (К.К. Косцюшко-Валюжинич. – А.Р.) исследовал до материка значительные участки самого городища, причем под развалинами христианского Херсонеса во многих местах обнаружил фундаменты древнейшего греко-кримского города, который оставался вовсе неизвестным предыдущим исследователям, графу Уварову, Одесскому обществу. В исследованных участках города Косцюшко открыл 20 храмов и часовен, кафедральный собор, интереснейший памятник византийского зодчества в России. Здесь же под престолом найден серебряный ковчег VI в.

Открыта оборонительная стена на всем ее протяжении. Эти открытия в связи с многочисленными жилыми помещениями, улицами, погребями, цис-

тернами, водопроводами дают богатый материал для будущего исследователя топографии города. На некрополе с 1891 по 1897 г. вскрыто 989 погребений, около 4000 предметов, 8000 монет” (Архив ИИМК. Фонд ИАК. 1894. Д. 250. Л. 8, 9).

К.К. Косцюшко-Валюжинича упрекают также в том, что он не сознавал значимости средневековых находок и комплексов. Это не соответствует действительности. Не только в отчетах, но и в отношениях в ИАК, письмах к А.А. Бобринскому исследователь упоминал такие находки. Примером может служить описание визита в Херсонес императора Николая II (18.09.1902 г.). Сообщая об этом в ИАК, К.К. Косцюшко-Валюжинич обращает внимание на “энколпион большой бронзовый превосходной сохранности, интересный своими славянизированными надписями, доказывающими, что Херсонес византийской эпохи исполнял заказы для наших великокняжеских городов”. И далее продолжает: “Мысль эта принадлежит нашему известному ученому академику Н.П. Кондакову... При обозрении этого храма я буду иметь счастье давать объяснения, основываясь на отзывах академика Кондакова, ... что при изучении наших древностей необходимо начинать с Херсонеса как источника, откуда заимствованы нами христианство и культура” (Архив НЗХТ. Д. 40. Л. 226об). Отмечал К.К. Косцюшко-Валюжинич и местонахождение отдельных артефактов. Правда, более подробно описывались раритеты; массовые находки (и не только византийского времени) приводились в отчетах чаще всего вне комплексов, с которым они были связаны.

При возникновении противоречий с монастырем, как правило, А.А. Бобринский выступал на стороне К.К. Косцюшко-Валюжинича. Иное дело, когда интерес к херсонесским древностям проявляло МАО. В таких случаях исследователь должен был быть очень осторожным.

Хранитель Исторического музея А.В. Орешников, готовя каталог монет, писал: «Монеты византийские, собранные Вами, мне хотелось бы издать в “Трудах Московского нумизматического общества” в последнем печатающемся выпуске. Этим выпуском и закончу редактирование, и сомневаюсь, чтобы общество скоро опять стало издавать “Труды” по соображениям материальным. Если Вас стесняет издание в московских изданиях из-за боязни петербургского начальства, то разрешите издать под моим флагом, выслав мне на время для слепков все херсоно-византийские монеты... Но если это Вам не желательно, то свою просьбу я беру назад, буду терпеливо ждать Вашей статьи» (Архив НЗХТ. Д. 44. Л. 319).

Начало XX в. Трудно объяснить, почему античным памятникам К.К. Косцюшко-Валюжинич придавал большее значение в сравнении с византийскими; почему с самого начала раскопок он стремился найти “древний Херсонес” на берегу Карантинной бухты. А для определения местоположения раннего города большое значение имели оборонительные стены, изучение которых приходится на конец XIX – начало XX в.

Об итогах раскопок к началу нового столетия К.К. Косцюшко-Валюжинич писал следующее: “Профессор Э.Р. фон-Штерн, исследования которого по разным отделам классических древностей всегда отличаются убедительностью, первый высказал мысль, что при производстве раскопок особенное внимание должно быть посвящено находимой посуде. В этом я совершенно убедился во время раскопок в Херсонесе в последние два года с наружной стороны главного участка городской оборонительной стены. Раскопки заключались в систематическом удалении культурных наслоений отдельных эпох, сначала верхней византийской, затем римской и, наконец, греческой автономной... Послойная раскопка в этом месте настолько интересна и поучительна, что могла бы служить практической школой для лиц, изучающих археологию...

Вот вполне достойное место, где наши ученые археологи могли бы в каникулярное время читать лекции по истории древнего Херсонеса, без всяких затрат на туманные картины!

Считалось, что Херсонес был настолько беден,... что не имел даже собственной посуды. Раскопки прошлого года совершенно разрушили эту теорию, которая перешла к нам от старой школы и сохранилась подобно археологическому гипнозу. Оказалось, что местность, непосредственно прилегающая к наружной стороне боевой стены от большой фланговой башни (башня Зенона, или XVIII), была занята разными фабричными производствами. Здесь, у материковой скалы, обнаружены остатки целого ремесленного поселка, ... вырубленные в скале ямы для приготовления глины, превосходный глубокий колодец грушевидной формы и печи для обжига посуды... Теперь не подлежит никакому сомнению, что длинный ряд имен астиномов на амфорных ручках... принадлежит херсонесским астиномам, которые в то же время заведовали чеканкой монеты” (Косцюшко-Валюжинич, 19016).

Уже будучи смертельно больным, ученый размышлял об аргументах для продолжения дискуссии с А.Л. Бертье-Делагардом относительно датировки отдельных участков фортификации Херсонеса.

Роковой для него стала поездка в октябре 1907 г. в Ялту (на Харакс), чтобы осмотреть открытые там оборонительные стены. После кончины первого заведующего городищем В. Роот сообщил в ИАК, что К.К. Косцюшко-Валюжинич не обращал внимания на начавшуюся болезнь, “преневозямая слабость, продолжал работу, желая наверстать потерянное время. Простуда перешла в воспаление легких... В начале болезни был озадачен и обрадован вновь открытыми древнегреческими стенами у батареи в западной части городища и просил по возможности поспешить с окончанием раскопок некоторых участков и фотоснимков с них, но, к сожалению, не пришлось видеть ни того, ни другого, а стены эти были бы большим козырем в его руках для опровержения теории уважаемого А.Л. Бертье-Делагарда” (Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 149. Л. 2).

Для оценки научного вклада К.К. Косцюшко-Валюжинича вряд ли приемлем количественный показатель. И все же обратим внимание на список, приложенный к составленному в 1894 г. “Объяснению к генеральному плану Херсонесского городища”, где приведено 176 раскопанных объектов. “Всего: храмов – 1; базилик – 9; часовен – 30” (Архив НЗХТ. Д. 202. Л. 1–14).

22 ноября 1907 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич отправил последнее письмо в Археологическую комиссию, где сообщил о сильном снежном шторме, разыгравшемся в Севастополе, и отметил, что стенам, открытым в 1899 г., вреда не нанесено.

Среди исследователей руин Херсонеса можно назвать имена многих известных ученых, однако первым, кто заложил основы планомерных раскопок, был К.К. Косцюшко-Валюжинич. И еще не одно поколение историков будет обращаться к его творческому наследию, чтобы уточнить хронологию изученных в конце XIX – начале XX в. памятников, ибо, как писал А.А. Бобринский более ста лет назад: “В общем, мы приходим к убеждению, что в Херсонесе хватит дела и места для правильно веденных раскопок еще на долгие годы, и что делаемые здесь ежегодные раскопки по важности своей для столь мало известной истории этого края богато окупают истраченные правительством на ведение этих поисков расходы” (Архив ИИМК. Ф. 25/1891. Д. 22. Л. 15).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айналов Д.В.* Развалины храмов // ПХХ. 1905. Вып. 1.
Антонова И.А., Филиппенко В.Ф. Монастыри Крыма: История и легенды // Боги Тавриды: История религий народов Крыма. Севастополь, 1997.

- Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // АК. 1912. Т. 46.
- Косцюшко-Валожинич К.К.* Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
- Косцюшко-Валожинич К.К.* Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
- Косцюшко-Валожинич К.К.* Новейшие раскопки в Херсонесе // ЗООИД. 1901а. Т. 23. Материалы.
- Косцюшко-Валожинич К.К.* Новости археологии // Крымский вестник. 1901б. № 8.
- Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских // ЗАН: Истор.-филолог. отд. 1906. Т. 8. Вып. 3.
- Немирович-Данченко В.* О Херсонесе // Нива. 1891. Февр.
- Рогов Е.Я.* Столетие открытия подступного склепа 1012 в Херсонесе // Stratum plus. 2000. № 3.
- Романчук А.И.* Возрождение античного города: Очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск, 1991.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Энгель М.* Глубь веков: Новейшие результаты археологических разведок в Херсонесе, V // Крымский вестник. 1892. № 251.
- Энгель М.* Глубь веков. XI, XIII // Крымский вестник. 1900. № 146, 157.
- Юргевич В.Н.* Письмо в редакцию // Севастопольский листок. 1884. № 26.
- Юргевич В.* Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышовой и Стрелецкой в 1886–1887 году // ЗООИД. 1889. Т. 15.

К 150-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ 1870–1910-х ГОДОВ

© 2009 г. Л. А. Беляев*, Р. Б. Бутова**, Н. Н. Лисовой***

* Институт археологии РАН, Москва, ** Научно-издательский центр ИППО,

*** Институт российской истории РАН, Москва

Статьями об Иерихоне в прошлом номере “Российской археологии” (Беляев, 2009; Бутова, Лисовой, 2009) Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) положило начало исследованию русских недвижимостей в Святой Земле с точки зрения их интереса для археологии. Задача настоящей публикации – дать общий обзор сведений о древностях Русской Палестины, содержащихся в документах конца XIX – начала XX в., и тем самым предоставить специалистам-археологам возможность опираться на них в разработке планов дальнейших изысканий. Как показывает каталог, составленный в свое время одним из авторов, значительный интерес в археологическом отношении представляют чуть ли не все объекты (а их более 70, см.: Лисовой и др., 2000), что, впрочем, естественно для Сиро-Палестинского региона. В журнальный обзор включены, разумеется, только главные. При этом мы не стремимся проанализировать или проверить сообщаемые источниками сведения по археологии, тем менее критиковать их атрибуции и датировки (вполне отвечавшие уровню науки своего времени, они сегодня могут подчас выглядеть наивными). Подробная интерпретация – дело будущего, для сегодняшней же работы необходим надежный “итинерарий”, каким и послужит публикуемый комментированный список.

Большинство интересующих нас объектов связано с именем архимандрита Антонина (Капустина; 1817–1894). Настоятель посольских церквей в Афинах (1850–1860), Константинополе (1860–1865), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1865–1894) – на всех местах своего служения Антонин много и плодотворно занимался научными изысканиями. Один из первых исследователей греческих и славянских рукописей Иерусалима, Афона и Синая, он известен и как опытный коллекционер-нумизмат, которому были обязаны своими нумизматическими собраниями не только Палестинское Общество, но и многие другие духовные и светские научные учреждения и музеи (о нем: Дмитриевский, 1904. С. 95–148; Киприан (Керн), 1934; Лисовой, 2000а. С. 197–225; Пономарев,

2001. С. 239–251; Фонкич, 1983. С. 368–379; Помяловский, 1886; Гурулева, 1998. С. 235–243; Бутова, 2006). Наконец, им были собраны материалы для археологического музея, включающие прекрасную коллекцию керамики, архитектурные детали и другие артефакты (Loukianoff, 1931. P. 97–101. Pl. I–VIII; Гурулева, 2007). Несмотря на утраты, эти материалы, сохранившиеся в Иерусалиме, ждут научного описания и размещения в постоянной экспозиции.

И все же архимандрит Антонин – член многих научных обществ на родине и за рубежом (Афинского, Немецкого Восточного и Русского археологических обществ; Одесского Общества истории и древностей, Московского общества любителей духовного просвещения, Уральского Общества любителей естествознания; почетный член Императорского Православного Палестинского Общества и Киевского Церковно-археологического общества; почетный член Киевской, Санкт-Петербургской и Московской Духовных академий), кавалер греческого Командорского креста ордена Спасителя “за ученость” – как археолог недостаточно известен научному миру.

“Бесплатной, долговременной и самой приятной школой изучения христианских древностей” стало для него воссоздание византийского храма св. Никодима в Афинах (XI в.), переданного греческим правительством в собственность России в качестве посольской церкви, и возникшие в связи с этим строительством археологические задачи (Антонин (Капустин), 1886. С. 469; Бутова, 2008. С. 102–108). Назначенный в 1865 г. начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, Антонин увлеченно принялся за исследование памятников, связанных с событиями Ветхого и Нового Завета. И удивительно – все его научные достижения осуществлялись как бы между делом: основные служебные обязанности были связаны с церковной дипломатией, укреплением канонических связей Русской и Иерусалимской Церквей, утверждением русского влияния в Святой Земле. Знаток библейской археологии, он тактично и осторожно вступал

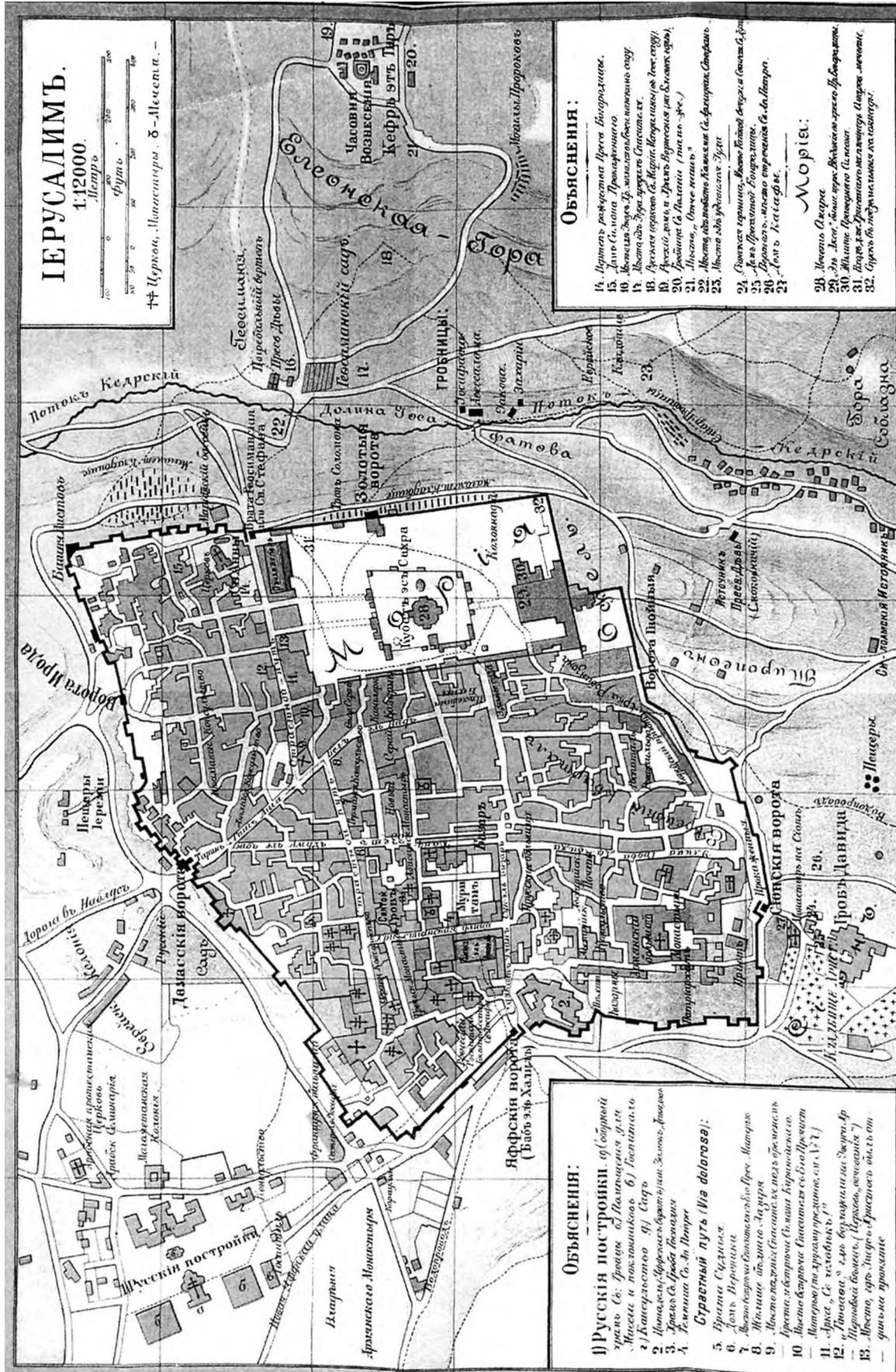

Рис. 1. План Иерусалима. А.В. Елисеев, 1885 г.

Рис. 2. Иерусалим. Кладка стены V в. до н.э. на территории Александровского подворья.

в переговоры с главами арабских семейств, во владении которых находилась земля, связанная с местами, священными для православных верующих, и терпеливо, умело, экономно вел дела по приобретению недвижимости. Так, один за другим были приобретены участки в Хевроне (с Мамврийским дубом, 1868; ныне принадлежащее РДМ подворье в честь Святых Праотцев), в Яффе (1869; ныне подворье Праведной Тавифы), в Айн-Кареме (1871; ныне Горненский Свято-Казанский женский монастырь), на Елеоне (1871; ныне Русский Вознесенский монастырь), в деревне Силоам (“Могила дочери фараона”, 1873), в Иерихоне (1874; подворье св. Иоанна Предтечи) и другие.

Палестинское “владительство” и строительство о. Антонин неразрывно связывал с задачами православной археологии. В его дневниках и письмах находят отражение не только собственные исследования на Елеоне, в Айн-Кареме, Гефсимании, Иерихоне, но и раскопки всех известных археоло-

гов-палестиноведов того времени. На первых порах ему приходилось не столько исследовать, сколько готовить почву для создания Русской Палестины, но при этом он никогда не упускал из виду возможности археологии как области науки и как мощного рычага в борьбе государств и религий на политической арене Ближнего Востока. Наш краткий обзор показывает, что перспективы археологического исследования участка не просто принимались во внимание – подчас они становились главным аргументом в пользу приобретения. Принятие таких решений было невозможно без усилий по разработке археологической карты, сбора сведений у местного населения, словом, без археологической разведки.

Начнем с Иерусалима и его окрестностей (рис. 1, 2). Самый известный объект в Старом Городе – Русское место близ храма Гроба Господня, ныне Александровское подворье (Лисовой и др., 2000. № 10). В 1859–1861 гг. русским консулом

В.И. Доргобужинским и начальником Русской Духовной Миссии епископом Кириллом (Наумовым) были куплены три участка земли по улице Даббага (*араб.* дубильщиков), общей площадью 1429 м². На участке планировалось строить здание русского консульства, но строительство было отложено, а потом и вовсе отменено из-за обилия археологических остатков. Как писал секретарь Палестинского Комитета Б.П. Мансуров, “сделанные изыскания обнаружили, что очистка подземелья потребует долгих работ и больших расходов, ибо здесь оказалась насыпь развалин и векового мусора, вышиною более пяти сажен (10 м). Очистка подземелий начата была в 1859 г. и будет производиться по мере средств” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. I. С. 232, 233). Верхушки колонн храма Гроба Господня эпохи Константина впервые отметил на этом месте прусский консул Е. Шульц в 1843 г. По приобретении участка в русскую собственность Палестинский Комитет поручил итальянскому археологу Э. Пьеротти провести на участке археологические разведки. Пьеротти обнаружил (1860) остатки стены древнееврейского периода. Француз, маркиз Ш.М. де Вогюэ, год спустя открыл часть проездовой арки, которую отнес к эпохе Константина. В 1860-х годах здесь работали также английские исследователи В. Уилсон и Б. Кондор, а в 1874 г. – сотрудник французского консульства (и по совместительству археолог) Ш. Клермон-Ганно. Но хотя “многое было кое-как отыскано, связи между этим не было определено” (Раскопки на Русском месте..., 1894. С. VII).

Лишь после того как было создано Палестинское Общество, нашлись необходимые финансовые возможности. В 1883 г. начались крупномасштабные археологические изыскания, которые возглавляли архимандрит Антонин и приглашенный им немецкий архитектор и археолог Конрад Шик. Оба были к этому времени опытными археологами. Шик за годы работы в Иерусалиме (с 1846 г.) накопил уникальный опыт в исследовании библейских древностей: именно им были открыты такие выдающиеся памятники, как Силоамская и Овчая купели, он также составил историко-топографические планы Иерусалима и его окрестностей, донные сохранившие свою научную ценность. Раскопки осуществлялись в соответствии с требованиями тогдашней археологической науки. Благодаря подробным отчетам архимандрита Антонина и его дневнику, а также регулярно производившейся фотофиксации основных этапов работ сегодня можно восстановить ход и оценить качество раскопок почти по дням. Так, 10 июня 1883 г. был открыт памятник евангельского времени – Порог Судных Врат, через которые Спаситель шел на Голгофу. Были раскры-

ты также фрагменты древней иерусалимской стены и пропилеи храма Воскресения (рис. 2) (подробнее см.: Лисовой, Бутова, 2008. С. 66–71).

В Кедронской долине, к юго-востоку от Иерусалима, 15 февраля 1866 г. (менее чем через полгода после приезда в Палестину) Антонин приобрел участок Уара ед-Дуббак с двумя пещерами, из которых бóльшая (Румманийе, т.е. “Гранатовая”, или Дейр-Эссинийе) – погребальная пещера с входной камерой и пятью квадратными залами с 30 локулами (Лисовой и др., 2000. № 26; план см.: Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 247), являвшаяся, по мнению А.А. Олесницкого, гробницей царя Иудейского Иосии (ученый исследовал ее в 1873–1874 гг., см.: Олесницкий, 1875. С. 262, 406–411). 14 января 1885 г. Антонин водил на экскурсию в “большую пещеру-могилу” В.Н. Хитрово: “Прибытие к Руммание. Осмотр тщательный Озиной могилы. Таковой же соседней – уж конечно Манассиной” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1885. ГМИР. № 6364. С. 11). Как писал генконсул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в донесении обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 3 сентября 1899 г., “было бы очень желательно хорошо исследовать обе пещеры. Весьма возможно, что где-нибудь в полу будет найден камень, так плотно прикрывающий собой отверстие, ведущее еще далее внутрь земли, что его может открыть только опытный глаз привычного археолога. {...} В заключение я осмеливаюсь повторить, что было бы желательно охранить те 2/3 большой пещеры, которые находятся вне нашей недвижимости, и произвести основательные раскопки в обеих пещерах” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 274–277).

Наиболее интересна для византийской археологии территория Русского Спасо-Вознесенского женского монастыря на Елеонской горе. В 1869–1871 гг. архим. Антонин приобрел, один за другим, 11 участков на самой вершине горы общей площадью 53748 м² (Лисовой и др., 2000. № 15). Дневник Антонина позволяет восстановить важные подробности: “26 ноября 1870 г. Переехал на Елеон, спускался в систерну, собирал мозаику, производил измерения и разные наблюдения; 15 января 1873 г. Находясь на Св. Горе и производя археологические раскопки на месте алтаря древней базилики я слушал сперва необычайную музыку во Св. Граде около часу пополудни, а потом продолжительный колокольный звон; 18 января 1873 г. Якуб Элеонский с открытиями. Продолжая рыть к северу от золотой мозаики, он напал на базу стоявшей когда-то тут колонны. Похоже, говорит, на базы Вифлеемских колонн. Таиб (*араб.* хорошо – *Авт.*). Значит, несомненно напали на древнюю церковь; 24 января 1873 г. Якуб

просит приехать читать вновь открытую греческую надпись на помосте бывшей церкви. Наскоро перекусив, я возлез на сераго, и недолго думая очутился в Москобии Элеонской. Надпись, в 11 строк, изсечена на мраморной плите четырёхугольной, обломанной во всю длину с левой, начинательной стороны буквы на две от каждой строчки. Видно, что погребена некая ФЕОДОСИЯ монахиня, скончавшаяся 14 сентября, индиктиона 11-го царства Христова, года 11... Вероятно своего возраста. Полагать надобно, что усопшая девочка состояла на послушании в женской обители. Плита (от пожара, должно быть) растрескалась на куски. При мне уже ровно к северу от плиты откопали базу и бруски колонны, как раз *vis-a-vis* с открытою прежде. Ясно, что мы напали на развалины небольшой базилики. Эта пара колонн была первая от алтаря, восточная стена которого совнутри по древнему обычаю одета была золотою мозаикою. Приятно убедиться, что это была греческая и след(овательно) несомненно православная церковь” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1870 г. Библиотека ИППО. Б. IV. № 853/12. С. 225; Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1873. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 1126. Л. 4об.; 6).

Вряд ли можно назвать эти изыскания планомерными раскопками, в лучшем случае – это разведки, в которых археолог руководствовался интуицией, накопленным опытом и, конечно, историко-религиозными соображениями. Средства на проведение раскопок предоставила А.И. Кадышева, паломница-благотворительница, мечтавшая о собственном доме на святом месте. Несмотря на отсутствие профессиональной документации, исследования Антонина на Елеоне можно достаточно подробно проследить, помимо дневника, благодаря еще

одному уникальному источнику. По записям и воспоминаниям Антонина ход работ восстановил и записал русский дипломат и историк-любитель С.М. Дмитревский, секретарь, а в первые месяцы 1885 г. управляющий русским консульством в Иерусалиме. Его рукопись (подносной экземпляр для вел. кн. Сергия Александровича) сохранилась в библиотеке ИППО в Москве (Дмитревский, 1885).

Во время этих работ были обнаружены фрагменты напольной мозаики с изображениями животных и растений и гробницы. Размер мозаики составлял 20 м². «У сев. бордюра мозаики сохранилась нетронутая временем надпись на древнеармянском языке, гласящая, что “это могила блаженной Шушаник, матери Артабана. Февраля 18го”. Таким образом, о. архимандрит открыл роскошнейший памятник VI века». “При дальнейшей расчистке найденной мозаики была открыта другая, плотно прилежавшая к первой, гораздо проще ее, в виде параллелограмма по белому полю и не такой тщательной отделки. Для сохранения их обеих о. архимандрит решил защитить их крышей. (...) Они согласились выстроить дом в 2 этажа, верхний отдать в распоряжение г-жи Кадышевой, а нижний с мозаикой – для отдохновения случайных посетителей” (Дмитревский, 2006. С. 56, 57).

В таком виде застал антониновские мозаики Н.П. Кондаков, прибывший со своей экспедицией в Иерусалим в ноябре 1891 г.: “В главной зале, прикрывающей собою древний пол, расставлены по полу, с краю мозаического рисунка и размещены в шкапу множество мелких древностей, найденных в гробницах холма Елеона, открытых на русском месте: из этих древностей главное внимание на себя обращают 11 погребальных урн, украшенных резьбою, представляющей двери мавзолея и иные

Рис. 3. Иерусалим. Елеонский Вознесенский монастырь. Мозаика с именем кувикюлярии Феодосии в Игуменском корпусе (см. цветную вклейку № 4).

орнаменты, далее множество плит, иные с крестами, монограммами и пр., лампочки, стеклянные фиолы и пр.” (Кондаков, 1904. С. 257).

Северо-восточнее храма расположена часовня – по преданию, на месте Обретения главы св. Иоанна Предтечи. В византийский период на этом месте существовала церковь, мозаичные полы которой также были обнаружены и вскрыты архим. Антонином во время елеонских раскопок. Здесь сохранилось три мозаики, в том числе содержащая армянскую надпись с именем епископа Иакова (Е.С. Лукьянова считала, что надпись на несколько веков моложе и лишь вписана в более древние напольные мозаики, см.: Loukianoff, 1939. Р. 3, 8). На территории монастыря имеются и другие археологические объекты, описанные в работах С.М. Дмитриевского и Е.С. Лукьяновой (рис. 3). Посвятив восемь лет изучению елеонской археологии (1929–1937), Лукьянова свела материал в цельную картину, в которой все почти антониновские находки оказались частями единого памятника Константиновского времени – знаменитого комплекса “Елеона” (Loukianoff, 1939. Р. 38–41, план-реконструкция: Р. 39; Лисовой, 2008).

На юго-западном склоне Елеонской горы в 1881–1884 гг. был приобретен участок Карм уль-Газаль или, по-другому, “место Каллистрата” (Лисовой и др., 2000. № 17). Как писал А.Г. Яковлев, “здесь о. Антонин нашел хорошо сохранившуюся в виде круга мозаичную надпись на греческом языке, которая сообщает, что под нею погребен преподобный Каллистрат (умер в VI в.). Боясь оспаривания со стороны греков или турок, он прикрыв надпись землею. Здесь, по словам о. Антонина, можно было бы произвести интересные раскопки” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 244; воспроизведение мозаики см.: Дмитриевский, 2006. С. 20, 53). В настоящее время местоположение мозаики не установлено.

Неподалеку, напротив “места Каллистрата”, Антонин приобрел в 1882 г. участок под названием Карм аль-Хараб или “Гробницы Пророков” (Лисовой и др., 2000. № 18). По преданию, здесь находятся гробницы пророков Аггея, Захарии и Малахии (VI–V вв. до н.э.). Сам Антонин не верил этой легенде. В отношении к консулу Д.Н. Бухарову от 18 ноября 1886 г. он писал: “Такого же (археологического. – *Авт.*) рода приобретение мое, датированное 1883 годом, составляет могильная пещера на западном склоне горы Елеонской, известная у гидов под кличку “Гробов Пророческих”, не имеющего смысла и приурочиваемая археологами к памятникам языческого культа первых насельников места, – купленная мною у одного из местных жителей с при-

Рис. 4. Иерусалим. Центральный коридор “Гробницы пророков”.

легающею к ней площадкою в несколько десятков квадр. сажений” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 208). В 1890 г. памятник был исследован археологом-августинцем Л.Х. Венсаном (Гробницы пророков, 1901. С. 142–152). Современные археологи датируют погребения I–V вв. н.э. – *кокким* относятся к доадриановскому времени, а многочисленные граффити на стенах сообщают, что здесь похоронены христиане из Сирии или Месопотамии, бывшие, очевидно, на поклонении в Иерусалиме. Лестница от входа ведет в круглый зал (8.5 м диаметром), от которого отходят на север, восток и юг три коридора длиной 9–12 м, соединенные двумя большими полудугами, внешняя из которых является погребальной камерой с 26 локулами на внешней стене (план см.: Murphy-O’Connor, 1998. Р. 124. Fig. 36) (рис. 4).

Завершая обзор участков на Елеоне, отметим, что в 1931–1934 гг. на участке храма св. Марии Магдалины русским археологом Г.И. Лукьяновым было расчищено семь ступеней Елеонской улицы-лестницы, по которой совершился Вход Господень в Иерусалим; еще восемь были раскрыты им в долине Кедрона близ греческого храма Первомученика Стефана.

Другая группа иерусалимских участков размещалась в районе Силоама (Лисовой и др., 2000. № 23, 25). Первый купленный здесь Антонином памятник – “Силоамский монолит”. В цитированном отношении от 18 ноября 1886 г. упомянут “могильный памятник, к коему привязывается славное имя Соломона, находящийся в деревне Силоам, насупротив знаменитого источника сего имени. Значение сей покупки чисто археологическое” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 208). Участок, приобретенный в 1873 г., состоит из двух пещер (рис. 5 и 6), высеченных в скале, из которых большая называется “Могила дочери Фараона” (имеется в виду одна из жен Соломона) или по-арабски “Мегарет уз-Зуннар” (“пещера с поясом или с карнизом”). Писатель-паломник Е.Л. Марков рассказывает о встрече там с русской монахиней Мариной из Вятской губернии, обитавшей, с позволения о. Антонина, в “гробнице Фараонитки” “с тульским самоваром и суздальской иконой” (Марков, 1891. С. 161–163).

В той же деревне Силоам из двух участков составилось владение Хакурет уль-Баядер, или Уллие (первый приобретен архимандритом Антонином в 1878–1882 гг., второй – генеральным консулом А.Г. Яковлевым в 1900 г.; 29 августа 1900 г. весь участок переведен на имя Председателя ИППО вел. кн. Сергия Александровича). Археологическую ценность участка определяют высеченная в скале древнееврейская гробница и остатки византийской церкви (к началу XX в. сохранились часть древней штукатурки и надпись на сирийском языке). А.А. Олесницкий трактовал “гробницу” как скалу-голубятню, или перистереон, о которой говорит Иосиф Флавий (“Иудейская война”, V, 31). Но ученый не имел возможности осмотреть внутренность комплекса, между тем как Яковлев, внимательно обследовавший комплекс, обнаружил в западной и восточной стенах помещения по три локулы, обычные для древнееврейских гробниц (см. план, снятый архитектором Р. Пальмером: Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 280). По мнению Яковлева, изложенному им в отношении в Хозяйственное Управление при Св. Синоде от 18 сентября 1900 г. (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 279–281), речь должна идти именно о гробнице, вход в которую сделан на высоте 4 м от основания. В раннехристианское время в ней, возможно, была устроена небольшая церковь, предположительно сирояковитская, о чем могла бы свидетельствовать плохо сохранившаяся и не вполне разобранный консультантами Яковлева сирийская надпись. Дальнейшее исследование комплекса, насколько нам известно, не проводилось.

К северо-востоку от Иерусалима, при въезде в селение Аната (древний Анафот, родина пророка

Иеремии), Антонином в 1879 г. был куплен участок Бет-уль-Хараб (Лисовой и др., 2000. № 40), на котором, согласно донесению А.Г. Яковлева послу в Константинополе А.И. Нелидову от 12 июня 1895 г., были обнаружены остатки древнего христианского храма, предположительно связанного с памятью пророка: “колонны, базы колонн и остатки мозаики, под которой, по мнению Антонина, находится могила какого-нибудь выдающегося лица” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 250). В другом документе Яковлев отмечает: “Этот участок, имеющий в себе согласно ныне составленному плану 37082/100 кв. метра, был куплен 29-го октября 1879 г. о. Антонином на имя Я.Е. Халеби за 740 фр., т.е. по 2 фр. за 1 кв.м. Весь интерес его заключается в небольших остатках на нем древнего христианского храма (два невысоких куска стены, несколько мраморных плит пола и оснований колонн), – как это изображено на прилагаемых при сем двух светописях. Находящиеся в его юго-восточном углу две комнаты без потолка – новейшие постройки” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 270).

Из позднейших русских археологических удач необходимо назвать открытия на Гефсиманском участке (Лисовой и др., 2000. № 13). Во время строительства церкви Марии Магдалины в 1885 г., при раскопке места под фундамент будущего храма, на внешней алтарной стороне были обнаружены древнееврейские скальные гробницы с характерными локулами (Письмо о. Антонина к секретарю ППО М.П. Степанову от 3 июля 1885 г., опубли.: Россия в Святой Земле, 2000. Т. I. С. 414). В ноябре того же года был найден клад серебряных монет времен крестоносцев (Письмо о. Антонина к М.П. Степанову от 16 ноября 1885 г., опубли.: Россия в Святой Земле, 2000. Т. I. С. 416). Интересные находки имели место и в 1892 г., когда возводился так называемый “дом Великого Князя” (Новые археологические находки, 1892. С. 355).

Вне Иерусалима, кроме работ в Иерихоне, необходимо назвать находки на окраине Яффы, где в 1868 г. был приобретен Яффский сад (Лисовой и др., 2000. № 70). На его участке находятся построенный Антонином храм во имя св. апостола Петра и праведной Тавифы и часовня с гробницей Тавифы, где открыты византийские мозаики VI в. (Лисовой, 2000б. С. 589–612).

Исключительно перспективна в археологическом отношении и русская недвижимость вблизи Хеврона (Лисовой и др., 2000. № 36). Здесь, на сложившемся из 12 разновременных приобретений 1868–1889 гг. участке (совр. назв. Хирбет эс-Сибта или Сибте) со знаменитым Мамврийским Дубом (ныне Троицкий Хевронский монастырь), были

Рис. 5. Иерусалим. Общий вид “Гробницы дочери фараона”.

обнаружены древние иудейские гробницы очень хорошей сохранности (рис. 7). 1 декабря 1869 г. Антонин отметил в дневнике: “на месте нашем открылась древняя еврейская гробница, прямо против Дуба, наверху”, и упоминал ее позже (4 января 1885 г.: “Пещерница Марина (о ней выше) с просьбой посидеть с неделю у Дуба и выглядеть наши тамошние 6 пещер-могил древних”).

Израильский археолог Я. Чехановец¹, при осмотре участка в Хевроне в 2006 г., отметила следы древней

хозяйственной деятельности (сельскохозяйственные террасы и все еще растущие масличные деревья, восходящие к эпохе Средневековья); находки керамики и мозаичных тессер IV – первой половины VII в. н.э., монет позднеримского времени; скальные жилища (кельи?) ранневизантийского периода; семейные иудейские гробницы I в. до н.э. – I в. н.э. и резервуар для воды; погребальные пещеры и каменоломни раннего железного века (вероятно, VIII–VII вв. до н.э. – 586 г. до н.э.).

Объем статьи не позволяет остановиться на других объектах. В десятке метров от русского Троицкого собора лежит в земле случайно найденная о. Антонином большая каменная колонна,

¹ Пользуемся случаем поблагодарить Яну Чехановец за предоставленную возможность ознакомиться с ее неопубликованными материалами.

Рис. 6. Иерусалим. Карниз “Гробницы дочери фараона”.

предположительно, для Иерусалимского храма, поврежденная каменотесами и оставленная на месте. В Вифании, на участке русской школы, раскопана стела с греческой надписью о встрече Иисуса Христа с Марфой и Марией. Массу неизвестного материала таит участок Горненского монастыря в Айн-Кареме, территорию которого не обследовал ни один археолог. На развалинах византийского храма было основано архимандритом Леонидом (Сенцовым) подворье с домовою церковью в Бет-Захарии (рис. 8). Участок Хирбет-ан-Насара, приобретенный Антонином в Хевроне, самим названием свидетельствует о “христианских развалинах”. Об археологических памятниках, найденных возле “Дома над сводами” в Тивериаде, подробно писал М.И. Ростовцев. Особого разговора заслуживает возобновленная в начале XX в. Лавра преп. Харитона Исповедника в Айн-Фаре, где помимо скальной церкви, массовых мозаичных россыпей сохранилась также гробница святого основателя.

Даже предварительный обзор показывает, что отечественные археологи должны по праву войти в когорту ученых, успешно работавших в 1860–1900-х годах в Святой Земле. Русская наука отдает себе отчет в том, какой прекрасный ресурс для фундаментального исследования оставлен ей в наследство (см. обзоры: Беляев, 1998. С. 52–56, 199–208, 235–239; 2003. С. 9–20; 2007. С. 43–55). Однако для того, чтобы реализовать заложенные в XIX в. возможности, требуется государственная поддержка.

Добиться серьезного отношения государства к научным исследованиям в Сиро-Палестинском регионе ученые пытались уже в 1900-х годах. По инициативе известного ученого-семитолога П.К. Коковцова и Секретаря ИППО В.Н. Хитрово при Совете ИППО были организованы “Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран”, которые академик В.В. Бартольд характеризовал позже как “одну из немногих попыток образования

Рис. 7. Хеврон. Вход в скальную гробницу эллинистического или римского периода.

в России общества ориенталистов со специальными научными задачами” (1977. С. 475). Первое же Собеседование (11.04.1900) было посвящено обсуждению записки П.К. Коковцова “О необходимости русских археологических изысканий в Палестине”. “Эпоха, которую мы переживаем, – говорил докладчик, – останется, без сомнения, навсегда памятною в летописи человеческих знаний необыкновенными открытиями в области древнейшей истории человека на земле и блестящим расцветом археологической науки. Глубокий интерес к прошлому, в особенности к самому отдаленному прошлому, лишь в известной степени удовлетворенный теми сведениями, которые можно было извлечь из ограниченного числа сохранившихся литературных памятников древности, должен был естественно рано или поздно заставить человечество обратиться за пополнением своих знаний к вещественным остаткам прошлого”. Подчеркнув далее “донельзя обидный для русского самолюбия факт” слабого участия представителей русской

науки в археологических открытиях в Палестине в конце XIX в., Коковцов ставил вопрос: “Можно ли помириться окончательно с таким положением дел, не отвечающим ни мировому политическому положению России, ни современному прогрессу русской науки во всех областях знания? Можно ли допустить, чтобы наше безучастное отношение к древнему Востоку могло быть всегда ошибочно истолковано иностранцами в смысле полного равнодушия русского образованного общества и русских ученых к научным вопросам несомненной важности? Если “нигде потребность в знании и описании Палестины не ощущается так сильно, как в России” (докладчик цитирует слова В.Н. Хитрово из книги “Палестина и Синай”. – *Авт.*), и если, прибавлю от себя, кроме разве рассеянных потомков древнего Израиля, ни один народ в мире не связан до такой степени неразрывно с древностями Палестины, как русский народ, то нигде, казалось бы, не может и не должна проявляться и более живая деятельность по всестороннему археологическому изучению

Рис. 8. Бет-Захария. Фрагмент руин.

Палестины, как именно у нас в России” (Коковцов, 1901. С. 360, 364, 365).

Председательствовавший при обсуждении доклада В.Н. Хитрово высказал надежду, что к 25-летнему юбилею ИППО в 1907 г. можно будет собрать первый научный симпозиум русских археологов-палестинистов, чего, однако, не произошло. В 2007 г. Общество отметило уже 125-летний юбилей. С сожалением констатируем, что и сегодня мы, несмотря на ряд бесспорных достижений русской палестинской археологии XIX в., только-только готовимся продолжить работу там, где остановились наши предшественники 120–130 лет назад.

В статье использованы фото Р.Б. Бутовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонин (Капустин), архимандрит. Из Румелии. СПб., 1886.
- Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977.
- Беляев Л.А. Христианские древности. М., 1998.
- Беляев Л.А. “Религиозная археология” в русской и зарубежной исторической науке // ППС. Вып. 100. М., 2003.
- Беляев Л.А. Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // ППС. Вып. 105. М., 2007.
- Беляев Л.А. Памятники византийского периода в Иерихоне: результаты и перспективы изучения // РА. 2009. № 3.
- Бутова Р.Б. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское. М., 2006.
- Бутова Р.Б. Архимандрит Антонин (Капустин) на Православном Востоке: Афины–Константинополь–Иерусалим // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке. Афины; М., 2008.
- Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. К истории русских археологических исследований в Иерихоне // РА. 2009. № 3.
- Гробницы пророков // Сообщения ИППО. 1901. Т. 12. Вып. 2.
- Гурулева В.В. Архимандрит Антонин как нумизмат // Государственный Эрмитаж. Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина. СПб., 1998.
- Гурулева В.В. “В Палестине скоро будет русский музей” (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXX. СПб., 2007.
- Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе. [Иерусалим, 1885] // Архив ИППО (И.П.П.О. Н. V. № 1232).
- Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе / Подг. текста, сопроводит. статья и ком. Н.Н. Лисовой. М., 2006.
- Дмитриевский А.А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке, и в частности в Палестине. (По поводу десятилетия со дня его кончины) // Сообщения ИППО. 1904. Т. XV. Вып. 2.
- Киприан (Керн), архимандрит. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934. Репринт: М., 1997.
- Коковцов П.К. Записка о необходимости русских археологических изысканий в Палестине и о расширении в этих видах деятельности ученого отдела ИППО // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. Вып. 1.
- Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
- Лисовой Н.Н. Архимандрит Антонин (Капустин) – исследователь синайских рукописей. (По страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000а.
- Лисовой Н.Н. Храмы Русской Палестины // Россия в Святой Земле. Т. II. М., 2000б.
- Лисовой Н.Н. Елеонский Вознесенский русский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008.

- Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б.* Порог Судных Врат: к 125-летию открытия // Православный паломник. 2008. № 3.
- Лисовой Н.Н., Платонова З.И., Савушкин В.А.* Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000.
- Марков Е.Л.* Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891.
- Новые археологические находки близ церкви Марии Магдалины // Сообщения ИППО. 1892. № 3.
- Олесницкий А.А.* Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Т. I. Иерусалим и его древние памятники. Киев, 1875.
- Помяловский И.В.* Описание древних и средневековых монет, принесенных в дар Православному Палестинскому Обществу архимандритом Антонином, начальником Духовной Миссии в Иерусалиме. СПб., 1886. (Палестина и Синай; Вып. 2.)
- Пономарёв С.И.* Памяти отца архимандрита Антонина. 1. Хронологический список сочинений и переводов его. 2. Статьи о нем / Подг. к печати и предисл. Р.Б. Бутовой // Богословские труды. Сб. 36. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы. М., 2001.
- Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, произведенные под руководством архимандрита Антонина в 1883 г. // Православный Палестинский сборник. 1894. Т. III. Вып. 1(7).
- Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., подг. текста, вступ. статья и ком. Н.Н. Лисового. Т. I, II. М., 2000.
- Фонкич Б.Л.* Антонин (Капустин) как собиратель греческих рукописей // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983.
- Loukianoff E.* Le musée du couvent russe du Mont des Oliviers à Jérusalem // Extrait du Bulletin de l'Institut d'Égypte. Т. XIII. Session 1930–1931. Cairo, 1931.
- Loukianoff E.* “Ο Ελαιών” // Mémoires présentés a l'Institut d'Égypte. Т. 42. Caire, 1939.
- Murphy-O'Connor J.* The Holy Land. An Oxford Archaeological Guide from Earliest Times to 1700. Fourth edition, revised and expanded. Oxford; N.Y., 1998.

К ЮБИЛЕЮ Х. А. АМИРХАНОВА

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ
(к 60-летию Х. А. Амирханова)

© 2009 г. В. П. Любин

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

Скачи, мой конь, вдоль скальных амбразур
Переходи на бешеный аллюр,
Тебе ль не знать, что молодость со мною?!

Расул Гамзатов

Хизри Амирхановичу Амирханову – 60 лет! Узнав об этом событии, я испытал двоякое чувство. Неужели уже 60, ведь так хорошо помнятся те годы, когда молодой аспирант Хизри работал со мной в экспедициях на Северном и Южном Кавказе. Однако одновременно впору удивляться – только 60, а как удивительно много сделано и достигнуто им за эти годы. Я знаком с Хизри Амирхановичем уже более 35 лет, неплохо осведомлен о его научной работе, но, приступая к этой статье, решил все-таки еще больше узнать о его жизненном пути и научных трудах. Должен сказать, что это оказалось по-настоящему интересным и приятным. Во-первых, даже скудные биографические данные позволили обнаружить в облике давно знакомого и близкого человека некоторые новые симпатичные черты. Вновь и вновь приходилось поражаться, получив сведения о его крайне энергичной и успешной деятельности в самых разных сферах, включая организацию науки и подготовку молодых специа-

листов. Однако главное впечатление возникло, пожалуй, от предпринятого мной штудирования книг Х.А. Амирханова. Высочайший профессионализм и талант автора бросался в глаза и при предыдущем знакомстве с этими монографиями, но только сейчас, пожалуй, при последовательном обращении к каждой из них особенно ясно осознаешь, как необыкновенно широк его научный диапазон и сколько труда, мысли и души вложено в каждую из этих работ. Теперь мне хочется передать накопившиеся мысли и чувства в этой статье. В ней я попытаюсь рассказать о том, чем замечателен Хизри Амирханович как личность и как ученый, насколько большим оказывается на сегодня вклад, сделанный им в науку, и как представляется мне его дорога к нынешним вершинам.

Родился Хизри Амирханович Амирханов 29 декабря 1949 г. на севере горного Дагестана в селе Анди Ботлихского р-на. Школьное образование он получил в родном селении и в городах Буйнакс и Хасавюрт. Юноша, что бывает далеко не со всеми, видимо, рано определился с будущей стезей, осознав свою склонность и способность к гуманитарным наукам. Сразу после школы он поступает на исторический факультет Дагестанского государственного университета, который оканчивает в 1972 г. Этот последний год студенчества ознаменован первой научной публикацией, посвященной погребальному культу у аварцев. После окончания университета Х.А. Амирханов был направлен на работу в школу сел. Муни Ботлихского р-на Дагестана в качестве учителя истории и обществоведения. Там, очевидно, впервые заметили в нем талант руководителя, поскольку молодой преподаватель был назначен заместителем директора школы. Однако его влекла и ждала наука – отработав в школе год, Х.А. Амирханов в ноябре 1973 г. поступает в

целевую аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии, решив специализироваться по каменному веку Кавказа.

В аспирантуре, которую он проходил в 1973–1977 гг., Хизри Амирханович должен был одновременно осваивать избранную специальность и работать над диссертационным исследованием. Будучи его научным руководителем, я стал непосредственным свидетелем того, как за считанные годы вчерашний студент превратился в настоящего профессионала в области палеолитоведения. Вспоминая об этом, я могу сказать, что мне практически не приходилось выступать в роли наставника, поскольку его отличала исключительная самостоятельность и редкое умение повсюду добывать и быстро впитывать нужные знания. Приведу характерный пример: поняв необходимость разбираться в четвертичной геологии, мой аспирант сам нашел решение проблемы и прослушал соответствующий курс на геофаке. Осваивая полевую археологию, он сразу стал моим прекрасным помощником в разведках ашельских местонахождений в югоосетинских предгорьях и в раскопках палеолитических пещерных стоянок Юго-Осетии и горного Прикубанья. Таким образом, период ученичества Х.А. Амирханова оказался гораздо короче срока его пребывания в аспирантуре. Становление его как специалиста и исследователя было необычайно стремительным: к окончанию аспирантуры в 1977 г. он уже являлся автором 12 печатных работ, опубликованных как в местных кавказских изданиях (Махачкала, Майкоп), так и в таких авторитетных всесоюзных журналах, как “Советская археология” и “Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода”. Среди этих работ есть и первая небольшая заметка, вышедшая за рубежом.

Очень быстро пришли и значительные достижения в полевых изысканиях. Уже в 1974 г. Х.А. Амирханов самостоятельно вскрывает и исследует новый участок на стоянке Чох в Дагестане. В 1975 г., участвуя в работах Кавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН при сотрудничестве Адыгейского НИИ языка, истории и литературы, он совместно с адыгейским археологом П.У. Аутлевым выполняет дополнительное обследование расположенного в горах Кубанского Кавказа Борисовского ущелья, что позволило обнаружить там целый ряд новых пунктов с палеолитическими изделиями. В Губском навесе № 1 он производит новые раскопки сам, причем совершает при этом настоящее открытие. Благодаря особо тщательной разборке отложений было установлено, что в этом уже известном ранее памятнике имеется не один, как считалось, а два

разновременных и разнокультурных позднепалеолитических слоя. П.У. Аутлев, высоко оценивший человеческие и профессиональные качества молодого коллеги, с удовольствием передал в руки “Хизри”, как он называл Хизри на адыгейский лад, и другие интересующие его памятники ущелья – Губский навес № 7 (Сатанай) и Русланову пещеру. Вместе с П.У. Аутлевым Х.А. Амирханов сделал исключительно успешные контрольные вскрытия обеих стоянок, во время которых в Сатане были обнаружены антропологические остатки. Вслед за этим, вновь самостоятельно, им были проведены небольшие, но результативные раскопки на стоянке Явора в Карачаево-Черкессии. В ходе этих полевых исследований он сразу продемонстрировал способность отыскивать древние стоянки в разных ландшафтных ситуациях и исследовать их, находя оптимальные методические подходы для получения максимума информации.

Перечисленные полевые работы, за исключением Чоха, осуществлялись Х.А. Амирхановым в рамках подготовки своей кандидатской диссертации, тема которой была обозначена как “Поздний палеолит Северного Кавказа и его отношение к позднему палеолиту соседних территорий”. Разрабатывая эту проблематику, он сразу же очень верно и глубоко проник в сущность преисторической науки, восприняв ее как совокупность знаний, добываемых при тесном взаимодействии первобытной археологии и естественных наук. Подобный подход наряду с кропотливой и высокопрофессиональной проработкой собственно археологического материала обеспечил превосходное качество и новизну его диссертационной работы. Необходимо особо отметить и проявившуюся в ней широту взгляда молодого исследователя, его умение проводить сравнительный комплексный анализ всех данных в масштабе крупных регионов и стремление к концептуальным обобщениям вплоть до реконструкции характера исторических процессов. Нельзя не упомянуть, наконец, что эта работа была представлена к защите раньше положенного срока, что свидетельствовало об удивительной работоспособности ее автора. Таким образом, уже в самом начале научного пути Х.А. Амирханов проявил себя как исключительно талантливый и многообещающий исследователь.

В июне 1977 г. кандидат исторических наук Хизри Амирханович Амирханов был принят на работу в Институт археологии РАН. Сразу же полностью погрузиться в работу в избранной области не удалось, поскольку младшего научного сотрудника вначале направили “отслужить” в сектор новостроечных и хоздоговорных экспедиций. Трудясь там, он умудрялся, однако, не бросать собствен-

ных занятий и продолжал публиковать работы по верхнему палеолиту и мезолиту Кавказа. Более того, участвуя в новостроечных экспедициях на Северном Кавказе, в Сибири и в Казахстане, он стремился в свободные дни и часы проводить “для души” разведки памятников каменного века. В этих походах приобретался новый ценный опыт ведения поисковых работ в разных геолого-геоморфологических условиях, благодаря чему им были открыты неолитические памятники в Кустанайской обл. и мезолитические местонахождения Томузловка и Дубовка в Центральном Ставрополье. Ему удалось также выкроить время и вырваться для проведения собственных полевых работ в родном Дагестане, в прикаспийской части которого ранее была обнаружена серия мустьерских местонахождений. Энергия и успешность, с которыми новый работник продолжал заниматься своими собственными исследованиями, по-видимому, вскоре убедили начальство в том, что далее держать такого специалиста “в черном теле” просто неразумно.

С 1980 г. Хизри Амирханович переходит в Отдел неолита и бронзового века ИА РАН, где он получил, наконец, карт-бланш на развертывание исследований в области каменного века, включая, что особенно важно для археолога-практика, самостоятельные полевые изыскания. Открывшиеся возможности были использованы им сполна. С этого момента и по сей день он организует и проводит огромное количество поисковых и раскопчных работ в разных областях Кавказа, на Русской равнине и за рубежом. В 1980–1982 гг. он руководит Северокавказским горным отрядом, заново исследовавшим стоянку Чох (Дагестан), а с 1983 г. становится одним из основных участников Советско-Йеменской (с 1991 г. Российско-Йеменской) комплексной экспедиции, осуществляющей обширные работы в Южной Аравии. После того, как в начале 1990-х годов Х.А. Амирханов создал и возглавил отдел каменного века, о чем мы еще поговорим ниже, его полевые исследования приобрели новый размах. В 1994 г. он организует Зарайскую палеолитическую экспедицию, систематически и очень успешно исследующую замечательную верхнепалеолитическую стоянку в Подмосковье, а с 2003 г. возвращается на Кавказ, проведя вместе с коллегами из Института археологии и этнографии СО РАН большое количество разведок палеолита на Ставрополье, в Кабардино-Балкарии, Азербайджане и Дагестане. На территории горного Дагестана с 2005 г. под его руководством работает Северокавказская палеолитическая экспедиция ИА РАН, изучающая открытые им уникальные раннепалеолитические памятники.

Замечательно то, что в отличие от многих коллег Х.А. Амирханов никогда не держит “под спудом” добытые им в поле богатства. Все материалы оперативно подвергаются полному анализу и публикуются, что выразилось в огромном количестве изданных им работ – около 200. Наряду со статьями систематически выходят в свет и капитальные монографии, в которых содержится колоссальный объем информации, а также масса тонких наблюдений, важных идей и широких обобщений. Именно эти монографии – на сегодня их издано уже 7! – наиболее полно и последовательно отражают научные труды и достижения Хизри Амирхановича.

В 1986 и 1987 гг. одна за другой вышли в свет две его книги – “Верхний палеолит Прикубанья” и “Чохское поселение”. Первая монография написана на основе кандидатской диссертационной работы, однако она отражает не только результаты аспирантских исследований автора, но и развитие этих разработок. В ней обобщены все известные на тот период верхнепалеолитические материалы Северного Кавказа. Не располагая абсолютными датировками, автор с особой тщательностью проводит технико-типологический анализ каменного инвентаря и использует археологические критерии не только для культурной атрибуции, но и для хронологического ранжирования памятников. Этой книгой Х.А. Амирханов сразу зарекомендовал себя как исследователь, мыслящий очень масштабно и глубоко проникающий в суть изучаемых вопросов. Он не только всесторонне характеризует верхний палеолит Прикубанья, но и рассматривает его соотношение с верхним палеолитом сопредельных территорий (Закавказье, Передняя Азия, юг Русской равнины), отмечая общие закономерности развития не связанных друг с другом культур и делая выводы о вероятных подвижках верхнепалеолитического населения Кавказа на север, в направлении южнорусских степей.

Во второй монографии представлены результаты первых крупных полевых изысканий Х.А. Амирханова в горном Дагестане. Заложив в 1980–1982 гг. обширный раскоп площадью 110 м² на известной еще с 1950-х годов Чохской стоянке, он производит капитальную ревизию прежних представлений об этом памятнике. Результаты его полевых и кабинетных изысканий оказались ошеломляюще неожиданными, даже сенсационными. Было удостоверено, что в X–VI тыс. до н.э. в среднегорье Центрального Дагестана существовала своеобразная Чохская культура, в рамках которой уже в начале VI тыс. до н.э. появились искусственные жилища, керамика, домашние животные и примитивные сельскохозяйственные орудия. Таким образом, в

этой области Кавказа произошел самостоятельный и очень ранний переход от присваивающего хозяйства к производящему. Данная “неолитическая революция” была органически связана с предшествующей мезолитической традицией и вызрела на базе местных биологических ресурсов в условиях существенного смягчения климата. Археологические аргументы, которыми автор обосновывает этот кардинальный переворот в жизни древнего населения горного Дагестана, весьма доказательны и убедительны. Сегодня можно сказать, что работами Х.А. Амирханова на Чохском поселении установлены наиболее ранние свидетельства становления производящего хозяйства в рамках всей территории современной России.

В последующих монографиях Х.А. Амирханова отразились его труды в двух основных направлениях, на которых он сосредоточился в тот период, когда на время приостановил исследования на родном Кавказе. Речь идет о работах в Южной Аравии и изучении уникальной Зарайской стоянки в Подмоскovie. Нельзя не отметить, что из года в год Х.А. Амирханов наращивает свою научную “капитализацию”, причем делает это не за счет перетряхивания старых музейных коллекций и книжных свидетельств, а обогащаясь опытом полевых исследований, накапливая важные наблюдения не только в области археологии, но и в области смежных наук, включая неплохо знакомую ему четвертичную геологию. Палеолитовед-полевик, он пытливно вникает в каждую деталь стратиграфии антропогенных образований, порой даже корректируя заключения не всегда совпадающих в своих оценках геологов. Трудно не согласиться с его замечанием о том, что “...геолог без консультации компетентного археолога не всегда способен идентифицировать в разрезе антропогенное образование”. Проблема анализа и интерпретации стратиграфии, как неоднократно подчеркивает Х.А. Амирханов в своих работах, является ключевой для понимания каждого памятника.

Данная проблема особенно тщательно и методически выверенно разрабатывается в его монографии “Зарайская стоянка”, где подытожены результаты пятилетних раскопок этой подмосковной верхнепалеолитической стоянки. С беспримерной скрупулезностью он собирает и использует все археологические, геологические и биостратиграфические данные для вычленения в толще культурных отложений нескольких уровней обитания. Совершенно новаторским является предпринятое им изучение криостратиграфических явлений – разновозрастных мерзлотных образований, целью которого было расчленение осадков и палеогеографические реконструкции. Внедренная им методика раскопок обес-

печила и тонкие планиграфические наблюдения, которые позволили реконструировать внутреннее устройство этой “палеолитической деревни”.

Отталкиваясь от археологических материалов Зарайской стоянки, Х.А. Амирханов по-новому рассматривает проблему костёнковско-виллендорфского культурного единства и его проявлений на Русской равнине в среднюю пору верхнего палеолита. Более протяженная, по сравнению с костёнковскими стоянками и Авдеево, хронологическая колонка Зарайской стоянки свидетельствует, как он полагает, о длительности существования здесь культурного явления, условно называемого “восточным граветтом”, и о выживании верхнепалеолитических людей на Русской равнине даже в экстремальных условиях максимально холодной стадии последнего оледенения. Исключительно высоко подняв методический уровень раскопок Зарайской стоянки и систематически публикуя подробный анализ всех ее материалов, Х.А. Амирханов сделал этот памятник опорным и всемирно известным. Стоянка, в свою очередь, словно бы не забывает в очередной раз отблагодарить своего неутомимого и дотошного исследователя, даря ему такие изумительные находки, как ожерелье из зубов песка, а порой и вовсе экстраординарные вещи – сделанные из бивня мамонта статуэтки бизона и верхнепалеолитической “венеры”. Но и он вновь не остается в долгу, продолжая вести раскопки и только что выпустив новую коллективную монографию об этой стоянке.

Переходя к другому направлению работ Х.А. Амирханова, хотелось бы обратить внимание на один очень важный аспект. В свое время основоположники науки о каменном веке могли охватывать своими исследованиями все эпохи этого самого протяженного периода в истории человечества – от раннего палеолита до неолита. По мере накопления материалов и усложнения методов анализа материалов произошла специализация, при которой большинство исследователей теперь углубленно занимаются какой-то одной или, реже, двумя смежными эпохами. Изучение памятников большого хронологического диапазона проводится ныне чаще всего целыми научными коллективами. Последними “могиканами”-универсалами в науке о каменном веке в нашей стране были, пожалуй, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнин и П.И. Борисковский. Однако в наши дни в этом качестве предстает и все более утверждается Х.А. Амирханов. Вначале он в полной мере освоил диапазон верхний палеолит-неолит, а затем сумел глубоко вникнуть и в предшествующие эпохи раннего и среднего палеолита, постепенно став одинаково сильным специалистом по всем эта-

пам каменного века. Более того, даже эта огромная сфера знаний не является пределом его потенциала, поскольку порой он обращается и к более поздним историческим периодам, а также к вопросам этнографии и даже языковедения.

Эта отличительная черта Хизри Амирхановича как ученого особенно бросается в глаза после выхода в свет трех его монографий, посвященных каменному веку Южной Аравии: “Палеолит Южной Аравии” (1991 г.), “Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры” (1997 г.) и “Каменный век Аравии” (2006 г.). Эти труды общим объемом около 100 печатных листов, содержащие огромное количество иллюстраций, поражают доскональностью анализа материалов всех эпох каменного века на территории рассматриваемого региона. Лежащие в основе этих книг материалы были добыты Х.А. Амирхановым в ходе его более чем двадцатилетних работ в составе Российско-Йеменской комплексной экспедиции РАН – самой масштабной и результативной экспедиции гуманитарного направления, предпринятой российскими учеными за рубежом. Приглашение его в эту экспедицию следует считать большой удачей не только для него самого, но и для экспедиции, которая приобрела сотрудника с редким сочетанием качеств – энергичного и умелого разведчика и раскопщика, прекрасного организатора, самостоятельного и универсального исследователя, способного оперативно и на высоком уровне публиковать результаты своих работ. Благодаря мобилизации накопленных знаний и полевого опыта, а также умению быстро сориентироваться в новом геологическом и археологическом контексте, ему удалось открыть и исследовать в Йемене более ста памятников всех эпох каменного века (древнейший палеолит – неолит) и последующих периодов. В процессе многолетних целенаправленных исследований Х.А. Амирханов выявил закономерности геоморфологической привязки разновозрастных памятников, открыл и изучил первые в этом районе Южной Аравии пещерные стоянки доашельской (олдованской) эпохи, 21 ашельский памятник, 11 мустьерских местонахождений, 22 верхнепалеолитических памятника и 43 памятника, принадлежащих к эпохам неолита и постнеолита.

Наиболее значимым и резонансным достижением, на мой взгляд, явилось открытие и исследование им многослойной (12 культурных слоев) раннепалеолитической пещерной стоянки Аль-Гуза. Скальный свод пещеры был срезан эрозией, но сохранилась сцементированная толща внутripещерных отложений мощностью 14.5 м. Имея большой опыт работы в пещерах Кавказа, Хизри Амирханович сумел распознать характер данного образо-

вания и заложил в этой толще раскоп. В Аль-Гузе были обнаружены несколько культурных слоев с примитивной доашельской галечной индустрией, в которой доминируют чопперы. Х.А. Амирханов проявляет себя как очень наблюдательный типолог, выделяя в этой индустрии разные типы чопперов и других орудий. Среди них уникальное орудие в виде массивного мачете, в котором он увидел прототип более совершенных изделий такого рода, известных в ашеле Кавказа под названием “цалди”. Вопрос о возрасте стоянки Аль-Гуза пока окончательно не решен, но по технико-типологическим характеристикам ее индустрия сопоставляется Х.А. Амирхановым с древнейшими африканскими раннеплейстоценовыми индустриями (олдован). Таким образом, на территории Аравии впервые открыта каменная индустрия подобной древности. Индустрия Аль-Гузы выглядит архаичнее индустрий древнейших памятников Ближнего Востока типа стоянки Убейдия в Израиле, возраст которой оценивается примерно в 1.4 млн лет. Материалы Убейдии, напомним, послужили основой для гипотезы о левантийском пути изначального распространения древнейших гоминид из Африки в Евразию. Материалы Аль-Гузы позволяют, как справедливо отмечает Х.А. Амирханов, предполагать наличие второго – южноаравийского – пути расселения ранних людей в этом же направлении. Этот путь мог функционировать в периоды периодического осушения Баб-эль-Мандебского пролива между Африкой и юго-западной оконечностью Аравийского полуострова. Замечательно, что рядом с Аль-Гузой обнаружены и частично исследованы еще две менее крупные пещерные стоянки, доставившие аналогичные индустрии, а также два местонахождения со сходными поверхностными находками.

В этом же районе Йемена близ выходов каменного сырья Х.А. Амирхановым были открыты и ашельские памятники. В наиболее ранних стратифицированных памятниках (Мешхед I, III–V) им зафиксированы признаки формирования леваллуазской техники и обилие рубил среди орудий. Всегда стремящийся к углубленному анализу камня, он отметил как специфику ашеля Йемена, выделив, например, рубила дауанского типа, так и близость его к ашелю Леванта. В отношении мустьерских памятников им было установлено, что они занимают одинаковую геоморфологическую позицию и близки в технико-типологическом отношении. В отличие от ашельских они демонстрируют культурное сходство со средним палеолитом Северо-Восточной Африки. Выявлены и своеобразные верхнепалеолитические индустрии, в которых архаичная техника раскалывания сочетается с характерным для этой эпохи набором орудий. Не огра-

ничиваясь лишь изучением самих этих индустрий, Х.А. Амирханов путем широких сопоставлений приходит к выводу о том, что в эту эпоху их культурное единство с африканскими становится еще более ярким. Исследованные верхнепалеолитические индустрии Йемена определены им как южноаравийская разновидность “оазисных культур” афро-азиатского пояса аридных тропиков. Он установил также, что в Йемене подобные индустрии существовали только в диапазоне 30–20 (18) тыс. л.н., а во второй половине верхнепалеолитической эпохи жизнь в этом регионе прекратилась. Отсутствие материалов, непосредственно предшествующих неолитической стадии, позволило выявить второй крупный хронологический hiatus.

Неолит и постнеолит внутренних районов Южной Аравии исследуется Х.А. Амирхановым не менее досконально, чем палеолит. Х.А. Амирханов внимательно прослеживает развитие неолита этого региона на всем его протяжении – с VIII по III тыс. до н.э., подразделяя его на ранний и поздний этапы. На раннем этапе он выделяет две основные историко-культурные области, культурный комплекс одной из которых близок к докерамическому неолиту Ближнего Востока, а второй формировался, видимо, на местном субстрате и развивался самостоятельно. Для поздней стадии (“пустынный неолит”) установлено развитие лишь этой второй местной традиции, для которой отмечается преобладание связей с Северной Африкой. В то же время отмечаются проявления некоторого инокультурного влияния со стороны сопредельных территорий Месопотамии и Леванта. В начале этого позднего этапа, в V тыс. до н.э., фиксируется появление начальных форм производящего хозяйства. Рассматривается и проблема постнеолита данной территории, а также наследие каменного века в памятниках раннегородской цивилизации. Наконец, особое внимание уделено памятникам прибрежной зоны Аравии, где изучались возникшие там на поздней стадии неолита поселения древних рыболовов и собирателей моллюсков.

Такова впервые составленная Х.А. Амирхановым летопись преистории и начальной истории Южноаравийского региона, в которой представлен новый сценарий заселения гоминидами Евразии с учетом роли данной территории, а также развернута панорама последовательного развития региона на разных этапах каменного века. Вновь подчеркну, что в ходе работ в Южной Аравии Х.А. Амирханов продемонстрировал редкостную широту знаний и многогранность исследовательского таланта. Им открыты, исследованы и интерпретированы громадные и разновременные археологические материалы, причем для поздних эпох это сделано с привлечением

этнографического и языковедческого подходов, совершенное владение которыми является одним из его “козырей”. При реконструкции древних исторических процессов он профессионально оперирует данными о геологической и палеогеографической истории, воссоздавая природный фон и факторы культурного развития. Уже то, что было сделано за первые годы работ в области палеолита, позволило ему подготовить и триумфально защитить докторскую диссертацию, а всего остального хватило бы еще на несколько докторских. Невозможно также не сказать, наконец, и о таких выпукло проявившихся в Южной Аравии личных качествах Х.А. Амирханова, как исключительное упорство, неиссякаемая жадность к работе и умение сотрудничать с людьми. Организовать и провести многолетние интенсивные и исключительно эффективные работы под изнурительным аравийским солнцем – это, право, сродни настоящему подвигу.

Теперь, казалось бы, после всех испытаний, трудов и свершений аравийской эпопеи Хизри Амирханович может в дальнейшем лишь пожинать их плоды. Но нет! – оказалось, что азарт, любопытство и жажда новых “трофеев” вновь увлекли его в эти далекие края. Недавно мне стало известно, что он, не страшась сомалийских пиратов, перенес свои работы из материкового Йемена на остров Сокотра, входящий в состав принадлежащего этой стране одноименного архипелага. В периоды крупных регрессий океана этот архипелаг, судя по данным геологии, должен был практически сливаться с оконечностью Африканского Рога, с территорией Эфиопии, которая в плио-плейстоцене являлась частью восточноафриканской прародины человечества. На острове Сокотра Х.А. Амирхановым были обнаружены местонахождения с архаичными галечными орудиями, которые он соотносит с африканскими индустриями олдованского типа, что подтверждает догадки о существовании в раннеплейстоценовую эпоху сухопутного моста, соединяющего нынешний остров с Африканским континентом. Связь эта была, очевидно, временной и впоследствии не возобновлялась, поскольку материалы более поздних эпох каменного века на острове не обнаружены. Так ему удалось уточнить представления геологов и прояснить вопрос о первоначальном заселении Сокотры. Как он полагает, период обитания древнейших сокотрийцев на острове был скорее всего относительно непродолжительным, поскольку скудость пищевых ресурсов на вновь отделившемся от материка острове должна была неизбежно привести к вымиранию изолированной популяции. Но эта группа ранних людей оставила о себе хорошую память в виде великолепного набора олдованских орудий – чопперов и пиков. Итак, Х.А. Амирханов продолжает работу в

Йемене, а следовательно, можно ожидать новых великолепных открытий.

Вернемся, однако, на Кавказ, куда еще до Сокотры, в 2003 г. вернулся и сам Хизри Амиханович. Впрочем, он никогда не отрывался от Кавказа, поскольку постоянно посещал родной Дагестан, да и в своих публикациях то и дело обращался к кавказским материалам. Однако много лет его главные научные интересы и полевые работы были сосредоточены на исследованиях в Йемене и на Зарайской стоянке. В начале XXI в. Х.А. Амиханов возобновил, наконец, работы на Кавказе, причем, приняв участие в принесших ряд находок разведках на Ставрополье, в Кабардино-Балкарии и в Азербайджане, он сосредоточился, в конечном счете, на Дагестане. Это можно было бы объяснять тягой к родным местам, но главным, я уверен, стал особый научный интерес к Северо-Восточному Кавказу, где он надеялся найти стратифицированный ранний палеолит. Олдован и ашель, обнаруженные в Йемене, видимо, пришлись ему “по вкусу”, но захотелось найти их поближе к дому – и вот, пожалуйста, нашел! Можно подумать, что он обладает каким-то магическим ключом к этим палеолитическим древностям или волшебным прутиком, указывающим на лежащие под землей сокровища. Вероятно, он действительно фантастически удачлив, но решающую роль сыграли, полагаю, как и в других случаях, тонкий расчет, чутье и, наконец, острый тренированный глаз. Он отталкивался от геологических данных о наличии серии плейстоценовых террас в прикаспийской части Дагестана и очень древних поверхностей выравнивания в его горной полосе. Учтены были и старые архаичные находки в ряде поверхностных местонахождений. Работы, начатые в приморском Дагестане в 2003 г. совместно с коллегами из Института археологии и этнографии СО РАН, принесли открытие своеобразных мелкогалечных раннепалеолитических изделий в раннебакинских (начало среднего плейстоцена) отложениях высоких террас Каспия. В последующие годы начались раскопки стоянки Дарвагчай 1 и других открытых рядом пунктов. Однако вскоре Хизри Амиханович вновь всех удивил: оставив коллег на берегу разбираться далее с этим открытием, он отправился на поиски в горные районы.

В среднегорье Дагестана в 2006 г. Х.А. Амиханов нашел намного более древние памятники. Впервые на Кавказе он произвел поиски раннепалеолитических памятников открытого типа на очень древних поверхностях выравнивания с отметками более 1500 м над уровнем моря. На террасовых уровнях высотой 220–230 м, в толще раннеплейстоценовых отложений, им были обнаружены многослойные страти-

фицированные стоянки с кремневыми орудиями олдованского облика (чопперы, пики, нуклеидные скребки и др.). Наиболее обильные и разнообразные находки, заключенные в толще осадков 10-метровой мощности, доставили стоянки Айникаб I и Мухкай I. По своему обыкновению Х.А. Амиханов быстро публикует результаты полевых работ – уже в 2008 г. появляется книга, посвященная этим уникальным памятникам. Геолого-геоморфологические позиции каменных изделий и естественно-научные данные позволяют, по его мнению, определить время существования рассматриваемых стоянок в диапазоне 1.8–1.2 млн. лет назад. В этом сенсационном открытии имеются два главных аспекта: во-первых, время первичного проникновения ранних гоминид на Северный Кавказ, в южные пределы современной России, удревняется сразу почти на 1 млн. лет; во-вторых, установлен прикаспийский путь продвижения этих древнейших обитателей Кавказа из его южных районов в северные. Эти работы Х.А. Амиханова продолжаются и тоже обещают принести еще немало открытий и бесценной информации по ранней преистории.

Сделанный обзор научной деятельности Хизри Амихановича, разумеется, не полон, хотя в нем, как мне представляется, рассмотрены именно главные направления и главные достижения. Обладание великолепными разновозрастными палеолитическими памятниками практически во всех широтных зонах Старого света (Зарайск – умеренная зона; Дагестан – граница умеренной и субтропической зон; Йемен – аридные тропики; Сокотра – тропическая зона) обеспечивает ему большие преимущества при рассмотрении коренных проблем преистории. Благодаря этому Х.А. Амиханов создал ряд специальных работ, посвященных таким общим вопросам, как культурно-хронологическое развитие в верхнем палеолите и роль факторов адаптации в культурогенезе. В ряде других публикаций он представляет свои изыскания по этноархеологии и первобытному искусству. Наконец, его перу принадлежат также учебные пособия по первобытной истории и археологии. Полагаю, что за то время, которое пройдет до выхода этой статьи в свет, будет опубликована еще не одна новая работа Х.А. Амиханова и будут сделаны новые открытия в поле.

Совершенно очевидно, что Х.А. Амиханов постоянно продолжает наращивать свой научный потенциал, значение которого уже и так чрезвычайно высоко оценивается в научном мире. Заслуги Хизри Амихановича перед российской наукой нашли отражение в избрании его членом-корреспондентом РАН и в выдвижении в действительные члены Академии. Его имя хорошо известно и за рубежом:

работы Х.А. Амирханова публиковались на многих иностранных языках в таких странах, как Германия, Дания, Италия, Испания, Йемен, США и Франция, где получили признание широкого круга специалистов. Свидетельством тому является, в частности, избрание его членом Комиссии по верхнему палеолиту Международного союза доисторических и протоисторических наук, членом-корреспондентом Германского археологического института и членом международного союза “Арабия антиква”. Х.А. Амирханов постоянно приглашается для участия во множестве международных научных форумов, включая Международный археологический конгресс и целый ряд симпозиумов. Таким образом, он имеет высокий научный рейтинг не только среди российских коллег, но и во всем мировом сообществе преисториков и археологов.

Помимо огромной и многоплановой научной работы, Хизри Амирханович отдает много сил научно-организационной, научно-педагогической и просветительской деятельности. Важнейшей его заслугой является прежде всего создание в Институте археологии Отдела каменного века, которым он бессменно руководит с 1994 г. С организационным оформлением в Институте этого отдела данное направление исследований заняло подобающее ему место наравне с другими направлениями и получило импульс для последующего развития. В считанные годы Х.А. Амирханов существенно укрепил свой отдел молодыми кадрами и, расширив разрабатываемую проблематику, превратил его в крупный центр по изучению палеолита, мезолита и неолита. Прекрасные организаторские и административные способности Хизри Амирхановича обусловили его востребованность и в структурах более высокого ранга: в декабре 2008 г. он избирается заместителем академика-секретаря Отдела историко-филологических наук РАН, а с марта 2009 г. возглавляет Дагестанский научный центр РАН.

Х.А. Амирханов берет на себя и с успехом выполняет и другие важные обязанности, касающиеся инфраструктуры науки и просветительской деятельности. Он входит в состав редколлегии журналов “Российская археология”, “Археология, этнография и антропология Евразии”, “Вестник истории, филологии и искусствознания”, “Известия Иркутского государственного университета”, “Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН” и “Eurasian Archaeology”. Как исключительно авторитетный специалист он приглашен в члены экспертного совета ВАК по истории. В течение ряда лет ему было доверено быть председателем Экспертного совета отдела наук о человеке и обществе в РФФИ. Периодически в журнале

“Природа”, а также в различных СМИ появляются его статьи, популяризирующие и разъясняющие научную значимость открытий, сделанных под его руководством в Йемене, Дагестане и на Зарайской стоянке. Научная и научно-просветительская работа Х.А. Амирханова по достоинству оценивается как научной общественностью, так и государственными органами. Он удостоен звания “Заслуженный деятель науки Республики Дагестан”, а власти прославленного им подмосковного города Зарайска наградили его званием “Почетного гражданина”.

Большое внимание, наконец, Х.А. Амирханов уделяет педагогической деятельности. Он преподавал курс “Основы археологии” на кафедре МГУ, возглавлял по совместительству кафедру этнографии и первобытной истории Российского открытого университета. Особенно важно то, что им систематически ведется работа по воспитанию новых специалистов по археологии каменного века. Еще 10 лет назад, в 1999 г., за заслуги в подготовке молодых научных кадров Х.А. Амирханов был удостоен звания профессора. На сегодня аспирантуру под его научным руководством прошли уже 10 человек, двое из которых стали сотрудниками руководимого им отдела. Эта работа продолжается им и ныне.

Итак, Х.А. Амирханов является ныне очень крупным и широко признанным специалистом по всем эпохам каменного века, автором серии важнейших открытий, ученым-преисториком, обогатившим науку громадным объемом новых знаний и идей. Он органично, талантливо и чрезвычайно успешно сочетает в себе ипостаси исследователя, организатора науки и педагога, что дано очень и очень немногим. На всех поприщах он отличается широким кругозором и всеобъемлющим подходом. Постоянство его успехов обусловлено, как мне думается, не только силой и многогранностью природного дара, но и такими личностными качествами, как неистовая увлеченность делом, целеустремленность и непрестанный творческий труд. Сотрудники и коллеги находят в нем очень открытого и глубоко порядочного человека, на которого можно во всем положиться и который всегда готов выслушать и помочь. К первому большому жизненному рубежу – 60-летию – Х.А. Амирханов подошел со столь большими и важными достижениями, что ими, право, могли бы гордиться сразу несколько человек. Особое уважение вызывает то, что он явно не собирается почивать на лаврах, но, напротив, продолжает путь к своим вершинам и поднимается к ним как истинный горец – уверенно и не сбавляя шага. Хочется пожелать юбиляру доброго здоровья, неиссякаемой бодрости и неизменной удачи, ибо впереди еще длинная дорога к новым свершениям.

ЖЕНЩИНА – ЗВЕРЬ – ОРНАМЕНТ. КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В ИСКУССТВЕ ЭПИГРАВЕТТА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

© 2009 г. К. Н. Гаврилов

Институт археологии РАН, Москва

Определение культурной специфики стоянок поздней поры верхнего палеолита, расположенных на территории Среднерусской возвышенности и Приднепровской низменности (рис. 1), – тема столь традиционная, столь и дискуссионная в российском палеолитоведении. История ее длится уже без малого целое столетие, с момента публикации П.П. Ефименко своей статьи, посвященной Мезинской стоянке (1912). Обобщающие работы А.А. Спицына (1915) и В.А. Городцова (1923), в которых обосновывалась точка зрения об особенностях развития верхнего палеолита Европейской России, отличных от западноевропейского, базировались на изучении памятников именно этого культурно-хронологического среза. После раскопок более древних поселений: Гагаринской стоянки С.Н. Замятниным, Костёнок 1 П.П. Ефименко и других эта особенность поздних памятников отошла на второй план.

Расширение корпуса восточноевропейских источников при помощи памятников, относимых ныне к восточному граветту, с их яркими западными аналогиями позволило создать схему, включившую региональные особенности стоянок в ткань общеевропейских закономерностей развития верхнего палеолита. Логически стадийный подход требовал признания и соответствующего обоснования преемственности в развитии материальной и духовной культур на протяжении всего верхнего палеолита Восточной Европы. Наличие долговременных жилых сооружений, мощного культурного слоя, рассматривавшегося как результат относительной оседлости населения, как будто свидетельствовали в пользу такой преемственности. Но по мере изучения новых памятников, таких как Костёнок 4 или Костёнки 8 (сл. 2), картина становилась сложнее и требовала объяснения выявленной вариабельности материальной культуры. Фактически речь шла о необходимости признания многовариантности развития верхнего палеолита, понимавшейся А.Н. Рогачёвым как необходимость конкретно-исторического подхода к его изучению (1957; 1973). В результате, к концу 1960-х годов

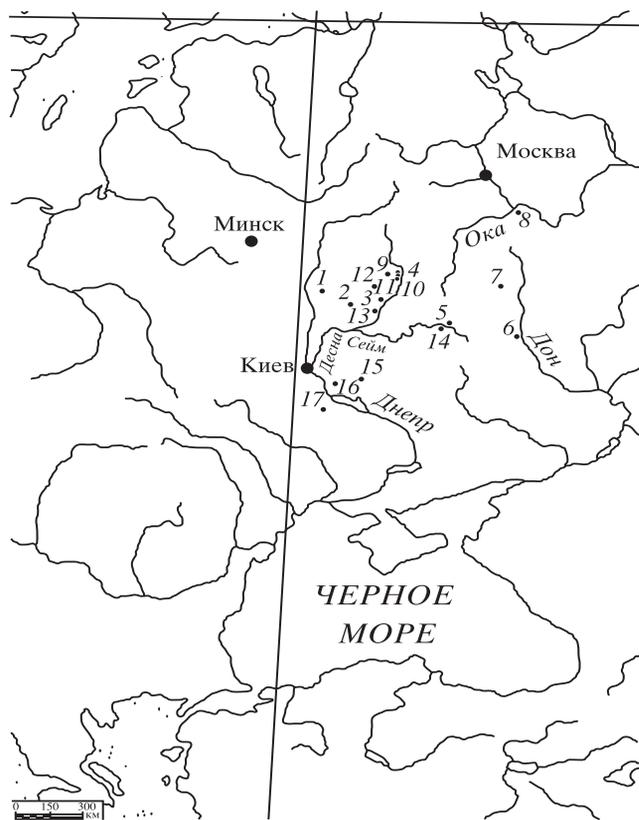
сложилась концепция существования в верхнем палеолите Центральной и Восточной Европы локальных археологических культур (Гвоздовер, Рогачёв, 1969; Григорьев, 1968).

Смена концепции стадийности концепцией археологических культур привела в конечном итоге к отвержению идеи преемственности в развитии материальной культуры памятников, относящихся к различным культурно-хронологическим явлениям. Отказ от этой идеи произошел не сразу. Так, И.Г. Шовкопляс одним из аргументов в пользу существования единой этнокультурной области на территории Среднего Поднепровья считал наличие генетических связей между памятниками мезинской культуры и более ранними стоянками – Радомышльской и Пушкаревской 1-й. При этом ориньяк, солютре и мадлен он рассматривал как общеевропейские культуры, включавшие в себя локальные варианты. Мезинская культура, по его мнению, была таким локальным вариантом мадлена (Шовкопляс, 1965). В 1970-е годы идея локальности стала превалировать над идеей преемственности в развитии восточноевропейского верхнего палеолита (Григорьев, 1970; Грехова, 1971; Гладких, 1977). Но когда в 1990-е годы начался пересмотр концепции археологических культур, и памятники снова стали рассматриваться в рамках широких территориальных объединений, имевших культурно-хронологическое значение, тезис об их культурной специфике сохранился (Аникович, 1998; Григорьев, 1998). Хотя в отдельных случаях предполагается связь между единичными разновременными стоянками восточного граветта и эпиграветта (Хлопачёв, 2006; Гаврилов, 2008), но в целом фиксируемые специфические черты материальной культуры эпиграветтских стоянок остаются пока без удовлетворительного объяснения причин их возникновения. Можно ли вообще атрибутировать восточноевропейские стоянки поздней поры верхнего палеолита как эпиграветтские, и какое содержание в случае положительного ответа на этот вопрос вкладывать в данное определение? В литературе представлены прямо противоположные позиции относительно

применимости термина “эпиграветт” при сходных методологических установках (Аникович, 1998; Лисицын, 1999).

Традиционно вопрос о культурной атрибуции среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита решался исследователями с опорой на анализ типологических особенностей каменного инвентаря. Разумеется, произведения искусства малых форм, найденные при раскопках Мезина, Елисеевичей 1, Межиричей и других близких в культурном отношении поселений, не могли не привлекать внимание и оставаться за пределами сравнительного анализа их материальной культуры. Вопросы семантики, стилистические особенности, поиск общих аналогий в верхнем палеолите Европы – все эти темы давно и плодотворно разрабатываются как отечественными, так и зарубежными исследователями верхнего палеолита Восточной Европы. Но в отличие от произведений искусства восточного граветта скульптуру и орнаментированные изделия поздней поры верхнего палеолита труднее вписать в общий для них культурный контекст, так как он не является столь очевидным по сравнению с восточнограветтским. Этот контекст еще нужно выстроить, вычленив общие структурные элементы из того стилистического разнообразия, которое демонстрируют эпиграветтские памятники Восточно-Европейской равнины. Фундаментом для такого рода работы служат исследования С.Н. Замятина (1951; 1961), З.А. Абрамовой (1960; 1962; 1966; 2005), М.Д. Гвоздовер (1985а; б; Gvozdover, 1995), А.Д. Столяра (1972; 1985), Б.А. Фролова (1974) и Александра Маршака (Marshack, 1979), позволяющие синтезировать имеющуюся в настоящее время типологию и семантику произведений искусства малых форм.

Относительная немногочисленность и ярко выраженная стилистическая индивидуальность произведений искусства малых форм может показаться непреодолимым препятствием в деле культурной атрибуции среднерусских стоянок поздней поры верхнего палеолита. Однако еще в 1960-е годы работы З.А. Абрамовой доказали принципиальную возможность определения региональной специфики материальной культуры верхнепалеолитических памятников с учетом общих закономерностей развития искусства позднего палеолита. Кроме того, произведения искусства малых форм несут особую смысловую нагрузку, связанную с религиозно-мифологическими и натуралистическими представлениями людей той эпохи (Фролов, 1974; Marshack, 1979; Столяр, 1985). Поэтому структурные сходства и различия между памятниками искусства могут свидетельствовать о принадлежности их создате-

Рис. 1. Опорные памятники восточного граветта и эпиграветта центральных районов Восточно-Европейской равнины: 1 – Бердыж; 2 – Ключи; 3 – Пушкари I; 4 – Хотылёво 2; 5 – Авдеево; 6 – Костёнки; 7 – Гагарино; 8 – Зарайск; 9 – Елисеевичи; 10 – Тимоновка; 11 – Супонево; 12 – Юдиново; 13 – Мезин; 14 – Быки; 15 – Гонцы; 16 – Добраничевка; 17 – Межиричи

лей тому или иному сообществу, возможно даже об их этнической идентичности.

Прежде чем перейти к анализу особенностей искусства малых форм эпиграветтских памятников, расположенных в центральных районах Восточно-Европейской равнины, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать их относительно-хронологическую позицию. Включение памятников в рамки поздней поры верхнего палеолита не означает автоматического признания их синхронности или асинхронности в пределах данного периода. К сожалению, наши знания в этой области все еще весьма неполны, несмотря на все усилия, предпринимаемые исследователями для уточнения их возраста. Опираясь на данные геологической стратиграфии, можно только констатировать, что памятники этого культурно-хронологического этапа относятся ко второй половине поздневалдайского времени. Этого явно недостаточно для более тонкого, на уровне выстраивания внутренней периодизации, сопоставления стоянок. Серии имеющихся радиоуглеродных датировок среднеднепровских и деснинских стоя-

нок, даже с учетом места и времени получения той или иной даты, методики и вида анализируемого образца, также не позволяют выстроить их хронологическое ранжирование и скорее задают общие временные рамки бытования этих памятников¹. Остается археологическое изучение собственно материальной культуры.

Разделение деснинских и среднеднепровских стоянок поздней поры верхнего палеолита на два хронологических этапа, проведенное С.Н. Лисицыным, основывается прежде всего на представлении об уменьшении со временем размеров пластинчатой заготовки, использовавшейся для изготовления ведущих типов каменных орудий. Этот тезис не вызывает возражений при сравнении между собой памятников средней и поздней поры верхнего палеолита данного региона. Однако мнение, что эта же тенденция сохраняется на всей территории Среднего Поднепровья и Подесенья на протяжении поздней поры без каких-либо вариантов, является априорным допущением, и его нужно специально доказывать. Ведь выявленную картину можно рассматривать и как результат проявления локальных особенностей развития того или иного памятника. Существование в рамках поздней поры верхнего палеолита стоянок, чей инвентарь характеризуется различными метрическими параметрами пластинчатых заготовок, показано в работе Х.А. Амирханова для территории бассейна Оки (2004) и нет никаких оснований отвергать возможность подобного рода явления в центре Русской равнины. Эту возможность необходимо иметь в виду и по другой причине. Последние раскопки стоянок бассейнов Среднего Днепра, Подесенья и Посеймья приносят все больше аргументов в пользу признания достаточно длительного существования или многократного посещения этих поселений при достаточно устойчивом сохранении населением культурных традиций (Ахметгалеева, 2007; Г.А. Хлопачёв, личное сообщение; Д.Ю. Нужный, Стефан Пиан, В.М. Лозовский, П.Е. Шедловский. Последние исследования стоянки Межиричи: 2006–2008 гг. – доклад на заседании Отдела археологии каменного века ИА РАН 16 апреля 2009 г.). Возможно, именно этим обстоятельством объясняется “длинная хронология” отдельных поселений поздней поры верхнего палеолита при наличии достаточно представительных серий радиоуглеродных датировок, на что в свое время обратила внимание Л.В. Грехова (1990).

¹ Это замечание не относится к стоянкам поздней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщевского района, которые можно на основании радиоуглеродных датировок распределить по двум хронологическим периодам: около 19–17 тыс. л.н. и около 16–13 тыс. л.н.

Анализ произведений искусства малых форм, кроме всего прочего, может дать дополнительные аргументы в пользу определения той или иной культурной специфики рассматриваемых памятников – будь то специфика локальная, хронологическая или стадийная. На территории центральных районов Восточно-Европейской равнины памятники искусства малых форм, относящиеся к поздней поре верхнего палеолита, могут быть отнесены, согласно классификации А.Д. Столяра, к сюжетным и знаковым группам, а также к геометрически орнаментальным композициям (1972). В этом смысле они являются органической частью верхнепалеолитического искусства Евразии в целом и Европы в частности. При этом можно констатировать доминирование в сюжетной группе образов женщины и зверя. Наиболее полное по охвату фактического материала исследование на эту тему на русском языке недавно было опубликовано З.А. Абрамовой (2005). Для среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита характерно также достаточно широкое распространение различных геометрически орнаментальных композиций. Эти общие особенности анализируемого художественного материала диктуют последующий порядок его рассмотрения, начиная со скульптурных изображений человека и животных.

Антропоморфная скульптура рассматриваемых памятников по своим стилистическим особенностям может быть с достаточной степенью условности разделена на реалистическую и схематическую. При этом реалистический стиль статуэток не тождествен натурализму в изображении человеческой фигуры, поскольку допускает преднамеренные искажения пропорций и объемов или отказ от передачи каких-то черт и деталей. Памятники поздней поры верхнего палеолита центра Восточно-Европейской равнины, как это показала З.А. Абрамова (1960; 1966), делятся на две территориальные группы. В одну из них входят стоянки соответствующего возраста Костёнковско-Борщевского района (Костёнки 2) и Подесенья (Супонево, Елисеевичи 1), во вторую – Среднего Поднепровья (Мезин, Добраничевка, Межирич). Особенность материальной культуры памятников первого региона подчеркивается и тем, что только здесь, при раскопках стоянок Елисеевичи 1, Быки 1 и Быки 7, была зафиксирована зооморфная скульптура. Несмотря на столь явно выраженное различие между двумя группами, их стилистические особенности позволяют проследить две основные закономерности, характеризующие памятники искусства с точки зрения общего для них культурного контекста.

Прежде всего обращает на себя внимание стилистическое сходство этих фигурок с аналогичными произведениями, характерными для стоянок восточного граветта. Изображение человеческой фигуры из Костёнок 2 передано при помощи трех самостоятельных объемов, при этом область груди и живота дана в виде одной нерасчлененной стержневидной формы, которая структурирует общее построение фигуры (рис. 2, 1). Аналогичную компоновку скульптуры демонстрирует двойная фигурка из Гагарино, точнее, та ее половина, которая изображает мужскую фигуру (рис. 2, 2). Статуэтка из Костёнок 2 более лаконична, менее рельефна. Ее общая форма позволила З.А. Абрамовой сопоставить эту статуэтку со стержневидными мадленскими фигурками по классификации А. Дельпорта (Абрамова, 2005). Возможно, более поздним по отношению к восточному граветту стилистическим признаком является положение головы, как бы вдавленной в плечи. Аналогичный признак имеет антропоморфная статуэтка из третьего слоя стоянки Молодова 5, типологические особенности кремневого инвентаря которого и имеющаяся радиоуглеродная дата позволяют отнести этот комплекс к поздней поре верхнего палеолита (Черныш, 1987).

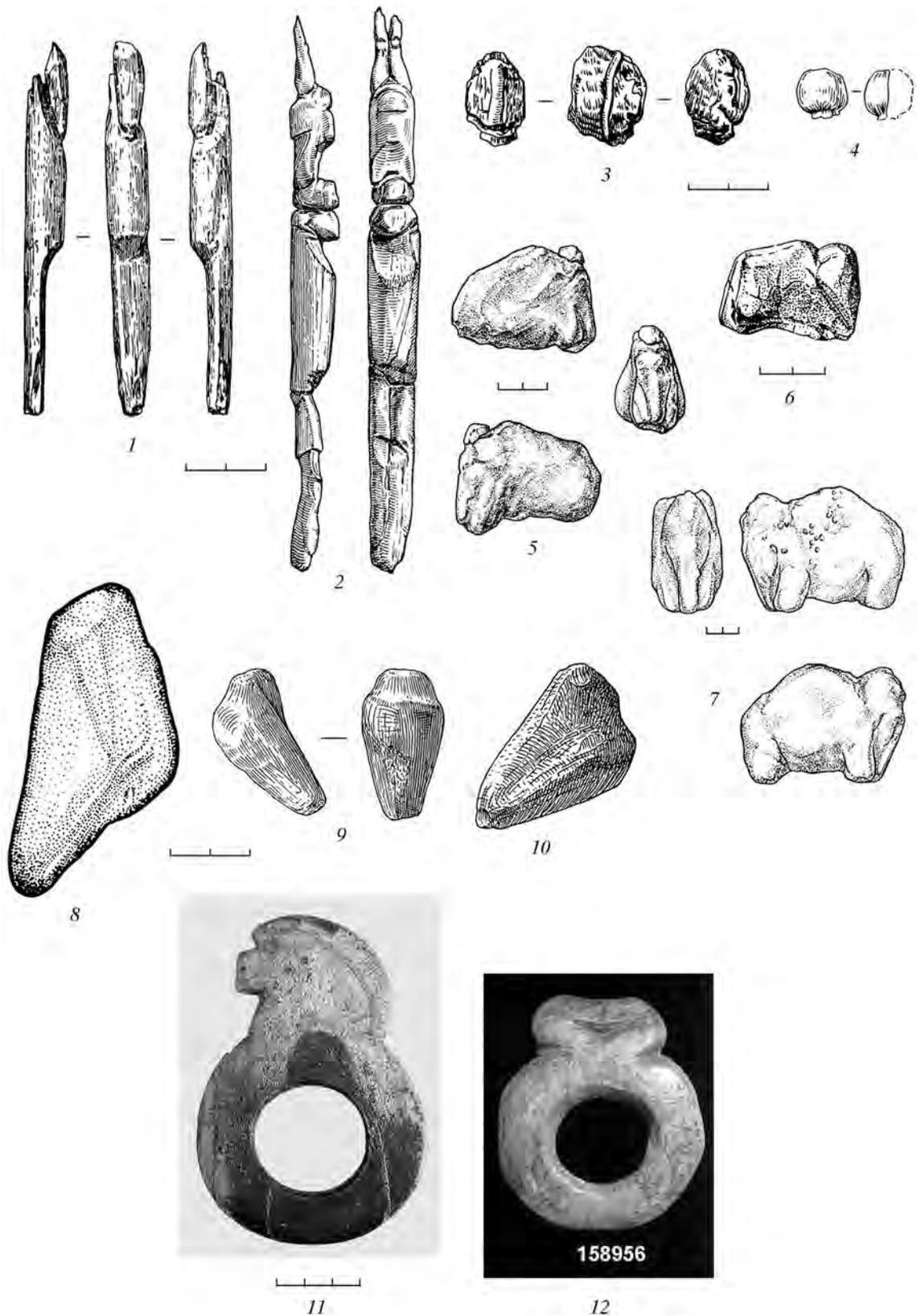
Найденная при раскопках Супоневской стоянки головка статуэтки из бивня мамонта аналогична головке из Костёнок 13 (ст. Кельсиевская) (рис. 2, 3, 4). Схематическая женская статуэтка из Добраничевки, изготовленная из песчаника, по форме контура может быть сопоставлена с так называемыми “сидящими” женскими статуэтками из бивня мамонта, происходящими из верхнего слоя Костёнок 1 (рис. 2, 8–10).

Еще более полную аналогию среди произведений искусства малых форм восточного граветта, в частности среди фигурок Авдеевской стоянки, находит статуэтка мамонта из Елисеевичей 1 (рис. 2, 5–7). Это сходство дало основание З.А. Абрамовой постулировать достаточно ранний возраст Елисеевичской стоянки по отношению к остальным памятникам поздней поры верхнего палеолита Подесенья (Абрамова, 2005). Однако совокупность радиоуглеродных датировок и особенности стратиграфии культурного слоя позволяют все же согласиться с выводами Л.В. Греховой, допускавшей “длинную хронологию” Елисеевичей 1. Аргумент против принятия такой хронологии, состоящий в том, что трудно себе представить существование одного поселения в течение более 4000 лет, снимается двумя соображениями. Во-первых, мы не знаем продолжительности перерывов между этапами накопления различных стратиграфических уровней культурного слоя этого памятника. Во-вторых, и

это более принципиально, радиоуглеродное датирование применительно к памятникам такой древности, строго говоря, следует рассматривать как метод построения не абсолютной, а относительной хронологии. Показательна в этом случае устойчивая корреляция величины радиоуглеродной шкалы того или иного памятника с его археологической стратиграфией (Амирханов, 2000; Гаврилов, 2005).

В 2004 г. при раскопках стоянки Быки 7 было обнаружено уникальное для центра Русской равнины произведение искусства малых форм – кольцо с навершием в виде скульптурного изображения лошади, изготовленное из бивня мамонта (Ахметгалеева, 2005). Детальной публикацией Н.Б. Ахметгалеевой делается излишним подробное описание этого предмета (рис. 2, 11). Соглашаясь в целом с общей оценкой его специфики, следует все же отметить, что данное изделие не является чем-то инородным в искусстве верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы. Аналогичный предмет, также изготовленный из бивня мамонта, был обнаружен на площади северо-восточного участка стоянки Павлов 1 в Моравии – одного из опорных памятников восточного граветта (рис. 2, 12). Размеры кольца из Павлова 1 несколько меньше размеров поделки из Быков 7, а навершие представлено иной фигурой. Однако принцип сочетания кольца и скульптурного навершия в данном случае совершенно тот же. Это совпадение представляется неслучайным и по другой причине. Стоянки Быки 7 и Павлов 1 имеют еще одну точку соприкосновения в материальной культуре – это практически идентичные формы треугольных острий, категории весьма специфической для данного времени на территории Восточной и Центральной Европы.

Н.Б. Ахметгалеева, реконструируя семантику образа лошади на предмете из Быков 7, обращается к оценкам А. Леруа-Гурана и Б.А. Фролова. По ее мнению, учитывая значение этого животного в качестве мужского символа и связь лошади с солнечным годовым кругом, кольцо можно рассматривать как вариант солярного знака (Ахметгалеева, 2005). Однако в мифологии исторически известных народов не зафиксировано изображение солнца в образе кольца, зато в качестве солярного знака использовалось колесо. Но колесо – стадийно более поздний символ, связанный с образом солнечной колесницы. Образ кольца известен по этнографическим материалам у народов Сибири. Оно обозначало мироздание, соединение верхнего и нижнего миров (Косарев, 2003). Если принять трактовку кольца как символа неба или верхнего и нижнего миров, то тогда лошадь Быков 7 следует рассматривать как небесное и/или солнечное животное. Эта трактовка

Рис. 2. Аналогии в скульптуре среднерусских стоянок восточного граветта и эпиграветта: 1 – Костёнки 2; 2 – Гагарино; 3 – Супо-нево; 4 – Костёнки 13; 5, 7 – Авдеево; 6 – Елисевичи 1; 8 – Добраничевка; 9, 10 – Костёнки 1; 11 – Быки 7; 12 – Павлов 1 (1, 3, 4 по: Абрамова, 1962; 2 по: Тарасов, 1979; 5, 7 по: Gvozdover, 1995; 6 по: Величко и др., 1997; 8 по: Soffer, 1985; 9, 10 по: Ефименко, 1958; 11 по: Ахметгалеева, 2005; 12 по: Pavlov, 2005).

данного образа не противоречит и зафиксированной письменно мифологической традиции. Возможно даже, что фигура на кольце изображает не лошадь, а коня, однако последнее предположение является уже чисто умозрительным.

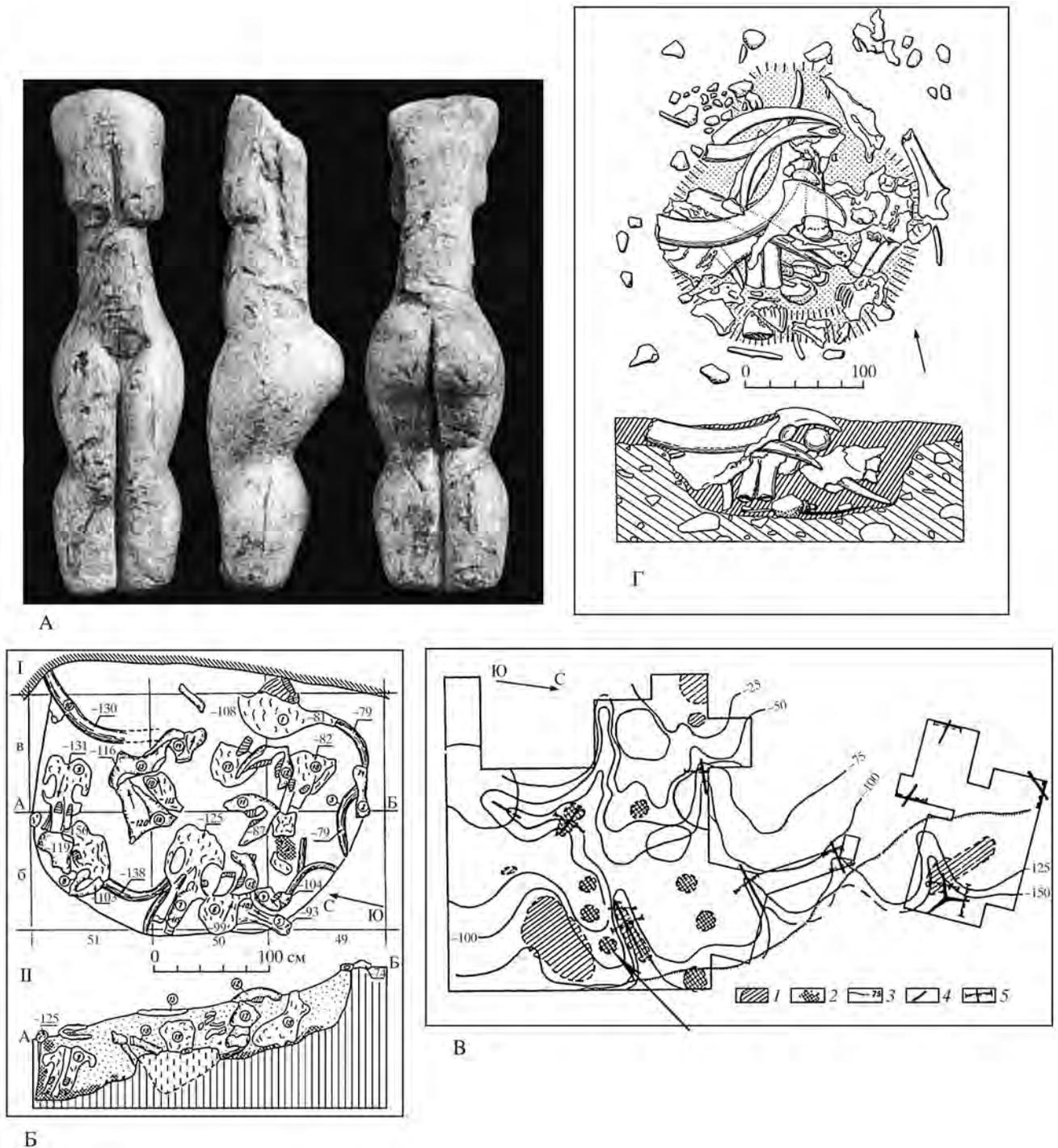
Женская статуэтка из Елисеевичей 1 (рис. 3, А) также позволяет установить еще одну связь среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита с традициями восточного граветта. Однако на этот раз подобная связь фиксируется не в стилистической области, а по археологическому контексту залегания находки. Он был установлен Л.В. Греховой, которой удалось реконструировать план раскопок 1935 г. (Величко и др., 1997). Анализ дневниковых записей и описи фаунистического материала, оставленных К.М. Поликарповичем, позволил ей аргументированно обосновать залегание елисеевичской статуэтки и так называемых “чуринг” в одном объекте – крупной яме, в заполнении которой фиксировались также кости и черепа мамонтов. Раскопками К.М. Поликарповича и Л.В. Греховой было вскрыто несколько подобных ям, достаточно однотипных по морфологии и размерам. Ямы имели округлую в плане форму с диаметром от двух до трех метров, слабо-наклонные или вертикальные стенки и относительно ровное, первоначально – субгоризонтальное, дно. Отличительным признаком заполнения таких ям являлось большое количество целых костей и особенно, черепов мамонтов, нередко с бивнями в альвеолах (рис. 3, Б). Положение черепов свидетельствует о преднамеренном характере их укладки. Очень характерна планиграфия елисеевичских ям (рис. 3, В). Но наиболее существенный момент состоит в том, что эти ямы практически идентичны так называемым полуземлянкам, зафиксированным при раскопках центрального участка стоянки Павлов 1 (Клима, 1977). На остальных памятниках восточного граветта подобные ямы не зафиксированы, однако кроме Елисеевичей 1, они известны в Мезине и, возможно, в Гонцах. Мезинские и гонцовские ямы несколько отличаются от елисеевичских своими размерами и имеют иную планиграфию (Гаврилов, 2007).

Стилистически женская скульптура Елисеевичской стоянки относится уже к послеграветтскому времени. Уплощенная линия груди и живота, усиленный акцент на ягодицах и голенях в передаче объемов фигуры характерны для этого периода верхнего палеолита Европы, на что неоднократно обращали внимание исследователи (Столяр, 1985; Абрамова, 2005). В данном случае реализм статуэтки, особо подчеркивавшийся уже К.М. Поликарповичем (1968), вряд ли можно рассматривать как признак относительно более раннего возраста

Елисеевичей 1 по сравнению с остальными среднерусскими памятниками поздней поры верхнего палеолита. В мадленском искусстве Западной Европы присутствуют как реалистические, так и схематические изображения женщин (Абрамова, 2007), и это же явление характерно для синхронных памятников на территории Восточно-Европейской равнины. Реалистическая манера исполнения елисеевичской статуэтки подчеркивает прежде всего индивидуальную специфику материальной культуры этого памятника.

Эта закономерность – проявление индивидуальных черт в культуре среднерусских стоянок поздней поры верхнего палеолита отмечается каждый раз при обращении к стилистическим особенностям женских статуэток как реалистических, так и схематических (рис. 4; см. также рис. 2, 1, 8). Следует обратить внимание на еще одну особенность предметов этой категории искусства: в тех случаях, когда на памятнике найдены две фигурки и более, фиксируется одновременно типологическое разнообразие статуэток и соответствие канона построения фигуры характерным для данной стоянки стилистическим особенностям ее оформления. Сравнительный материал для такого рода наблюдения дают статуэтки Межиричской и Мезинской стоянок (рис. 4, 3–18). Межиричские статуэтки отличаются подчеркнуто уплощенной трактовкой формы. В Мезине обратная ситуация: фигурки объемны, их можно с полным основанием отнести к круглой скульптуре, несмотря на весь схематизм этих изображений.

Яркое своеобразие мезинских статуэток было отмечено исследователями сразу же после их обнаружения. Дискуссия о семантике этих предметов уже стала достоянием историографии и в настоящее время общепринятой точкой зрения является их признание в качестве схематического изображения женщин (Абрамова, 2005). Действительно, женская символика, как показали в своих работах А.Д. Столяр и Б.А. Фролов, имеет очень большое значение для понимания семантики этих произведений искусства. Однако наиболее яркая черта мезинских статуэток – это сочетание рельефно смоделированного объема и графического изображения женщины в виде схемы, почти знака. Существенным моментом при этом представляется то, что аналогичные графические схемы сочетаются с различными формами, вызвавшими еще у Ф.К. Волкова ассоциации с “птичками” и “фаллосами”. Различие между этими формами подчеркивается и тем, что у вытянутых “фаллических” фигурок отсутствуют изображения женского треугольника – “чрева” (Столяр, 1972). Эти совпадения представляются неслучайными.

Рис. 3. Археологический контекст женской статуэтки из Елисеевичей 1: А – статуэтка (по: Столяр, 1985); Б – Яма № 1; В – планиграфия ям с костями мамонта, стрелкой указано место находки женской статуэтки (Б и В по: Величко и др., 1997).

Профили мезинских статуэток, как это убедительно показал А.Д. Столяр, аналогичны так называемым клавиформам. В свою очередь, “птички” находят соответствие графическим изображениям женщин-птиц, известным в мадлене Западной Европы (Столяр, 1985). В связи с этим уместно вновь вспомнить точку зрения П.И. Борисковского, который считал

возможным видеть в мезинских статуэтках изображения фантастических существ, сочетающих в себе черты женщины и зверя (Борисковский, 1953). Учитывая наблюдения А.Д. Столяра, более корректно рассматривать “птичек” в качестве восточноевропейского аналога женщин-птиц, а “фаллические” фигурки – как “комбинированные” скульптуры,

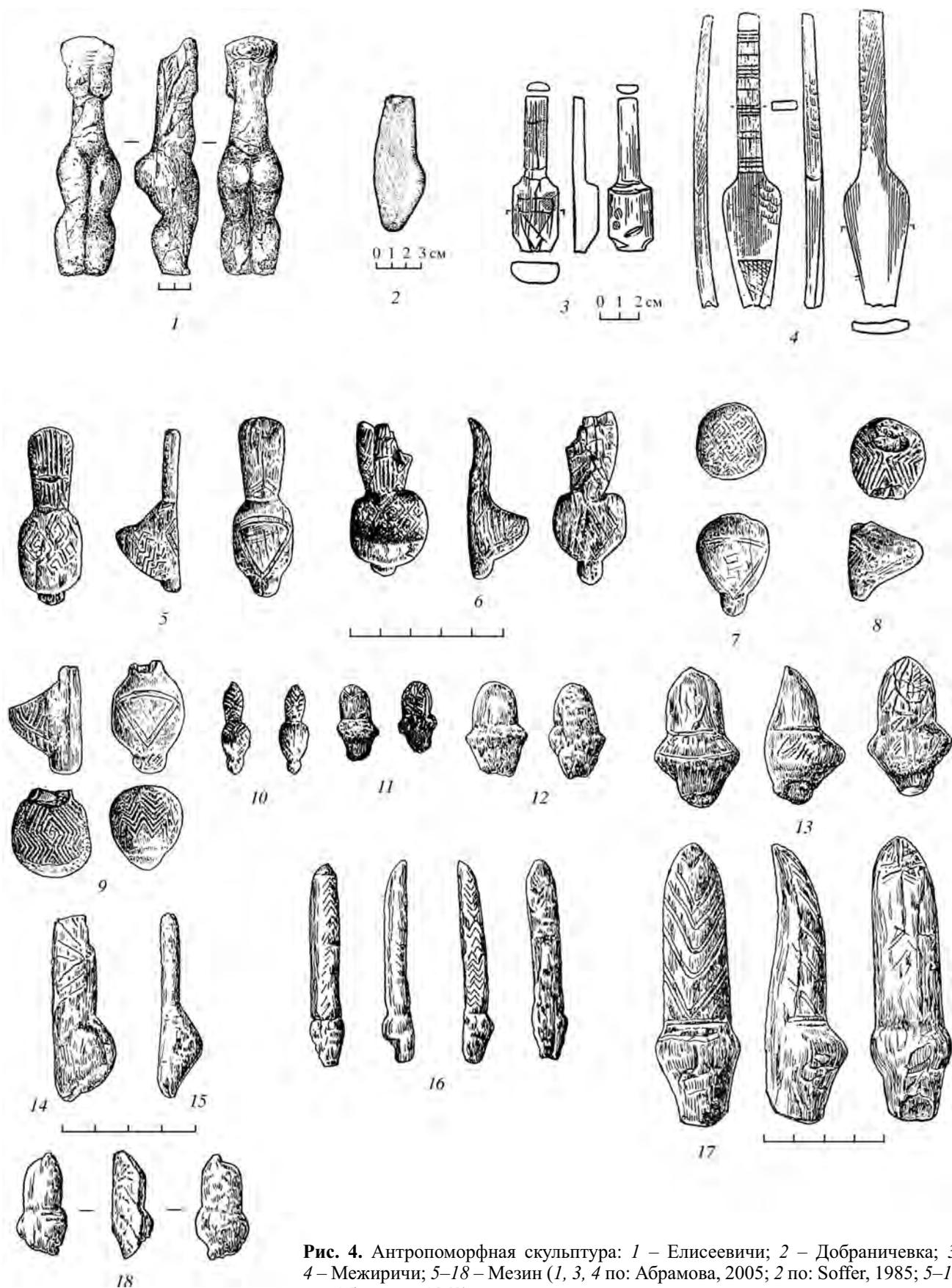

Рис. 4. Антропоморфная скульптура: 1 – Елисеевичи; 2 – Добраничевка; 3, 4 – Межиричи; 5–18 – Мезин (1, 3, 4 по: Абрамова, 2005; 2 по: Soffer, 1985; 5–18 по: Абрамова, 1962).

Рис. 5. Зигзаг на памятниках восточного граветта и эпиграветта. А – Восточный эпиграветт: 1 – Елисеевичи 1; 2 – Межиричи; 3 – Юдиново 1; 4 – Супонево; 5, 6 – Мезин (1, 2 по: Marshack, 1979; 3 по: Григорьева, 2000; 4–6 по: Абрамова, 1962). Б – Восточный граветт: 1, 2 – Пшедмости; 3 – Авдеево; 4 – Костёнки 1 (1, 2 по: Absolon, Klima, 1977; 3 по: Gvozdover, 1995; 4 по: Палеолит Костёнковско-Боршевского района на Дону, 1982).

сочетающие женские и мужские признаки (Столяр, 1985).

В орнаментации различных типов мезинских статуэток также довольно выразительно проявляется различие между ними. Меандр присутствует только на “птичках”. Однако моментом, объединяющим все разновидности фигурок из Мезина, является использование многорядного зигзага. А.Д. Столяр полагает, что элементом данного орнамента является уголок. Однако наблюдения Б.А. Фролова позволяют сделать вывод, что таковым следует считать косо поставленную короткую линию. В пользу такого заключения свидетельствуют как математические закономерности, прослеженные Б.А. Фроловым при анализе ритмики мезинского орнамента, так и сама манера их начертания, состоящая в соединении под определенными углами косо поставленных коротких линий. В зависимости от угла между линиями и сомкнутости или разомкнутости самих линий, многорядный зигзаг может быть разделен на четыре варианта.

Первый, кроме Мезина, встречен в Супонево (рис. 5, А – 4, 6). Он характеризуется сомкнутостью

линий и расположением их под углом, близким по величине к прямому или незначительно отклоняющимся в ту или иную сторону. Вторым вариантом отличается от первого не столько величиной угла соединения линий, сколько их разомкнутостью. Он зафиксирован на изделиях Мезинской и Юдиновской стоянки (рис. 5, А – 3, 6). Для третьего варианта зигзага характерны тупой угол соединения линий и сомкнутость этих элементов. Подобный орнамент использовался обитателями стоянок Елисеевичи 1 и Межиричи (рис. 5, А – 1, 2). Наконец, четвертый вариант зигзага зафиксирован в Юдиново 1 на наконечниках копий из бивня мамонта, а также на крупной пластине с отверстием на конце, изготовленной из того же материала (рис. 6, 5, см. также: Абрамова и др., 1997). Он определяется сомкнутостью линий и соединением их под острым углом. Характерно, что большинство перечисленных вариантов, за исключением третьего, имеются и на предметах, найденных при раскопках памятников восточного граветта в Центральной и Восточной Европе (см. рис. 5, Б – 1–4 и рис. 6, 6). Хотя зигзаг как орнаментальный мотив известен как в Западной Европе, так и в Сибири (Абрамова, 1962; Vosinski, 1990), однако графический стиль центрально- и восточно-европейского зигзага – использование косо поставленной короткой линии и многорядность основного орнаментального мотива, не характерен для других территорий и может рассматриваться как культуро-специфический для средней и поздней поры верхнего палеолита этого обширного региона.

А.Д. Столяр считает зигзаг одним из вариантов женских знаков, А. Маршак связывает его с водными мотивами в искусстве палеолита. Б.А. Фролову, который также связывал зигзаг с образом воды, удалось показать связь этого орнамента с символикой лунного календаря. Эти интерпретации не противоречат друг другу. Ключ к их взаимному соединению помогает найти известное схематическое изображение женщины на бивне мамонта со стоянки Пшедмость (рис. 5, Б – 1). В области чрева и вульвы на этом изображении прочерчены в несколько рядов шевроны-уголки, являющиеся составным элементом многорядного зигзага, который известен на этом памятнике (рис. 5, Б – 2; см. также: Absolon, Klima, 1977). Зигзаг, таким образом, является символическим изображением животворной, оплодотворяющей силы и становится понятным, почему именно этот мотив использовался для кодировки лунного календаря, который также связан в первобытных культурах с высчитыванием сроков беременности и регул у женщины. В свою очередь, А. Маршак также может быть прав, связывая зигзаг с образом воды, поскольку эта трактовка имеет соответствие с известным по мифологии историче-

ских народов отношением к воде как к оплодотворяющей силе андрогинного характера.

Зигзаг на мезинских произведениях искусства сочетается с меандром и одновременно противостоит ему. Этот орнаментальный мотив, если сравнивать различные типы скульптурных изображений Мезина, присутствует только на “птичках”. Одновременно этот же мотив использовался для обозначения недостающих в лунном календаре месяцев и совмещения его, таким образом, с календарем солнечным (Фролов, 1974). По данным фольклористики и этнографии, близнечные мифы, в которых солнце и луна образуют пару связанных и вместе с тем противопоставленных друг другу культурных героев, относятся к наиболее архаичной форме солярных мифов. Характерно также, что в ряде архаических солярных мифов, зафиксированных в том числе и у сибирских народов, солнце и луна представляются женщиной. По мнению В.Р. Кабо, меандр в традиционной культуре наряду с лабиринтом был символом потустороннего мира, с образом которого тесно связывались мифологические представления о круговороте смерти и рождения новой жизни (Кабо, 2007). Б.А. Фролов типологически сопоставляет мезинский меандр с мальгинскими спиралями, рассматривая оба мотива как символическое изображение змеи – существа хтонического в мифологических системах. Мезинские “птички”, как уже отмечалось ранее, являются сложным образом женщины-птицы, который, по мнению А.Д. Столяра, в европейском искусстве верхнего палеолита является отображением вместилища душ и также теснейшим образом связан с представлениями древних о взаимосвязи жизни и смерти. Следовательно, взаимная связь меандра и мезинских “птичек” с одним и тем же кругом мифологических идей представляется в высшей степени закономерным явлением.

Геометрический меандр в силу специфики этого орнаментального мотива можно с полным правом назвать мезинским орнаментом для того времени на территории не только Русской равнины, но и всей Европы. Среди рассматриваемых памятников встречены еще две разновидности орнаментальных мотивов, имеющие аналогичную степень выразительности и столь же индивидуальные. Речь идет о тимоновско-юдиновском и елисеевичском орнаментах, которые составлялись из таких сложных элементов, как ромб и шестиугольник (рис. 7). Несмотря на их очевидное различие, оба мотива объединяются сходными простыми элементами, лежащими в их основе – короткие прямая, дугообразная и S-образная линии. Очевидно, эта особенность тимоновско-юдиновского и елисеевичского

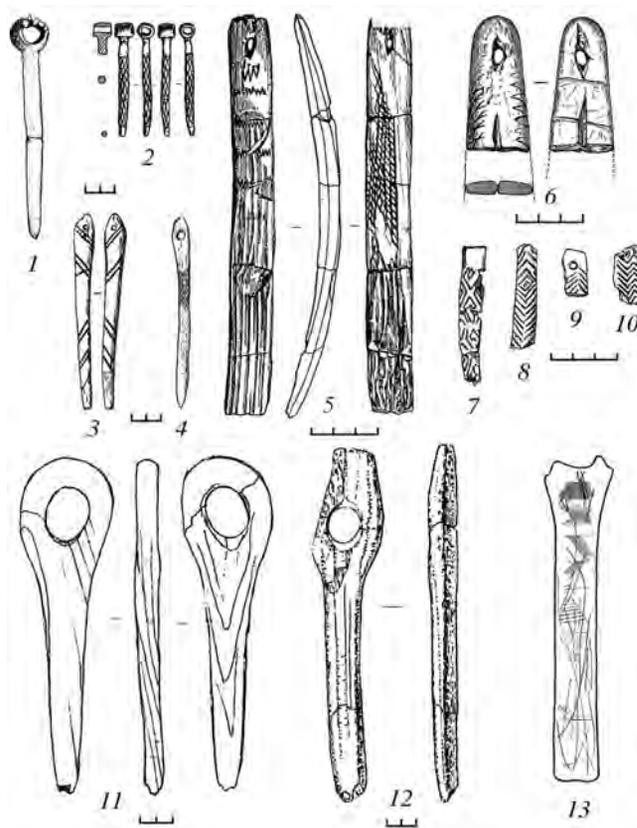

Рис. 6. Виды орнаментов на однотипных предметах из поселений восточного граветта (6) и эпиграветта (1–5, 7–13): 1, 13 – Межиричи; 2, 4, 5 – Юдиново 1; 6 – Костёнки 1; 3, 7–10, 11 – Мезин; 12 – Елисеевичи 2 (1, 4 по: Soffer, 1985; 2, 5 по: Григорьева, 2000; 6–10 по: Абрамова, 1962; 11 по: Хлопачёв, 2006; 12 по: Величко и др., 1997; 13 по: Пидопличко, 1976).

орнаментов повлияла на мнение А. Маршака, который рассматривал их совместно в качестве мотива, связанного с образом рыбы (Marshall, 1979). Эта точка зрения представляется убедительно аргументированной применительно к тимоновско-юдиновскому орнаменту, так как А. Маршак обнаружил на предметах из Тимоновки 1 изображения рыб (рис. 7, 1, 2). Ему также удалось показать, что орнамент на бивне, найденном при раскопках этого же памятника В.А. Городцовым, фактически состоит из совмещенных аналогичных изображений множества рыб. Однако перенесение этого же толкования на орнамент из Елисеевичей 1, состоящий из шестиугольников, ничем не доказывается. Оба вида орнамента очень устойчивы и у нас нет оснований предполагать, что эти различия являются результатом процесса трансформации. Кроме того, ромбовидный орнамент Тимоновки и Юдиново ассоциативно может быть связан с визуальным восприятием рыбьей чешуи. Однако шестиугольники вызывают совсем иные ассоциации, также связанные с чешуей, но не рыбы, а змеи. Оба орнамента,

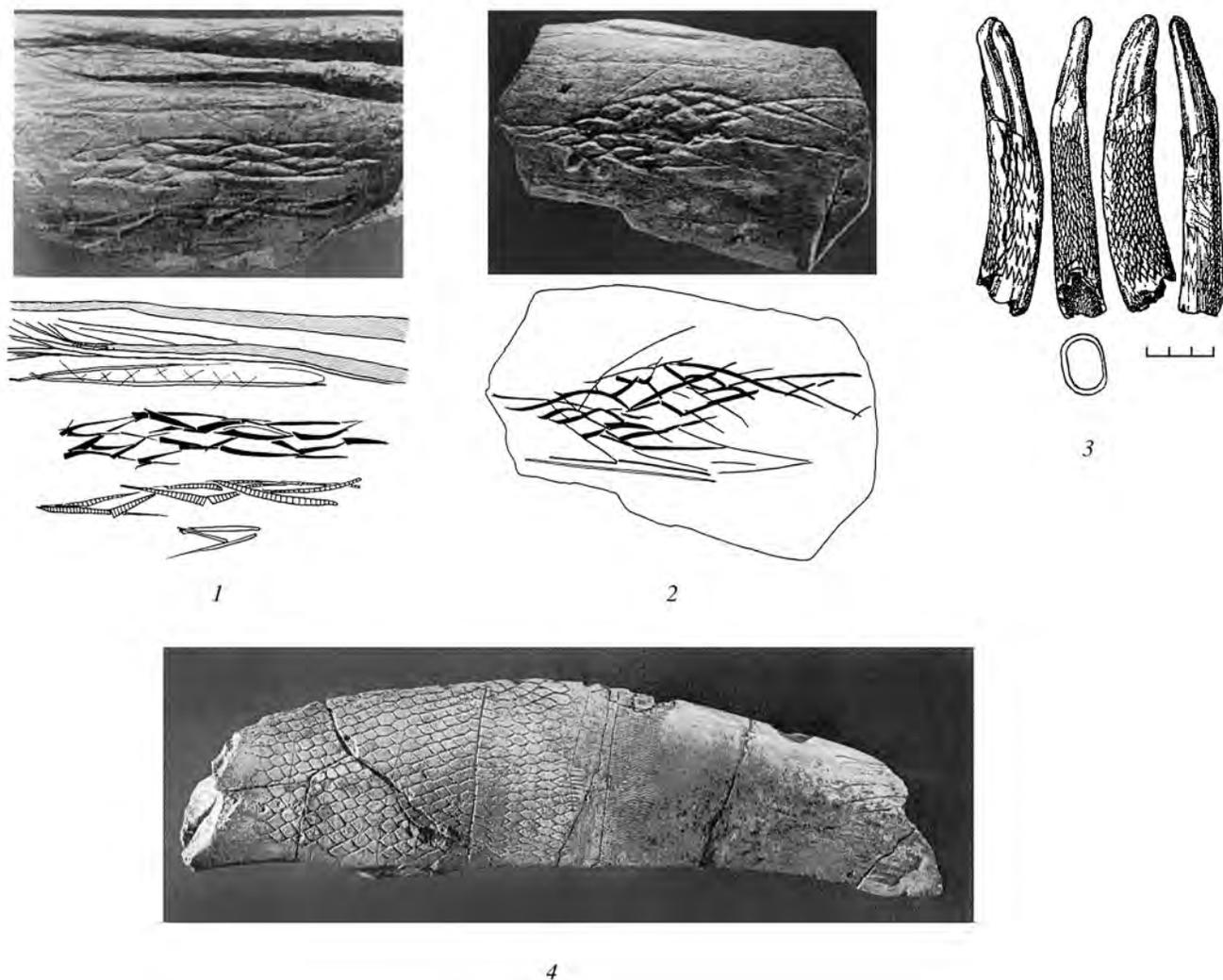

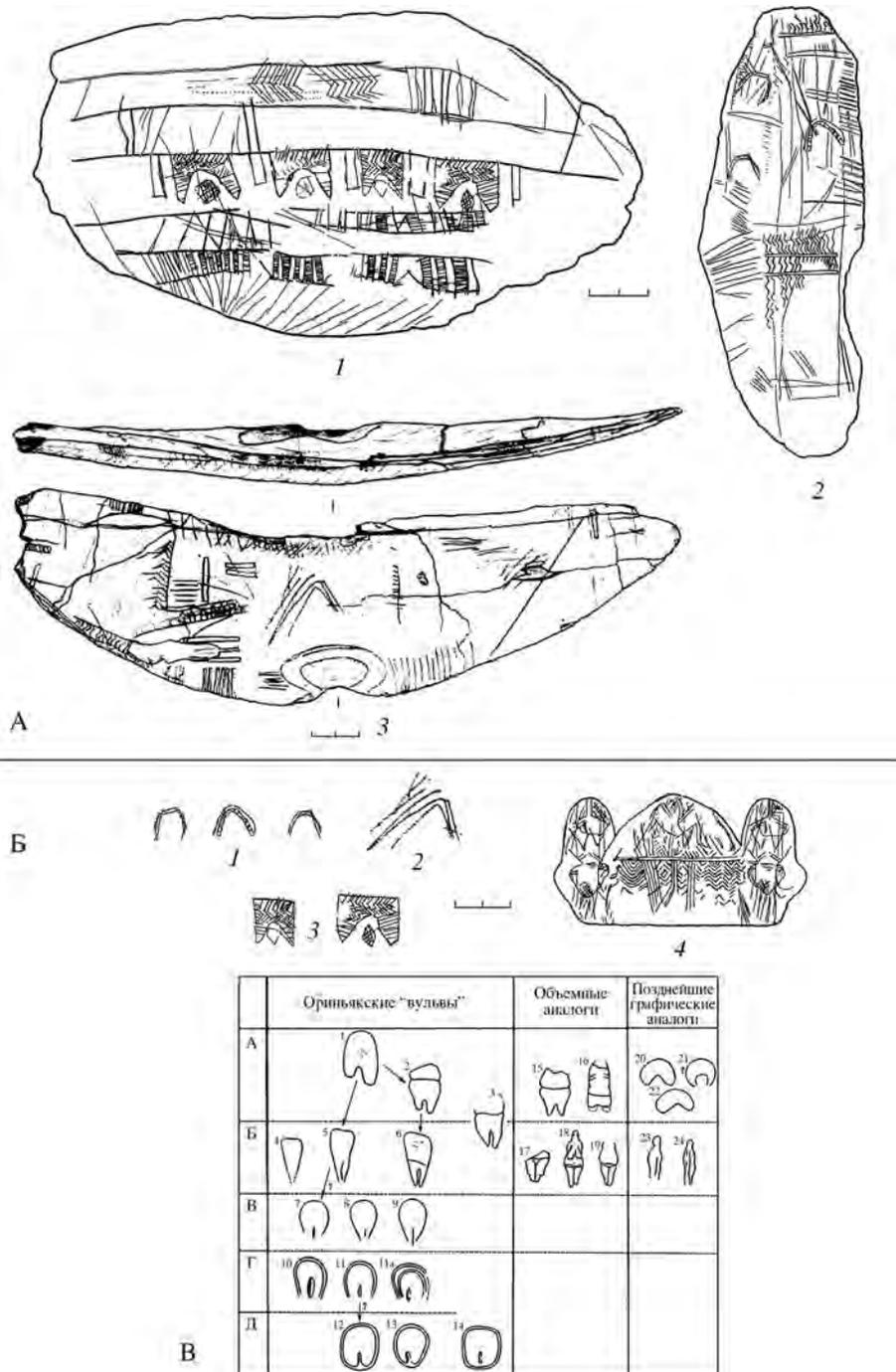
Рис. 7. Орнаментированные предметы Тимоновки 1 (1, 2), Юдиново 1 (3) и Елисеевичей 1 (4).

как и мезинский меандр, сочетаются с многорядным зигзагом и типологически могут рассматриваться как аналогичные друг другу в этих совместных композициях. Учитывая возможную семантику меандра и зигзага, логично предположить, что и ромбовидный, и шестиугольный орнаментальные мотивы связаны с аналогичным кругом мифологических представлений. Соответственно тот факт, что эти орнаментальные мотивы подчеркивают индивидуальный характер материальной культуры Тимоновки 1 и 2, а также Юдиново 1, с одной стороны, и Елисеевичей 1 – с другой, дает основания рассматривать эти различия в качестве маркеров их этно-культурной и этно-социальной природы. Это же положение относится и к Мезинской стоянке.

Аналогичная степень индивидуальности в материальной культуре среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита прослеживается при сопоставлении орнаментированных изделий из

кости и бивня мамонта, относящихся к одним и тем же категориям. Таких предметов обнаружено за все годы исследований немного, но различия между ними весьма показательны (рис. 6). Они относятся к категориям так называемых фибул (рис. 6, 1, 2), булавок (рис. 6, 3, 4), пластин с отверстием на конце – фрагментов “диадем” и “браслетов” (рис. 6, 5, 7–10), “жезлов начальников” (рис. 6, 11–13). Для каждого памятника, где известны эти изделия, характерен свой способ их украшения. Мезинский “жезл начальника” вовсе не орнаментирован и этим отличается от аналогичных предметов из Елисеевичей 1 и Межиричей.

Последние два памятника, Елисеевичи 1 и Межиричи, среди орнаментированных предметов содержат так называемые “чуринги”. На двух подобных изделиях из Елисеевичей 1 и на единственном предмете из Межиричей имеются знаки, выде-

Рис. 8. Семантика знаков на “чурингах” Межиричской и Елисеевичской стоянок. А – рисунки на “чурингах”: 1 – Межиричи; 2, 3 – Елисеевичи 1 (1, 2 по: Marshack, 1979; 3 по: Хлопачёв, 2006). Б – женские знаки: 1, 2 – Елисеевичи 1; 3 – Межиричи; 4 – Мезин (по: Абрамова, 1962). В – типология женских знаков по: Столяр, 1985.

ляющиеся на фоне зигзагов и параллельных линий (рис. 8, А – 1–3). На елисеевичских предметах эти знаки представляют собой дугообразные линии, как правило сдвоенные. Межиричская “чуринга” особо выделяется благодаря сложности начертания этих знаков и включенности их в единую композицию. Традиционно межиричские знаки изображались сориентированными широким прямым основанием

вниз и соответственно двумя острыми вершинами вверх. Их характерной особенностью является расположение внутри контура многорядного зигзага. Кроме того, фигуры между вершинами у двух крайних изображений также орнаментированы косой решеткой. По мнению Н.Л. Корниец, знаки на межиричской “чуринге” обозначают жилища, а их композиция, таким образом, может рассматри-

ваться как план поселения (Soffer, 1985). Однако использование зигзага и косой решетки для орнаментации этих фигур дает основание видеть в них символические женские изображения. О символике зигзага достаточно было сказано выше. Другой мотив – косая решетка – зафиксирован внутри контура женского треугольника на одной из мезинских статуэток (рис. 8, Б – 4). При такой интерпретации межиричские знаки следует ориентировать вершинами вниз, и тогда они органично вписываются в аналогичный ряд изображений, выстроенный А.Д. Столяром (1985) (рис. 8, В). По аналогии дугообразные сдвоенные линии, прочерченные на елисеевичских предметах, также можно рассматривать в качестве женских знаков. Аналогичные изображения, зафиксированные в западноевропейском искусстве, А. Леруа-Гуран относил именно к женским типам.

Анализ произведений искусства памятников поздней поры верхнего палеолита центральных районов Восточно-Европейской равнины позволяет сделать вывод о существовании глубокой взаимной связи образов зверя и женщины, и шире – человека, не только в реалистических изображениях, но также в орнаментальных мотивах и символах-знаках. За этим явлением стояли определенные представления людей, связанные с мифологией и религиозными верованиями, конкретное содержание которых нам недоступно и реконструкция которых возможна при опоре на более поздние исторические материалы. Однако собственно археологический анализ позволяет установить на стилистическом уровне генетическую связь между стоянками восточного граветта Центральной и Восточной Европы и более поздними памятниками, которая проявляется в трактовке образов женщины и зверя, в продолжении использования орнаментального мотива многорядного зигзага. По этой причине культура среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита может именоваться эпиграветтской, а не постграветтской. Одновременно в искусстве эпиграветтских памятников проявляются черты, характерные для всего европейского искусства этого времени: прежде всего в каноне построения фигуры антропоморфных статуэток и в широком развитии орнамента. Но конкретное воплощение этих тенденций подчеркивает индивидуальные черты памятников искусства малых форм каждой отдельной эпиграветтской стоянки, что еще раз свидетельствует в пользу неоднократно высказывавшегося различными исследователями тезиса о распаде единого культурного пространства европейского граветта на более локальные образования (Soffer, 1985; Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Амирханов, 2004; Синицын, 2008). В данном случае важно подчеркнуть, что на территории Русской

равнины этот распад, вероятнее всего, произошел в результате внутреннего развития материальной и духовной культур восточного граветта и не сопровождался значительными подвижками населения. Ярко выраженная индивидуальная специфика искусства эпиграветтских памятников – лучшее тому подтверждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова З.А.* Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // СА. 1960. № 3.
- Абрамова З.А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962 (САИ; А4-3).
- Абрамова З.А.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.
- Абрамова З.А.* Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб., 2005.
- Абрамова З.А.* Реализм и схематизм в искусстве мадлена // Проблемы археологии каменного века. М., 2007.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб., 1997.
- Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. М., 2000.
- Амирханов Х.А.* Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Аникович М.В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. М., 1998.
- Ахметгалева Н.Б.* Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24).
- Ахметгалева Н.Б.* О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века. М., 2007.
- Борисковский П.И.* Палеолит Украины. М.; Л., 1953 (МИА; № 40).
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.
- Гаврилов К.Н.* О периодизации восточнограветтских стоянок Днепро-Деснинского бассейна // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
- Гаврилов К.Н.* Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Среднего Поднепровья и Подесенья // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007.

- Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотыльёво 2. М., 2008.
- Гвоздовер М.Д. Типология женских статуэток костёнковской палеолитической культуры // ВА. 1985а. № 75.
- Гвоздовер М.Д. Орнамент поделок костёнковской культуры // СА. 1985б. № 1.
- Гвоздовер М.Д., Рогачёв А.Н. Развитие верхнепалеолитической культуры на Русской равнине // Лёсс – перигляциал – палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М., 1969.
- Гладких М.И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднелепелитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1977.
- Городцов В.А. Археология. Т. I. Каменный период. М.; Петроград, 1923.
- Грехова Л.В. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники деснинского бассейна // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
- Грехова Л.В. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянок Елисеевичи // БКИЧП. № 59. М., 1990.
- Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л., 1968.
- Григорьев Г.П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970 (МИА; № 166).
- Григорьев Г.П. Отношение восточного граветт к Западу // Восточный граветт. М., 1998.
- Григорьева Г.В. Украшения и орнаментированные бивни из верхнепалеолитического поселения Юдиново // STRATUM plus. 2000. № 1. Время последних неандертальцев.
- Ефименко П.П. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ. // Ежегодник Рус. Антропол. О-ва при Санкт-Петербург. ун-те. Т. IV. Отд. отд. СПб., 1912.
- Ефименко П.П. Костёнки I. М.; Л., 1958.
- Замятин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951 (Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер.; Т. XVI).
- Замятин С.Н. Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства // Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
- Кабо В.Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М., 2007.
- Клима Б.Б. Малая полужемлянка на палеолитической стоянке Павлов в Чехословакии // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1977.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.
- Лисицын С.Н. Эпиграветт или постграветт? // STRATUM plus. 1999. № 1. Время собирать камни.
- Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей монтажа. Киев, 1976.
- Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
- Рогачёв А.Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит. Т. 3. Л., 1957 (МИА; № 59).
- Рогачёв А.Н. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. 1973. Вып. 137.
- Синицын А.А. Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.
- Стицын А.А. Русский палеолит // ЗОРСА РАО. 1915. Т. XI.
- Столяр А.Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита. Л., 1972 (МИА; № 185).
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.
- Хлопачёв Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006.
- Черныш А.П. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М., 1987.
- Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Absolon Karel, Klima Bohuslav. Předmostí. Ein Mamutjägerplatz in Mähren. Praha, 1977.
- Bosinski Gerhard. *Homo sapiens*. L'histoire des chasseurs du Paléolithique supérieur en Europe (40 000 – 10 000 avant J.-C.). Paris, 1990.
- Gvozdover Mariana. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford, 1995.
- Marshack A. Upper Paleolithic symbol systems of the Russian Plain: cognitive and comparative analysis // Current Anthropology. 1979. V. 20. № 2.
- Pavlov I. Southeast. A Window Into the Gravettian Lifestyles / Ed. Svoboda J.A. Brno, 2005.
- Soffer Olga. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando, 1985.

**Woman – animal – ornament. Cultural specificity in the art
of the Russian Plain Epigravettian**

K.N. Gavrilov

Summary

The article analyzes the cultural specificity of Epigravettian sites in the center of the Russian Plain on the basis of the minor arts. Especial attention is given to the imagery of women and animals and related ornamental motifs. The article postulates cultural continuity between Gravettian and Epigravettian in Eastern Europe, showing at the same time how Gravettian traditions were modified as the common cultural space on the territory in question was breaking up. The reason for the break-up was probably connected with the inner evolution of the material and spiritual culture of east Gravettian and Epigravettian.

О ПРИЧИНАХ РАЗНООБРАЗИЯ ФОРМ НОЖЕЙ КОСТЁНКОВСКОГО ТИПА

© 2009 г. С.Ю. Лев*, Л. Кларик**, Е.Ю. Гирия***

* Институт археологии РАН, Москва

** Лаборатория праистории и технологии ИЦНИ

*** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Ножи костёнковского типа (НКТ), выделенные в начале XX в. П.П. Ефименко (1915) в материалах коллекции стоянки Костёнки 1, I, на сегодняшний день стали одним из важнейших маркеров каменных индустрий граветтоидных комплексов Восточной и Центральной Европы. Кроме того, эти орудия, наряду с наконечниками с боковой выемкой, листовидными наконечниками и пластинками с притупленным краем, являются культуроспецифическими изделиями костёнковско-авдеевской культуры. На протяжении всего XX в. немало отечественных и зарубежных исследователей в той или иной степени затрагивали данную проблематику в попытках объяснить, что же такое “ножи костёнковского типа”? Традиционно называемые “типом”, они не имеют однозначного ни типологического, ни категориального определения. Большинство исследователей отмечали морфологическую вариабельность этих изделий. Не останавливаясь подробно на историографическом аспекте, отметим лишь основные вехи.

А. Брейль идентифицировал аналогичные орудия на стоянке Пшедмости в Чехии (Breuil, 1942. Р. 530). Впоследствии П.П. Ефименко интерпретировал сколы, снятые по спинке орудия, как специальную технику, использованную для утончения пластин, выравнивания их продольного профиля (Ефименко, 1958. С. 230–233). М.Д. Гвоздовер рассматривала эти орудия не в качестве отдельного типа, а скорее как результат специфической техники, приема обработки (Гвоздовер, 1961). Термин “нож костёнковского типа” использовался также рядом западных исследователей (Heinzelin, 1962; 1973; Otte, 1979; Klima, 1968).

С технико-функциональной точки зрения С.А. Семенов отмечал наличие следов от резания на НКТ Костёнок 1, I и впервые показал, что орудия данного типа действительно являются ножами (1957. С. 63). В 1968 г. Я. Козловский разработал классификационную схему НКТ, взяв за основу характер их вторичной обработки, главным образом

базируясь на вариабельности формы концов орудий (Kozłowski, 1968). Впоследствии он отметил присутствие НКТ в коллекции французской стоянки Корбиак (Kozłowski, 1984). К. Валох, уточняя дефиниции павловской культуры вслед за А. Дельпортом и Б. Климой, признавал эти изделия в качестве отличительного типологического маркера этого варианта граветта (Valoch, 1986. Р. 55).

В 1977 г. В.И. Беляева взялась за изучение НКТ Костёнок 1, I (1977; 1979). Результатом исследования стало выделение четырех групп по принципу наличия/отсутствия тех или иных элементов обработки одного или двух концов, локализации подтечки по спинке или брюшку. Исследования получили продолжение в позднейших публикациях (Гвоздовер, Беляева, 1988; Беляева, 2007).

Б. Брэдли, основываясь на изучении ряда артефактов Зарайской стоянки, посчитал формирование ножей технологическим приемом, “скорее результатом подправки, приострения, чем средством намеренного создания острого рабочего края орудия до использования” (Бредли, 1997. С. 175). Эта точка зрения получила дальнейшее развитие (Giria, Bradley, 1998; Гирия, Ресино Леон, 2002. С. 182). В то же время на материалах Авдеево разрабатывался подход, комбинирующий морфологический анализ с характеристиками функциональных особенностей изделий, основываясь на результатах трасологических исследований В.Е. Щелинского (Гвоздовер, 1998. С. 243–259).

По мнению Х.А. Амирханова, противопоставление “типа” и “технологии” в случае с НКТ вряд ли уместно, так как эти изделия «являются и “типом” и особой (“костёнковской”) технологией» (Амирханов, 2000. С. 159). Исходя именно из этих позиций, одним из авторов был проанализирован массив НКТ (рис. 1) Зарайской стоянки (Лев, 2005; 2009; см. ниже).

В конце XX в. работами одного из авторов на стоянке Ле Бло (Франция) было выявлено некоторое количество пластин с подработкой конца в “костён-

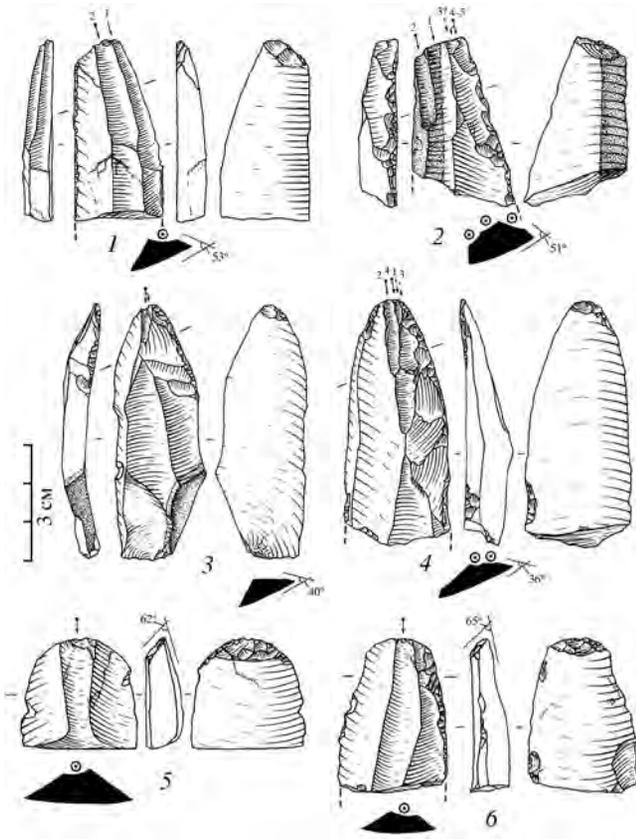

Рис. 1. Некоторые варианты НКТ из Костёнок 1, I и Зарайска.

ковской технике” в слоях позднего граветта (Klaric, 2000). Впрочем, это тема обширного исследования, над которым нами ведется работа.

Что же такое “ножи костёнковского типа”?

Сочетание различных методов изучения артефактов (типологический, функциональный и технологический) позволяет глубже проникнуть в суть проблемы – как они были изготовлены и почему имеют столь различную форму. Начнем с типологических критериев, далее будут продемонстрированы некоторые наблюдения функционального характера, и в конце мы рассмотрим НКТ через призму технологического анализа.

Типологические критерии выделения ножей костёнковского типа костёнково-авдеевской культуры

В свое время одним из авторов была проделана работа по классификации большого массива НКТ одного из ключевых памятников костёнково-авдеевской культуры – Зарайской стоянки и проведен сравнительный анализ с материалами других памятников. Остановимся на этом чуть подробнее. Ставилась задача создания “работающей” методики описания НКТ с позиций формально-типологи-

ческого метода для характеристики этих изделий в коллекции Зарайской стоянки (Лев, 2005; 2009). Были проанализированы материалы раскопок памятника с 1980 по 2000 гг. Количество учтенных на тот момент ножей составило 963, а включая двойные ножи и комбинированные орудия, число “рабочих элементов” НКТ возрастает до 1030 экз. В данном случае под “рабочим элементом” понимается один обработанный в соответствующей технике (о которой речь пойдет ниже) конец орудия. Зачастую НКТ имеют несколько лезвийных участков как оформленных на одном конце, т.е. примыкающих к одной площадке, так и образованных на двуконечных орудиях, на каждом из концов которых сформирована площадка. У последних максимальное количество лезвийных участков – четыре. Обычно ножи изготавливались на широких массивных “костёнковских пластинах” (Палеолит..., 1982. С. 142).

Наиболее существенные типобразующие признаки для ножей костёнковского типа фиксируются на конце орудия и примыкающем к нему участке края/краев пластины, а также части плоскости спинки, смыкающейся с обработанным концом. Подработка конца диктовалась необходимостью создания ударной площадки, с которой производились два вида последующих сколов. Наличие такого рода площадки достигалось разными способами: подбором или формированием площадок, образованных изломом заготовки; формированием ее техникой крупной чешуйчатой слабонаклонной ретуши (часто довольно глубокой); иногда одним уплощенным чешуйчатым снятием, реже обычным ретушированием, а также техникой плоского резового скола, идущего наискось или поперечно брюшке, формируя к нему наклонную плоскость (рис. 2, а–е). В подавляющем большинстве случаев площадка формировалась на брюшке заготовки. Все перечисленные выше технологические приемы характерны также и для ножей Костёнок 1, I и Авдеева (Гвоздовер, 1998. С. 243–259; Беляева, 1977).

Другим типологически значимым элементом НКТ является продольный край (иногда оба края) орудия, обычно образующий с обработанным концом угол, близкий к острому. В зависимости от степени использования и подживления ножа на крае наличествуют характерные признаки, отмечаемые для этого вида изделий. Если орудие находится на начальной степени утилизации, край может сохранять свои изначальные очертания, возможно присутствие мелкой ретуши. Впоследствии затупившийся край неоднократно приострялся. Подправка осуществлялась двумя способами или же иногда их комбинированием. Первый заключался в нанесении крупной краевой разнофасеточной ретуши,

служившей для приострения края. Однако наиболее выразительным элементом подправки все же являются краевые сколы, ради возможности снятия которых и формировалась площадка на конце изделия. Формирование этих сколов диктовалось функциональной необходимостью. Порой в результате многократной подправки краевыми сколами и/или ретушью угол между соответствующей гранью спинки и плоскостью брюшка все более приближался к 90° , а край приобретал сильно искривленные в плане очертания по мере приближения к подработанному концу.

Отметим еще один существенный формообразующий элемент ножа. Это плоские продольные чешуйчатые снятия с плоскости спинки, используемые для срезания выступающего ребра и некоторого утончения корпуса заготовки на функционально значимом участке. Длина этих сколов утончения не превышает длину используемого участка края орудия, подживляемого ретушью и краевыми сколами.

Как отмечает Х.А. Амирханов, “наиболее существенным признаком для выделения вариантов будут представленность или непредставленность на изделиях одного из трех типобразующих признаков и количество лезвийных участков на одной заготовке” (Амирханов, 2000. С. 163). Учитывая точку зрения Амирханова, массив НКТ был разделен на несколько групп. Основанием для расчленения массива ножей на группы служат наличие и взаимная сочетаемость следующих формообразующих признаков: 1 – площадки ножа, 2 – краевых сколов, 3 – сколов утончения и сюда же добавлен признак: наличие крупной краевой разнофасеточной ретуши, также являющейся формообразующей.

Таким образом, выявилось восемь групп изделий (рис. 2, 1–8). В первую довольно малочисленную группу (2.3%) входят изделия, у которых присутствует только один, правда, наиболее существенный признак – площадка. Остальные элементы орудия отсутствуют.

Во вторую группу входят изделия, у которых кроме площадки имеются плоские удлиненные сколы – утончения, срезающие выступающее ребро заготовки (7.9%). Это также орудия на ранней стадии использования.

К третьей группе (5.3%) отнесены ножи, сочетающие наличие площадки и снятого с нее краевого скола (сколов). Это уже следующая ступень жизни орудия, поскольку вследствие его использования возникла необходимость в подправке края, возможно, утерявшего свои изначальные свойства в процессе утилизации. Краевой скол – один из

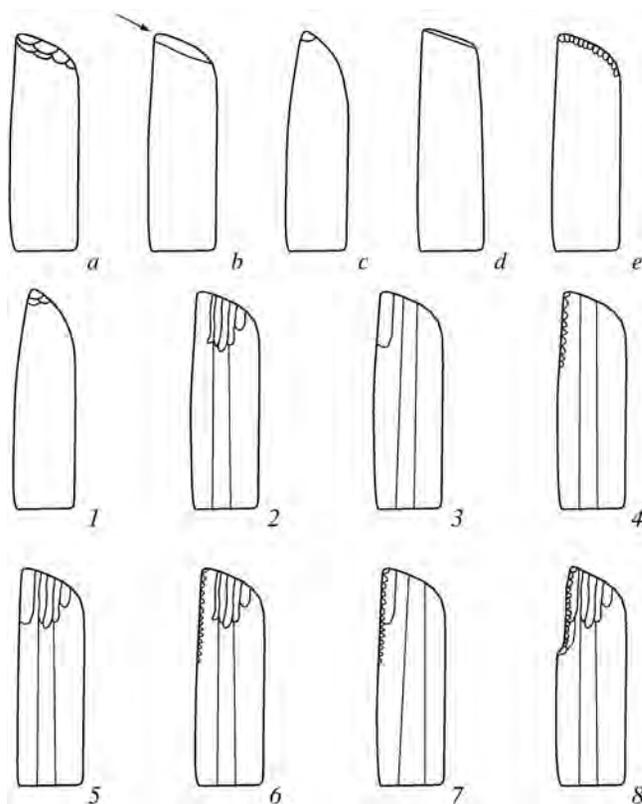

Рис. 2. Схематическое изображение групп ножей костяного типа (ОК).

возможных вариантов подправки лезвия. Вторым вариантом является нанесение крупной краевой разнофасеточной ретуши, служащей для тех же целей. В четвертую группу входят ножи, сочетающие наличие площадки и такого рода ретуши (8.1%).

Следующие, пятая (32.3%) и шестая (15.7%), группы по сути являются вариантами двух предыдущих. К двум означенным элементам (площадка + краевой скол и площадка + ретушь) добавляется третий элемент в виде плоских удлиненных сколов утончения орудия по спинке. Именно на сочетание трех признаков приходится максимальное число реализаций. Есть также незначительная группа предметов (седьмая), у которых встречено сочетание площадки, краевых сколов и ретуши при отсутствии сколов утончения (2.6%).

И, наконец, в восьмую группу объединены ножи, сочетающие все четыре признака: наличие площадки, краевых сколов, сколов утончения и ретушь (25.8%). Это в большинстве случаев ножи на финальной стадии использования с сильно измененным контуром края и значительным углом между ним и плоскостью брюшка. Для значительной части двойных НКТ (оформленных на двух концах заготовки) характерно как раз такое сочетание признаков. Встречены орудия с двумя,

ремя и даже четырьмя рабочими элементами, под которыми имеются в виду участки краев со следами утилизации и поджигания, примыкающие к подработанным концам, т.е. участки схождения краев и концов. Выделенные группы орудий отражают динамику использования и неоднократных подправок НКТ.

Таким образом, при наличии одинаковых по форме рабочих участков НКТ имеют различную морфологию (Амирханов, 2000. С. 159–163) в зависимости от того, на какой стадии утилизации то или иное орудие попало в культурный слой.

Представляется возможным также разделить НКТ и по способу формирования площадки. Таких вариантов выделено пять (рис. 2, *a–e*). При формировании площадки, как справедливо отмечает М.Д. Гвоздовер, “проступает характерное для костёнковской культуры многообразие технических приемов, выполняющих задачу создания одной определенной формы” (1998. С. 252). Наиболее обычной и широко представленной является площадка, сформированная в традиционной для костёнковско-авдеевской культуры технике крупной чешуйчатой слабонаклонной ретуши, зачастую, довольно грубой (71,9%), иногда называемой “подтеской”.

На втором месте по частоте встречаемости – оформление площадки в технике резцового скола (15,7%). Это плоские резцовые снятия, идущие наискось или поперечно по брюшку. Угол площадки соответствует предыдущему варианту.

В несколько меньшем количестве обнаруживаются площадки, оформленные плоской достаточно широкой чешуйчатой фасеткой, иногда двумя (7,4%). Угол такой площадки заметно меньше.

Гораздо реже (2,6%) встречаются площадки, сформированные наклонной регулярной ретушью по спинке или по брюшку. Они обычно образуют ровные линейные площадки на тонких, но достаточно широких концах заготовок.

Еще один вид оформления конца изделия – “естественная” площадка, т.е. в качестве площадки использован излом заготовки, обычно имеющий наклон к брюшку (2,4%). Впрочем, в некоторых случаях можно говорить о намеренном изломе пластины. Такой характер площадки не требовал дополнительной подработки, так как зачастую создавал необходимый для последующих сколов угол к брюшку.

Различные способы формирования площадки по наблюдениям над данной выборкой никак не коррелируются с наличием тех или иных формообразующих признаков НКТ, что вполне закономерно,

если исходить из положения, что формирование площадки являлось технологически необходимым этапом изменения формы изделия.

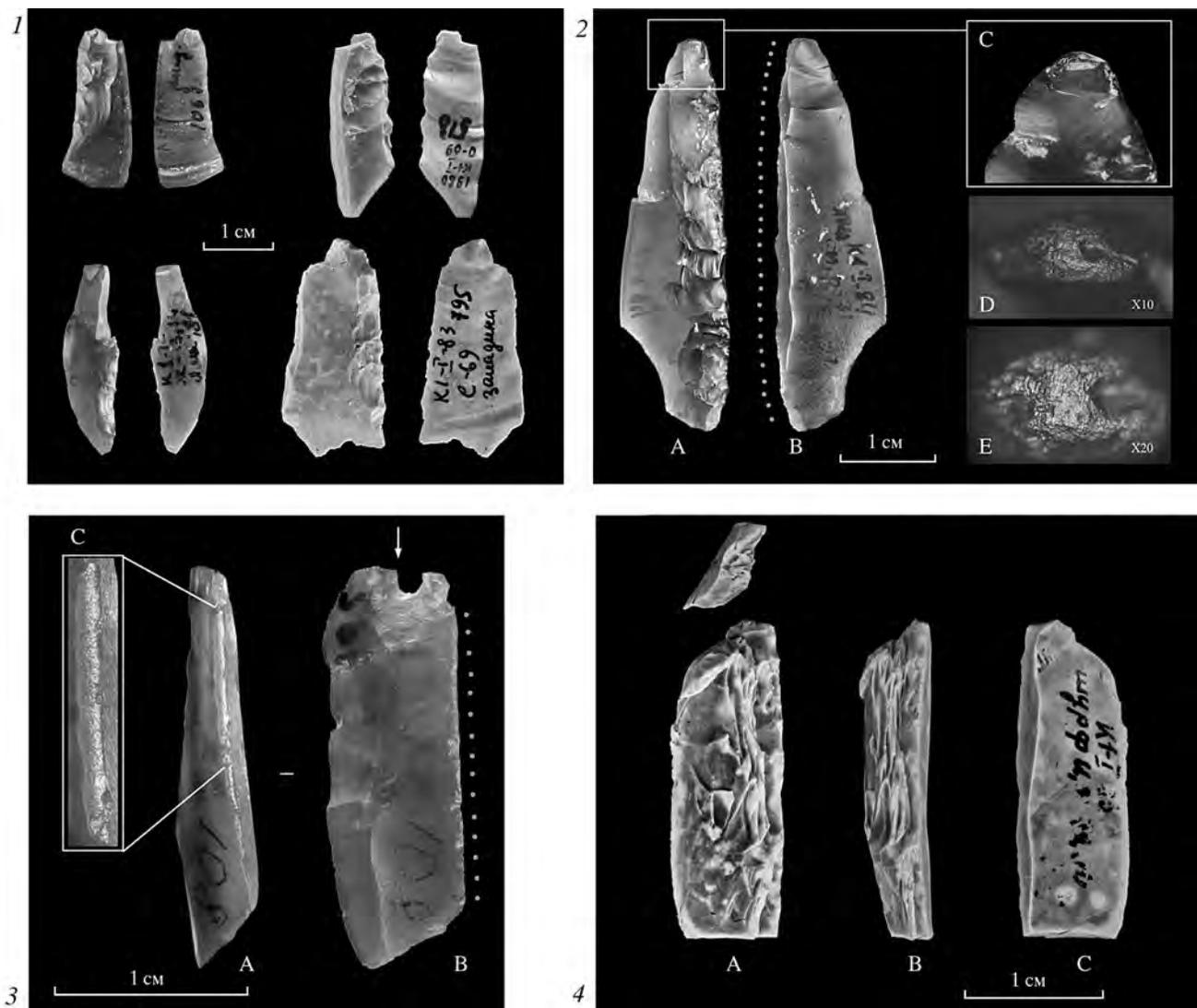
Кроме изделий ОК в коллекции встречены и двойные ножи (ДК), их насчитывается 67 экз., тогда как НКТ с подработкой одного конца 794 предмета, т.е. наблюдается картина, отличная от Костёнок и Авдеево, где значительно преобладают орудия с подработкой двух концов (Гвоздовер, 1998. С. 252). Связано ли это с большей доступностью сырья на Зарайской стоянке или с недостаточной представительностью выборки, покажут дальнейшие работы на памятнике, хотя более вероятной выглядит первая версия. Возможно, этим же объясняется и единичная представленность НКТ укороченных пропорций, столь характерных для означенных памятников.

Несмотря на частичную изученность памятника, коллекция Зарайской стоянки численно превосходит любую из сопоставимых коллекций костёнковско-авдеевской культуры как по количеству орудий, так и по представленности предметов без вторичной обработки.

Фиксируемый на памятнике процент орудий 10,5% вполне отражает картину, свойственную базовым стоянкам (Лев, 2009). Какой-либо существенной разницы между НКТ Зарайской стоянки и материалами однокультурных памятников не прослежено. Среди комбинаций везде преобладает НКТ-резец. Отмечается довольно существенная разница в проценте НКТ на основных памятниках костёнковско-авдеевской культуры, причем максимальный разброс значений дают два комплекса Авдеевской стоянки – 27,4% в АВС и 10,3% в АВН (это наименьший показатель среди рассматриваемых памятников). В старом комплексе Авдеево (АВС) НКТ – наиболее часто встречаемое орудие. В Костёнках 1,1 они уступают по численности лишь резцам. На Зарайской стоянке и АВН (Авдеево, новый комплекс) ситуация идентична – НКТ находятся на третьей позиции после пластин/отщепов с ретушью и резцов. Впрочем, на Зарайской стоянке процентное соотношение резцов и НКТ весьма приближенно и с расширением раскопанной площади возможны небольшие колебания значений в ту или иную сторону, что скорее всего не окажет существенного влияния на общую картину.

Материал Зарайской стоянки с большой степенью надежности можно считать репрезентативной выборкой, отражающей все основные тенденции и проявления комплекса технологических приемов, связанных с изготовлением НКТ.

Функциональный анализ ножей и краевых сколов второго жилого комплекса Костёнок 1,1

Рис. 3. 1 – Некраевые сколы (срединные) с ножей получили название “сколы утончения” НКТ. Большую часть таких сколов опознать трудно, так как они практически неотличимы от обычных микропластинок. Приведенные на фото сколы определены только лишь потому, что на их спинках присутствуют дистальные части фасеток ретуши приострения рабочего края ножа. 2 – Краевой скол с НКТ с усиленной подготовкой площадки для его снятия. Подготовка выражается в наличии следов редуцирования и интенсивной абразивной обработки зоны расщепления. По всему ретушированному рабочему краю ножа наблюдаются следы затупления вследствие сработанности – утилизации (указаны красными точками). 3 – Уникальный тип износа – скобление-строгание мягкого камня (мергеля?). Расположение износа указано красными точками (подавляющая часть краевых сколов имеет следы износа. Чаще всего ножи использовались для строгания мяса и работы по дереву). 4 – Краевой скол с НКТ, полученный с края затупленного многорядной ретушью с заломами. Данная ретушь демонстрирует многократные (более трех) попытки приострения рабочего края. Каждый последующий этап (ряд ретуши), приостряя кромку, в то же время притуплял общий угол рабочего лезвия. Фасетки лишь следовали поверхности рельефа края пластины, не изменяя общего угла лезвия в сторону приострения. Таким образом, необходимость снятия данного скола продиктована функционально и технологически (см. цветную вклейку № 1).

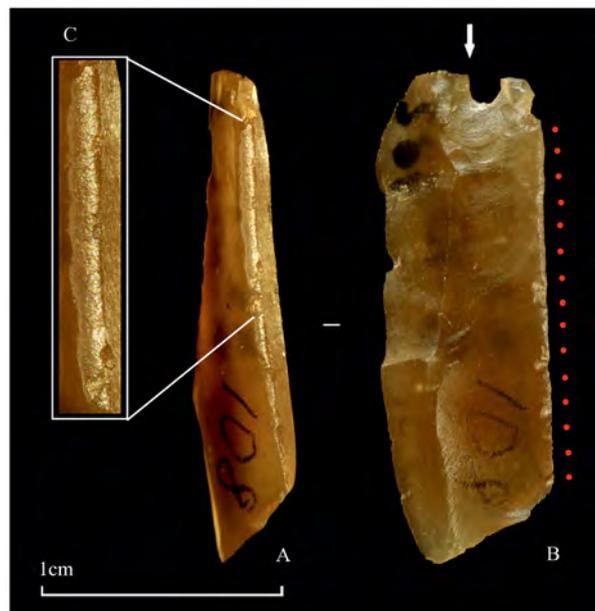
В просмотренной нами коллекции нового жилого комплекса Костёнок 1, I на 200 ножей костёнковского типа, включая все виды их форм и обломки, приходится около 150 сколов приострения лезвий (краевых сколов с НКТ).

НКТ представлены традиционно выделяемыми формами: ножи с подготовленной площадкой; ножи с подготовленными площадками и ретушью продольных краев в дистальной и/или проксимальной

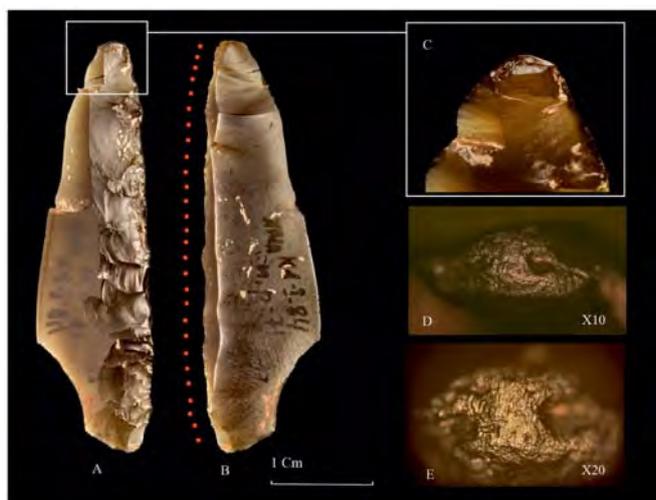
частях; ножи с подготовленными площадками, ретушью продольных краев и не краевыми продольными сколами с площадки (так называемые сколы утончения) (рис. 3, 1); ножи с подготовленными площадками, ретушью продольных краев и краевыми продольными сколами с площадки (рис. 3, 2, 4); ножи с подготовленными площадками, ретушью продольных краев и продольными краевыми и не краевыми сколами с площадки.

1

3

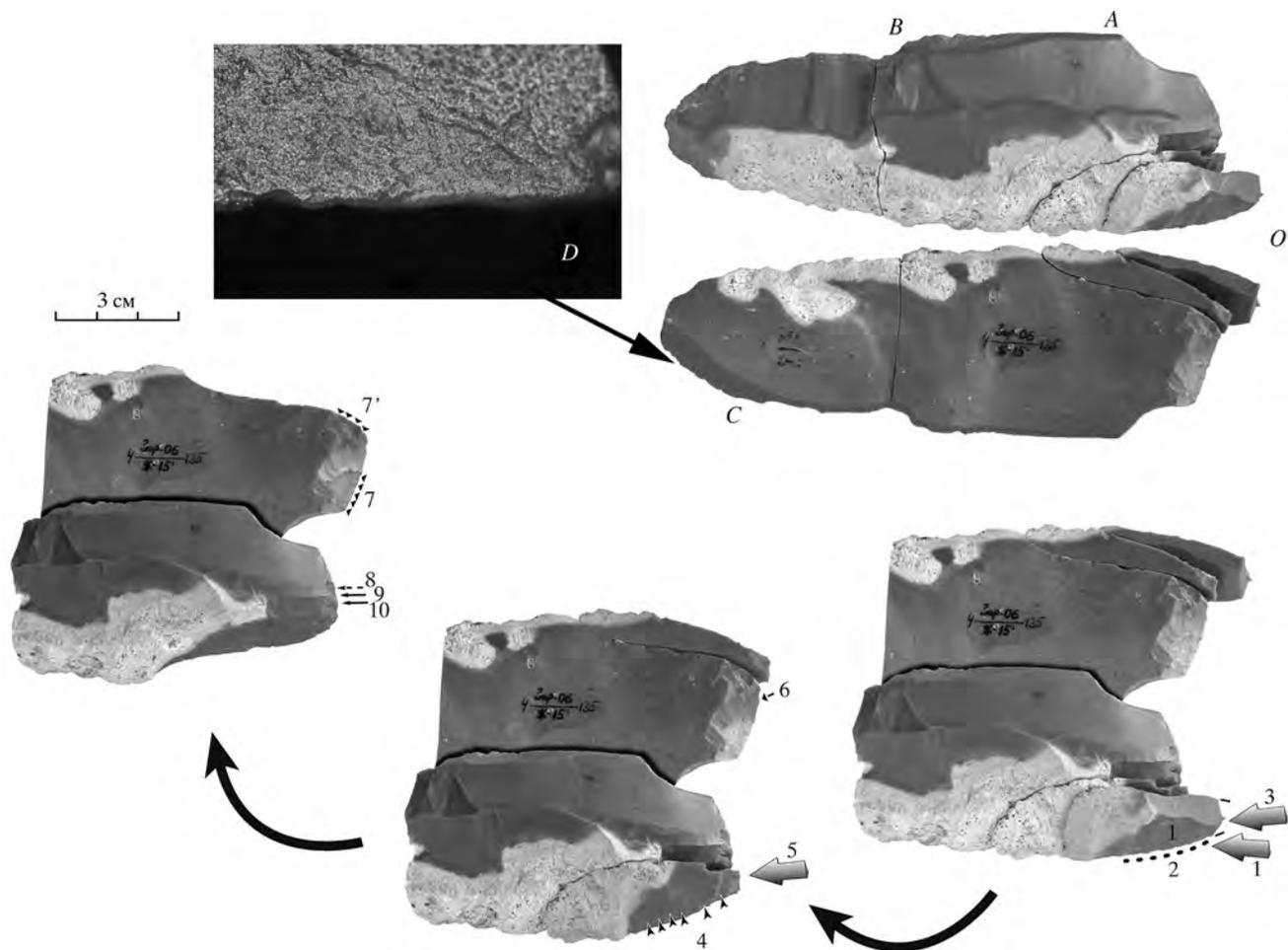

2

4

Рис. 3

Рис. 4. Пример ремонта краевых сколов НКТ Зарайской стоянки. *0* – нож костёнковского типа на пластинчатом сколе с меловой коркой. *A* – два межфасеточных ребра, оставшихся от удачных снятий пластины, в дистальной части скола. *B* – наличие неутилитарного износа на межфасеточных ребрах негатива от снятия пластины с петлеобразным окончанием. *C* – участок края пластины с выразительными следами износа. *D* – макроследы по краю от резания мяса-шкур (X200). *1* – первое краевое снятие (освобождение края от корки); *2* – ретушь края; *3* – второй скол подживления; *4* – приострение края ретушью; *5* – третий скол подживления; *6* – поперечный скол оформления площадки; *7-7'* – дополнительные сколы по краям площадки; *8-10* – уплощенные короткие ламеллярные снятия по спинке (неудачная подготовка рельефа) (см. цветную вклейку № 2).

Лезвия более чем 50% этих изделий имеют выразительные следы использования. Наибольшая часть ножей использовалась для разделки туш животных, меньшая часть – для обработки дерева. Отдельные орудия имеют следы от работы по кости и даже по мягкому камню (рис. 3, 3). Иными словами, НКТ – это самый обыкновенный хозяйственный нож.

Анализ результатов ремонта ножа костёнковского типа с Зарайской стоянки

Анализ складня, представляющего собой нож костёнковского типа на пластинчатом сколе, – результат ремонта двух сколов с ножа костёнковского типа и самого орудия, собранного из двух фрагментов (рис. 4, *0*), – позволил выявить следы целого комплекса взаимосвязанных актов поведения (деятельности) древних обитателей Зарайской стоянки.

Удалось выделить два этапа “жизни” данного изделия: в качестве участка на поверхности нуклеуса и в качестве орудия после отделения скола-заготовки от ядрища.

Пластина была получена на раннем этапе использования нуклеуса, когда он еще не утратил характерные для костёнковско-авдеевской культуры очертания преформы-“гигантолита” – на его дорсальной поверхности представлены: остатки желвачной корки и негативов поперечных сколов выравнивания боковых сторон пренуклеуса, снятых с центрального ребра, а также остатки негативов снятия четырех предыдущих пластинчатых сколов, снятых, как и данный скол, с основной площадки нуклеуса.

По имеющимся негативам можно прочесть, что три (из четырех предыдущих) пластинчатых снятия

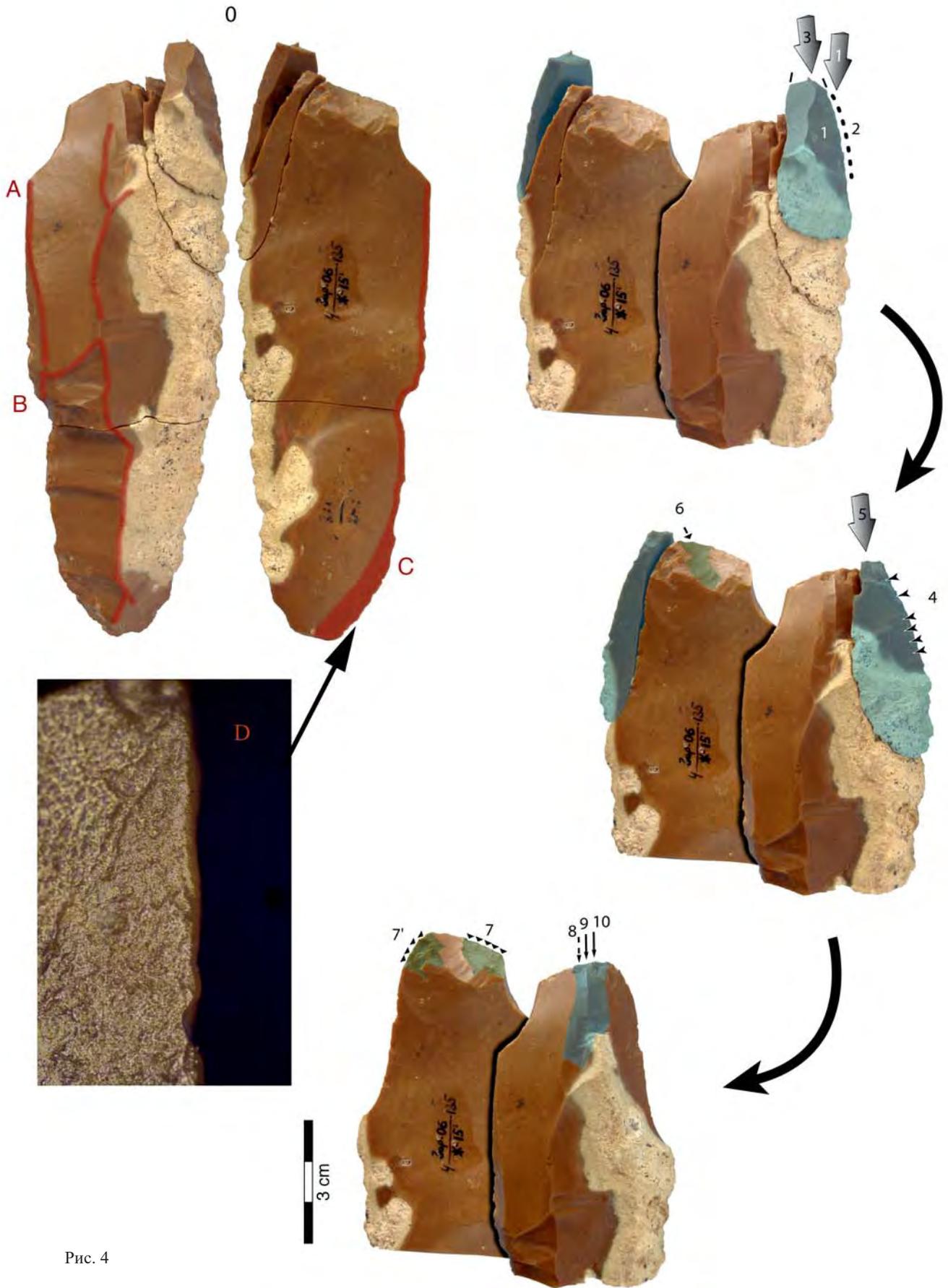

Рис. 4

были отделены от нуклеуса вполне успешно – два из них достигли дистальной части поверхности скалывания, третье хотя и закончилось на половине ее длины, имело перообразное окончание и оставило после себя достаточно ровный рельеф, не затрудняющий дальнейшее расщепление.

На данном этапе утилизации нуклеус был на некоторое время оставлен, но не брошен. Об этом свидетельствует характер распределения следов “неутилитарного износа” (Гиря, Ресино Леон, 2002. С. 179–182; Гиря, 2004. С. 203–205) на ребрах и гранях дорсальной поверхности анализируемого скелета. Несколько межфасеточных ребер (рис. 4, 0, А), оставшихся от удачных снятий пластин, в дистальной части скола сильно изношены, что, вероятнее всего, свидетельствует о его транспортировке совместно с иными твердыми предметами.

Попытка отделить от тела нуклеуса четвертую пластину оказалась неудачной. Снятие закончилось заломом. По форме он представляет собой нечто среднее между ступенчатым и петлеобразным окончанием скола. Получение заготовок с данного ядрища было на какое-то время приостановлено, о чем свидетельствует наличие неутилитарного износа на межфасеточных ребрах негатива от снятия четвертой пластины с петлеобразным окончанием (рис. 4, 0, В). Это весьма выразительный износ, но в сравнении с износом ребер в дистальной части скола он гораздо менее развит.

Для успешного продолжения снятия пластин требовалось устранить образовавшийся дефект – выровнять рельеф поверхности скалывания, что можно было сделать либо встречными пластинчатыми снятиями, либо приемом “разделения залома” (Giria, Bradley, 1998. P. 200. Fig. 13). Теоретически существовала еще одна возможность подправки поверхности скалывания – путем воссоздания срединного ребра поперечными сколами.

Обитатели Зарайской стоянки избрали второй вариант подправки – путем “разделения залома”. Суть этого приема удаления последствий ступенчатого и/или петлеобразного окончания на поверхности скалывания состоит в том, что сбоку от проблемного места снимается пластинчатый скол, задевающий залом лишь краем, на треть или половину его ширины. Для этой цели участок кромки площадки нуклеуса справа от места снятия скола с заломом был тщательно изолирован на поверхности скалывания, причем в качестве направляющего рельефа было выбрано правое ребро предыдущего скола, редуцирован и пришлифован. Интересно отметить, что для данного скола не была подготовлена выпуклая площадка, характерная для снятия крупных пластин в зарайской индустрии.

Пластинчатый скол удаления залома был успешно отделен от нуклеуса и использован в качестве ножа для резания мяса-шкур. Он имел два острых продольных края, один с коркой, второй – без. Именно этот (чистый) край орудия, точнее его проксимальная часть, был избран в качестве рабочего лезвия (рис. 4, 0, С). Наиболее выразительные следы (по полноте и четкости) – у проксимального конца (рис. 4, 0, D, X200). Этот износ тянется практически вдоль всего рабочего края, но по мере приближения к дистальному концу скола, начиная от середины, он постепенно теряет диагностичность. В дистальной части скола его (износ края) четко срезает фасетка слома с острыми, неизношенными ребрами.

Последнее наблюдение представляется нам весьма важным для реконструкции дальнейшей “жизни” изделия, так как именно с данного слома сняты последние сколы формирования площадки для производства дорсальных сколов с НКТ. То есть мы имеем документальное свидетельство того, что дистальный конец заготовки был переоформлен в НКТ после того, как изделие уже было использовано в качестве ножа по мясу-шкур.

На дистальном конце скола заготовки была сформирована площадка, с которой в плоскости спинки было снято более двух сколов с НКТ. Имеющиеся у нас сколы имеют краевую ретушь вдоль лезвия (рис. 4, 2, 4). Однако остается труднообъяснимым, почему ни одно из трех (на двух сколах и на пластине) лезвий НКТ не имеет каких-либо следов износа? В сравнении с описанными выше элементами формы орудия края и поверхности сколов с НКТ и их негативов на заготовке просто “девственно” чисты.

Причина, по которой использование старого лезвия было прекращено, ясна – оно затупилось (рис. 4, 0, D, X200). Остается неясным, почему кромку лезвия не стали приострять краевой ретушью, как это обычно делалось и в Костёнках, и в Авдеево, и в Зарайске?

Причина, по которой дистальный конец изделия не был избран изначально в качестве рабочего конца, также ясна – он был изогнут. В ходе формирования НКТ на дистальном конце заготовки часть ее длины, более 15 мм (рис. 4, 0), была срезана, что немного “выпрямило” кончик лезвия.

Чистый (без корки) край дистального конца не был избран для формирования нового лезвия, по-видимому, из-за косоугольного слома, возникшего, как уже указывалось ранее, после формирования следов износа на первом лезвии, приуроченном к проксимальному концу (рис. 4, 0, С), но до создания последней площадки НКТ. Для исправления этого дефекта требовалось значительное ретуширование

продольного края. Противоположный, корочный край пытались освободить от корки краевой, недалеко заходящей ретушью.

На основании приведенных выше доводов и наблюдений представляется наиболее вероятным, что все сколы с НКТ были сделаны с целью формирования чистого (без корки) края пластины на дистальном ее конце. Этой задаче были посвящены как снятие самих сколов с НКТ, так и ретуширование продольных краев, производившееся между отдельными снятиями. По всей видимости, мастера не удовлетворяла длина получаемого после каждого цикла обработки чистого лезвия. В результате попытки снятия очередного скола с НКТ заготовка сломалась пополам.

Перед нами один из примеров неудачного производства изделия данного типа из заготовки не лучшего качества. Трасологический анализ иных зарайских НКТ и сколов с них показал нормальное для костёнковско-авдеевско-зарайского единства расположение рабочих краев на этих орудиях. Во всех памятниках данной культуры эти орудия в основном использовались в качестве ножей для резания мяса-шкуры и строгания дерева.

Технологическое исследование серии НКТ Зарайской стоянки

Репрезентативность рассматриваемой выборки

Из богатой коллекции Зарайской стоянки были взяты 150 НКТ и 100 целых краевых сколов с ножей. Вещи были выбраны наугад, внимание обращалось лишь на наличие четких технических характеристик. В нашу выборку вошло порядка 15% НКТ, считая от их общего количества, опубликованного и вошедшего в подсчеты (Лев, 2009. С. 59). Процент краевых сколов составляет 7,5% от их общего числа. Мы выбирали исключительно ножи ОК (с одним обработанным концом). Это позволило нам несколько упростить получение информации технологического плана, имея дело с более четкими формами. Тем не менее несколько двойных ножей (ДК) было изучено. Оказалось, что они полностью идентичны по своим характеристикам ножам ОК. Вспомним, что на эпонимных памятниках культуры преобладают двойные ножи, зачастую довольно маленького размера вследствие их интенсивного использования и подправок.

Могут ли НКТ служить нуклеусами для микропластинок?

Этой гипотезе можно противопоставить множество аргументов. Во-первых, в Зарайской коллекции не так много пластинок с притупленным краем (ППК). И нет ни одного технологического аргумента в пользу того, что заготовками для ППК могли

служить пластинчатые снятия с ножей. И если ламеллярные сколы со спинки НКТ теоретически можно сопоставить с заготовками, получаемыми с обычных нуклеусов, то краевые сколы с НКТ демонстрируют особую морфологию и технические характеристики, несопоставимые с изготовлением вкладышевых орудий.

Кроме того, анализ ППК Зарайской коллекции говорит о том, что они изготавливались на обычных пластинках, крайне редко на микропластинках (Лев, 2009. С. 73–77). Для их производства использовались мелкие или сработанные нуклеусы, а также вторичные нуклеусы на массивных отщепах и пластинах. Таким образом, мы отрицаем возможность использования краевых сколов с НКТ для изготовления микролитов, однако не исключаем полностью вероятность того, что отдельные сколы утончения (рис. 1, б) могли применяться в этом качестве.

Почему эти изделия являются ножами и почему они разбиваются на разные группы?

Если апеллировать к современным трасологическим изысканиям НКТ и их краевых сколов (Гирия, Ресино Леон, 2002; также см. выше), становится очевидным, что эти изделия служили для резания различных материалов и действительно являются ножами. Несмотря на то что кремь достаточно твердый материал, режущая кромка довольно хрупкая, и пластина имеет тенденцию к затуплению по ходу использования. Древние люди, несомненно, испытывали необходимость в периодическом “затачивании”, подживлении сработанного лезвия.

Проведенные типологические наблюдения свидетельствуют о том, что у НКТ не всегда присутствуют краевые снятия (рис. 1, 3, 4), как, впрочем, иногда и другие типологические характеристики, упомянутые выше. Возможно, некоторые изделия могли использоваться в качестве ножей без предварительной подготовки лезвия. В этом случае оформлялась только площадка на конце с учетом возможной необходимости подправки лезвия в будущем. Впрочем, подживление могло и не потребоваться, порой мастер предпочитал просто выбросить орудие. Эти изделия видоизменялись в процессе использования, состоявшего из различных этапов перделки, подновления рабочей части, а вот функция их оставалась прежней. Факты поневоле подводят к мысли о группировке в одну категорию изделий с различными техническими характеристиками (они сопоставимы с группами, описанными в типологической части статьи), но которые тем не менее несут единую функциональную нагрузку. И эта категория – ножи.

Технологические особенности различных видов подправки ножей

В части, посвященной типологии, мы отметили наличие разных технологических приемов (площадка по брюшку, краевые сколы подживления, сколы утончения, краевая ретушь), корреляция которых позволяет выделять группы ножей. Каждая из них характеризуется определенным набором признаков. Задача состоит в том, чтобы продемонстрировать, что у каждого вида сколов была своя собственная роль в процессе подживления с использованием “костёнкоской техники”. Эти различные способы подправки порой очень незначительно отличаются друг от друга. Роль каждого из них в общем технологическом процессе приходится изыскивать поэтапно, шаг за шагом.

Роль площадки ножа костёнкоского типа

Площадка у НКТ расположена по брюшку пластины-заготовки, на одном или двух ее концах. Речь идет об участке, который позволяет мастеру производить операции по раскалыванию в продольном направлении по спинке ножа, а также вдоль края для подживления лезвия. В типологической части были продемонстрированы варианты оформления площадки. При анализе этого элемента ножа важно обращать внимание на два момента: угол, образованный площадкой и спинкой НКТ, и форму площадки (скошенная, вогнутая и т.п.). Однако по сути все многообразие форм и приемов имело одну цель – максимальное упрощение задачи по снятию краевого скола.

Предназначение краевых сколов

Задача краевых сколов состоит в эффективном воссоздании рабочего лезвия в целях последующего использования орудия (Гирия, Ресино Леон, 2002). Краевые сколы имеют разную длину, которая доходит порой до 65 мм, но по большей части укладывается в интервал между 20 и 40 мм. Основное внимание уделено промерам угла лезвия. Это угол “заточки”, измеряемый по краю между спинкой и брюшком. На рис. 5, б видно его отличие от вариантов заточки современных ножей (рис. 5, 1–5). Выяснилось, что у пластин, выбранных для использования в качестве ножа, изначальный угол “заточки” края был между 40 и 60°. После интенсивного использования лезвие подвергалось восстановлению, значения угла “заточки” отмечаются в интервале 50, максимум 70°. Причем в 64 случаях из 100 разница между углами *до* и *после* подживления не превышает 10°.

Роль краевой ретуши рабочего края ножа

Выявлены пять вариантов применения приема ретуширования края, используемых до и после

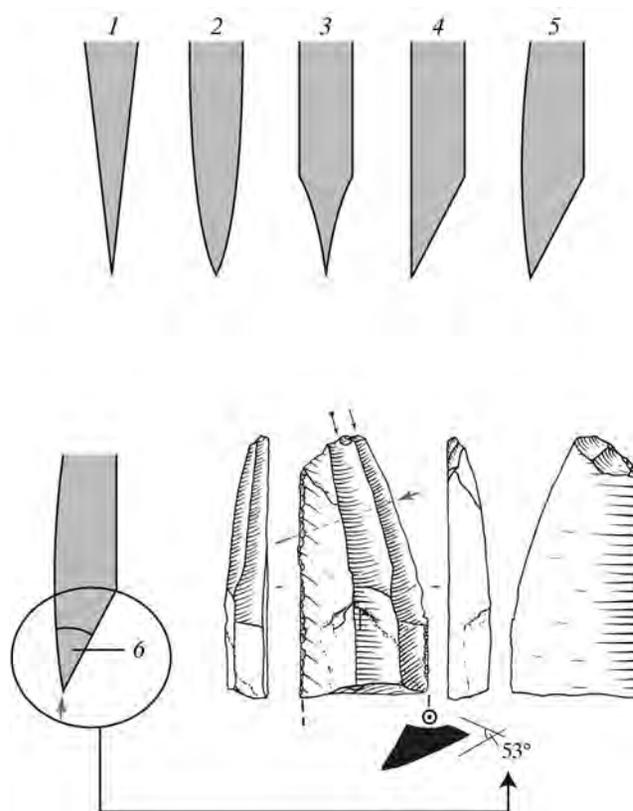
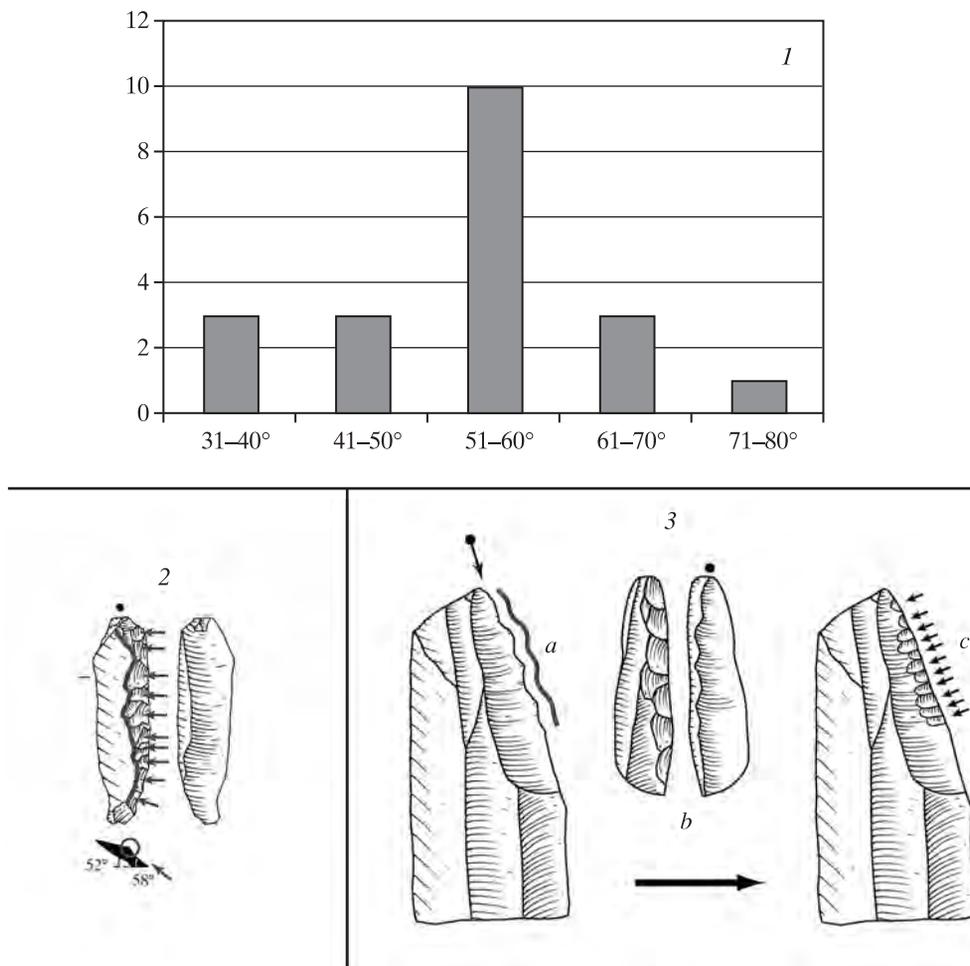

Рис. 5. Различные варианты заточки (1–4 – традиционные металлические ножи); 1 – V-образная заточка; 2 – линзовидная заточка (двойковогнутая линза); 3 – линзовидная заточка (двойковогнутая линза); 4 – долотовидная заточка; 5 – “заточка” в виде выпукло-вогнутой линзы (каменное орудие); б – измерение угла “заточки” на НКТ.

снятия краевого скола и имевших разные задачи. Варианты до снятия краевого скола: 1 – приостряющая ретушь для подправки притупившегося лезвия (рис. 6, 1); 2 – крутая и полукрутая ретушь, служащая направляющей при снятии краевого скола (рис. 6, 2). После снятия краевого скола: 3 – в случае если скол подживления оставлял неровный, зигзагообразный край, для его выравнивания применялась плоская ретушь, но лишь местами для удаления выступающих участков края (рис. 6, 3); 4 – в случае неудачи при снятии краевого скола одной из возможностей было исправление угла путем ретуширования; 5 – мелкая ретушь по краю после очередного подживления, приостряющая лезвие, не меняя угла его “заточки”.

Роль пластинчатых снятий (“сколов утончения”) по спинке

Это наиболее сложный предмет в плане технологической реконструкции. Их размеры неустойчивы, количество сколов на ноже варьируется от ноля до четырех и более. Главной задачей при оформлении

Рис. 6. 1 – График распределения значения углов “заточки” рабочего края у НКТ с краевой ретушью подправки на Зарайской стоянке (абсцисса: значения углов; ордината: количество предметов); 2 – приотраивающая ретушь по краю создает своего рода искусственное ребро, способствующее удачному снятию краевого скола и придает ему почти трапециевидное сечение (вид в разрезе); 3 – применение краевой ретуши для упорядочивания зигзагообразного края, получившегося в результате подживления (*a* – нерегулярный извилистый край; *b* – краевой скол; *c* – краевая ретушь).

сколов по спинке (все они снимались с площадки ножа) было создание выпуклости рельефа на поверхности скалывания, необходимой для успешного осуществления краевого снятия. Внесем ясность в используемую терминологию и определимся с понятийным аппаратом.

“Центрирование” (фр. *cintrage*) – создание одним или серией сколов выпуклости рельефа (“направляющей”) в центральной части предмета расщепления (по спинке). Возможно их смещение ближе к краю. Это приводит к уменьшению толщины рельефа поверхности заготовки, создает направляющую для последующих краевых снятий. В связи с отсутствием прямого аналога этого термина по-русски, мы используем вместо кальки с французского словосочетание “создание направляющей”. Выявлены два варианта. В первом случае скол снимает неровность рельефа в центральной

части пластины (рис. 7, 1) или ближе к краю с рабочим лезвием (рис. 7, 2). Цель – удаление выступающего ребра огранки пластины, утончение. Во втором – скол смещен в сторону края, противоположного лезвию (рис. 7, 3).

“Нервиурование” (фр. *nervurage*) – управление формой (выпуклостью) рельефа поверхности скалывания. А именно, формирование по спинке тонких узких микропластинчатых снятий, образующих микрорельеф, упрощающий производство последующих краевых сколов подживления (рис. 7, 4–7). По той же причине в тексте вместо кальки с французского употребляется словосочетание “управление формой микрорельефа”. Подобная техника хорошо известна в костёнковско-авдеевской культуре. Она применяется также при скалывании пластин с нуклеуса и получила название “изолирование” (Гиря, 1997). Несмотря на морфо-

логическую вариабельность, все эти приемы были направлены на обеспечение удачного подживления, улучшение эргономики орудия.

Попытка “идеальной” реконструкции процесса

Основываясь на многочисленных наблюдениях, можно предложить попытку построения “идеальной” упрощенной модели реконструкции изменения морфологии НКТ. Речь идет не о реконструкции каждого из описанных выше вариантов, а об иллюстрировании основных этапов этого технологического процесса (рис. 8).

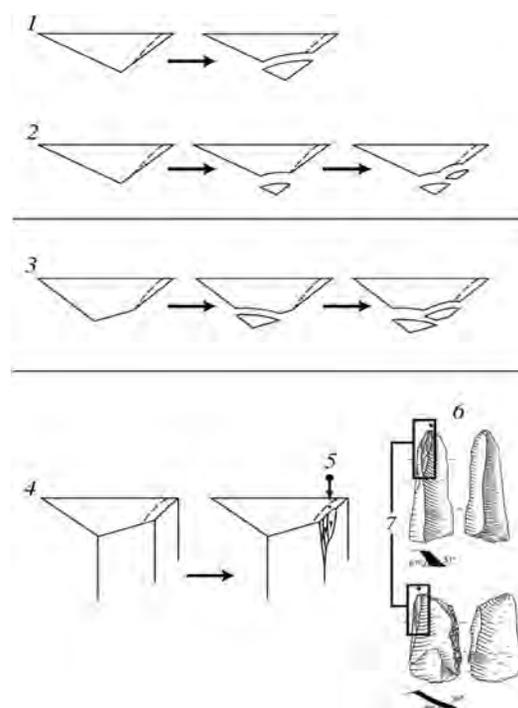
Схема изменения морфологии ножа костённого типа:

1. Исходная форма ножа – пластина. В качестве лезвия ножа используются края пластины в проксимальной и/или дистальной частях.
2. По мере затупления лезвия ножа край пластины приостряется краевой ретушью. Угол края притупляется, создавая рельеф, благоприятный для последующего краевого снятия.
3. Формирование площадки ножа костённого типа и подживление притупившегося края путем снятия плоского краевого скола с данной площадки.
4. По мере дальнейшего использования рабочий край орудия притупляется и вновь дополнительно приостряется ретушью. При этом контур края изменяется, исключая возможность последующих подправок, сужается рабочий конец (площадка ножа).
5. Формирование нового выпуклого рельефа по спинке орудия путем снятия срединного скола (“сколы утончения”).
6. Снятие еще одного краевого скола для приострения орудия с использованием ребра от предыдущего срединного скола в качестве направляющей.

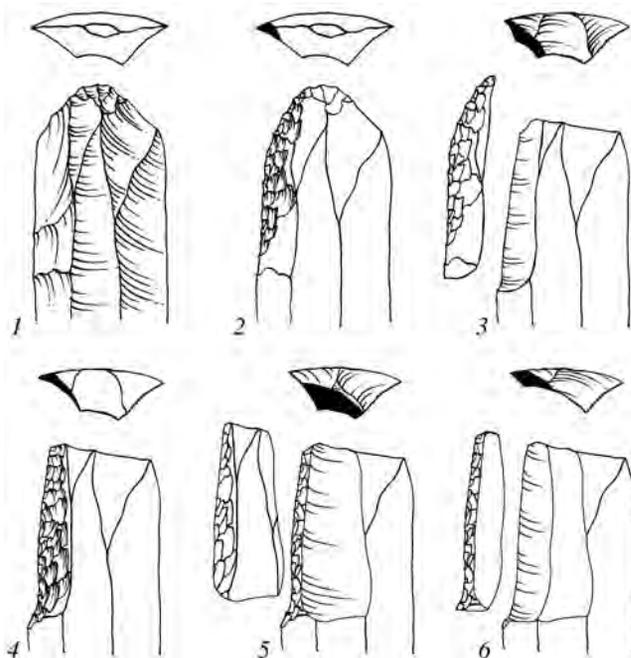
Эти шесть стадий жизни ножа в значительной степени отражают общую схему подработки орудия в “костённой технике”. В части работы, посвященной технологии, было продемонстрировано, что возможности, которыми располагал древний мастер, в реальности гораздо более многообразны.

Выводы: приемы заточки, подправки, подживления лезвия – вопросы терминологии

В статье многократно упоминался термин “подживление” для обозначения главной цели экстракции краевых сколов с НКТ. Он представляется нам более емким, нежели подправка или заточка, которые отражают скорее просто восстановление

Рис. 7. Разные случаи создания направляющей скальвания и управление формой микрорельефа. 1 – первый вариант; 2 – второй вариант; 3 – комбинация двух вариантов; 4 – управление формой микрорельефа; 5 – фиксация точки удара для последующего краевого снятия благодаря управлению формой микрорельефа; 6, 7 – два примера краевых сколов с НКТ со следами формирования микрорельефа.

Рис. 8. Схема изменения морфологии ножа костённого типа (рисунок А. Абдульмановой).

свойств лезвия пластины. Снятие краевого скола возвращает лезвию ножа необходимую остроту. Речь идет о поддержании наиболее эффективного угла заточки, значения которого находятся между 50 и 70°. Это не просто исправление затупившейся кромки лезвия, которое достигалось путем ретуширования края. Здесь мы имеем дело с более глобальным явлением. “Костёнковская техника” в терминах “французской школы” – это прием, метод, т.е. ограниченная последовательность действий и операций, упорядоченных в рамках общего плана, выработанного заранее и нацеленного на конкретную техническую задачу.

Данная статья – часть развернутого исследования, проведенного коллективом авторов, – не является заключительным трудом. Это лишь некоторые итоги первого этапа работы. По-прежнему существует достаточное количество деталей, требующих уточнения. Так, не был затронут вопрос о некоторых спорных моментах, касающихся интерпретации сходных (только лишь морфологически) предметов из индустрий Западной Европы. Некоторые направления исследования кажутся нам весьма перспективными, особенно процесс формирования угла режущей кромки и общая эргономика этих орудий. Мы надеемся, что эти вопросы будут решены в будущем, возможно в ходе экспериментов.

Авторы выражают благодарность за помощь в работе и возможность работы с коллекциями Х.А. Амирханову, Н.Д. Праслову, М.Д. Гвоздовер, Г.А. Хлопочеву, В.В. Попову, Б. Брэдли, М. Клее-Мерль, А. Морала. Работа выполнялась при частичном финансировании из проекта Президиума РАН “Сравнительный анализ каменных индустрий костёнковско-авдеевско-зарайского культурного единства” и Лаборатории Праистории и Технологии UMR-7055, CNRS, Франция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. М., 2000.
- Беляева В.И.* Опыт создания методики описания “ножей костёнковского типа” // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.
- Беляева В.И.* Кремневый инвентарь Костёнок I (опыт классификации): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.
- Беляева В.И.* Ножи Костёнок I из коллекций раскопок П.П. Ефименко // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.
- Бредли Б.* Костёнковский нож: тип или технология? // РА. 1997. № 4.
- Гвоздовер М.Д.* Специфические особенности кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА. 1961. Вып. 82.
- Гвоздовер М.Д.* Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М., 1998.
- Гвоздовер М.Д., Беляева В.И.* О “ножах костёнковского типа” // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988.
- Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки // РА. 1997. № 4.
- Гиря Е.Ю.* Трасологический анализ среднепалеолитических кремневых артефактов слоя В Буран-Кай-III // Грот Буран-Кая-III, слой В – эталонный памятник киккобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев; Симферополь; Шлях, 2004.
- Гиря Е.Ю., Ана Ресино Леон. С.А.* Семенов, Костёнки, палеолитоведение // Археологические вести. Вып. 9. СПб., 2002.
- Ефименко П.П.* Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Пб. Университете. 1915. Т. 5.
- Ефименко П.П.* Костёнки I. М.; Л., 1958.
- Лев С.Ю.* “Ножи костёнковского типа” Зарайской стоянки (типологический аспект) // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
- Лев С.Ю.* Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект) // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М., 2009.
- Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979 гг. / Под ред. Н.Д. Праслова. Л., 1982.
- Семенов С.А.* Первобытная техника. М.; Л., 1957.
- Breuil H.* Notes de voyage paléolithique en Europe centrale // L'Anthropologie. 1924. Т. 34.
- Giria Y., Bradley B.* Blade technology at Kostenki I/I, Avdeevovo and Zaraysk // Восточный граветт. М., 1998.
- Heinzelin J. de.* Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles, 1962.
- Heinzelin J. de.* L'industrie du site Paléolithique de Maisières-Canal. Bruxelles, 1973 (Institut Royal des Sciences Naturelles; Mémoire № 171).
- Klaric L.* Note sur la présence de lames aménagées par technique de Kostienki dans les couches gravettiennes du Blot (Cerzat, Haute-Loire) // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 2000. Т. 97. № 4.
- Klima B.* Das Pavlovien in den Weinberghöhlen von Mauern // Quartär. 1968. Т. 19.
- Kozłowski J.K.* Problem tzw kultury kostienkousko-willendorfskiej // Archeologia Polski. 1968. Т. XIV. Z. I.

- Kozłowski J.K.* Les lames aménagées par la “technique Kostienki” dans le Périgordien supérieur de Corbiac // *Advances in Palaeolithic and Mesolithic Archaeology. Archaeologia interregionalis.* Varsovie, 1984.
- Otte M.* Le Paléolithique supérieur ancien de Belgique, Musées Royaux d’arts et d’Histoire. Brussels, 1979.
- Valoch K.* Les questions du Pavlovien // *Antiquités Nationales.* 1986. T. 18, 19.

Towards the reasons for the form diversity of Kostenki knives

S.Y. Lev, L. Klaric, E.Yu. Giria

Summary

The paper is devoted to a special type of tools, Kostenki knives, – their technology, function and ergonomics. It is part of an extended research of the artifacts in the wider context of European Gravettian. One of the aims of this particular survey is to characterize the technological process of the specific technique used and to explain the great variability that this type of tool sometimes shows. The variety of the forms can be explained from the technological point of view. Kostenki knives retained their function whereas the morphology changed during exploitation. It has been proved that in the context of Kostenki-Avdevo archeological culture tools of this type were used as real knives for cutting.

К ЮБИЛЕЮ Х. А. АМИРХАНОВА

О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ – РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

(по материалам последних исследований в Губском ущелье)

Е. В. Леонова

Институт археологии РАН, Москва

Исследования археологических памятников в Губском (Борисовском) ущелье ведутся с конца 50-х годов прошлого века. Десятки памятников каменного века были открыты, некоторые из них исследованы раскопками. Изучались культурные слои от эпохи мустье до верхнего палеолита (Формозов, 1962; Аутлев, Любин, 1994). В 2006 г. в Губском ущелье были возобновлены работы под руководством Е.В. Беляевой, в ходе которых был открыт погребенный навес Чыгай (Губский 5), рядом с которым обнаружена пещера с двумя сводами (Беляева и др., в печати)¹.

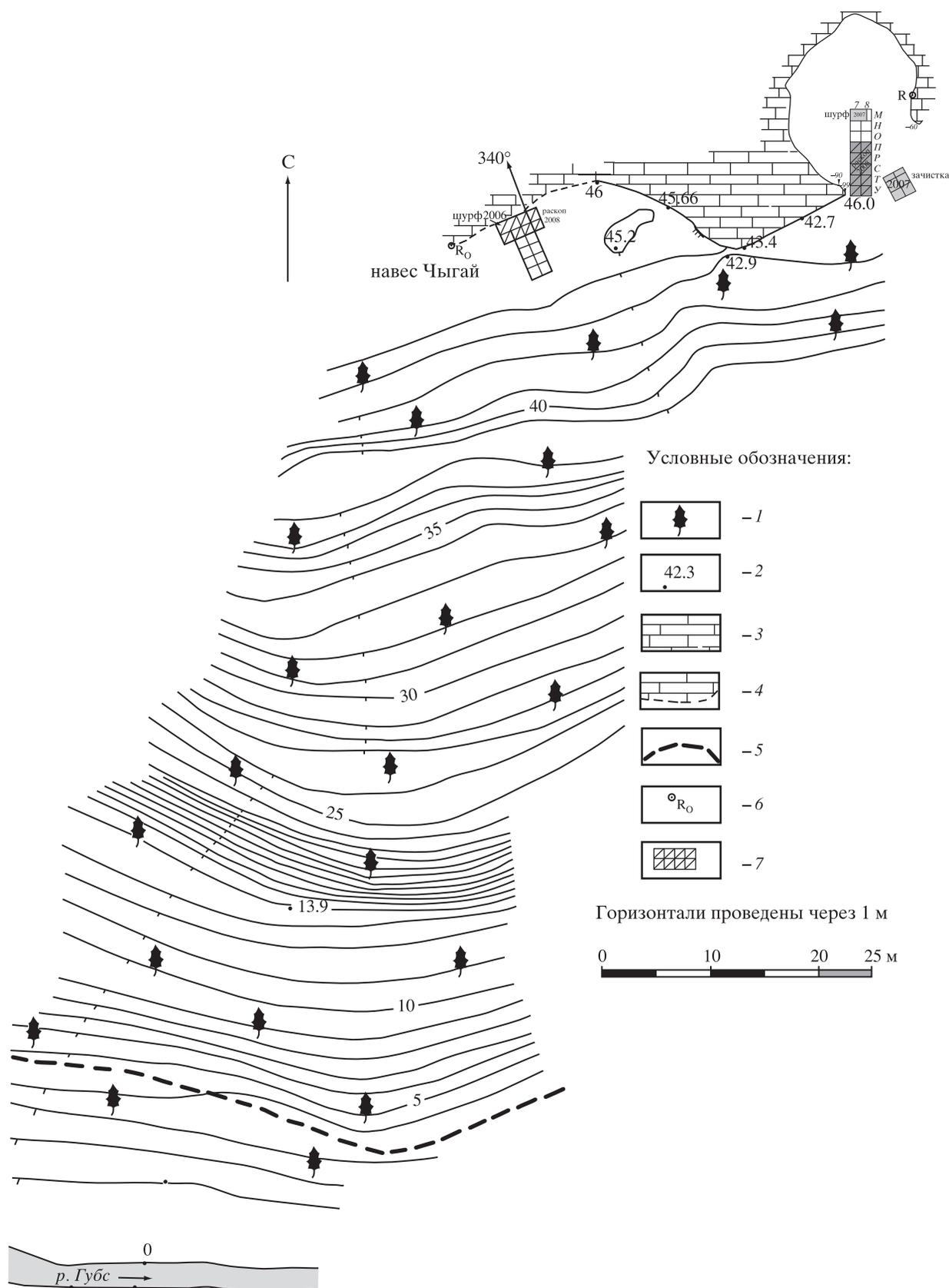
В 2006–2008 гг. в Губском ущелье были начаты исследования двух новых памятников каменного века: многослойного погребенного навеса Чыгай и пещеры Двойная. Более пристальное знакомство с архивными материалами показало, что и пещера, и навес (соответственно Двойная и Губский 5, по П.У. Аутлеву) были открыты еще в 1962 г. П.У. Аутлевым, но зачистка и шурф на этих памятниках были поставлены на краях площадок, где не было выявлено четкой стратиграфии, а полученные небольшие коллекции были невыразительны и отнесены П.У. Аутлевым к верхнему палеолиту. Исследование памятников не было продолжено и, вероятно, об их существовании забыли, так как в обобщающей статье о памятниках Губского ущелья ни пещера Двойная, ни Губский навес 5 даже не упоминаются в списке верхнепалеолитических памятников (Аутлев, 1962; Аутлев, Любин, 1994).

В 2007–2008 гг. были продолжены исследования навеса Чыгай. Навес Чыгай находится в 9 км к ЗЮЗ от станицы Баракаевская Мостовского р-на Краснодарского края. Памятник расположен на левом берегу р. Губс (левый приток р. Ходзь) на высоте 44 м над уровнем воды в реке (801 м над уровнем моря), на небольшой площадке шириной около 9 м, обрывающейся к реке крутым облесенным склоном

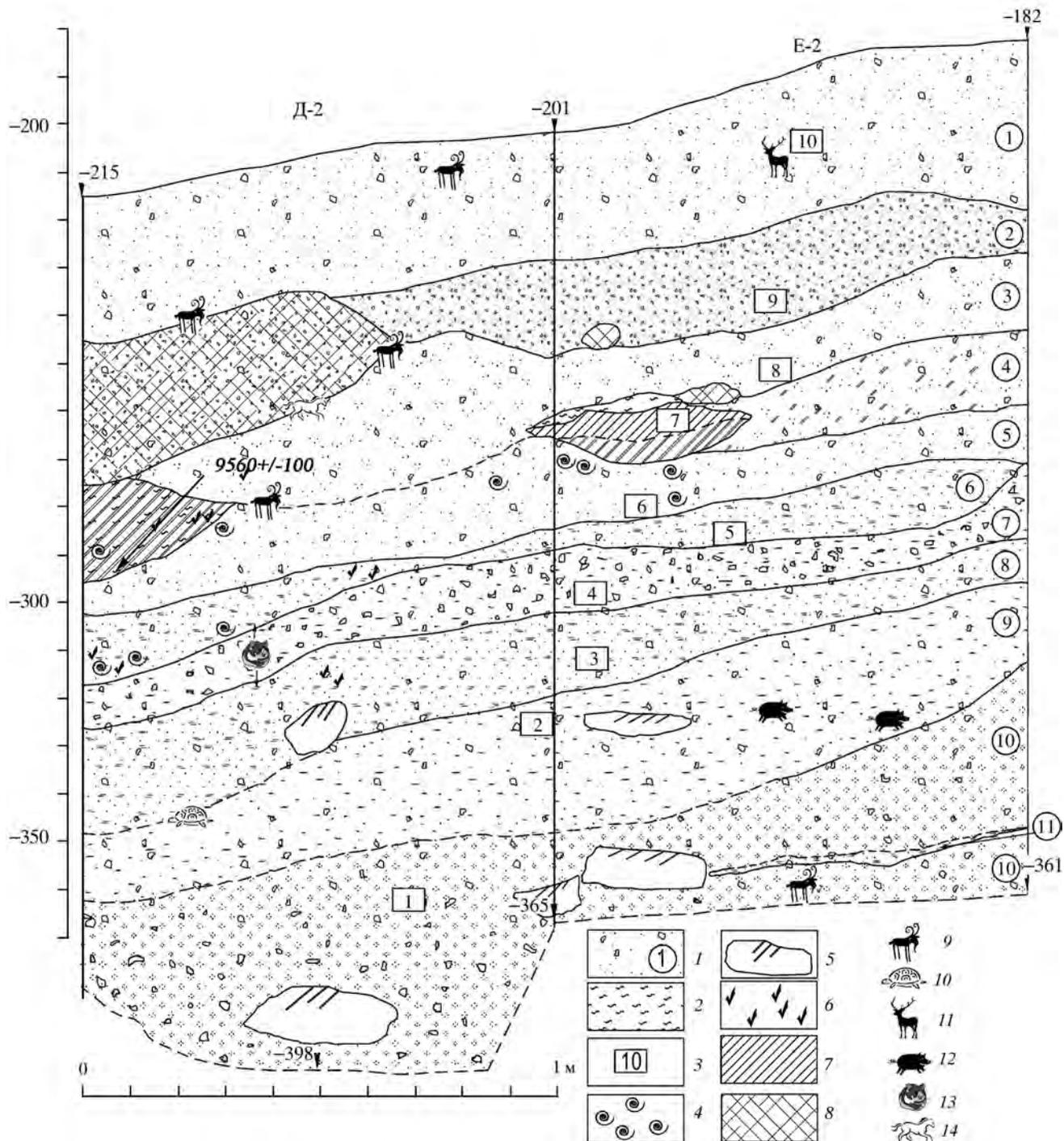
и ограниченной с запада-северо-запада скальным выступом (рис. 1). Наблюдается небольшой уклон площадки с северо-северо-востока на юго-юго-запад в сторону мыса, образованного небольшим ручьем, впадающим в Губс. Русло ручья находится примерно в 600 м к западу от навеса. Навес имеет юго-восточную экспозицию, погребен осыпями и наносами. Площадь раскопа 2006–2008 гг. составила 16 м, но восемь из них, заложенных поперек склона от навеса к краю площадки, приходится на малонасыщенный находками участок с плохо стратифицированной толщей. Наиболее полный разрез без больших нарушений получен по стенке раскопа, расположенной вдоль линии навеса, где было выделено 11 литологических слоев (рис. 2):

1. Бежегато-серая супесь с мелким щебнем – 0,25–0,37 м.
2. Более темная, чем слой 1, серая супесь с мелким щебнем – 0–0,22 м.
3. Желтоватая супесь с мелким щебнем – 0,12–0,3 м;
4. Желтовато-красноватая супесь с углистыми линзочками – 0–0,18 м. На границе слоев 3 и 4 и слоев 3 и 5 в профиле зафиксированы две красновато-бурые золистые линзы мощностью до 0,15–0,2 м. Вероятно, слой 4 является следами очистки или другой древней антропогенной деятельности, связанной с одним из кострищ.
5. Темно-желтый легкий суглинок с щебнем и раковинами моллюсков – 0,02–0,2 м.
6. Коричневатый легкий суглинок с щебнем – 0,02–0,15 м.
7. Темно-желтый легкий суглинок с большим количеством камней – 0,07–0,12 м.
8. Коричневато-бурый легкий суглинок с щебнем – 0–22 м.
9. Темно-желтый более плотный, чем вышележащий слой, суглинок с щебнем – 0,03–0,32 м.
10. Желтовато-белесый суглинок – очень плотный с щебнем – видимая мощность до 0,6 м.

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Е.В. Беляевой за предоставление материалов и неоценимую помощь в организации полевых работ.

Рис. 1. Топографический план. Навес Чыгай и пещера Двойная (западный грот). 1 – лиственные деревья и кустарники; 2 – отметки высоты от уровня воды в реке (м); 3 – скала; 4 – видимая граница погребенного навеса; 5 – грунтовая дорога; 6 – нулевой репер; 7 – раскопы 2008 года (инструментальная съемка М.Ю. Меньшикова, июль 2007 г.).

Рис. 2. Навес Чыгай. Стратиграфический разрез. 1 – литологический слой; 2 – зола; 3 – места отбора образцов; 4 – раковины моллюсков *Helix*; 5 – обломки известняка; 6 – угольки; 7 – следы прокала; 8 – мешаный слой; 9 – *Ovis/Сapra*; 10 – *Emys sp.*; 11 – *Cervus elaphus*; 12 – *Sus skrofa*; 13 – *Cricetus cricetus*; 14 – *Equus caballus*.

11. Коричневая прослойка в слое 10 – 0–0,3 м.

На уровне 10 слоя раскоп законсервирован, вскрытая толща достигает мощности 2 м.

Не исключена вероятность того, что навес Чыгай в древности представлял собой более защищенное

убежище, так как в ходе исследований была обнаружена каменная глыба, отгораживающая часть навеса со стороны края террасы. Гладкая поверхность камня и ровная, почти вертикальная грань, обращенная к навесу, позволяют предположить, что это часть обвалившейся внешней стенки пещеры или

грома, впоследствии погребенная. Во вскрытой части навеса Чыгай находки за пределами этой глыбы единичны.

Расщепленные кремни залегали во всех слоях. Наибольшее количество артефактов приходится на 5, 9 и 10 слои. В слое 5 найдено много раковин *Helix*, количество которых убывает по мере углубления, в слое 10 раковины единичны.

Для изготовления орудий использовался разноцветный кремль. Различия в составе кремневого сырья в распределении по вертикали были отмечены еще на материалах шурфа 2006 г. и подтвердились в более представительной выборке. В верхней пачке отложений сырье более разнообразное – серых, желтоватых и красноватых оттенков. Для слоев 9 и 10 больше характерны изделия из темно-серого и коричневатого местного кремня, единичны изделия из белого непрозрачного кремня.

Полученная коллекция каменного инвентаря пока немногочисленна и насчитывает около 1100 предметов (включая материалы из шурфа 2006 г.). Расщепление было направлено на получение пластинчатых заготовок (пластинок и микропластинок). Ядрища небольшие – от 2,5 см до 5 см. Всего в коллекции 12 нуклеусов (рис. 3, 1, 4–8). Преобладают одноплощадочные торцевые (9) со скошенными (4) и прямыми площадками (5), у 5 экземпляров площадки подправлены. Нуклеусы довольно сильно сработаны, у четырех фронт расщепления с торца частично сместился на одну из боковых сторон. Еще один одноплощадочный нуклеус – вторичный, из массивного отщепы, уплощенный. У двух ядрищ по две противоположных скошенных площадки, с которых производилось встречное скалывание заготовок. Карандашевидный нуклеус происходит из подъемного материала. Кроме этого, в коллекции два нуклеидных куска.

Технологических сколов (ребристые пластины и отщепы, сколы подправок площадок нуклеусов) – 25.

Ретушер из кварцевой подовальной уплощенной галечки – один.

Группа сколов представлена *отщепами* (около 250), *осколками* (120), *чешуйками* (26) и *пластинками* (включая микропластинки и пластинки – 360)².

Скребок 14 (рис. 4, 19–25, 31), 12 из них концевые, с дугообразными лезвиями, в том числе один дублированный, у одного лезвие оформлено на проксимальном конце. Еще один концевой скребок представлен небольшим обломком лезвия. Одно орудие из пластины оформлено крутой ретушью по

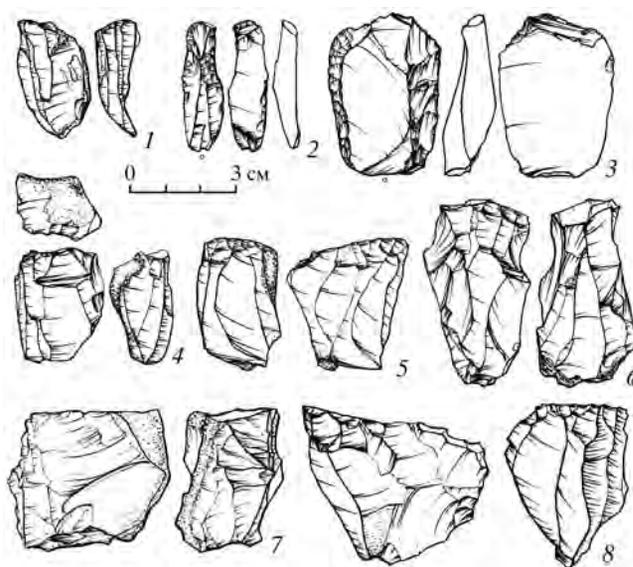

Рис. 3. Навес Чыгай. Каменный инвентарь.

спинке по периметру. Еще один боковой скребок из пластинчатого отщепы имеет грубую подтеску на дистальном конце заготовки.

Резцов 11 (рис. 4, 26–30), преобладают с ретушированной площадкой скола: четыре косоретушных (два из которых переделаны из скребков), у двух скошено-вогнаторетушные и еще у одного прямая ретушированная площадка. Два резца оформлены на окончании и сломе заготовок, один угловой. Еще один двойной – на сломе и угловой.

Выемчатые орудия – отщепы, пластинки, осколки с небольшими выемками, оформленными крутой ретушью – семь.

Острие со сходящимися краями из пластинки, оформленными крутой мелкой ретушью по спинке – одно (рис. 4, 16). Острие с дугообразно скошенным вертикальной ретушью с брюшка концом и частично переходящей на край. *Пластинка с дугообразно затупленным краем* (обушковый нож) – один (рис. 4, 17). *Фрагмент пластины с дугообразно скошенным крутой ретушью по спинке концом* – один. *Пластинки* (две) и *микропластинка* (одна) с косоусеченными концами – 39 (рис. 4, 14).

Группа микролитов представлена сегментами, трапециями и параллелограммами.

Сегментов шесть: три из них оформлены гелунской ретушью (рис. 4, 2–4); еще у трех дугообразный край сформирован вертикальной ретушью с брюшка, в том числе два низких удлиненных сегмента (рис. 4, 6–8).

Трапеций четыре (рис. 4, 5, 12): две высокие – одна крупная слабо асимметричная, оформлена

²Здесь приведены количественные данные суммарно по всем слоям.

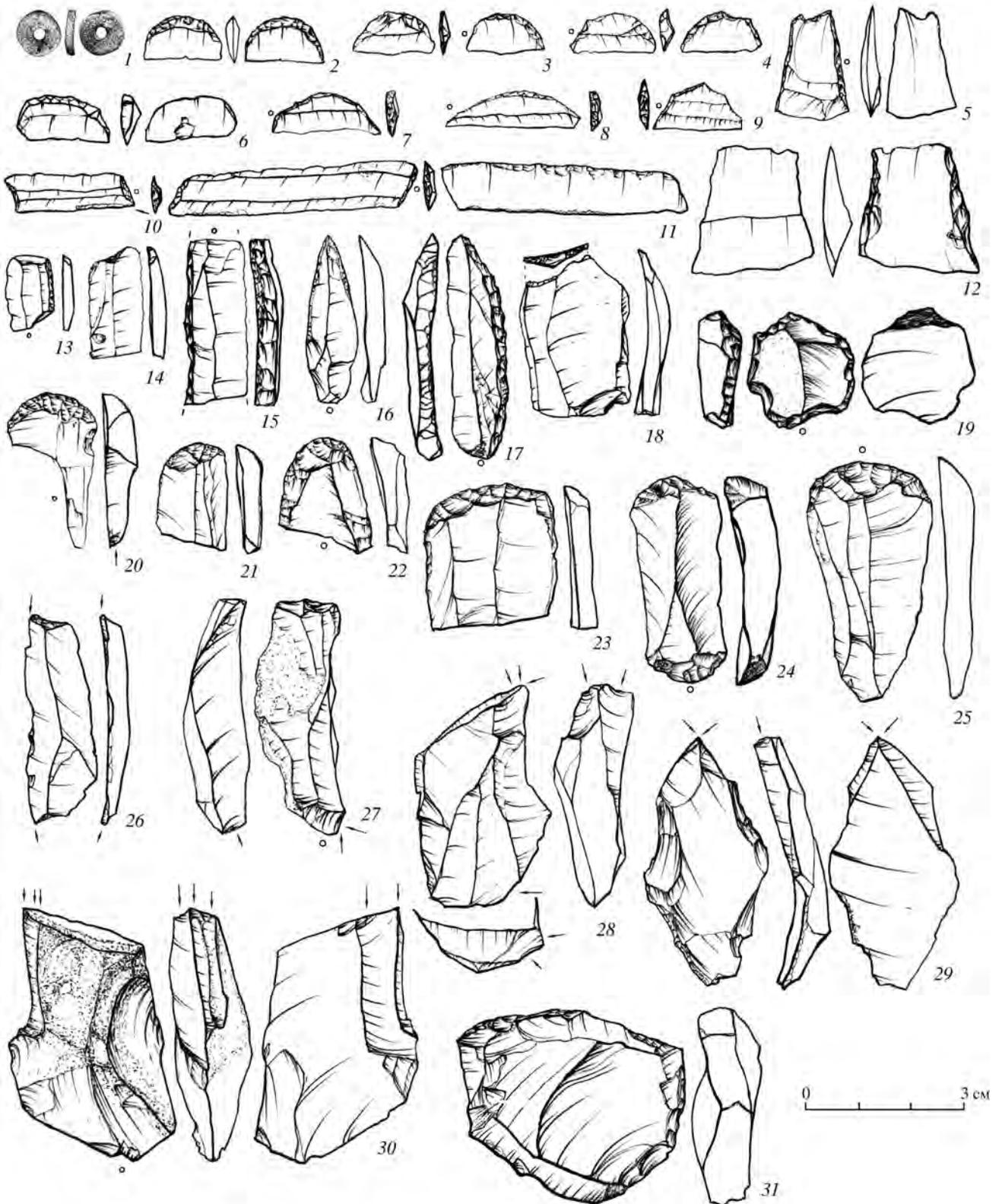

Рис. 4. Навес Чыгай. Каменный инвентарь.

крутой ретушью по брюшку; у второй концы заготовки усечены вертикальной ретушью с брюшка, а мелкой крутой ретушью по спинке оформлена выемка на малом основании. Одна трапеция средних пропорций симметричная со слабо вогнутыми концами и ретушированным коротким краем крутой ретушью по спинке. Еще один микролит отнесен к трапециям условно – пластинка с косоусеченными крутой ретушью концами, длинный край оставлен без ретуши, а короткий отретуширован таким образом, что получилась ломаная линия (рис. 4, 9). Данный экземпляр может рассматриваться и как незаконченный сегмент.

Пластинка и микропластинка с параллельно скошенными крутой и вертикальной ретушью концами (рис. 4, 10, 11). Обломок микропластинки со скошенной крутой ретушью концом, ретушь переходит на край заготовки – один.

Фрагменты пластинок (четыре) *и микропластинка* (одна) *с притупленным крутой и вертикальной ретушью краем* (рис. 4, 13, 15). У еще одного фрагмента микропластинки крутой ретушью сформирован волнистый край.

Орудия с чешуйчатой подтеской – два. Один осколок, у которого с краев по брюшку сняты плоские встречные сколы таким образом, что один край имеет небольшую площадку, а другой заострен и образует дугообразное лезвие. Другое орудие из отщепы, у которого один из краев оформлен крутой скребковой ретушью, а другой – полукрутой многорядной ретушью, дистальный конец, вероятно, был ранее оформлен скребковой ретушью, но впоследствии частично уничтожен несколькими чешуйчатыми сколами по брюшку (рис. 3, 3).

Стамеска 1 (рис. 3, 2) – пластинка с подтеской на брюшке на дистальном конце, в проксимальной части по краям оформлена крутой ретушью по спинке, которая с одного края образует неглубокую широкую выемку.

В коллекции навеса Чыгай есть два фрагмента проксимальных частей *пластин с пологой стелящейся нерегулярной ретушью по брюшку*.

Краевых отщепов резцов – два.

Неопределимых обломков орудий – шесть.

Кроме изделий из кремня была найдена круглая плоская перламутровая *бусина* с просверленным в центре отверстием (рис. 4, 1).

По материалам раскопок 2007 г., когда вскрытая площадь всех 11 слоев была одинакова, микропластинок было в пять раз меньше, чем пластинок, а пластинок почти в три раза меньше ($1/5\sqrt{2}$). Но это соотношение меняется, если рассматривать мате-

риалы послойно. В нижнем слое микропластинки отсутствуют (или если суммировать материалы 9 и 10 слоев – единичны), а соотношение пластинок и пластинок $2/1$. В слое 5 их соотношение $1/8\sqrt{2}$. Кремневые коллекции, полученные из верхних слоев (1–7) и нижних (8, 9), имеют сходные черты: формы и размеры нуклеусов, основной заготовкой является пластинка и пластина, во вторичной обработке доминирует крутая и вертикальная ретушь. Но наблюдается и целый ряд различий: в нижних слоях полностью отсутствуют геометрические микролиты, в качестве заготовок преимущественно использовались пластины и пластинки при отсутствии микропластинок, а также часть орудий изготовлена на отщепе. Увеличивается количество резцов, в том числе с ретушированной площадкой скола и угловых с широкими кромками, появляются боковые скребки, орудия с подтеской. С другой стороны, все сегменты с гелуанской ретушью (три) происходят из самых верхних слоев (слои 1,2), как и оба параллелограмма, один из которых был обнаружен в слое 2, а второй – в осыпи, перекрывающей слой 4; оба обломка орудий с плоской ретушью по брюшку также залегали в верхних слоях. Из слоя 2 происходит перламутровая бусина. В самых верхних слоях (в основном осыпи) зафиксированы отдельные фрагменты разновременной керамики от энеолита до средневековья.

Более дробное и четкое распределение всех артефактов по литологическим слоям сделать сложно, так как границы стратиграфических горизонтов плохо читаются в плане, на вскрытом участке имеют значительный перепад высот, а также частично прорезаны ямами, спущенными из верхних слоев. При этом надо отметить, что самые нижние на момент консервации раскопа слои довольно четко идентифицируются по плотности, а почти все находки, происходящие из слоя 10, имеют плотный известковый налет, плохо удаляемый даже раствором соляной кислоты.

В культурных слоях навеса Чыгай зафиксированы углисто-золистые линзы – следы кострищ. Наиболее отчетливо читавшиеся отмечены в нижней части слоя 3 и верхней части слоя 5. В плане линзы представляли собой небольшие округлые углисто-золистые пятна диаметром до 30–40 см, в разрезе их максимальная мощность составляла примерно 15–25 см. В нижележащих слоях на вскрытой площади были зафиксированы лишь небольшие аморфные в плане слабо углистые пятна мощностью 1–2 см.

Кроме каменных артефактов на памятнике собрана небольшая фаунистическая коллекция (определения даны по материалам раскопок 2006–2007 гг., коллекция 2008 г. находится на определе-

Список определимых фаунистических остатков из верхнепалеолитических и мезолитических памятников Губского ущелья (+ – наличие фаунистических остатков; ++ – абсолютное преобладание над другими видами)

Фаунистические остатки	Губский навес I	Губский навес I	Сатанай	Русланова пещера	Навес Чыгай	Навес Чыгай	Навес Чыгай	Навес Чыгай	Двойная пещера
	1 сл. (в. сл.)	2 сл.			5 сл.	7 сл.	9 сл.	10 сл.	
Суслик (<i>Citellus sp.</i>)		+							
Слепыш (<i>Spalax sp.</i>)		+	+		+				+
Серая полевка (<i>Microtus sp.</i>)	+	+							
Хомяк (<i>Cricetus cricetus</i>)			+			+			
Волк (<i>Canis cf. lupus</i>)			+						
Шакал (<i>Canis aureus</i>)									+
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)			+						
Заяц-русак (<i>Lepus eropaeus</i>)									+
Лошадь дикая (<i>Equus caballus</i>)		+	++	+					
Олень (<i>Cervus sp.</i>)			+						+
Лось (<i>Alces alces</i>)			+						
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)			+						
Пербовытнный бык (<i>Bos sp.</i>)									
Зубр (<i>Bison bonasus</i>)			+						
Бизон (<i>Bison sp.</i>)	+								
Козел или баран (<i>Capra aut Ovis</i>)	+	+			+				+
Свинья (<i>Sus skrofa</i>)							+		+
Болотная черепаха (<i>Emys sp.</i>)							+		
Раковины <i>Helix</i>			+	+	++	+	+	+(1)	+

нии). Большинство костей сильно раздроблены и не поддаются видовому определению. С привязкой к конкретным литологическим слоям удалось пока определить кости козлов или баранов, происходящих из слоев 5 и 10, в слое 9 найдены кости *Sus skrofa*, а также фрагмент панциря болотной черепахи (*Emys sp.*). Вне привязок – кости *Cervus elaphus*, *Equus caballus*, *Canis sp.*³ (рис. 2). Среди грызунов, по предварительному заключению А.С. Тесакова, в материалах преобладают кости обыкновенного слепыша (*Spalax microphthalmus*) и водяной полевки (*Arvicola terrestris*), в настоящее время распространенных в долинах рек бассейна Кубани. Остатки обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*), обнаруженные на глубине, соответствующей простираанию литологических слоев 6–8, возможно, свидетельствуют о заметном остепнении ландшафтов того

времени. Помимо костей млекопитающих в слоях встречено много раковин моллюсков *Helix albescens*, кроме этого определены единичные раковины *Pomatias rivulare*, *Monacha sp.*, *Xeropicta derbentina*⁴. Наибольшее их количество раковин моллюсков *Helix* зафиксировано в слое 5 (таблица).

Ориентиром для датировки разновременных культурных отложений навеса Чыгай может послужить радиоуглеродная дата 9560 ± 100 л.н., полученная по кости, отобранной в 2006 г. из низа слоя “красно-бурого слоя” (слой 4?), материалы которого предварительно можно отнести к эпохе мезолита. А также было получено три радиоуглеродные даты по раковинам моллюсков *Helix*, собранных из слоя 5: $S^{13}C - 8 \text{ ‰} 10300 \pm 130$ (ЛЕ – 8313 (IGSB – 1358)); $S^{13}C - 7,9 \text{ ‰} 10545 \pm 120$ (ЛЕ – 8314 (IGSB – 1356)); $S^{13}C - 9,4 \text{ ‰} 11060 \pm 190$ (ЛЕ – 8314 (IGSB – 1357)). Еще одна радиоуглеродная дата получена по смешанным образцам трубчатых костей, происходящих из слоев 8–10 – 13250 ± 500 (ЛЕ – 8317). Таким

³ Фаунистические материалы из раскопок навеса Чыгай изучены и определены Н.Д. Буровой и к.б.н. Е.Н. Машенко, а определения костей грызунов сделаны к.г.-м.н. А.С. Тесаковым. Видовое определение черепахи проводили к.б.н. Е.Н. Машенко, д.б.н. В.Б. Суханов, И.В. Данилов.

⁴ Определения д.б.н. А.А. Шилейко.

образом, слой, насыщенный большим количеством раковин моллюсков *Helix*, ориентировочно может быть датирован в пределах 10200–11200 л.н., а слой 10 – не моложе 13000 л.н.

Пещера Двойная находится к 30 м к востоку от навеса Чыгай на высоте 46 м над уровнем воды в реке, высота над уровнем моря 803 м (рис. 1). Современная дневная поверхность большой (западной) полости пещеры имеет уклон к югу – в сторону входа. Перепад с севера на юг составляет до 128 см. Пещера частично погребена. Поверхность пола покрыта пылеватой темно-коричневой супесью и обломками известняка. Видны следы современных кострищ и очагов. Максимальная высота свода от современной поверхности составляет около 4,3 м, высота арки входа 3 м. В плане пещера подокруглых очертаний, немного вытянута с севера на юг: максимальные размеры по линии север–юг – 15 м, запад–восток – 12 м.

В 2007 г. Е.В. Беляевой в центре пещеры был заложен шурф 1,5 × 1 м, где под плотным завалом крупных обломков известняка был обнаружен слой супеси, содержащий расщепленные кремни, кости и большое количество раковин моллюсков *Helix*. Шурф был законсервирован. В 2008 г. от западной части входа в глубь пещеры был заложен раскоп 8,5 × 2 м, в котором была выявлена следующая стратиграфия (рис. 5):

1. Рыхлая толща современных и, вероятно, позднесредневековых отложений, представляющих собой многочисленные тонкие золистые, углистые, супесчаные прослойки, небольшие линзы глины и извести, отложившиеся в результате неоднократного посещения пещеры, которая, вероятно, использовалась как временное убежище от непогоды охотниками, в качестве загона скота и т.п. Под линией входа в пещеру в профилях читаются следы столбовых ямок – 0,4–1 м;

2. Тонкая темно-коричневая супесь, содержащая отдельные расщепленные кремни и кости, – 0,01–0,03 м;

3. Завал из крупных блоков известняка (ближе к входу в пещеру – более мелкие обломки) – до 0,6 м;

4. Слой с более мелкими обломками известняка с коричневой супесью – 0,15–0,4 м. В этом и подстилающем его слое зафиксировано большое количество раковин моллюсков *Helix*.

5. Темно-коричневая гумусированная супесь – 0,15 – 0,6 м.

6. Более светлая коричневая супесь – видимая мощность 0,4 м. Этот слой вскрыт только на небольшом южном участке раскопа площадью чуть

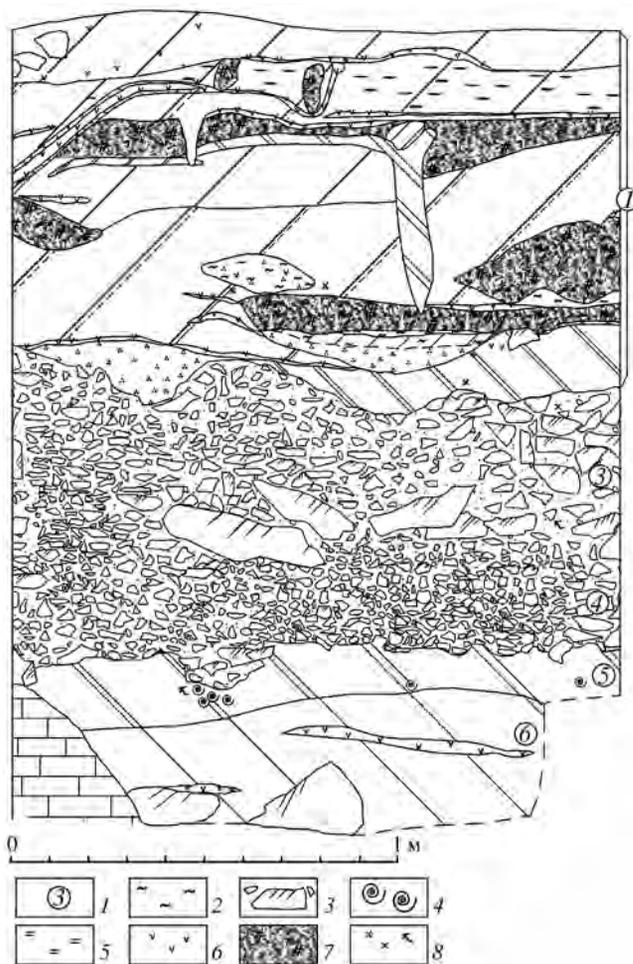

Рис. 5. Пещера Двойная. Стратиграфический разрез. 1 – литологический слой; 2 – зола; 3 – обломки известняка; 4 – раковины моллюсков *Helix*; 5 – глина; 6 – угольки; 7 – разложившийся известняк; 8 – находки.

более 2 м². Большая часть раскопа была законсервирована на уровне слоя 4.

Верхний слой (слой 1) в археологическом отношении был почти стерилен – на 8 м² – всего один фрагмент керамики. Единичные находки (пластинка и несколько костей животных) были зафиксированы непосредственно на блоках известняка в тонкой прослойке темно-коричневой супеси, которая, вероятнее всего, была “выдавлена” во время обвала, перекрывшего слой каменного века.

В качестве сырья использовался преимущественно кремний коричневатого-черных и серых оттенков среднего качества, есть изделия из белого, медово-желтого полупрозрачного, а также один отщеп из обсидиана и расколотые гальки кристаллической породы – шесть шт.

Отбойник или ретушер – один, небольшая кварцевая подовальная галька, с характерными следами забитости на одном из концов.

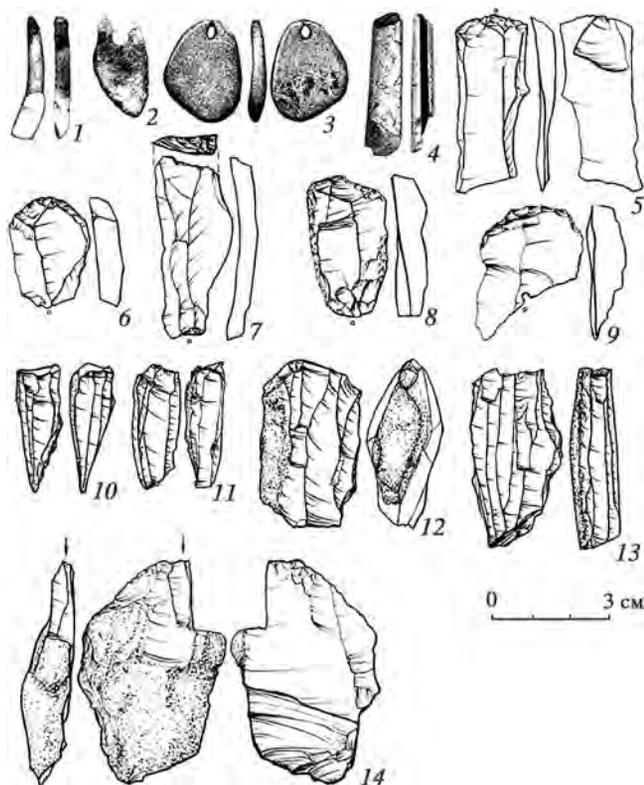

Рис. 6. Пещера Двойная. Каменный инвентарь.

Нуклеусов и их обломков всего девять (рис. 6, 10–13). Все одноплощадочные, четыре уплощенных с негативами снятия микропластинок и пластинок, один из которых представлен обломком вторичного нуклеуса. У трех площадки прямые, у последнего площадка скошена, неподработанная. Еще три нуклеуса для пластинок торцевые с прямыми (два) и скошенной площадкой, последний с переориентированным фронтом скалывания, представлен обломком. Подконических нуклеусов с негативами снятия микропластинок, фасетированными площадками два, фронт расщепления не замкнут. Ядрища небольших размеров, сильно сработанные, размером от 3 до 6 см.

Технологических сколов с нуклеусов – 13, в том числе восемь ребристых пластин и три подправки площадки нуклеусов.

Отщепов, осколков и чешуек – 437 (136+217+84).

Пластинчатых сколов 331, в том числе 73 микропластинки, 150 пластинок, 109 пластин.

Примечательно, что размер многих отщепов и пластин значительно превышает размер найденных ядрищ.

Морфологически невыраженных орудий 18: пять отщепов со следами утилизации; одна микропла-

стинка, семь пластинок и шесть фрагментов пластин.

Скребок 12 (рис. 7, 24–28, 32, 33), все концевые из пластин – пять; пластинок – три и отщеп – четыре. Лезвия дугообразные, в двух случаях прямые, оформлены крутой ретушью по спинке. У одного скребка из пластины также крутой ретушью оформлен один из краев заготовки.

Резцы на сломе пластинок – два, кромки узкие (рис. 7, 30, 31).

Обушковый нож из пластины один (рис. 7, 29), вертикальной ретушью с брюшка прямо усечен один край и дугообразно скошен проксимальный конец заготовки. Еще один предмет из крупной пластины с конвергентными краями может быть интерпретирован как нож с естественным обушком.

Выемчатых орудий семь: фрагменты пластинок – три и пластин – три. Ребристая пластина с неглубокой широкой выемкой, оформленной мелкой крутой ретушью по спинке, одна.

Острий 12. Один обломок острия со сходящимися краями из пластинки (?), оформлен крутой мелкой ретушью по спинке (рис. 7, 22). Еще один обломок острия сделан из ребристой пластины.

Обломок клювовидного острия из массивной пластинки, края которой оформлены вертикальной крупнофасеточной ретушью у дистального конца, выделено небольшое жало треугольное в сечении.

Острий со скошенным крутой или вертикальной ретушью концом – десять (рис. 7, 14–21, 23): четыре микропластинки с прямым и дугообразно скошенным проксимальным концом; одна целая и два фрагмента пластинок со скошенно-вогнутым концом (два – проксимальный, один – дистальный) – не исключено, что один из фрагментов является обломком трапеции; еще у трех пластинок крутой ретушью прямо скошены концы, у одной из них ретушь переходит на край заготовки.

Фрагмент пластинки с краевой пологой ретушью по брюшку – один.

Обломков сегментов из пластинок – два (рис. 7, 12, 13), дуга оформлена вертикальной ретушью с брюшка.

Трапеций шесть (рис. 7, 4–13). Три довольно крупные из пластинок – средневысокие симметричные с сильно скошенными концами, оформленными вертикальной ретушью с брюшка, у одной малое основание ретушировано. Еще один экземпляр меньших размеров, но по пропорциям похож на описанные выше. Две трапеции – высокие со слабо вогнутыми концами, усеченными вертикальной ретушью с брюшка, на малом основании ретушью

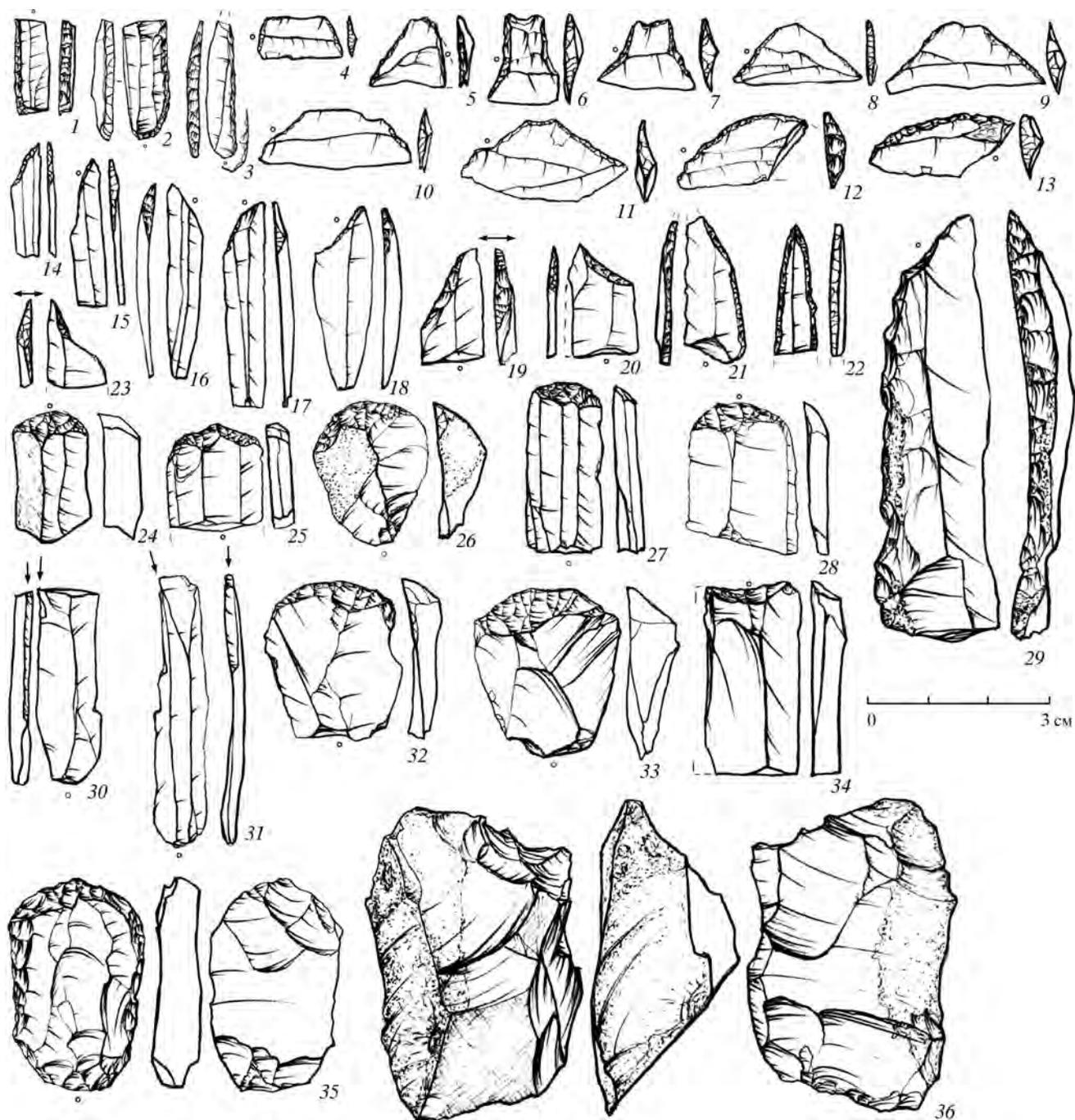

Рис. 7. Пещера Двойная. Каменный и костяной инвентарь.

оформлена выемка. Еще одна – низкая симметричная из микропластинки, концы прямо усечены вертикальной ретушью с брюшка. Один обломок орудия можно интерпретировать как высокую трапецию с прямым краем и ретушированным малым основанием.

Микролитов с притупленной вертикальной ретушью с брюшка краем – пять (четыре микропластинки, одна пластинка) (рис. 7, 1–3), еще у одной микропластинки – мелкая крутая ретушь по брюшку.

Так же у одной микропластинки мелкой крутой ретушью по спинке притуплена часть края.

В коллекции имеются пластинка и микропластинка с усеченными слабо скошенными вертикальной ретушью концами.

Еще три обломка микролитов – фрагмент пластинки (?) с усеченным вертикальной ретушью концом и обломок орудия с крутой ретушью по спинке по одному краю и концу (прямоугольник?).

Фрагмент *пластины со слабо вогнутым усеченным вертикальной ретушью с брюшка проксимальным концом* – один (рис. 7, 24).

Орудия с чешуйчатой подтеской – три (рис. 7, 35, 36). Два из массивных отщепов, одно из которых клиновидное в профиле, с плоскими чешуйчатыми сколами на обоих концах с брюшка. На другом оформлено скребковое лезвие, а на брюшке со стороны лезвия имеются многочисленные плоские сколы. Третье, видимо, переделано из подчетыреугольного скребка на пластине, на обоих концах – плоские сколы на брюшке, на проксимальном конце такие же сколы и на спинке.

Обломков орудий из пластинок и пластин – шесть.

Отщепы со следами использования – два.

Также зафиксированы небольшая каменная “плитка” и крупный пластинчатый отщеп со следами охры.

В коллекции пещеры Двойная есть *две подвески* (рис. 6, 2, 3) – одна из плоской трапециевидной каменной галечки с просверленным отверстием, другая из зуба кабана(?) с отверстием в корневой части. Фрагмент *костяного стержня с пазом* (рис. 6, 4). Стержень с одной стороны немного уплощен, сечение подокруглое, сечение паза – подтреугольное, вероятно, обломок оправы для вкладышевого орудия (ножа?).

Стерильные прослойки в толще под завалом известняка не прослежены. Но на построенных микропрофилях можно выделить минимум два горизонта залегания находок. В целом, по предварительным наблюдениям, по мере углубления раскопа отмечается ряд изменений в каменном инвентаре: тенденция к укрупнению заготовки, увеличивается процент изделий из серо-коричневатого кремня, уменьшается количество раковин моллюсков.

Шурф 2007 г., который был вписан в общую сетку и расположен в 2 м к северу от северной стенки раскопа, пока еще не имеет общего с раскопом разреза. Описание стратиграфии шурфа было сделано почвоведом А.Л. Александровским и уточнено Е.В. Беляевой (2008. С. 8, 9):

“1. Верхняя часть толщи мощностью от 0,45 до 0,55 м лишена камней, демонстрирует мощные прослойки белого и белесо-серого цвета и рыхлое сложение. Возраст ее, вероятно, очень молодой – позднеголоценовый (?). Самая верхняя часть этого слоя коричневатого цвета, мощность около 0,15–0,20 м, в значительной мере содержит истлевшее органическое вещество (навоз?). Ниже преобладает зола. Отсутствие камней является признаком малой

активности десквамации и быстрого накопления данной толщи. Белесые прослойки и линзы разделяются тонкими углисто-пепельными темными прослойками. Хорошая сохранность золы также свидетельствует о молодом возрасте слоя. Нижняя граница слабоволнистая, переход резкий.

2. Ниже располагается горизонтальная поверхность, сложенная темно-серо-бурой уплотненной с поверхности (утоптанной?) супесью. Сразу под этой поверхностью лежит слой аналогичной супеси, насыщенной большим количеством известнякового щебня, включая крупные плитчатые блоки (обвал?). Видимо, перекрывающий камни слой мелкозема с обилием дисперсного угля накопился после обвала. Местами в слое имеются кости животных, а в нижней части появляется огромное количество раковин улиток. Общая мощность этого слоя около 0,25–0,30 м.

3. Самый нижний из вскрытых уровней – слоисто-линзовидная толща с угольками, золой. Преобладает заполнитель серовато-бурого цвета, суглинистого состава, с примесью песка, уплотненный. Камней много, что типично для культурных слоев пещер и навесов, и является результатом постепенной десквамации и периодических обвалов, связанных с землетрясениями. Мощность слоя до 0,5 м. Встречаются во множестве раковины моллюсков и кости животных. В этом слое найдены все 53 кремневых изделия и две костяные поделки”.

Как видно из приведенного выше описания в целом стратиграфия, наблюдаемая в шурфе, сходна со стратиграфией раскопа. Но коллекция каменного инвентаря, полученная из шурфа, имеет целый ряд отличий от материалов, происходящих из раскопа. Состав сырья кремневых находок из шурфа более однороден, чем в раскопе, – это серовато-коричневый темный местный кремень. В коллекции, происходящей из шурфа, полностью отсутствуют предметы из желтого, белого и розоватого кремня. Всего найдено 53 изделия из кремня: 25 *отщепов и осколков*, восемь *пластин*, шесть *пластинок*, три *микропластинки*. Еще одна пластина со следами утилизации. Орудия представлены тремя *концевыми скребками* на пластине (рис. 6, 6, 8, 9), одной *стамесочкой* (рис. 6, 5), одним *отщепом с чешуйчатой подтеской с брюшка с обоих концов* (рис. 6, 14), одной пластиной с *косо усеченным вертикальной ретушью с брюшка концом*. Также в коллекции: *один обломок орудия*, *один отщеп с ретушью* и *один краевой отщеп резца*. Кроме изделий из камня были найдены фрагмент метаподия копытного животного с вырезанным уступом и подвеска из резца кабана (?) с желобком на корневой части зуба (рис. 6, 1).

В целом коллекция из шурфа отличается от ансамбля, полученного из раскопа. В шурфе полностью отсутствуют геометрические микролиты, нет изделий из микропластинок и пластинок, а сами микропластинки единичны. Из шурфа по костям животных и углю были получены три радиоуглеродные даты: 8330 ± 70 (Ki-14484), 8880 ± 69 (Ki-14485), 10240 ± 250 (Ki-14486).

Данные радиоуглеродного и фаунистического анализа, полученные при исследованиях навеса Чыгай и пещеры Двойная, позволяют выявить пачку синхронных отложений, содержащих культурные остатки: слои 3–5 навеса Чыгай и, вероятно, оба культурных горизонта, подстилающих слой обвала в пещере Двойная. Но пока не удается выявить комплексы на этих двух памятниках с идентичным в культурном отношении каменным и костяным инвентарем. Различия, отмечаемые в каменном инвентаре из относительно синхронных слоев рассматриваемых соседних памятников, нельзя объяснить сезонной спецификой, так как, по данным фаунистического анализа (в частности, наличие раковин моллюсков), бытование поселений относилось к летнему сезону или включало его. Напротив, ближайшие аналогии материалам губских памятников находятся на памятниках Кабардино-Балкарии. Для слоев 3–5 навеса Чыгай, на наш взгляд, усматривается явное сходство по параметрам заготовок, типологической невыразительности материалов, характеристикам культурного слоя (окраска, особенности структуры и обилие раковин моллюсков *Helix*) с материалами слоя М1 из грота Сосуко (Бадер, Церетели, 1989. С. 100). А ряд аналогий для индустрии из раскопа пещеры Двойная находятся в материалах из раскопок навеса Бадыноко – слой 7 (культурный горизонт 5), имеющий серию радиоуглеродных дат в широком диапазоне от 7,7 до 13, 9 тыс. л.н. К сожалению, археологические материалы этого горизонта, достигающего мощности более 1 м, не расчленены, хотя исследователями отмечается вероятность наличия нескольких уровней обитания, но без явных перерывов накопления культурных материалов в виде стерильных прослоек (Зенин, Орлова, 2006).

Наличие на памятниках каменного века Северного Кавказа горизонтов, содержащих раковины моллюсков *Helix*, может рассматриваться как биостратиграфический репер этого региона, хронологические рамки которого на основании данных, полученных по материалам раскопок памятников Губского ущелья, можно пока наметить в пределах 8,3–11,2 тыс. л.н.

Таким образом, исследования последних лет в Губском ущелье позволили наметить биостратиг-

рафический репер для раннеголоценовых памятников региона и удлинить предложенную ранее схему развития каменных индустрий Северного Кавказа (Амирханов, 1986; 1994).

К верхнему палеолиту в Губском ущелье были отнесены материалы, происходящие из слоев 1 и 2 Губского навеса 1, Губский навес 7 (Сатанай), Русланова и Касожская пещеры, этот список можно дополнить Губскими навесами 2–4, 6, Лубочным навесом, а также остатками (следами) верхнепалеолитических культурных слоев в Баракаевской и Монашеской пещерах (Аутлев, Любин, 1994). Из вышеперечисленных памятников наиболее ранними являются материалы 2 слоя Губского навеса 1, датированные в пределах 29–25 тыс. л.н. на основании стратиграфии, палинологической характеристики разреза и археологических данных, т.е. до максимума похолодания. Для коллекции 2 слоя характерно полное отсутствие острий, геометрических форм и пластинок с притупленным краем, абсолютное преобладание скребков среди орудий. Для ансамбля присущи такие специфические формы, как скребки с брюшковым лезвием, скребки с перехватом, скребки с боковой выемкой в основании, пластины и отщепы с наклонным ретушным сечением (Амирханов, Аутлев, 1977; Амирханов, 1986). Памятники, относящиеся к максимуму похолодания (20–28 тыс. л.н.), в Губском ущелье пока не найдены.

Слой 1 (верхний) Губского навеса 1 отнесен ко времени после максимума похолодания – примерно 17–16 тыс. л.н. Для коллекции каменного инвентаря характерны острия со скошенными концами и горбатые острия, а также пластинки с волнисто-притупленным краем при отсутствии геометрических микролитов, приема подтепки во вторичной обработке (Амирханов, 1986).

Время бытования стоянки в навесе Сатанай намечено радиоуглеродной датой 11200 ± 110 (Ki-14280), полученной в 2006 г. по костям животных, которая не противоречит предварительной датировке памятника финальным плейстоценом и определению его “как памятник с переходными к мезолиту чертами” (Амирханов, 1986. С. 76). Своеобразие инвентаря Сатаная подчеркивается наличием в коллекции удлиненных острий с крупной полукрутой ретушью по обоим краям, пластинок с притупленным краем с утоньшением обоих или одного конца с брюшка, двуконечных плоских костяных наконечников, а также разнообразных трапециевидных форм и присутствием сегментов. Не исключено, что толща, вмещающая культурные остатки навеса Сатанай, достигающая мощности 1 м, содержит разновременные материалы конца

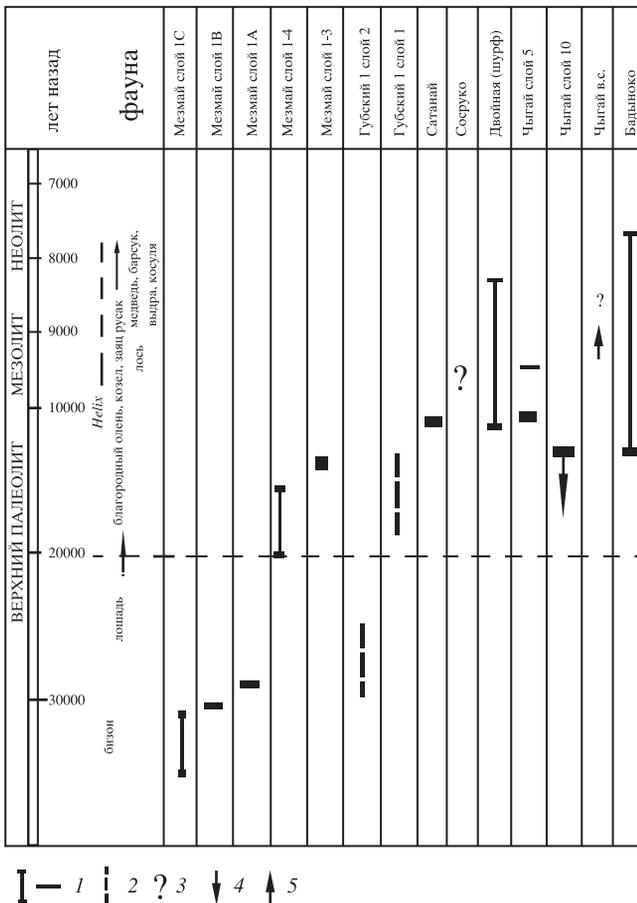

Рис. 8. Хронологическая таблица.

эпохи плейстоцена – начала голоцена, которые требуют подразделения (в “Сводном классификационном списке статистически значимых комплексов северокавказских верхнепалеолитических памятников”, состоящем из 78 наименований, в коллекции навеса Сатанай отмечено 56 типов изделий из камня) (Амирханов, 1986. С. 93–95).

Материалы Руслановой пещеры слишком малочисленны, но по наличию трапеции, фаунистическому набору предварительно интерпретированы как синхронные материалам из навеса Сатанай (Амирханов, Аутлев, 1981; Амирханов, 1986). Коллекция, полученная при раскопках пещеры Касожская, до сих пор не опубликована.

На материалах, полученных в ходе исследования навеса Чыгай, пока наиболее отчетливо можно выделить три основных периода бытования поселений. Наиболее ранний относится к концу эпохи верхнего палеолита и предварительно датируется не моложе 13 000 л.н. (слои 9–10). Для коллекции каменного инвентаря характерны следующие черты: расщепление направлено на получение пластинок и пластин, а также использование в качестве

заготовок отщепов; наличие ретушных и угловых резцов с широкими кромками, концевых и боковых скребков, орудий с чешуйчатой подтеской, острий с дугообразно затупленной спинкой, пластинок с притупленным краем и полное отсутствие геометрических микролитов, во вторичной обработке доминирует крутая и вертикальная ретушь.

Одним из наиболее ярких признаков второго периода (примерно 11–9,5 тыс. л.н. – слои 3–5/6) является наличие в культурных слоях большого количества раковин моллюсков *Helix*, а также золисто-углистых прослоек, небольших кострищ. Для каменной индустрии характерны преимущественное использование пластинок в качестве заготовок, геометрические микролиты в виде сегментов с крутой ретушью по дуге и мелкие высокие трапеции, микропластинки с притупленной спинкой, концевые скребки, резцы из пластинок с узкими кромками.

Для индустрии (или индустрий) наиболее позднего пласта заселения навеса Чыгай характерно увеличение доли микропластинок, наличие сегментов с гелуанской ретушью, параллелограммов, орудий с плоской стелющейся ретушью по брюшку. Вероятно, черты, названные выше, могут рассматриваться как признак присутствия неолитических, а возможно, и более поздних материалов. Но неолитической керамики пока не найдено.

Своеобразие коллекции, собранной из раскопа в пещере Двойная в слоях с большим количеством раковин моллюсков *Helix*, подчеркивается наличием уплощенных и подконических ядрищ для микропластинок, присутствием крупных сегментов с дугой, оформленной крутой ретушью, высоких и средних пропорций симметричных трапеций, в том числе с выемками на верхнем основании, орудий с чешуйчатой подтеской.

На основании данных палинологии, стратиграфии, фаунистического и радиоуглеродного анализов, а также сравнительно-типологического анализа нами была намечена хронологическая шкала памятников Северного Кавказа, представленная на рис. 8. На схеме виден один довольно продолжительный разрыв между ранними памятниками, датированными от 36 до 25 тыс. л.н., и памятниками, датированными от 17–16 тыс. л.н.⁵ Этот разрыв приходится на максимум похолодания, когда, вероятно, верхнепалеолитическое население ушло из горных районов и даже предгорий. И вторая волна

⁵Слои 1–4 пещеры Мезмай сильно нарушены и имеют две даты – 21 050 и 16 260 (Голованова, Дороничев, 2005. С. 70), поэтому до уточнения датировки, вероятно, этими данными можно пренебречь.

заселения начинается уже после ледникового максимума. Обращает на себя внимание разнообразие индустрий конца плейстоцена – начала голоцена, даже в пределах такого микрорегиона как Губское ущелье: пока еще не известно двух памятников с идентичным в культурном отношении каменным инвентарем, что может быть связано с большой подвижностью небольших охотничьих коллективов в конце эпохи верхнего палеолита и в мезолите, или это сходство трудно установить из-за непредставительности коллекций, что также свидетельствует в пользу существования небольших и подвижных человеческих групп в это время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
- Амирханов Х.А.* К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // РА. 1994. № 4.
- Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1) // СА. 1977. № 3.
- Амирханов Х.А., Аутлев П.У.* Русланова пещера – новый памятник каменного века Прикубанья // КСИА. 1981. Вып. 165.
- Аутлев П.У.* Отчет об археологических экспедициях, проведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом в 1962 году // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2467.
- Аутлев П.У., Любин В.П.* История исследования палеолита Губского бассейна // Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп, 1994.
- Бадер Н.О., Церетели Л.Д.* Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. М., 1989.
- Беляева Е.В.* Отчет об археологических работах на территории Краснодарского края и Республики Адыгея в 2007 г. // Архив ИА РАН. 2008. Р-1.
- Беляева Е.В., Александровский А.Л., Леонова Е.В.* Новые исследования в бассейне р. Губс (Кубанский Кавказ) // АО–2006. В печати.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б.* Новые данные по позднему палеолиту Мезмайской пещеры // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005.
- Зенин В.Н., Орлова Л.А.* Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006.
- Формозов А.А.* Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. 1962. № 4.

Towards the chronology and periodization of Late Pleistocene – Early Holocene sites in the Northwestern Caucasus (on the basis of materials from the latest investigations at Gubskoe gorge)

Ye. V. Leonova

Summary

The article analyzes the materials from excavations at the Stone Age multilayer sites of Chygai and cave Dvoinaya at Gubskoe gorge. The sites contain Late Upper Paleolithic and Mesolithic cultural layers. The new data allowed to arrive at a more detailed chronology for the settling of Gubskoe gorge and to outline the reference points for Late Pleistocene – Early Holocene sites in the Northern Caucasus.

КЛУШИНО 1 – НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ПОДМОСКОВЬЕ

А. В. Трусов

Музейное объединение “Музей истории Москвы”

В августе 2008 г. отдельным отрядом (рук. А.В. Трусов) Подмосковной археологической экспедиции (нач. А.В. Энговатова) ИА РАН проводились охранные археологические раскопки стоянки Клушино 1 в Солнечногорском р-не Московской обл., на участке автодороги Москва – Санкт-Петербург.

Стоянка Клушино 1 расположена в 1.2 км к СЗ от д. Клушино, на мысу первой надпойменной террасы левого берега Клязьмы. Стоянка открыта в 1971 г. А.Н. Неклюдовым. На основании собранных материалов памятник был датирован А.Н. Неклюдовым эпохой неолита. Подмосковной археологической экспедицией при проведении охранных археологических раскопок на памятнике был заложен раскоп 600 м².

Участок, на котором был заложен раскоп, представлял собой достаточно ровную площадку первой террасы Клязьмы высотой около 3 м над уровнем реки, слабо наклоненную в сторону ее русла. Поверхность площадки покрыта травостоем. Вскрываемые отложения были изучены доктором географических наук сотрудником ИГРАН А.А. Гольевой, выполнившей анализ их химического и гранулометрического состава. Следующее ниже описание стратиграфии дано на основе приведенного ею заключения. Для анализа был выбран участок по южной стенке раскопа, непосредственно примыкающий к береговой кромке и наименее поврежденный современной хозяйственной деятельностью:

1 – дерн, мощность до 10 см;

2 – темно-серый крупнопылеватый средний суглинок (гумусовый горизонт почвы). Мощность этого слоя – от 20–30 см в верхних по склону участках до 55 см на участках, примыкающих к берегу Клязьмы. Переход к нижележащему слою постепенный, контакт нечеткий. В этом слое отмечается включение кирпичной и известковой крошки, отдельных фрагментов поздней сельской керамики и индивидуальных находок конца XVIII – первой половины XX в., а также ряда кремневых изделий;

3 – светло-бурый плотный влажный крупнопылеватый легкий флювиогляциальный покровный суглинок.

По мнению А.А. Гольевой, весь профиль однороден, все почвенные параметры характерны для естественных полноразвитых почв, что указывает на длительный возраст формирования толщи. Какие-либо признаки переотложения материала на морфологическом или физико-химическом уровнях не выявлены. Включенный в почвенный профиль археологический материал залегает *in situ* (имеются в виду скопления кремневых изделий, связанных с мастерскими по первичной обработке кремневого сырья на контакте слоев 2 и 3).

Большая часть интересующих нас находок, связанных с эпохой камня, приурочена к участкам “А” и “Б”, располагавшимся вдоль края береговой террасы Клязьмы. Именно на этих участках, особенно в приречной их части, отмечается большая мощность почвенно-культурного темно-серого слоя и относительно меньшая поврежденность нижележащих отложений позднейшей хозяйственной деятельностью людей.

На первом этапе исследования памятника, при разборке темно-серого гумусированного суглинка, особых возражений относительно предложенной первоначальной датировки памятника – неолит, не было. В этом слое, кроме отщепов и осколков кремня, было найдено более десятка обломков двусторонне обработанных наконечников дротиков и их заготовок и других изделий, обычных на памятниках эпох неолита и бронзы. Однако в этом слое встречались также отдельные находки широких правильных патинированных пластин высококачественного светло-сиреневого кремня, что позволяло надеяться на обнаружение слоя с более древним материалом.

Наконец, при зачистке поверхности светло-бурого покровного суглинка на приречных участках “А” и “Б” было расчищено два скопления расщепленного кремня, по большей части состоящих из изделий из упомянутого светло-сиреневого кремня. Большое количество ремонтажа и характер изделий позволил атрибутировать эти скопления как мастерские по первичному расщеплению кремневого сырья – мастерские по производству крупных правильных пластин. Отмеченная технология рас-

щепления и отдельные предметы из аналогичного кремня, найденные за пределами скоплений, указывали на вероятный верхнепалеолитический возраст этих скоплений.

Всего на раскопе было найдено 1058 кремневых изделий. Из них мастерская 1 (кв. А4–Б4, участок А) дала 607 кремневых изделий (рис. 1), мастерская 2 (кв. Б9–В9, участок Б) – 80 изделий. С остальной площади раскопа, из темно-серого мешаного слоя, происходит 371 кремневое изделие.

На памятнике использовалось несколько видов каменного сырья. Из 371 изделия, происходящего из темно-серого суглинка, 120 изготовлены из различных сортов коричневого кремня, часть из которого, вероятно, происходит из меловых отложений, а часть из местных моренных.

Из сиреневого кремня, аналогичного сырью из мастерских, выполнено 41 изделие, большая часть из них располагалась в квадратах, соседних с мастерскими.

Четыре предмета: нуклеус, отщеп, пластина и пластина с ретушью из сортов серого желвачного кремня, расщепление которого производилось на участке мастерской 1.

Из прочего кремня, по большей части низкосортного, происходящего в основном из местных отложений морен, 201 изделие.

Из песчаника выполнено три отбойника, плоская плитка со следами использования и один отщеп.

Из отмеченных 371 изделия из темно-серого суглинка – девять нуклеусов. Они по большей части аморфные многоплощадочные от отщепов. Есть небольшой фрагмент (морзобойный осколок) нуклеуса из сиреневого кремня со следами параллельного скалывания. Его можно отнести к комплексу мастерских. Есть торцевой нуклеус от пластин из серого желвачного кремня, с хорошо выраженной односторонней патинизацией (рис. 2, 1). Нуклевидный обломок один.

Отщепов из темно-серого суглинка – 292, пластин – 27, причем 10 пластин из сиреневого кремня, остальные – из прочих сортов; пластин с ретушью – семь, из них четыре из сиреневого кремня; отщепов с ретушью – шесть, микропластинка – одна.

К орудиям из темно-серого суглинка отнесено 25 предметов. Из них: двусторонне обработанных заготовок наконечников дротиков и фрагментов заготовок – девять (рис. 3, 5), двусторонне обработанных наконечников дротиков и их фрагментов – шесть (рис. 3, 1–3), фрагмент листовидного двусторонне ретушированного наконечника стрелы – один (рис. 3, 7), заготовка рубящего – одна, ножевидное орудие на отщепе (рис. 3, 4), фрагмент острия на

Рис. 1. Клушино 1. Мастерская 1. Первое снятие.

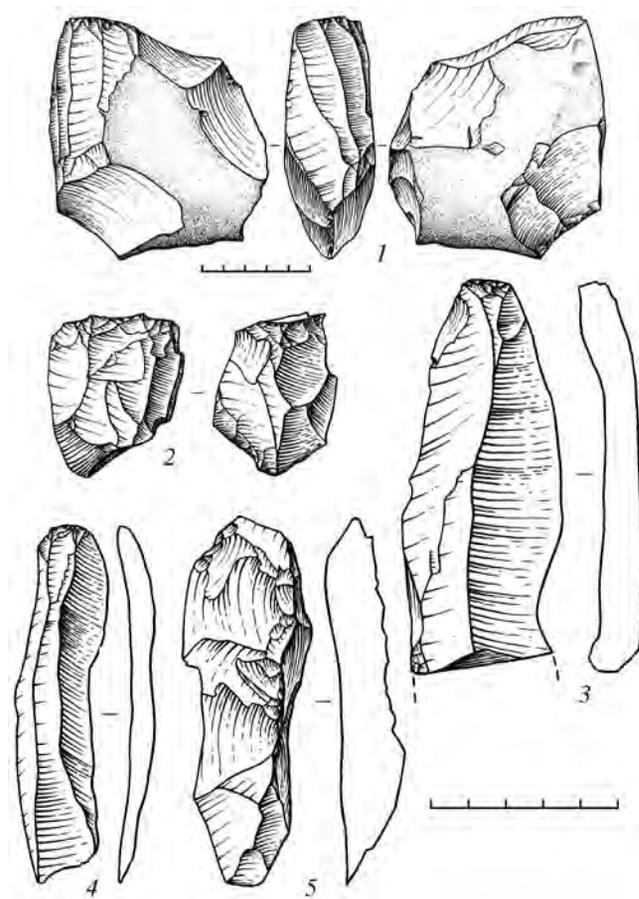

Рис. 2. Клушино 1. Каменные изделия (верхний палеолит): 1, 2 – нуклеусы; 3–5 – пластины.

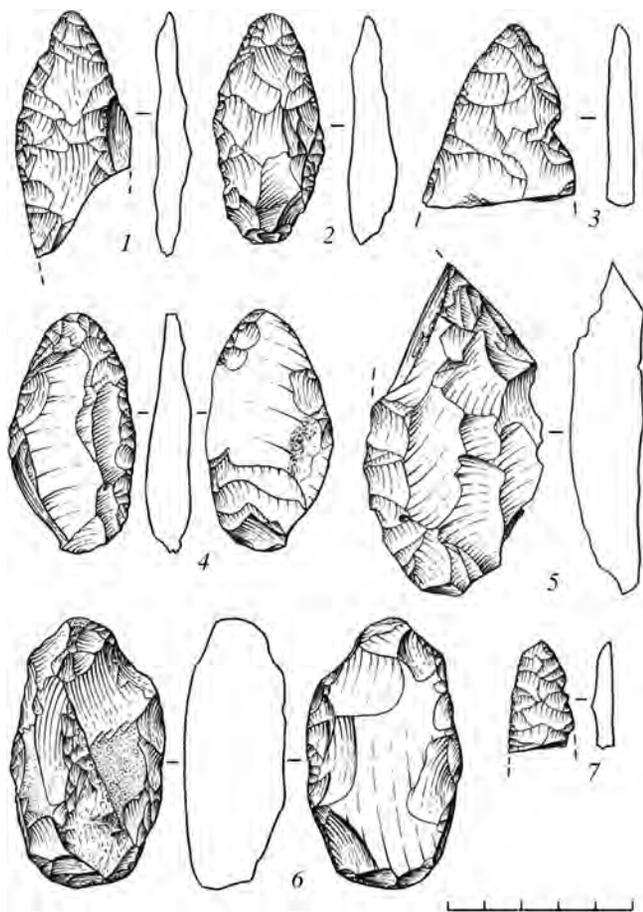

Рис. 3. Клушино 1. Каменные изделия (эпоха бронзы?): 1–3 – наконечники дротиков и их фрагменты; 4 – ножевидное орудие; 5 – заготовка наконечника дротика; 6 – ретушер; 7 – фрагмент наконечника стрелы.

отщепе, заготовка орудия неясного назначения, три отбойника и песчаниковая плитка со следами использования, а также резец двойной угловой на сломе пластины (рис. 4, 4), скребок концевой с подтеской с брюшка (рис. 4, 1).

При изготовлении отмеченных бифасиальных орудий (наконечников и их заготовок) использовался коричневый и, в большей степени, прочие сорта кремня моренного происхождения низкого качества.

Предполагаемая первоначальная датировка комплекса с бифасиальными формами из темно-серого мешаного слоя эпохой неолита вызывает сомнения, поскольку в слое не встречено ни одного фрагмента известной нам неолитической керамики. Вместе с тем было найдено шесть фрагментов (один из подъемного материала) гладкостенной лепной неорнаментированной керамики двуслойного обжига с примесью дресвы в тесте. Один из фрагментов имеет на поверхности лишь одно неконическое вдавление. Подобная керамика встречается на сто-

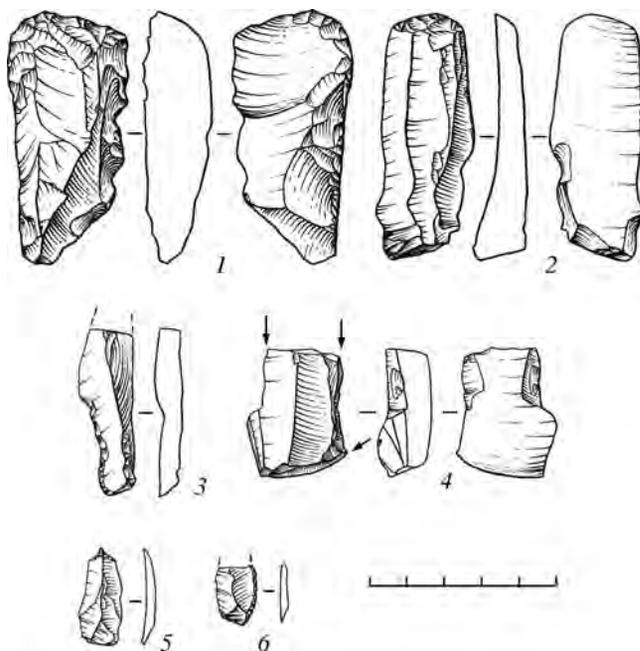

Рис. 4. Клушино 1. Каменные изделия (верхний палеолит): 1, 2 – скребки; 3 – пластина с ретушированной выемкой; 4 – резец; 5 – проколка; 6 – пластинка с краевой ретушью.

янках в слоях позднего бронзового века. По всей видимости, подобная датировка (эпоха поздней бронзы) для комплекса с бифасиальными формами представляется более убедительной.

На уровне контакта с покровным суглинком найден концевой скребок на пластине (рис. 4, 2), и фрагмент крупного скребла на отщепе (вверху покровного суглинка) (рис. 5, 5), при изготовлении которых использовался сиреневый кремень, тот же, что и в скоплениях мастерских, что позволяет по времени соотнести их с последними.

Мастерская 1, представляющая собой скопление предметов первичного расщепления, располагалась в квадратах А4–Б4 на контакте светло-бурого покровного суглинка и темно-серого суглинка, до 5 см заглубляясь в светло-бурый суглинок. Скопление имело овальную, вытянутую соответственно направлению берегового склона форму (вызвано стеканием по склону увлажненного грунта). Об относительной инсцитности материала говорит односторонняя патинизация значительной части патинированных изделий. Размер скопления 80 × 60 см, мощность его не превышала 10 см. Всего в скоплении 1 собрано 607 кремневых изделий.

Хотя промывка слоя не производилась (работали в условиях острого дефицита времени и рабочих рук) в мастерской также, ввиду обилия последних, было собрано 398 кремневых чешуек и мелких осколков.

В качестве сырья в мастерской использовался кремь нескольких сортов. Более половины кремневых изделий изготовлены из светло-сиреневого высококачественного кремня (желвачного?) – 341 предмет. Судя по отдельным сколам с желвачной коркой, по крайней мере часть желвачной корки снималась непосредственно в этой мастерской.

Из этого кремня в скоплении имеется только один небольшой истощенный одноплощадочный односторонний нуклеус от мелких пластин и отщепов. Небольшой морзобойный осколок нуклеуса параллельного скалывания от пластин из такого же кремня найден за пределами мастерской в вышележащем горизонте. Другие изделия из сиреневого кремня представлены: сколы с площадок нуклеусов – восемь; отщепы – 217; пластины – 84; ребристые пластины – четыре; микропластинки – 26; обломок – один.

Из орудий непосредственно в мастерской из этого кремня найдена только проколка на небольшой пластинке (рис. 4, 5).

Кроме того, в мастерской расщеплялось три вида серого желвачного кремня, отличающегося оттенком, включениями и характером корки, условно названные серый 1, 2 и 3, которые по особенностям сырья и отмеченным случаям ремонта происходят всего от трех расщепляемых желваков. Нуклеусы из этого кремня в мастерской отсутствуют, но за ее пределами (между мастерскими 1 и 2) найден торцевой нуклеус кремня серый 2 (рис. 2, 1), несколько сколов подготовки ребра и пара снятых с него пластин (подтверждено ремонтом) найдены в мастерской.

Серый 1 – 58 предметов, из них: сколов с площадки нуклеуса – семь, отщепов – 20, пластин – 28, микропластинка – одна, пластины с ретушью – две.

Серый 2 – 56 предметов, из них: отщепов – 38, пластин – 16, ребристых пластин – одна, микропластинка – одна.

Серый 3 – 20 предметов, из них: отщепов – 19; пластин – одна.

Прочие сорта кремня представлены 131 изделием, из которых 118 выполнены из различных сортов коричневого, часть из которого, по-видимому, происходит из коренных месторождений (встречен один желвак коричневого кремня в начальной стадии расщепления – подготовка плоскости расщепления торцевого нуклеуса), часть же из распространенных в окрестностях памятника моренных отложений. Из 131 изделия имеется отмеченная выше заготовка нуклеуса – одна, отщепов – 98, пластин – 20, сколов с площадок нуклеусов – три,

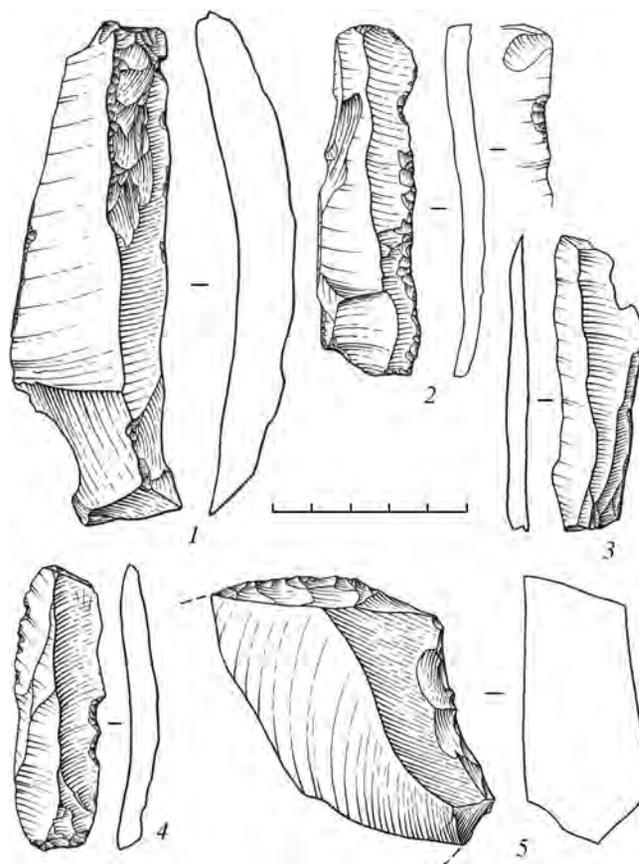

Рис. 5. Клушино 1. Каменные изделия (верхний палеолит): 1–4 – пластины с ретушью и следами утилизации; 5 – фрагмент скребла.

ребристых пластин – одна, микропластин – одна, обломок – один.

Мастерская 2 располагалась в 10 м к СВВ от мастерской 1 на границе квадратов Б9, В9. Материал мастерской 2, как и мастерской 1, залегал на контакте темно-серого буроватого суглинка и покровного коричневого, заглубляясь в последний до 5 см.

Скопление мастерской 2 в большей степени, чем скопление мастерской 1, подверглось процессам естественного разрушения. Кроме близости склона, инситуальность скопления мастерской 2 была нарушена корнями крупного дерева, растущего над этим местом. Скопление выглядело менее компактным, а ряд предметов находился в вертикальном или сильно наклонном положении.

Всего в этом скоплении было найдено 80 изделий из кремня.

Абсолютно преобладают предметы из сиреневого кремня, аналогичного кремню мастерской 1 (71 экз.). Из них отщепов – 31, пластин – 34, ребристая пластина – одна, микропластинка – одна, пластина с ретушью – одна.

Прочие сорта кремня представлены девятью предметами, из них: четыре отщепы и три пластины из коричневого кремня.

В мастерской 2 найдена также пластина (№ 770 п.о.) из кремня “серый 2”, расщепление которого производилось на участке мастерской 1. Эта пластина имеет ремонтаж с пластинами № 453 и 475 из мастерской 1 и через эти пластины с нуклеусом, найденным за пределами скоплений в кв. В7. Судя же по последовательности снятия, пластина № 770 была вынесена с участка мастерской 1, после чего расщепление нуклеуса было продолжено. Во всяком случае, данная находка косвенно может свидетельствовать в пользу относительной одновременности функционирования мастерских 1 и 2.

На участке мастерской 2 встречено также овальное массивное двусторонне обработанное орудие из обломка кремня среднего качества, вероятно, моренного происхождения. На концах орудия забитость, возможное назначение – ретушер. На поверхности имеется небольшой участок со следами пришлифовки (не исключено использование в качестве заготовки заготовки рубящего) (рис. 3, б).

Эта двусторонняя форма со следами пришлифовки выпадает из общего контекста мастерской. По времени она представляется значительно более поздней, нежели материалы мастерской. Вероятный возраст неолит – эпоха бронзы. Присутствие ее на участке мастерской может объясняться отмечаемыми здесь позднейшими нарушениями слоев.

Результаты предварительных исследований говорят о том, что Клушино 1 представляет собой двуслойный памятник с разновременными в разной степени нарушенными культурными слоями.

Для верхнего, в наибольшей степени нарушенного слоя, датируемого эпохами неолита – бронзы, характерны изделия из разноцветного валунного и галечного кремня, преимущественно моренного происхождения.

Для мастерских, датируемых верхним палеолитом, залегающих на контакте темно-серого буроватого суглинка и коричневого покровного, а также в верхах последнего, характерен желвачный высокого качества сиреневый и варианты серого кремня, добытого непосредственно из месторождения. Однако выходов этого кремня в непосредственной близости от стоянки пока неизвестно.

Ближайшее месторождение сиреневого кремня, относящегося к карбону, находится у с. Мячково на берегу р. Москвы в 70 км юго-восточнее стоянки Клушино. Разработка этого месторождения в палеолитическую эпоху велась, например, обитателя-

ми Стоянки Заозерье 1, располагавшейся в 3.5 км юго-западнее данного месторождения.

Большая часть изделий мастерских, в отличие от изделий неолита–мезолита, имеет следы патицизации, преимущественно односторонней. Но не только это является основным диагностическим признаком для датирования материала палеолитическим временем. На это время указывает прежде всего технология получения пластинчатых заготовок, прежде всего, приемы подготовки нуклеуса, без которой невозможно снятие серии крупных правильных пластин – это оформление двусторонней обивкой двугранного ребра на узкой торцевой части кремневого желвака, по которой и будет производиться расщепление. Для скальвания использовалась скошенная ударная площадка. Применялись также перебор карниза и абразивная подготовка края ударной площадки, отмечаемые на ряде сколов. Этот набор технических приемов при снятии пластин характерен для граветтийской технологии получения пластин. Территориально ближайшими памятниками, где широко применялась подобная технология, являются стоянка Зарайская и мастерская по изготовлению пластин Трегубово (г. Зарайск и с. Трегубово в 8 км от г. Зарайска Московской обл.).

Набор предметов с вторичной обработкой или следами использования, относящихся к эпохе верхнего палеолита, происходящих из мастерских, а также из перекрывающего мастерские темно-серого суглинка, связывающихся с последними идентичностью сырья, представлен следующими изделиями.

К нуклеусам отнесено три предмета: торцевой косоплощадочный от крупных широких пластин (рис. 2, 1), небольшой истощенный одноплощадочный односторонний нуклеус от мелких пластин и отщепов (рис. 2, 2) и небольшой осколок нуклеуса со следами параллельного скальвания.

Пластин с ретушью и следами использования всего восемь. Среди них особо выделяются два предмета: крупная пластина, один из краев которой оформлен пологой регулярной ретушью, в проксимальной части пластины двумя противолежащими ретушированными выемками выполнен перехват для возможного привязывания (рис. 5, 2); фрагмент пластины с ретушированной боковой выемкой (рис. 4, 3). Подобная ретушированная выемка на пластине носит скорее формообразующий, нежели функциональный характер и напоминает аналогичные выемки наконечников с боковой выемкой Зарайской стоянки. К сожалению, противоположный конец изделия обломан, что затрудняет его окончательную идентификацию.

Скребок два, оба концевые на пластинчатых заготовках. Один из них на массивном пластинчатом сколе имеет подтеску по одному из боковых краев и с рабочего лезвия изделия (рис. 4, 1). Есть также фрагмент крупного скребла на массивном крупном отщепе (рис. 5, 5). Из других предметов имеется миниатюрная проколка с тонким жалом, найденная в мастерской 1 (рис. 4, 5). Кроме того, есть также два предмета, которые выполнены из коричневого кремня. Они происходят из слоя темно-серого суглинка, но по своему характеру соответствуют более раннему, возможно палеолитическому комплексу, нежели комплексу эпохи поздней бронзы с серией бифасиальных изделий. Это резец двойной угловой на сломе пластины (рис. 4, 4) и фрагмент небольшой пластинки с краевой ретушью (рис. 4, б).

Процент орудий в верхнепалеолитическом комплексе изделий (мастерские и изделия из темно-серого суглинка, относимые к палеолиту), даже

если учесть все пластины с ретушью утилизации (14 к 749), не превышает 2%, что соответствует функциональной специфике вскрытого участка как мастерской по первичному расщеплению кремневого сырья – получению крупных пластинчатых заготовок.

По времени, исходя главным образом из топографического положения и условий залегания (других данных, к сожалению, нет), материалы Клушино 1, вероятно, несколько более поздние, нежели Зарайск и Трегубово 2, датирующиеся от 20 до 15 тыс. л.н. Вероятная дата – не древнее 15 тыс. л.н.

Выявление в Клушино 1 находок, относящихся к поздней поре верхнего палеолита с вероятной граветтской культурной основой, позволяет значительно расширить наши представления о хронологических рамках и географии распространения граветтцев.

Klushino 1 – a new Paleolithic site in the Moscow region

A. V. Trusov

Summary

In summer 2008 the Moscow regional expedition undertook rescue excavations at Klushino 1 (Bronze Age?) site. The excavations revealed two workshops for primary treatment of flint. Workshop 1 yielded 607 finds, workshop 2 – 80 finds. Most of the items show patina. The flint used for splitting was mauve high-quality and grey, whereas the inhabitants of the Bronze Age site used mainly low-quality moraine flint. The splitting produced large wide blades, the technique employed at the site is well-known from Zaraisk and Tregubovo 2 materials. The amount of tools in the Upper Paleolithic assemblage, retouched blades included, does not exceed 2%. The finds from Klushino, dating to the later Upper Paleolithic and with probable Gravettian cultural basis, allow to significantly expand our notions about Gravettian chronology and geography.

К ЮБИЛЕЮ Х. А. АМИРХАНОВА

КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАССЕЙНА ОКИ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ

Ю.Н. Чувиляева

Институт археологии РАН, Москва

Еще в первой отечественной схеме археологической периодизации В.А. Городцова (1923) среди пяти выделяемых эпох была палеолитическая (верхний палеолит), подразделявшаяся на три хронологические единицы: раннюю, среднюю и позднюю пору.

В 1930–1950-е годы общие проблемы периодизации верхнего палеолита решались в рамках стадильной теории развития культуры. Трехчленная периодизация П.П. Ефименко (1953), призванная отразить самые существенные вехи социального развития в верхнем палеолите, включала в себя раннюю (ориньяко-солютрейскую) пору, характеризовавшуюся как время сложения раннеродового общества с относительно оседлым бытом охотников на мамонта, позднюю пору верхнего палеолита, соответствовавшую мадлену, когда произошел переход к кочевому образу жизни, и азильскую пору, связанную с упадком верхнепалеолитического общества и изменениями в добычании средств к существованию.

Модификацией трехчленной периодизации верхнего палеолита является схема Г.П. Григорьева (1989. С. 45–48). Он пришел к выводу о необходимости разграничения ранней и поздней поры, между которыми вклинивается так называемый граветтийский эпизод (виллендорфско-костенковское единство). Нельзя не заметить здесь сходства с точкой зрения П.П. Ефименко о дифференциации вариантов культуры на начальной и конечной стадиях верхнего палеолита Европы и разделяющей их эпохе единства.

Касаясь рассматриваемого вопроса, М.В. Аникович говорит о наличии в Восточной Европе ранней, средней (расцвет культуры верхнего палеолита, характеризуется разделением культур на три историко-культурные области) и финальной поры верхнего палеолита. Финальная пора при этом предстает объединенной с мезолитическими индустриями (Аникович, 1994).

А.А. Синицын (1999) предлагает четырехчленное деление верхнего палеолита. На среднем этапе

в Европе доминируют граветтийские культуры, а на позднем проявляется географическое деление континента на три зоны со своими особенностями культурного развития (Западная и Центральная Европа, Средиземноморье и Восточная Европа).

С.Н. Лисицын предложил свою периодизацию (1999), в которой “поздневалдайские памятники” по “техно-морфологическим” критериям разделены на две хронологические группы: конец максимума похолодания валдайского оледенения, поздневалдайское время (17/16–15/14 тыс. лет назад); финальный Валдай и позднеледниковье (15/14–14/13 тыс. лет назад).

Для кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита всего Центра Русской равнины автор отмечает предельно стандартизованное первичное расщепление, минимальную вторичную обработку, редко модернизирующую общие формы изначальных заготовок, ограниченный и специализированный набор типов орудий. По его мнению, это дает возможность работы с чистыми формами орудий и их заготовок и, следовательно, выявления “различий древнего поведения разных коллективов, развития их во времени”. Вызывает лишь сожаление, что за пределами рассмотрения остались все относящиеся к предмету исследования памятники Окского бассейна. В отношении их С.Н. Лисицын ограничивается оценочными, экспертными замечаниями. Материалы памятников поздней поры верхнего палеолита Волго-Окского междуречья без какого бы то ни было анализа интерпретируются как “представляющие определенную трудность в понимании”. Верхний культурный слой Зарайской стоянки указанный автор расценивает как переходный этап от граветтийской к постграветтийской эпохе, однако полагает, что разброс абсолютных дат “от 15 до 18 тыс. лет назад” и типологическое единство его материала с находками из нижележащего культурного слоя (19–21 тыс. лет назад) не соответствуют поздней датировке комплекса. Консерватизм культурных традиций этого региона, по мнению исследователя, противоречил бы общему направлению эволюции кремневого ин-

вентаря. Но им не учитывается то, что после максимума валдайского оледенения в бассейне Оки (и не только там) и без зарайских материалов отмечается не одно, а два “направления общей эволюции” кремневого инвентаря.

Коллекция Карачаровского местонахождения, по его мнению, является неполной и имеет достаточно “архаичный” облик. Материалы из Шатрищ признаны немногочисленными и трактуются как “бесполезные” для археологического анализа. Комплекс стоянки Заозерье 1 сближается с материалами стоянки Елисеевичи. Все эти заключения С.Н. Лисицына требуют необходимых обоснований, особенно в свете оставшихся вне его внимания материалов окских стоянок. Это касается и основного вывода о том, что “динамика развития кремневого инвентаря поздневалдайских памятников состоит в стремительном *изживании граветтйских традиций* (курсив наш. – Ю. Ч.), уменьшении размеров заготовок и упрощении приемов вторичной обработки орудий”.

Большой глубиной и взвешенностью отличаются выводы относительно сходных указанным выше проблемам, излагаемые в коллективном труде исследователей Отдела палеолита ИИМК РАН (Васильев и др., 2005). Здесь четко и обоснованно отграничен отрезок времени, относимый к “позднему верхнему палеолиту” (“поздняя пора верхнего палеолита” в принимаемом нами традиционном смысле). Его рамки устанавливаются от конца максимума последнего оледенения до начала поступательного процесса потепления, т.е. в рамках примерно 17–14/13 тыс. лет назад. Мы разделяем данную точку зрения. Последующую стадию прогрессирующей деградации ледника, имевшей несколько фаз похолоданий и потеплений, авторы соотносят с финальным палеолитом. Они отмечают, что “общий облик каменного инвентаря” таких памятников бассейна Оки, как Заозерье, Шатрищи и Карачарово “полностью соответствует поздневалдайским памятникам с мамонтовой экономикой”. Говорится о “возможном поздневалдайском возрасте ряда местонахождений” бассейна Оки, которые “продолжают граветтйские культурные традиции комплекса верхнего культурного слоя Зарайской стоянки”. Под “рядом местонахождений”, видимо, следует понимать такие памятники, как Трегубово, Колтово 7, Вышетравино.

В обобщающих работах начала нового тысячелетия интерес к определению рассматриваемого термина не утерян. П.М. Долуханов опубликовал следующую периодизацию позднего палеолита Европы: ранний этап – 40–30 тыс. лет назад, средний этап – 30–18 тыс. лет назад, и интересующий нас поздний этап отнесен им к 18–10 тыс. лет назад (2000. С. 67).

В четырехязычном словаре-справочнике по археологии палеолита (Васильев и др., 2007) поздняя стадия верхнего палеолита включается в рамки “примерно от 20 до 10 тыс. лет назад”, а финальный палеолит определен как период, охватывающий последние несколько тысячелетий палеолитической эпохи и культуры этого периода. В качестве синонима “финальный палеолит” используется понятие “эпипалеолит”. Сам термин поздняя пора верхнего палеолита в справочнике отсутствует.

Вопросы периодизации верхнего палеолита остаются особенно актуальными и значимыми для различного рода разработок регионального характера. И.В. Сапожников в диссертационном исследовании (2005) предложил следующую периодизацию позднего палеолита: 1) ранняя пора – 32–22 тыс. лет назад; 2) средняя – 22–16.5 тыс. лет назад, разделенная на три уровня: нижний – 22–20 тыс. лет назад, средний – 20–18 тыс. лет назад и верхний (равный дриасу-Ia) – 18–16.5 тыс. лет назад; 3) заключительная (поздняя) пора позднего палеолита – 16.5–10.3 тыс. лет назад, которая делится на три уровня: нижний – 16.5–15 тыс. лет назад, средний – 15–13 тыс. лет назад (дриас-Iб, раунис, дриас-Iс) и верхний – 13–10.3 тыс. лет назад (беллинг, дриас-II, аллеред – вместе “позднегляциальный интерстадиал”, а также стадиал дриас-III; все вместе равно финальному палеолиту). Финальный палеолит в приведенной периодизации включен в “позднюю пору позднего палеолита”.

С конца 1990-х годов возрастает внимание исследователей к “финальному палеолиту”. Бесспорным в большом разнообразии мнений по данной проблематике всеми признается только то, что “этот период изучен слабо”. В остальном мнения разнятся. Г.В. Сеницына связывает начало данного периода со сменой “технологий автохтонных верхнепалеолитических традиций типа Борщево 2 новыми технологиями, сформировавшимися под влиянием миграционных волн, в первую очередь западного происхождения”. А вот конец этого периода ею определяется как “рубеж, фиксируемый сменой перигляциальных условий лесными, – и, как следствие этого, возникновение экономики, связанной с охотой на лесных животных”. Хронологически изучаемое явление датируется рамками беллинга – молодого дриаса (Сеницына, 2000).

А.Н. Сорокин оперирует понятием “финальный палеолит”, очерчивая его границы в пределах 13 500–10 300 лет назад. При этом термины финальный палеолит и “финальный плейстоцен” он использует в качестве синонимичных. Относительно археологических материалов ключевой является идея о том, что, вопреки радиоуглеродным и пали-

нологическим датировкам, рессетинская и иеневская культуры должны быть удревнены и признаны, наряду с усть-камской, гренской и песочноровской, финальнопалеолитическими. По мнению автора, относить эти культуры к мезолиту ошибочно; их голоценовые датировки отражают не что иное, как феномен естественного омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов. Поскольку автор не делает различия между понятиями “поздняя пора верхнего палеолита” и “финальный палеолит”, то у него в одну группу попадают все без исключения памятники бассейна Оки в промежутке от конца максимальной стадии валдайского оледенения до начала голоцена: Брикет 7, Вышетравино 1, Елин Бор (нижний слой), Заозерье 1, Исток 1 (нижний слой), Колтово 7, Ладыжино 3 (шурф 1), Нерское озеро 1 и 2, Ростиславль, Рыбаки (Альба) 2 и 4, Таруса 1, Трегубово 2, Тростенское 7 и 10, Умрышенка 3 и Шильцева Заводь 5 (Сорокин, 2008).

Включение А.Н. Сорокиным памятника (Трегубово), смыкающегося по культурным и хронологическим показателям с верхними слоями Зарайской стоянки, в единую группу с такими, например, пунктами, как Ладыжино 3 и Умрышенка 3 с индустриями иеневского типа, лишает смысла само выделение в отдельную хронологическую стадию так называемого финального палеолита. Кроме того, если вопрос определения культур как мезолитических или палеолитических (пусть даже “финальнопалеолитических”) решается исключительно на основе хронологического критерия: относится памятник ко времени раньше или позже рубежа 10 тыс. лет назад, то теряет смысл и выделение мезолита в качестве отдельного подразделения археологической периодизации. Для большей части исследователей каменного века, которые вместо понятия “мезолит” всегда использовали термин “эпипалеолит”, отрицание принципиальных технико-типологических различий между культурами конца палеолита и начала мезолита естественно, но для “мезолитоведа” это не может не выглядеть странным.

Начало накопления конкретных материалов по верхнему палеолиту бассейна Оки относится к концу XIX в. Открытый в 1877 г. А.С. Уваровым (1881) второй палеолитический памятник на территории европейской части России и первый в бассейне Оки – Карачаровская стоянка – был отнесен, согласно периодизации В.А. Городцова 1923 г., к ранней (ориньякской) поре верхнего палеолита. По приглашению А.С. Уварова ознакомиться с характером и условиями залегания находок получили возможность такие известные исследователи, как В.Б. Антонович, И.С. Поляков, В.В. Докучаев. В дальнейшем каждый из них внес определенный

вклад в оценку и введение в научный оборот материалов стоянки. Они получили широкую известность и заняли важное место в первых обобщающих работах по каменному веку России.

В 1910 г. В.А. Городцов вновь фиксировал наличие культурного слоя в обнажении Карачаровского оврага. В дальнейшем О.Н. Бадером в 1927 г. на месте стоянки был заложен шурф 2 × 2 м, не давший находок. А в 1934 г. П.И. Борисковскому удалось обнаружить и расчистить место раскопок А.С. Уварова, был также заложен ряд траншей общей площадью около 170 м², но раскопки оказались безрезультатными.

В послевоенное время (1947 г.) Н.И. Кригер проводил геологические исследования на месте стоянки, но культурные остатки не были обнаружены.

После продолжительного перерыва, летом 1996 г., А.В. Трусовым были предприняты разведочные работы на Карачаровской палеолитической стоянке. Всего было заложено три шурфа, расположенных вдоль борта оврага (расстояние между крайними шурфами 340 м). В результате был установлен горизонт залегания находок и выявлена периферийная часть стоянки.

Наиболее полная публикация коллекции Карачаровской стоянки принадлежит С.Н. Замятнину. Анализ инвентаря привел исследователя к заключению, что позиция Карачаровской стоянки определяется рамками “...позже хорошо выраженной на востоке Европы серии местонахождений финального ориньяка и раннего солютре, в которую входят Костенки 1, Борщево 1, Гагарино, Бердыж, Пшедомост и др., но несколько раньше мадленских стоянок воронежской группы” (Замятнин, 1929. С. 13).

Г.А. Бонч-Осмоловский включил Карачарово в выделяемую им юго-восточную группу раннего мадлена (1932).

1960–1980-е годы были отмечены умножением числа локальных культур, выделенных в большом числе для верхнего палеолита всех основных регионов страны. В этот период последовали новые интерпретации коллекции Карачаровской стоянки. А.Н. Рогачев (1961. С. 45; Гвоздовер, Рогачев, 1969. С. 495) полагал, что, наряду с Островской стоянкой им. Талицкого на реке Чусовой, Карачарово имеет ближайшие аналогии в городцовских памятниках Костенок XV. Л.В. Грехова сближала инвентарь стоянки с памятниками типа Авдеево, Костенки I (верхний слой), Гагарино (1970. С. 22). А.Н. Рогачев, М.В. Аникович относили Карачаровскую стоянку к палеолиту Северо-Восточной области наряду с такими стоянками, как Островская (им. Талицкого), Бызовая, Капова и Медвежья пещеры (1984).

В вышедшей по результатам исследований палеолита региона в 80-е годы обобщающей статье Л.В. Греховой (1994) стоянки Карачарово и Шатрищи рассматриваются как “более поздняя группа окских стоянок”. Отмечается, что они не имеют точной геохронологической характеристики и датируются, в основном, типологическим методом по комплексам материальной культуры. В частности, кремневый комплекс стоянки Шатрищи соотносится с “довольно обширной группой памятников второй половины послелебзянского времени (15–13 тыс. лет)”. Необходимо отметить, что исследователь указывает хронологические рамки этого “времени”, что позволяет избежать путаницы хотя бы в терминах, употребляемых для обозначения хронологической атрибуции. Ближайшие аналогии Шатрищинской стоянке автор работы видит в индустрии нижнего слоя Борщево 2 на Среднем Дону.

Л.В. Грехова отмечает некоторые черты сходства между кремневыми комплексами Карачаровской и Зарайской стоянок и в то же время проводит параллель между поздней группой окских стоянок (Карачарово и Шатрищи) по технико-типологическим характеристикам кремневых комплексов, а также фаунистическим остаткам с памятниками Костенковско-Борщевского района. По мнению исследователя, контакты “Дон–Ока” шли в меридиональном направлении по верховьям Дона и притокам Оки. Способствовали этому особые, во многом схожие палеоэкологические характеристики северной части Окско-Донской равнины.

Следует отметить, что в статье Л.В. Греховой приведена выдержка из дневниковых записей В.Б. Антоновича (исследователь стоянки), хранящихся в архиве Уваровых (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. № 218), позволяющая представить характер культурного слоя Карачаровской стоянки и более того – ведение раскопок того времени.

Все разнообразие точек зрения на определение культурно-хронологической позиции Карачаровской стоянки приведено в статье коллектива авторов (Праслов и др., 2002. С. 160–166). Описаны особенности материалов стоянки: “скребки на правильных ножевидных пластинах, удлинённых пропорций со стрельчатым симметричным лезвием, практически без краевой обработки”, “округлые или овальные скребки мелких размеров с выделённым шипом”, специфические формы резцов и т.д. Приведены данные палинологических исследований по образцу, извлечённому из полости бедренной кости мамонта при подготовке ее для радиоуглеродного датирования (внутри породы было найдено четыре кремневых чешуйки), выявленный спектр сопоставим с интерстадиальными условиями последнего оледенения.

К настоящему времени для Карачаровской стоянки имеется серия из четырех радиоуглеродных дат, полученных по костям мамонта из материалов раскопок 1877–1978 гг. (Уваров, 1881; Поляков, 1881): 15850±150 (ГИН-8018) – бедренная кость; 15900±150 (ГИН-8411) – зуб; 15800±150 (ГИН-8412) – неопределённая кость; 15250±400 (ГИН-8567) – тазовая кость. Эти даты надёжно подтверждают приуроченность памятника к поздней поре верхнего палеолита.

В 1977 г. А.В. Трусовым осмотрено место находки местными жителями бивня мамонта в с. Шатрищи Рязанской обл. и проведена его шурфовка. Работы продолжены в 1978 г., когда была заложена серия шурфов, а в 1979 г. – раскоп с последующей прирезкой в 1981 г. В результате проведенных работ обнаружен комплекс фаунистических остатков и расщепленного кремня.

По результатам работ на памятнике Шатрищи 1 в указанные годы вышла публикация автора раскопок (Трусов, 1983). Исследователь подробно описал стратиграфию памятника, кремневый комплекс, изделия из кости, результаты палеозоологических и палинологических исследований. Важной является радиоуглеродная дата, полученная по локтевой кости молодого мамонта, – 14360±150 (ГИН-2913). В культурном отношении стоянка определена как уникальное явление для всего Окского бассейна.

В 1987 г. в результате разведочных работ А.В. Трусовым открыта стоянка Шатрищи 2. Находки ископаемой фауны и кремневых изделий залегали в нескольких достаточно мощных литологических слоях. Общая мощность культуросодержащих отложений достигала более 5 м. В 1997, 2000–2001 гг. им были продолжены раскопки на этом памятнике. В результате исследователь выделил четыре культурных слоя (горизонта находок).

В публикации материалов по стоянке Шатрищи 2 А.В. Трусовым (2007) дана характеристика каменного инвентаря, происходящего из четырех культурных слоев (горизонтов находок); а также приведен анализ фаунистических остатков. Автор сближает памятник со стоянкой Шатрищи 1, но в то же время приводит и ряд отличий. Шатрищи 2 определяются им как охотничий лагерь, а Шатрищи 1 как “место обитания” на основании состава фаунистических остатков и кремневого инвентаря. Культурную принадлежность стоянок исследователь считает близкой к группе среднеднепровских палеолитических памятников, таких как Тимоновка, Супонево, Карачиж.

В 1980 г. А.В. Трусовым начаты раскопки Зарайской палеолитической стоянки. Первые крем-

новые находки на стоянке обнаружены главным хранителем Зарайского краеведческого музея Л.И. Максимовой в 1979 г. Результаты раскопок 1980, 1982–1983, 1989 гг. были обобщены А.В. Трусовым в статье (1994), где приведены довольно подробные описания обнаруженных объектов, их планиграфическая и стратиграфическая позиции для каждого из трех имеющихся раскопов. Отмечено наличие кремневых мастерских и скоплений кремня. Имеются данные по количественному распределению кремня по категориям на разных объектах, оформленные в виде таблицы (Трусов, 1994. С.101). В 1994 г. А.В. Трусов провел еще один полевой сезон на Зарайской стоянке и затем опубликовал характеристику кремневого комплекса Зарайской стоянки по материалам всех лет своих раскопок (1998).

Следующий этап изучения Зарайской стоянки, который продолжается и ныне, связан с возобновившимися в 1995 г. раскопками Х.А. Амирханова. Уже через пять лет увидело свет монографическое исследование (Амирханов, 2000), где особое внимание уделено вопросам стратиграфии и микростратиграфии культурных отложений стоянки. Их толща разделена по литологическому признаку на два культурных слоя – нижний в виде красноватой (местами рыжеватой) супеси и верхний в виде погребенной почвы. Далее по данным прямой, собственно археологической, стратиграфии в нижнем слое выделено три различных этапа накопления культурных отложений (три уровня обитания). Четвертый, самый поздний этап (уровень обитания) приурочен к верхней погребенной почве, позже получившей название “зарайская”. К этому этапу были отнесены и некоторые из объектов, раскопанные ранее А.В. Трусовым и залегавшие в основании указанной погребенной почвы.

В согласии с радиоуглеродными датами, нижний слой с его тремя этапами накопления культурных отложений отнесен к промежутку 23–19 тыс. лет назад. Первый, древнейший этап накопления культурных отложений отнесен к моменту первоначального заселения данной территории. Второй этап (первая половина 21-го тысячелетия тому назад) характеризуется жилой площадкой костенковского типа и связан с основным этапом функционирования стоянки; основу практически всех объектов составляют разнообразные ямы: очажные, приочажные, хранилища и клады. Третий этап (вторая половина 21-го – самое начало 20-го тысячелетия тому назад) отделен от второго системой мерзлотных трещин второй генерации. Последняя соответствует перерыву в обитании на стоянке.

Х.А. Амирхановым в разрезе раскопа 5, участке, получившем позднее название Зарайск Б, были

выявлены три ископаемые почвы. Общая хронологическая позиция верхней погребенной почвы определяется ее залеганием непосредственно под покровными лессовидными суглинками позднего плейстоцена и с перерывом над горизонтом брянской почвы. Аналоги Зарайской верхней погребенной почвы в бассейне Средней Оки исследовались у г. Луховицы и на территории Коломенского кремля, морфологическое сходство с ней и аналогичную стратиграфическую позицию имеет ископаемая почва в окрестностях Карачаровской верхнепалеолитической стоянки (Трусов, 1997).

Данные палинологического анализа (заключение Г.Н. Шиловой) свидетельствуют об обособленности палинозоны верхней погребенной почвы Зарайской стоянки (палинозона межстадиального характера № 4 в общем для памятника спектре). Судя по климато-стратиграфическим характеристикам, речь идет о времени, следующем непосредственно за максимумом валдайского оледенения. Нижнему культурному слою соответствует палинозона 3 (разделена на подзоны 3а–в), связанная, согласно культурной стратиграфии, с первым и вторым этапами. Характерно, что палинозона 3а соответствует криоксеротической фазе поздних стадий валдайского оледенения, 3б – криогигротической (основной этап функционирования стоянки), спектр зоны 3в отнесен к межфазиальному типу.

Весьма существенным для специального исследования материалов верхнего культурного слоя является наличие микростратиграфической привязки археологических остатков в раскопе 4. Кровля верхней погребенной почвы выявляется в виде темно-серого гумусированного легкого суглинка на уровне –95...–100 см от условной нулевой горизонтали. Основание (пол) верхнего культурного слоя на площади указанного раскопа фиксируется на уровне глубины –108...–112 см от условной нулевой горизонтали.

Для заключений о характере жилища и поселения четвертого уровня обитания на Зарайской стоянке мы располагаем следующими источниками. В раскопе 4 это: слабо углубленный круглый очаг без использования “очажных” камней и расположенные рядом с ним две неглубокие овальные ямы. В раскопе 1 (А.В. Трусов, 1982–1983 гг.) к этому слою приурочены такие объекты, как скопление дебитажа, небольшой очаг и “зольник”. Остатки кострища выявлены и в раскопе 3 (А.В. Трусов, 1989 г.). Наиболее выразительные данные получены в раскопе 2. Здесь были исследованы остатки сооружения с использованием крупных костей. Ямки и кости, которые были закреплены в них вертикально, образовывали правильную дугу с радиусом около 3 м.

Отмеченные выше материалы специально рассмотрены А.Б. Селезневым. Согласно ему, Зарайская стоянка на последнем этапе своего функционирования (уровень верхней погребенной почвы) функционировала либо в теплое время года, либо в “более благоприятную, чем предшествующие, климатическую эпоху”. Автор называет горизонт погребенной почвы верхним уровнем культурных отложений, рассматривая его в рамках одного культурного слоя или единой линии исторического развития культуры, представляемой памятником (Селезнев, 1997. С. 54–57).

Мнение А.В. Трусова относительно выделения верхней погребенной почвы в качестве самостоятельного культурного слоя или даже горизонта претерпело изменения. В отчете о раскопках 1994 г. он говорит о стратиграфической самостоятельности указанного горизонта. В публикации же на этот счет приводятся путаные и противоречивые объяснения. С одной стороны, стоянка несколько раз покидалась и затем через определенные перерывы вновь заселялась людьми, а с другой стороны, “культурный слой” Зарайской стоянки определяется как единое “линзовидное тело, резко истончающееся по краям с переходом, по мере удаления от центральной части поселения, в тонкий горизонт находок, фиксирующих поверхность обитания” (Трусов, 2002). В действительности “тонкие горизонты” “истончающегося к периферии слоя”, а следовательно и “линзовидность тела культурного слоя” на стоянке нигде и никем не были прослежены. На территории, называемой традиционно Зарайской стоянкой, и вблизи нее сосредоточено несколько самостоятельных памятников. Каждый из них обладает своими особыми пространственными и стратиграфическими характеристиками. Не останавливаясь специально на этом вопросе, отметим, например, что в районе памятника “горизонт истончения на периферии” (по мысли А.В. Трусова) отделен от “не истонченного” слоя широким оврагом, имеющим древность большую, чем сами культурные отложения. Остается загадкой, как в таком случае могло существовать “линзовидное тело”? К тому же на участке с “истонченным слоем” (Зарайск Б) тот слой, который является “не истонченным”, отсутствует не только археологически, но и литологически.

В 2006–2008 гг. полевые исследования Зарайской стоянки концентрировались на изучении участка, где культурный слой верхней погребенной почвы залегает изолированно (пункт Зарайск Б). Получены новые материалы по характеристике структуры почвы, по результатам палинологических исследований, ремонтажа (Амирханов и др., 2006). Работы

2008 г. представили серию фаунистических остатков. Особо отметим наличие ямок с уложенными (или вкопанными?) в них костями. Будущие исследования покажут, связаны ли они планиграфически с расположенными дугой (радиусом около 3 м) подобными ямками вокруг предполагаемого жилища раскопа 2. Общее количество костных единиц и их фрагментов – 88 (39 определенных костей принадлежат мамонту, одна – северному оленю), кремневых артефактов – 87 единиц (орудия составили 21% от общего количества находок).

В 1983 г. в Раменском районе Московской обл. на левом берегу р. Москвы была открыта стоянка Заозерье 1 (Фролов, 1987). Исследователь отмечал сходство как собственно типов кремневых орудий, их соотношения между собой, так и приемы обработки с “плейстоценовыми” памятниками бассейна р. Десны, а именно, с поздними комплексами стоянки Тимоновка 1.

В 1995 г. В.В. Сидоровым в Каширском районе Московской обл. при исследовании средневекового селища была открыта стоянка Колтово 7. Она расположена на левом берегу речки Медведки против впадения Мутенки в 1 км от выхода ее в широкую пойму Оки. Берега речек высокие, над долиной они возвышаются на 17–20 м, прорезаны глубокими оврагами с выходами родников. Один из таких оврагов и формирует мыс, занятый стоянкой. Она приурочена к террасе с абсолютной отметкой высоты 145 м.

Работы на стоянке проводились затем в 1998 и 2001 гг. В южной части раскопа был вскрыт участок, где сохранились *in situ* скопления кремня. Они располагались компактно на площади 6×8 м. Площадка наклонена к востоку, к речке, падение составляет до 0.8 м на протяжении 8 м. Техника расщепления на стоянке, по мнению В.В. Сидорова, была направлена на получение микропластинок. Среди орудий им особо выделены “срединные резцы тимоновского типа” (Сидоров, 2004).

Следует отметить, что со времени своего открытия этот памятник оставался без должного внимания. Он был отнесен предположительно к мезолиту и охарактеризован как серия мастерских по обработке кремня (Сидоров, 2004). Х.А. Амирханов после ознакомления с материалами отнес его к верхнему палеолиту (2004). Приуроченность археологических остатков к верхам покровных суглинков в сочетании с технико-типологическими характеристиками индустрии позволяет очертить возраст стоянки рамками поздней поры верхнего палеолита.

В 1997 г., в дни проведения международного colloquium “Восточный граветт”, было открыто местонахождение Трегубово (Зарайский район

Московской обл.). Участниками конференции были обнаружены единичные кремневые изделия в непосредственной близости от одноименного села. Результатом разведочных работ летом 1998 г. стало открытие А.В. Трусовым местонахождения Трегубово 1. Немногочисленный переотложенный невыразительный материал не позволил определить возраст и культурную принадлежность памятника. Однако в 370 м к ССЗ от него, на северо-западном краю старого карьера в этом же году был обнаружен кремневый материал, который указал на наличие еще одного местонахождения. В 1999–2001 гг. раскопом вскрыто пять производственных участков по первичному расщеплению кремневого сырья. Памятник получил название Трегубово 2 (Трусов, 2004).

Геологическая датировка памятника основывается на приуроченности археологических остатков к покровным суглинкам. Залегание материала в суглинке, идентичном по стратиграфическим и литологическим показателям покровным суглинкам Зарайска, позволяет говорить о более позднем по сравнению с Зарайской стоянкой возрасте Трегубово. Близость памятника к выходам сырья и наличие на нем, главным образом, продуктов расщепления этого сырья при низком проценте орудий свидетельствуют о специализированном характере памятника: добыча и первичное расщепление кремневого сырья с целью получения сколов-заготовок для будущих орудий. Важно отметить, что технология раскалывания, типология ядрищ и заготовок, а также немногочисленных изделий со вторичной обработкой обнаруживают тождество с соответствующими материалами Зарайской стоянки.

К числу выявленных в последние годы принадлежит открытая и исследованная автором стоянка Улица Болотникова. Памятник расположен на территории кремля г. Коломны Московской обл. (Чувилева, 2007). Культурный слой памятника залегает в буровато-палевом суглинке, разбитом полигональной сеткой трещин. Горизонт находок предположительно разделен на два уровня. Выше лежащие материалы в большинстве своем относятся к узкопластинчатым. Пластинчатые заготовки нижнего уровня заметно крупнее и покрыты сильной патиной. На вскрытом участке обнаружен очаг, обрамленный линзой костного угля. Фаунистические материалы не выявлены.

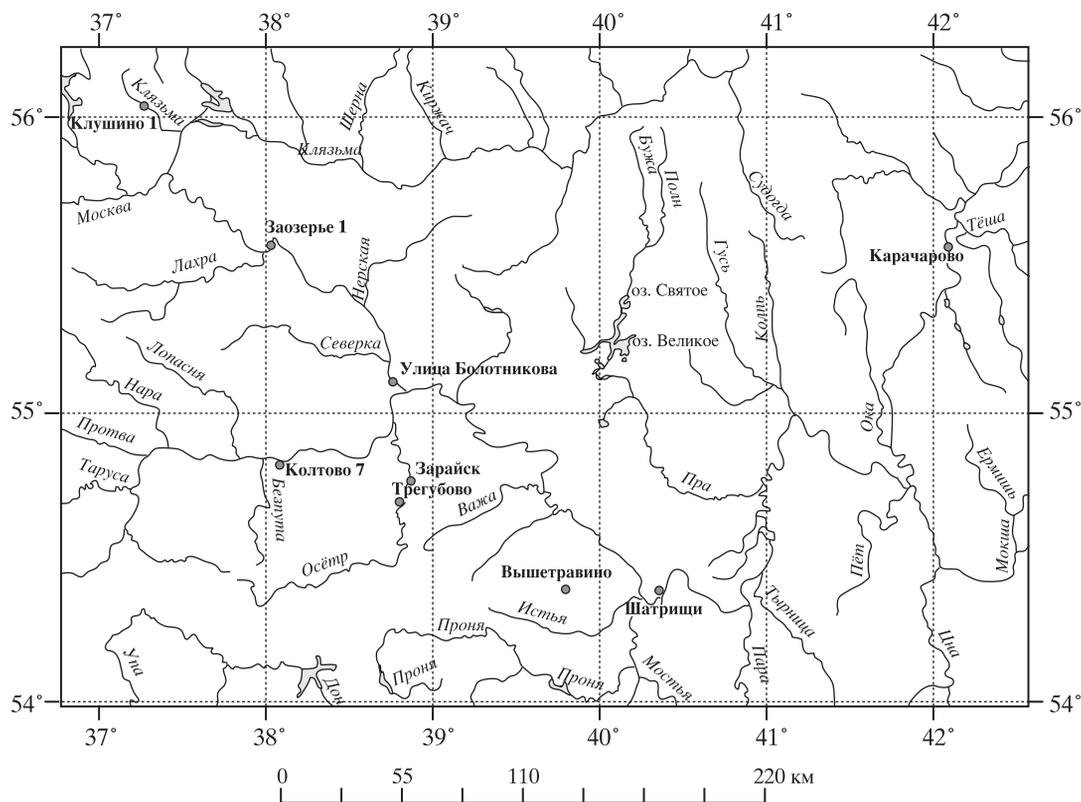
В 2008 г. автором была осмотрена стоянка Вышетравино (Рязанский район Рязанской обл.), открытая В.В. Судаковым в 1985 г., а затем исследовавшаяся А.Н. Сорокиным в 1986 и 1987 гг. В Археологической карте Рязанской области пункты Вышетравино 1 и 2 были отнесены к мезолиту–неолиту и названы мастерскими (АКР, 1993). Х.А. Амирхановым

по технико-типологическим характеристикам индустрии и залеганию материалов в покровном лессовидном суглинке памятники были отнесены к поздней поре верхнего палеолита (2004). Эта оценка была принята и другими исследователями (Сорокин, 2008. С. 114). В каменном инвентаре особое внимание привлекает наличие приема подтески конца широкой пластины по принципу ножа костенковского типа.

В 2008 г. автором совместно с С.Ю. Львом обнаружены все четыре местонахождения Вышетравино, о которых упоминают в своих работах предыдущие исследователи. Собран кремневый материал, произведена шурфовка пункта Вышетравино 1. В этом же году А.В.Трусовым обнаружено новое местонахождение Клушино I (Солнечногорский район Московской обл.). Индустрия этого памятника относится к крупнопластинчатой технологической традиции поздней поры верхнего палеолита.

Наряду с активизацией источниковедческой стороны исследований в настоящее время определяются и подходы к концептуальным обобщениям, раскрывающим содержание культурных процессов исследуемого времени на территории бассейна Оки. О некоторых из них, касающихся отдельных аспектов проблемы, выше уже говорилось. Специально этой теме посвящены работы Х.А. Амирханова (2002; 2004). Он обосновывает идею о билинейном характере развития культуры на территории бассейна Оки на стадии поздней поры верхнего палеолита. Речь идет о сосуществовании в указанное время двух технологических традиций, называемых крупнопластинчатой и узкопластинчатой.

Исследователь исходит из того, что заготовка (в том числе вариации пластинчатых) – это “средоточие” традиционной техники первичного раскалывания, она же является регулятором способов вторичной обработки, более того стандарт заготовки определяет морфологию законченных орудий. Изучение одной лишь техники получения пластинчатых заготовок и морфология последних может дать признаки, определяющие культурную специфику индустрии, поскольку “технология консервативнее формообразования” (Амирханов, 2004. С. 7). Таким образом, стандарт исходной заготовки рассматривается автором в качестве одного из ведущих культуроопределяющих признаков. Крупнопластинчатая традиция рассматривается как наследие восточного граветта. Примерно до 17 тыс. лет назад включительно она прослеживается в Зарайске, ее дальнейшие проявления исследователь усматривает в материалах Трегубово (удаленного от Зарайска лишь на 8 км). Возможно, “более поздними материалами этого же рода”, по мнению исследователя, является

Карта памятников поздней поры верхнего палеолита бассейна р. Оки.

кремневый комплекс Колтово 7 (технология первичной обработки, типология, категориальный состав). Х.А. Амирханов предполагает возможность того, что эта крупнопластинчатая традиция явилась подосновой иеневской культуры.

Во вторую надкультурную технологическую общность узкопластинчатой традиции поздней поры верхнего палеолита бассейна Оки исследователь включает памятники Карачарово, Шатрищи, Заозерье 1.

Приведенный выше обзор и описание памятников указывают на существование пласта памятников, относящегося к поздней поре верхнего палеолита и характерного для бассейна Оки с его особенными природно-географическими характеристиками. Материалы этих памятников, список которых включает Зарайск А (верхний слой), Зарайск Б, Трегубово 1, Трегубово 2, Колтово 7, Карачарово, Шатрищи 1, Шатрищи 2, Вышетравино 1–4, Заозерье 1, Улица Болотникова (Коломенский кремль), Клушино I (рисунки) не часто рассматриваются даже в специальных исследованиях, посвященных соответствующему отрезку верхнего палеолита Восточной Европы. Между тем они представляют большой интерес для понимания культурной географии и хода развития культурного процесса в данном регионе в конце плейстоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Амирханов Х.А. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит–верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002.
- Амирханов Х.А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю., Чувиляева Ю.Н. Работы Зарайской экспедиции в 2006 г. // АО–2006. В печати.
- Аникович М.В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. № 3. СПб., 1994.
- Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 1. М., 1993.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Секция по изучению ископаемого человека // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Вып. 4. Л.; М., 1932.
- Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В. и др. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XIX).
- Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А. и др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.
- Гвоздовер М.Д., Рогачев А.Н. Развитие верхнепалеолитической культуры на Русской равнине // Лесс – пе-

- риглиял – палеолит на территории Средней и Восточной Европы (к VIII Конгрессу INQUA, Париж). М., 1969.
- Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923.
- Грехова Л.В. Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970 (Тр. ГИМ; Вып. 44).
- Грехова Л.В. Место стоянок окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. М., 1994 (Тр. ГИМ; Вып. 85).
- Григорьев Г.П. Виллендорфско-костёнковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989.
- Долуханов П.М. Истоки этноса. СПб., 2000.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. Вып. I. Киев, 1953.
- Замятин С.Н. Карачаровская палеолитическая стоянка // Сб. по делам аспирантов ГАИМК. Л., 1929.
- Лисицын С.Н. Эпиграветт или постграветт? // STRATUM plus. 1999. № 1.
- Поляков И.С. Каменный век в России // Живописная Россия. Т. I. Ч. 1. СПб.; М., 1881.
- Праслов Н.Д., Сеницын А.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Карачаровская палеолитическая стоянка: значение, история и перспективы исследования // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / Костёнки в контексте палеолита Евразии. СПб., 2002 (Тр. Костёнковской экспедиции ИИМК РАН. Сер.: Исследования; Вып. 1).
- Рогачев А.Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. М., 1961 (Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода; Т. XVIII).
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984 (Археология СССР).
- Сапожников И.В. Поздний палеолит степей юго-запада Украины: хронология, периодизация, хозяйство: Автореф. дис. .... д-ра ист. наук. Киев, 2005.
- Селезнев А.Б. К проблеме планиграфического анализа верхнего уровня культурных отложений Зарайской стоянки // Восточный граветт: Тез. докл. междунар. коллоквиума. М., 1997.
- Сидоров В.В. Колтово 7 – стоянка-мастерская // Каширский край. Археология. Вып. 2. Кашира, 2004.
- Сеницын А.А. Верхний палеолит: современное состояние проблемы локальных различий // Локальные различия в каменном веке. СПб., 1999.
- Сеницына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. 2000. Вып. 4.
- Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- Трусов А.В. Раскопки верхнепалеолитической стоянки Шатрищи // АО–1981. 1983.
- Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. М., 1994 (Тр. ГИМ; Вып. 85).
- Трусов А.В. Отчет о раскопках Карачаровской стоянки в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1997. № 20209.
- Трусов А.В. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный граветт. М., 1998.
- Трусов А.В. Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология – стратиграфический аспект) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / Костёнки в контексте палеолита Евразии. СПб., 2002 (Тр. Костёнковской экспедиции ИИМК РАН. Сер.: Исследования; Вып. 1).
- Трусов А.В. Трегубово 2 – палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Трусов А.В. Позднепалеолитическая стоянка Шатрище 2 // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.
- Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. I. М., 1881.
- Фролов А.С. Стоянка Заозерье I на Москве-реке // КСИА. 1987. Вып. 189.
- Чувилева Ю.Н. Древнейшая стоянка на территории Коломенского края. Открытие 2006 года // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна, 2007.

The culture of Late Stage of Upper Paleolithic in the Oka river basin: history and present-day investigation

Yu.N. Chuviliaeva

Summary

The article begins with a historical review of the term “Late Stage of Upper Paleolithic” and describes the different points of view concerning the chronological position of the period. The period of our investigation is between ≈ 17.000 and $14/13.000$ BP. The article describes the sites (discovery, stages of investigation, interpretations) which belong to the period in question. Those are: Zaraisk, Tregubovo, Koltovo 7, Karacharovo, Shatrishchi, Vyshetravino, Zaozer'e 1, Ulitsa Bolotnikova, Klushino 1. As a conclusion, the article describes two possible vectors of technological traditions traced in the region during the investigated period.

К ЮБИЛЕЮ Х. А. АМИРХАНОВА

СУДЬБА КАБУЛЬСКОГО МУЗЕЯ

Р. М. Мунчаев, Г. А. Кошеленко

Институт археологии РАН, Москва

Данная статья представляет собой несколько переработанный текст доклада, прочитанного на ежегодной Научной конференции Института археологии РАН. Предложить же эту тему заставили нас два обстоятельства: одно – объективное, другое – субъективное. Что касается объективного обоснования, то оно состоит в том, что за последние несколько лет произошли разрушение и разграбление двух музеев мирового значения. Мы имеем в виду Национальные музеи в Багдаде и Кабуле. Выстраивается тем самым довольно опасная тенденция. Мы хотели бы обратить внимание на это явление. Субъективное обстоятельство состоит в том, что, кажется, мы – единственные оставшиеся сотрудники ИА, которым пришлось бывать в Кабульском музее и даже немного работать в нем¹.

Своего рода “зародышем” музея была небольшая коллекция рукописей и некоторых произведений искусства, хранившихся в королевском дворце. В 1919 г. эта коллекция вместе с принадлежавшими королевской семье регалиями, оружием, архивными документами и миниатюрами были собраны в павильоне Баг-е-Бала Лунного дворца Эмира Абдурахмана. По приказу короля Аммануллы эта коллекция была переведена в отдельное небольшое здание внутри комплекса королевского дворца (Арк). Наконец, в 1931 г. она была перенесена в отдельное недавно построенное здание в местности Дар-уль-Аман на окраине Кабула, в 8 км от центра города². Здесь, по замыслу короля, должен был располагаться новый правительственный центр страны, в частности Парламент и некоторые другие учреждения. Первоначально здание (которое стали называть “дворцом Дар-уль-Аман”) было занято мэрией г. Кабула, а затем некоторое время – Мини-

стерством общественных работ. Здание было двухэтажным, кроме того, могли быть использованы чердачные и обширные подвальные помещения.

В 20-е годы XX в. музей стал постепенно приобретать современный облик – в него начали поступать находки из археологических раскопок, начавшихся на территории Афганистана. Дело в том, что в 1922 г. был заключен договор между Афганистаном и Францией, согласно которому учреждалась Французская археологическая делегация в Афганистане (Olivier-Utard, 1997. Р. 30–56). Договор имел несколько достаточно важных (и не совсем обычных даже для того времени пунктов): только французская миссия имела право на проведение археологических исследований на территории страны, и она же выполняла функции службы охраны памятников (в этом отношении прецедентом был договор между Ираном и Францией 1896 г.). Согласно договору, Франция получала право на половину сделанных находок – практика достаточно обычная для того времени. Срок действия соглашения – 30 лет.

Первые раскопки, которые осуществлял первый директор Французской делегации А. Фуше, были безуспешными, поскольку для них был выбран неудачный объект и самое бесперспективное место³. Естественно, главная причина заключалась в том, что у А. Фуше полностью отсутствовал полевой опыт. Однако вскоре последовало более успешное продолжение. Мы имеем в виду раскопки в Хадде (в районе Джелалабада), проведенные Ж. Барту. Хотя, с точки зрения методики, они не отвечали даже тогдашним не очень строгим требованиям (достаточно сказать, что сам Барту по профессии был геологом и единственным руководителем раскопок при 200 землекопах). Правда, начало раскопок омрачилось тяжелым инцидентом. Хадда представляет собой огромный комплекс буддийских святынь и монастырей поздней античности и раннего средневековья. На территории комплекса находилась могила мусульманского святого. Местный мулла решил, что раскопки и особенно находимые при

¹ В частности, в 1965 г., когда авторы участвовали в первом сезоне исследований Ай Ханум (Мунчаев, Кошеленко, 1966. С. 64–68; Bernard, 1973. Р. X), время до и после раскопок было, естественно, посвящено главным образом Музею.

² Здание было спроектировано архитектором Французской археологической делегации в Афганистане А. Годаром (позднее он много лет провел в Иране), глубоко разочарованным тем обстоятельством, что основная часть зданий этого правительственного комплекса проектировалась и строилась немцами, которых он презрительно называл “бошами” (Olivier-Utard, 1997. Р. 83).

³ Раскопки велись в Балхе, было осуществлено несколько шурфов, при этом основная часть их – в цитадели. Оценку этих раскопок с методической точки зрения см.: Wheeler, 1954. Р. 67.

этом статуи оскорбляют как память святого, так и чувства верующих. По его приказу 26 из 30 найденных каменных статуй были разбиты теми самыми рабочими, которые их откопали. Жестокое наказание виновных прекратило подобные эксцессы.

Раскопки в Хадде после этого продолжались еще несколько сезонов. Результатом их стало обнаружение огромного числа произведений искусства, в первую очередь, скульптур и рельефов как каменных, так и штукковых, принадлежащих, естественно, гандхарской школе искусства. По окончании каждого сезона раскопок всегда начинался долгий и тяжелый спор о разделе находок. Половина находок поступала во Францию, в Музей Гиме⁴, вторая же – в Кабульский музей. Во всяком случае следует отметить, что скульптура из Хадды стала первой большой коллекцией археологических объектов, поступивших в музей. Отметим, что позднее уже в 1960–1970-е годы в Хадде проводили раскопки афганские археологи под руководством С. Мустаманди, затем З. Тарзи. К середине 1970-х годов в Кабульском музее имелось более 1300 предметов из этих раскопок, и был специальный зал, посвященный скульптуре Хадды (Dupree et al., 1974. P. 85).

Следующий большой вклад в коллекции музея внесли раскопки в Бамиане и Беграме, предпринятые новым директором Французской делегации Ж. Акэном, осуществленные несмотря на все сложности, связанные с обстоятельствами гражданской войны в Афганистане. В это время король Аманулла вынужден был бежать из страны под напором восставших, которыми руководил Бачи-Сакао (буквально “сын водоноса”). Острие восстания было направлено против реформ Амануллы, который стремился модернизировать страну, и вдохновлялось духовенством. Однако власть Бачи-Сакао (провозгласившего себя королем под именем Хабибуллы) была недолгой. Остатки правительственных войск и ополчения ряда племен сумел объединить дядя бежавшего правителя Надир-хан. Восстание было подавлено, Бачи-Сакао и его приближенные повешены.

Работы Ж. Акэна проводились в ряде мест. Особое место среди них занимали исследования в Бамиане, в гротах той скалы, где были высечены две гигантских скульптуры Будды. Среди находок выделяются произведения скульптуры и монументальной живописи, значительная часть которых поступила в Кабульский музей. Позднее здесь работала объединенная экспедиция Индийской службы

древностей и Афганского института археологии. Они занимались проблемами сохранения памятников, оставшихся на месте. С 1967 г. исследованиями в этом районе руководил З. Тарзи, ставший в 1970-х годах первым Генеральным директором службы древностей Афганистана. Характерно, что он же, но уже в качестве французского гражданина и профессора Университета им. М. Блока в Страсбурге, возобновил здесь исследования после изгнания талибов (Tarzi, 2005. P. 95–123). В Кабульском музее находкам из Бамиана также был посвящен целый зал (Dupree et al., 1974. P. 91–98).

Еще одним замечательным открытием этого периода стали результаты раскопок в Фундукистане, проведенные сотрудником Ж. Акэна архитектором Ж. Карлом. Первые находки здесь были сделаны случайно, но они были столь интересны, что сюда практически немедленно отправился Ж. Карл, который вскрыл центральный зал буддийского святилища, расположенного в центре монастырского комплекса. Здесь была получена коллекция глиняных полихромных скульптур, датируемых VII в. н.э. Фундукистан также получил свой зал в Кабульском музее (Dupree et al., 1974. P. 99–103).

В Беграме Французская делегация провела раскопки в цитадели и в “нижнем городе”. Особенно сенсационными были результаты в большом здании, одно из помещений которого, видимо, входило в сокровищницу ранних кушанских царей (правда, некоторые исследователи считают это здание торговым складом). Помимо того, что здесь были найдены первоклассные произведения искусства, поражает их разнообразие. Здесь найдены китайские лаки, индийская резная кость, масса предметов из Средиземноморья, включая замечательные стеклянные сосуды, представляющие огромную редкость и на родине – в восточных областях Римской империи.

С началом Второй мировой войны наступили трудные времена и для Французской делегации. После поражения Франции и призыва генерала де Голля продолжить борьбу с фашистской Германией Ж. Акэн от своего имени и от имени своих сотрудников телеграммой известил генерала, что они присоединяются к нему и готовы сражаться на стороне “Свободной Франции”. Оставив всю документацию в Британском посольстве в Кабуле, Ж. Акэн, его жена Рея и архитектор Ж. Карл отправились в Англию. Однако Ж. Акэн и его жена вскоре погибли на торпедированном немецкой подлодкой корабле. Ж. Карл, который в это время оставался в Англии, погиб во время немецкого воздушного налета.

На некоторое время Французская археологическая делегация осталась без официального руково-

⁴ Специальный зал, посвященный скульптуре Хадды, был открыт в этом музее в 1929 г. (Olivier-Utard, 1997. P. 105).

дителя. Достаточно короткие визиты Р. Гиршмана из Ирана (который так и не был назначен официально директором делегации) не делали погоды, да к тому же вскоре Афганское правительство запретило ему въезд в страну, обвиняя в том, что он больше занимается политикой, чем археологией, и слишком часто посещает советское и американское посольства, и что шофером у него служит русский, находящийся под подозрением полиции (Olivier Utard, 1997. P. 155).

Новый период начался с 1945 г., когда директором Делегации был назначен Д. Шлюмберже. Он был первым профессиональным археологом среди директоров ДАФА, приобретшим огромный опыт раскопок в Сирии и Ливане. В послевоенные годы изменились и условия, в которых работала Делегация. Была отменена французская монополия на раскопки⁵, исчезло правило раздела находок, а в 1964 г. окончательно был запрещен вывоз всех древностей из страны. Однако за Делегацией было сохранено право выступать в роли Службы древностей Афганистана. Благодаря тому что Д. Шлюмберже первые 10 лет (до 1955 г.) постоянно проживал в Кабуле, а позднее, когда он перебрался на постоянное жительство во Францию, приезжая в Афганистан только на время раскопок, в Кабуле постоянно находился кто-нибудь из археологов Делегации, она могла в той или иной степени выполнять эти функции.

На много лет главным объектом исследований Д. Шлюмберже стал Сурхкотал, монументальный храмовый комплекс династийного святилища кушанских царей, в частности Канишки I. Среди находок, сделанных здесь, необходимо отметить скульптуру, терракоту, архитектурные детали и, наконец, огромную бактрийскую надпись, в которой использовался греческий алфавит. Другим объектом раскопок ДАФА стал Лашкари-Базар (в районе Газни), столица государства Газневидов, что всячески приветствовалось афганскими властями, ранее неоднократно выражавшими недовольство тем, что памятники мусульманской эпохи не привлекают внимания археологов.

В период 1960–1970-х годов происходят значительные изменения. Появляется специальная Служба древностей и связанный с ней Институт археологии Афганистана. На территории страны начинают работать другие иностранные экспедиции: японская, британская, итальянская, немецкая. Среди этих экспедиций особо надо выделить Советско-афганскую, начавшую свои исследования в

1968 г. (начальник экспедиции И.Т. Кругликова)⁶. Ее основное отличие от других состояло в относительной длительности работ, широком охвате территории (как разведками, так и раскопками), масштабы исследований. Раскопки велись на городищах Дильберджин, Емши-депе, Джига-депе. Разведки охватили всю северо-западную часть Афганистана. Находки, естественно, поступали в музей.

Французская археологическая делегация с 1965 г. начала масштабные раскопки городища Ай Ханум – первого настоящего греческого города в Центральноазиатском регионе. Руководил этими исследованиями П. Бернар, новый директор ДАФА, сменивший на этом посту Д. Шлюмберже. Монументальная архитектура и замечательные находки сделали этот памятник знаменитым, его исследования причислялись к числу наиболее важных археологических открытий XX в. В рамках проекта по исследованию Ай Ханум осуществлялись также разведки на территории, непосредственно примыкающей к городу⁷.

Масштабы новых поступлений находок в музей были столь велики, что срочно потребовалось расширить его площади. К обеим оконечностям здания были пристроены два крыла. Одно из них предназначалось для находок из раскопок Ай Ханум, в другом устраивались временные выставки.

Своеобразным последним аккордом мирной жизни музея стали замечательные открытия Советско-афганской экспедиции на холме Тилля-Тепе возле Шибегана. При плановом исследовании храма раннежелезного века, руины которого у местного населения были известны под названием Тилля-Тепе, неожиданно был обнаружен некрополь в составе, по меньшей мере, семи погребений⁸. Некрополь, несомненно, принадлежал какой-то правящей фамилии, поскольку в могилах было обнаружено огромное число предметов из драгоценных металлов, украшенных драгоценными и полудрагоценными камнями. Иконография ряда найденных здесь произведений прикладного искусства с бесспорностью указывает на греческие прототипы, в то же самое время художественные вкусы номадов проявляются в них с поразительной силой (Sarianidi, 1985).

⁶ Характерно, что в новейшем очерке истории музея (Grissman, 2006. P. 63) при перечислении новых зарубежных экспедиций Советско-афганская даже не упоминается. О ней вспоминают только тогда, когда говорится о находках Тилля-Тепе. Естественно, что здесь не упомянуть ее было бы невозможно.

⁷ Это открытие потребовало полного пересмотра всех наших представлений об эллинистическом периоде в Центральной Азии. См.: Bernard, 1994. P. 99–129.

⁸ Исследовано было шесть из них. Седьмая могила позднее была разграблена.

⁵ Необходимо отметить, что французские археологи сами неоднократно ставили вопрос об ее отмене. Препятствием служила позиция Министерства иностранных дел Франции.

Обнаруженные в погребениях монеты дали достаточно ясное указание на датировку некрополя: от середины I в. до н.э. до середины I в. н.э.

В конце апреля 1978 г. в Кабуле произошел военный переворот, названный Апрельской революцией. К власти пришло правительство Народно-демократической партии Афганистана во главе с Тараки. Но уже осенью в стране начались волнения, которые в следующем году переросли в гражданскую войну.

К началу этих событий музей подошел в следующем состоянии⁹. Основная экспозиция состояла из ряда залов: этнографического (где особое внимание привлекали вырезанные из дерева скульптуры “предков”, происходящие из Нуристана); исторического (каменные орудия, начиная со среднего палеолита, знаменитый “клад из Фулола” бронзовой эпохи и т.п.); исламских древностей; выставка монет (несколько кладов античной эпохи, монеты последующего времени, включая первые бумажные деньги, выпущенные при Амманулле); кроме того, имелось несколько залов, в которых представлялись материалы раскопок наиболее известных центров (залы Беграма, Шоторака, Хадды, Бамиана, Фундукистана). Часть материалов экспонировалась под открытым небом у входа в музей (знаменитые эдикты царя Ашоки на греческом и арамейском языках, греческая надпись из Ай Ханум), в галереях и на лестницах (некоторые фрагменты скульптур и архитектурные детали, а также алтарь из Сурхкотала, древности неизвестного происхождения, конфискованные таможен), в коридорах. Фонды располагались в подвальных помещениях и частично на чердаке. Помимо рабочих помещений персонала имелись комнаты для фотолaborатории, библиотеки и небольшой реставрационной мастерской.

“Первым звонком” для музея было решение правительства в апреле 1979 г. о передаче здания музея в распоряжение Министерства обороны. При этом на переселение давалось три дня. В действительности же переезд продлился почти месяц (Grissman, 2006. P. 64). Для музея было выделено здание дворца брата бывшего президента Дауда в центре города. Естественно, никакой экспозиции там организовать было невозможно. Все комнаты от пола до потолка были заполнены контейнерами с находками, сотрудники музея расположились в комнатах прислуги, а для библиотеки был приспособлен гараж.

В октябре 1980 г. пришло новое указание – вернуться в старое здание, и оно было достаточно быстро выполнено. К счастью, оба переселения обошлись музею без сколько-нибудь серьезных

потерь. После этого несколько лет музей прожил в относительном спокойствии. Гражданская война Кабул в это время затрагивала мало, он оставался островком спокойствия, куда бежало население из деревень (Таннер, 2004. С. 335; Grissman, 2006. P. 65). В это время предпринимались даже некоторые меры по улучшению его работы. Ряд сотрудников музея был отправлен на стажировку в СССР (в Москву) и Чехословакию (Брно). Осуществлялись также небольшие раскопки буддийских памятников в окрестностях Кабула (в период с 1981 по 1987 г.)¹⁰. В это время были оборудованы новые залы: для находок из Ай Ханум и для настенной живописи из Дильберджина и Дашли-тепе, снятой и отреставрированной сотрудникам Эрмитажа и Института реставрации (Кругликова, 1979. С. 120–145; Бурый, 1979. С. 146–165). Наконец, в музее бывали постоянно посетители (Grissman, 2006. P. 64, 65). Произошло даже пополнение фондов музея. Советские солдаты принесли в музей беломраморную статую индуистского бога солнца Сурьи, случайно найденную возле Хайр Хана в пригороде Кабула¹¹.

Когда советские войска были выведены из Афганистана (окончание – февраль 1989 г.), все ожидали ухудшения ситуации, и тогдашний президент Афганистана Наджибулла приказал закрыть музей. Но перед закрытием в нем была организована временная (продлившаяся две недели) выставка наиболее ярких находок из Тилля-Тепе. Это мероприятие было вызвано широко распространившимися и широко распространяемыми слухами о полном разрушении музея и вывозе всех теллятепинских находок в СССР. Американская организация Freedom House (Нью-Йорк) потребовала от ЮНЕСКО послать своих представителей в Кабул, чтобы выяснить судьбу коллекций музея. Хотя современные западные исследователи придумывают “естественные” причины распространения таких слухов, думается, что даже они сами понимают надуманность этих объяснений. Слухи распространялись, конечно же, намеренно, и это был естественный ход в пропагандистской войне.

После закрытия музея часть находок (в частности, считавшиеся наиболее ценными, т.е. клад из Фулола и сокровища Тилля-Тепе, золотые и серебряные монеты, некоторые особо ценные предметы из ранних раскопок, имеющие небольшие размеры) были перевезены и укрыты в подвалах Центрального банка Афганистана, расположенного в комплексе зданий

⁹Общее состояние изученности проблем археологии Афганистана к этому времени см.: The Archaeology of Afghanistan..., 1978.

¹⁰В районе Тепе Мараджан. Результаты раскопок остались неопубликованными, судьба находок также неизвестна. Об этих исследованиях см.: Fussman, 2008. P. 99–103.

¹¹Опубликована, но без указаний на обстоятельства находки (Bernard, Grenet, 1981. P. 129–146).

Рис. 1. Здание Кабульского музея (вторая половина 90-х годов XX в., то же и для рис. 2–4). На переднем плане – пулеметное гнездо.

Рис. 2. Боковое крыло Кабульского музея.

Рис. 3. Фондохранилище Кабульского музея.

Президентского дворца. Другая часть была отправлена на четвертый этаж здания Министерства культуры и информации. Наконец, третья часть осталась в музее – в помещениях первого этажа и подвалах. Эта часть включала в себя крупную скульптуру, надписи и различные объекты, хранившиеся в запасниках, а также огромную керамическую коллекцию, собранную сотрудниками ДАФА. Но в 1991 г. несколько объектов из Тилля-Тепе были взяты из хранилища для показа дипломатам, еще оставшимся в Кабуле (Grissman, 2006. P. 65, 66).

В феврале 1992 г. после предательства части генералитета власть Наджибуллы зашаталась, и в апреле он был вынужден покинуть свой пост. В Кабул вступили отряды моджахедов (“борцов за веру”). Однако уже в этот момент между различными группами моджахедов началась жестокая борьба за власть (Таннер, 2004. С. 364, 365). Она велась и ранее, но теперь чрезвычайно обострилась: “приход к власти моджахедов обернулся для страны настоящей катастрофой” (Таннер, 2004. С. 366). Первоначально Кабул занимали главным

образом таджикские и узбекские отряды, с юга же располагались силы пуштунов под командованием Хекматиара. Здание музея и весь комплекс зданий Дар-эль-Амана оказались точно на линии огня. Сотрудники музея месяцами не могли попасть в здание, которое подвергалось систематическому грабежу со стороны тех, кто контролировал этот район в данное время (Grissman, 2006. P. 66; Massoudy, 2006. P. 32). Правительственные войска превратили здание музея в своего рода форт (рис. 1), что вызвало, в свою очередь, усиленный обстрел его со стороны осаждавших. Результатом этого стал пожар в верхней части здания (12 марта 1994 г.) (Massoudy, 2006. P. 32) (рис. 2).

Осенью 1994 г. во время короткой передышки (после визита специального представителя Генерального секретаря ООН) была укреплена крыша, установлены стальные двери во всех помещениях нижнего этажа. Около 3000 предметов было найдено и спасено среди обрушившихся частей здания. Тем не менее, грабеж продолжался. Исчезали даже очень большие и тяжелые каменные рельефы и статуи, например рельеф с изображением братьев Кашьяпа¹² и другой – со сценой, передающей эпизод из Дипанкара-джатаки. Для этого пришлось преодолевать серьезные трудности, в частности перепиливать металлические штыри, на которых они крепились. Деревянные статуи и резные двери из Нуристана были похищены, как считается, для того, чтобы послужить дровами для жителей Кабула. В результате пожара погибли фрески из Дильберджина (Massoudy, 2006. P. 33), бронзовые сосуды и люстровая керамика мусульманского периода; кроме того, были уничтожены офисные помещения с инвентарными книгами (рис. 3), значительная часть библиотеки, фотолаборатория (Grissman, 2006. P. 66).

Масса предметов оказалась на рынках, особенно в соседнем Пакистане, часто они даже сохраняли свои музейные номера (Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. P. 21). Особенно активно обращались на рынках древние монеты (рис. 4). Музейные экспонаты расхищались не только спонтанно. Кроме грабителей-индивидуалов были и хорошо организованные группы, действовавшие по конкретным заказам со стороны богатейших коллекционеров. Особенно велика роль в грабеже Хекматиара одного из виднейших руководителей моджахедов-пуштунов, которому одно время даже предлагали пост пре-

¹² Широко известно, что этот рельеф был вывезен в Пешавар и позднее куплен японскими “друзьями” – так их называет современный директор музея, выражающий подобострастную и льстивую надежду, что эти друзья вернут рельеф в Афганистан (Massoudy, 2006. P. 32).

мьер-министра. Прославляемый промоджахедской пропагандой как “человек кристальной честности” (Таннер, 2004. С. 333), Хекматиар занялся организованным грабежом культурных ценностей своей страны. Французский журналист П. Фландрэн составил впечатляющий список всего, что было похищено из музея и из других мест, установил пути транспортировки “товара”, посредников, которые его обслуживали в Пешаваре и Лондоне (Flandrin, 2001). В создании и расширении частных коллекций афганских древностей участвовали и дипломаты, отправлявшие свои приобретения дипломатической почтой (Ball, 2006. Р. 41).

Созданное в 1994 г. международное общество Сохранения афганского культурного наследия попыталось организовать работы по учету сохранившихся предметов музейного хранения¹³. Для этого немногим работникам музея и сотрудникам Института археологии пришлось разбирать рухнувшие обломки и извлекать сохранившиеся вещи. В результате этого удалось найти значительное число достаточно сохранившихся предметов, но еще больше – фрагментов. Поскольку в этом здании невозможно было обеспечить сохранность музейных коллекций, по приказу тогдашнего президента Раббани было решено перевезти все, что возможно, в пустующий отель “Кабул”. Здесь же собрались сотрудники музея (около 70 человек). Определенные средства были выделены для закрытия окон и дверей, создания внутренних перегородок. Однако только часть музейных объектов была перемещена в это место до захвата города талибами (Grissman, 2006. Р. 67; Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. Р. 23).

Захват столицы страны Талибаном (конец сентября 1996 г.) привел к новому изменению ситуации. В 1996 и 1997 гг. никому из сотрудников музея не было позволено входить в его здание, а также и в гостиницу “Кабул”. Оставшиеся без работы и без зарплаты (хотя и нищенской – например, при Раббани директор музея получал сумму, равную шести американским долларам в месяц), сотрудники музея искали средства к существованию где и как могли.

В 1998 г. на грант, данный ЮНЕСКО (14 тысяч американских долларов), под руководством заместителя министра информации и культуры правительства Талибана начались работы по реставрации фасада здания музея и возобновились работы

Рис. 4. Мюнц-кабинет Кабульского музея.

по регистрации сохранившихся объектов. В это же время все музейные объекты, хранившиеся в отеле “Кабул”, были перемещены в здание министерства. Сначала пришлось несколько недель потратить на разбор завалов в здании, но затем эти работы были остановлены 19 августа 1999 г. из-за начавшихся американских бомбардировок Афганистана.

Некоторое время правительство демонстрировало свою заботу об охране культурного наследия страны. В августе этого года Муллою Омаром был издан декрет о запрещении всех незаконных раскопок и вывоза из страны предметов, представляющих художественную и историческую ценность. Продолжалась работа по инвентаризации. В августе 2000 г. по случаю Дня независимости Афганистана музей был открыт на четыре дня, и в холле у входа в здание была даже организована выставка, в которой были представлены произведения мусульманского искусства, конфискованные таможней, и те произведения искусства, которые были некогда экспонированы в этом зале и еще сохранились, также была представлена известная Рабатакская надпись, случайно найденная незадолго до того (Grissman, 2006. Р. 68; Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. Р. 24, 25).

Однако очень скоро общая политика правительства резко изменилась. По указу (“фетве”) Муллы Омара началась борьба с “идолопоклонством”. Гигантские статуи Будды в Бамиане сначала обстреляли из пушек, но выяснилось, что таким образом серьезно повредить их трудно. После этого статуи были уничтожены взрывчаткой¹⁴. Этот акт вандализма вызвал негодование во всем мире. Одновременно в Кабульском музее были в массовом порядке разбиты на куски все скульптуры и рельефы,

¹³ Кроме того, Общество пыталось выкупать у торговцев антиквариатом объекты, похищенные из музея, что было достаточно сложно, так как цены иногда были просто огромными. Вдобавок на рынке появилась масса подделок, на некоторых из них для придания достоверности даже ставили фальшивые инвентарные номера (Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. Р. 22).

¹⁴ Необходимо отметить, что незадолго до того местный “полевой командир” попытался обстрелять малую статую Будды, но был за это жестоко наказан властями Талибана.

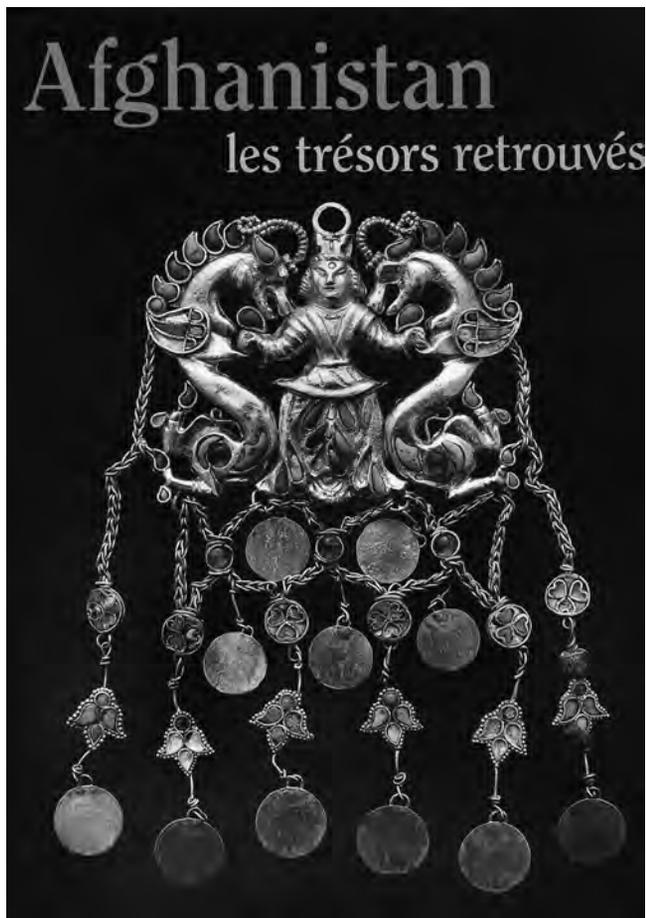

Рис. 5. Обложка Каталога сокровищ Кабульского музея в Париже (Музей Гиме).

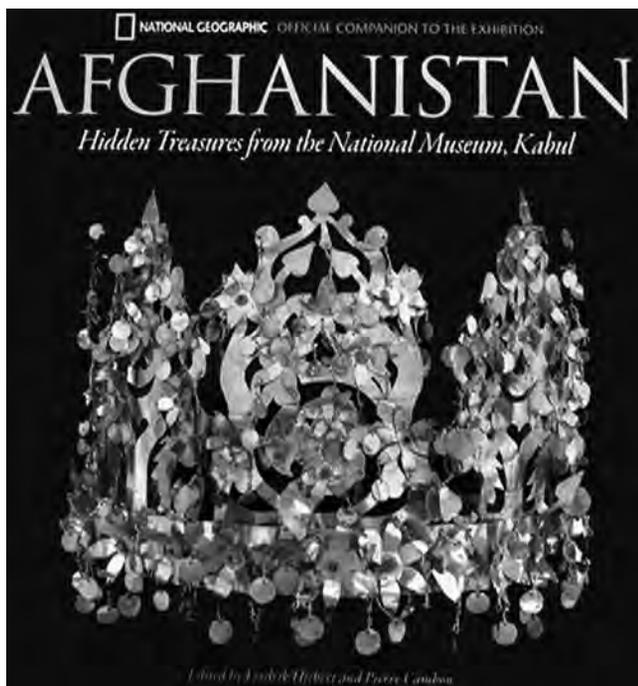

Рис. 6. Обложка Каталога сокровищ Кабульского музея в США.

находившиеся на виду (около 2500 объектов) (Masoudy, 2006. P. 34).

Некоторое возрождение началось только после изгнания войск талибов из Кабула (в середине ноября 2001 г.) силами так называемого Северного альянса, поддержанного международной коалицией (во главе с американцами). Сотрудники музея принялись расчищать руины музея, а также здание бывшего министерства информации и культуры. Выяснилось, что большая часть прежней работы по составлению описей сохранившихся предметов была сделана напрасно, так как многое из того, что было занесено в эти списки, было уничтожено в дни разгрома талибов. Все, что хранилось в министерстве и сохранилось в той или иной степени, было перевезено в музей (Grissman, 2006. P. 69).

Считается, что настоящим моментом возрождения музея можно назвать лето 2003 г. К зданию были подведены электричество и вода. Международные фонды предоставили деньги для ремонта здания, были восстановлены фотолаборатория, библиотека, европейские реставраторы начали собственную работу и обучение афганцев (Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. P. 15–38). В некоторой степени были возобновлены и полевые работы. Кроме упомянутых выше исследований З. Тарзи в Хадде французскими специалистами проводятся раскопки в Балхе, а группа афганских археологов изучает буддийские памятники в окрестностях Кабула (Paiman, 2005. P. 24–39; 2006. P. 24–35).

Осенью 2003 г. были вскрыты помещения в Центральном банке, где хранились находки из Тилля-Тепе и Фулола, а также наиболее ценные объекты из других мест. Выяснилось, что все они сохранились без малейших повреждений. В течение нескольких лет лица, участвовавшие в этом предприятии, организованном по приказу Наджибуллы, сохраняли все в глубочайшей тайне.

Своеобразным символом возрождения музея стали выставки, организованные с помощью различных международных организаций в Париже (Afghanistan... , 2006) (рис. 5), Турине, Амстердаме и нескольких городах США (Afghanistan... , 2009) (рис. 6). Отметим, что ядром этой выставки являются находки, обнаруженные Советско-афганской экспедицией при раскопках Тилля-Тепе.

Однако точку в проблеме ставить еще рано. Гибель огромного числа произведений древнего искусства совершенно невосполнима, осевшие в частных коллекциях произведения также вряд ли когда-нибудь вернутся в Музей. Все это заставляет задуматься о хрупкости инфраструктуры культуры, особенно же ее сокровищниц – музеев. Что касается

конкретно Кабульского музея, то и сегодня нет полной уверенности, что трагедия не повторится. Хотя и спорадические, но ракетные обстрелы Кабула не прекращаются, на юге страны Талибан сохраняет свои базы и вооруженные отряды, власть центрального правительства слаба, а полевые командиры сохраняют под своим контролем основные территории страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурый В.П.* Техника росписей помещения 16 // Древняя Бактрия. Матер. Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979.
- Кругликова И.Т.* Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Матер. Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979.
- Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А.* Археологическая экспедиция в Афганистане // Вестн. АН СССР. 1966. Вып. 10.
- Таннер С.* Афганистан. История войн от Александра Македонского до падения "Талибана". М., 2004.
- Afghanistan. Hidden Treasures from the National Museum, Kabul / Ed. Hiebert F., Cambon P. Washington, 2009.
- Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2006.
- Ball W.* The Archaeology of Afghanistan: a reassessment and stock-taking // Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. Van Krieken-Pieters J. Leiden; Boston, 2006.
- Bernard P.* Avant-propos // Fouilles d'Aï Khanoum I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris, 1973.
- Bernard P.* Greek Kingdoms of Central Asia // History of civilizations of Central Asia. V. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris, 1994.
- Bernard P., Grenet F.* Découverte d'une statue du dieu solaire Surya dans la région de Caboul // Studia Iranica. 1981. T. 10. Fasc. 1.
- Cassar B., Rodrigues Garcia A.R.* The Society for the Preservation of Afghanistan's Cultural Heritage: an Overview of Activity since 1994 // Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. Van Krieken-Pieters J. Leiden; Boston, 2006.
- Grissman C.* The Kabul Museum: Its Turbulent Years // Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. Van Krieken-Pieters; J. Leiden; Boston, 2006.
- Dupree N.H., Dupree L., Motamedi A.A.* The National Museum of Afghanistan. An Illustrated Guide. Kabul, 1974.
- Flandrin P.* Les trésors perdus des rois d'Afghanistan. Paris, 2001.
- Fussman G.* (avec collaboration de Baba Murad et Olivier É.). Monuments bouddhiques de la région de Caboul (Kabul Buddhist Monuments). II. 1, 2. Paris, 2008.
- Massoudy O.Kh.* Le Musée national d'Afghanistan au cours des trois dernières décennies // Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2006.
- Olivier-Utard F.* Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982). Paris, 1997.
- Paiman Z.* La renaissance de l'archéologie afghane: découvertes à Kaboul // Archéologia. 2005. 419.
- Paiman Z.* Région de Kaboul, nouveaux monuments bouddhiques // Archéologia. 2006. 430.
- Sarianidi V.* Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
- The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. Allchin F.R., Hammond N. L.; N.Y.; San Francisco, 1978.
- Tarzi Z.* Les fouilles de la mission archéologique française à Bâmiyân sous la direction de Z. Tarzi // L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelles données. Actes d'une journée d'étude. UNESCO. 11 mars 2005. Paris, 2005.
- Wheeler M.* Archaeology from the earth. Oxford, 1954.

The fate of the Kabul museum

R. M. Munchaev, G. A. Koshelenko

Summary

The article tells the story of the museum from foundation to present time. The museum in Kabul is already the second museum of world importance to have suffered great damage in recent military conflicts. Founded in 1919, the world-famous museum entered its period of trial in 1978, the year of the military coup (the so-called April revolution). The civil war was a difficult time for the museum, yet the catastrophe began in 1992, starting from when the building was for several years on the firing line of two armies. Shelling, fires and robberies wrought great damage. Initially the takeover by the Taliban brought some stability, but the campaign against "idol worship" started by Mullah Omar in 1999 led to the destruction of the statues of the Buddha at Bamiyan, whereas in the museum itself thousands of sculptured items were smashed. The 2001 victory over the Taliban denoted the start of a certain renaissance for the museum, yet the wounds it had suffered can never be healed.

ДАТИРУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАННЕГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ X – НАЧАЛА XI в.

В.М. Горюнова

Институт истории материальной культуры, РАН, Санкт-Петербург

“...хронологическая классификация древнерусских поселений находится в полной зависимости от возможностей керамической классификации”.

В.В. Седов, 1960

К концу 80-х и началу 90-х годов прошлого века в археологической литературе сложилось несколько стандартных положений о времени появления и процессе распространения раннегончарной посуды на памятниках Северо-Западной Руси, которые при отсутствии дендродат и датирующих вещей привлекались для решения тех или иных хронологических задач. Эти положения сводились к следующему: 1) появление раннегончарной посуды в раннегородских центрах Северо-Западной Руси относится к рубежу IX/X вв., либо к рубежу 20–30-х годов X в.; 2) процесс смены лепной керамики гончарной завершился к середине X в. или, как вариант, начиная с середины X в. гончарная керамика преобладает.

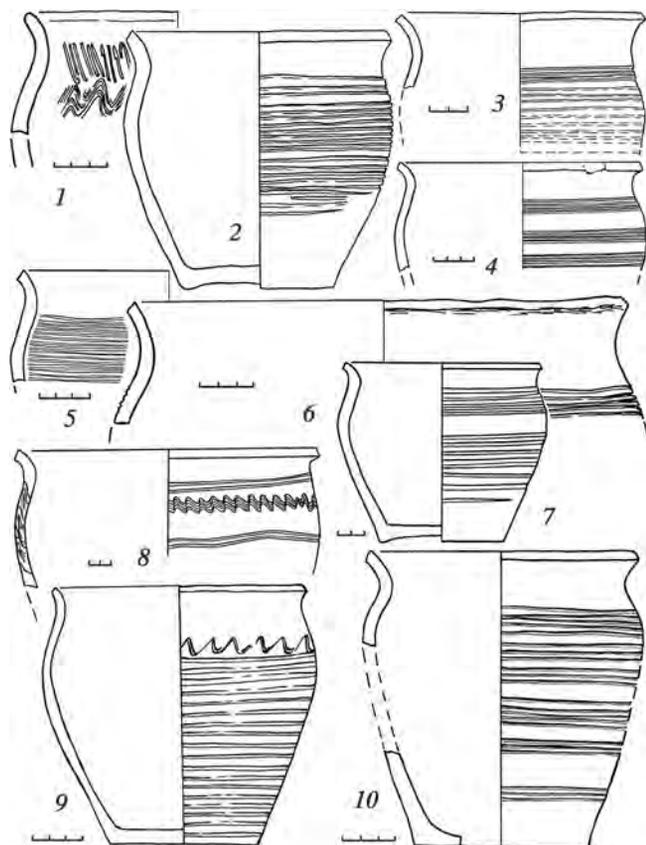
Исходя из этих двух постулатов, при отсутствии на памятнике (или в комплексе) гончарной посуды, авторы считали возможным датировать анализируемые комплексы (памятники) либо только IX в. (Клубова, 1991. С. 24), либо концом IX – началом X в. (Еремеев, Лисицына, 2004. С. 39, 40; Еремеев, 2006. С. 272, 273), либо не позже середины X в. (Носов, Плохов, 1990. С. 9; Клубова, 1990. С. 13, 14; Еремеев, Дзюба, 1998. С. 245; Кузьмин и др., 1999. С. 35; Богуславский, 2006. С. 21). Но если первое положение подтверждалось дендродатами Рюрикова городища и Старой Ладogi (Носов, 1990. С. 61, 62; Рябинин, Черных, 1988. С. 96, 97), то второе представление оказалось ошибочным, так как определялось всего лишь прямой экстраполяцией выводов, полученных на материалах Новгорода (Смирнова, 1976. С. 3–10) и Старой Ладogi (Станкевич, 1951. С. 238–242), на вновь открываемые памятники.

Тем временем, по мере накопления материала приходило понимание о одновременности внедрения гончарной керамики в материальную культуру различных памятников (Спиридонов, 1985. С. 204; Лапшин, 1992а. С. 53–56; Леонтьев, 1998. С. 151;

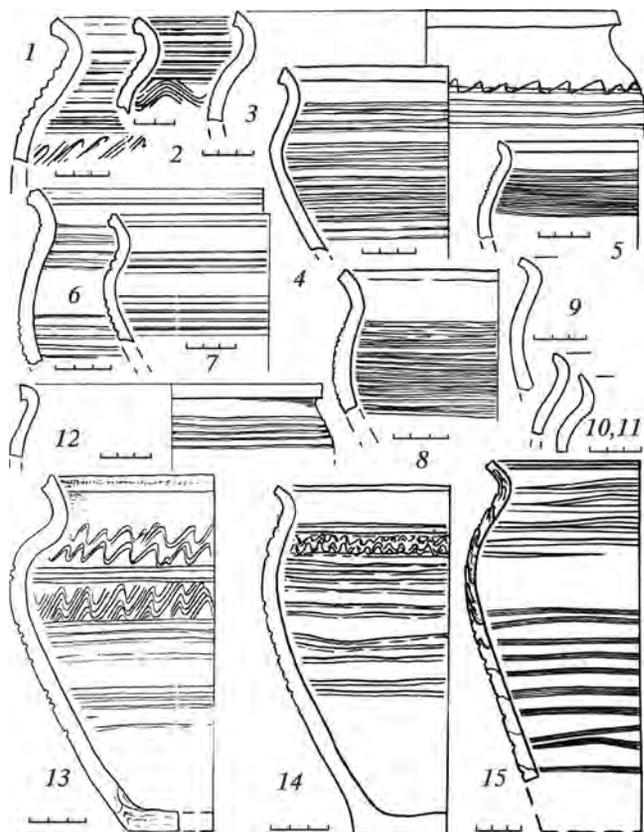
Горюнова, Лапшин, 2004. С. 55; Торопов, 2003. С. 101). Подобная разновременность, безусловно, определялась не только территориальными различиями (запад–восток), но прежде всего статусным (рядовым или военно-административным) положением того или иного поселенческого комплекса, его связью с торгово-промысловыми и торгово-военными путями X в. При этом становилось ясно, что не только время появления гончарной керамики, но и степень “насыщения” этим ремесленным продуктом, и темпы вытеснения лепной посуды в обиход даже близких по значимости центров были, по-видимому, разными.

Например, если сравнивать картину этих процессов в таких центрах, как Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород и Псков, то можно наблюдать значительные расхождения в процентном соотношении лепной и раннегончарной посуды в одни и те же периоды времени. На Рюриковом городище раннегончарная посуда появляется с рубежа IX–X вв., а в Старой Ладoge – между 20–30 гг. X в. Зато в Пскове первой половины X в. присутствие раннегончарной посуды пока вообще не зафиксировано (Носов и др., 2005. С. 114). В материалах Рюрикова городища *первой половины X в.* (11–5 пласты стратиграфического раскопа 1977–1979, 1997–2000 гг.) она составила от 4 до 22.5% (Носов, 1990. С. 62; Носов и др., 2005. С. 91. Табл. А). Близкие показатели мы наблюдаем в Старой Ладoge: по Земляному городищу – от 3 до 24% (Рябинин, 1985. С. 37. Табл. 1), по Варяжской улице – от 10 до 25.6% (Сениченкова, 2002. С. 41. Табл. I, штыки 11–9).

Судя по материалам Пскова и Рюрикова городища, полного вытеснения лепной керамики даже *после середины X в.* не происходит, как это утверждалось нередко в ряде вышеприведенных статей. Например, для Рюрикова городища в слоях стратиграфического раскопа 1977–1979 гг. и 1997–2000 гг.

Рис. 1. Раннегончарные эсовидные сосуды первой (1, 3, 5, 6, 10) и второй половины X в. (2, 4, 7, 8, 9). 1–6 – Рюриково городище; 7, 8 – Новгород; 9 – Псков; 10 – Старая Ладога.

Рис. 2. Раннегончарные эсовидные сосуды второй половины X в. 1–8, 12, 13 – Рюриково городище; 9–11, 14 – Псков; 15 – Новгород.

с дендродатами от 944–947 гг. до 979 г. на долю раннегончарных сосудов приходится от 25 до 50 % (Носов, 1990. С. 58; Носов и др., 2005. С. 91. Табл. А). В южной части псковского кремля по результатам раскопок 1973–1974 гг. в слоях, сформировавшихся по дендродатам после середины X в., фрагменты предгончарной и примитивногончарной керамики (рис. 1, 9; 2, 9–11) сопровождаются фрагментами лепной. Если судить по опубликованным таблицам (Белецкий, 1978. С. 62. Рис. 3. IV; Белецкий, 1996. С. 60), то, вероятно, картина соотношения лепной и раннегончарной посуды близка к той, что мы наблюдаем на Рюриковом городище¹. В новгородских же слоях этого времени (доярусный слой и 28–25 яруса на Неревском раскопе от 953 по 989 гг.)

¹ Выводы относительно Пскова основаны на косвенных данных. Из публикации материала, например, Псковского городища не совсем ясно, какова доля раннегончарной посуды по отношению к лепной, так как автором процентные подсчеты делались по отношению ко всей совокупности публикуемого керамического материала. Приводимый С.В. Белецким показатель 18.8% для лепной посуды из горизонта Ж раскопа Г.П. Гроздилова на посаде, по-видимому, вычислен также по отношению ко всей совокупности керамических материалов данного раскопа (Белецкий, 1980. С. 7, 8).

лепная посуда практически отсутствует, она представлена единичными фрагментами: от 0.42 до 4.21% (Смирнова, 1976. С. 10; Носов, 1977. С. 11, 12; Малыгин, Гайдуков, 2001. С. 160. Рис. 1, 2)². На Рюриковом городище лишь в последней четверти X в. наблюдается полное преобладание раннегончарной посуды над лепной. Но последняя все же не была вытеснена полностью, на ее долю приходится от 25 до 16% (Носов, 1990. С. 61; Носов и др., 2005. С. 91. Табл. А).

Более того, на разных раскопочных площадках одного и того же памятника в близких по хронологии отложениях процентное соотношение лепной и раннегончарной посуды также может существенно отличаться. Например, на Рюриковом городище в раскопах 1977–1979 и 1997–2000 гг. доля раннегончарной посуды составила по 7 пласту – соответственно 0.5 и 0%, по 5 пласту – 50 и 22.5% (Носов, 1990. С. 54, 58; Носов и др., 2005. С. 91. Табл. А).

² Старая Ладога в данном случае не привлечена, так как естественный ход отложений культурных напластований после середины X в. здесь был искажен (Горюнова, 2002. С. 54, 56, 60, 61).

Таким образом, сам по себе факт наличия или отсутствия гончарной посуды на поселении с преобладанием в материале лепной керамики не может служить хронологическим признаком. Стремление процентное соотношение гончарной и лепной керамики в культурном слое или в отдельных комплексах поселений превратить в хроноиндикатор себя не оправдало.

Этот вывод хорошо иллюстрирует многолетняя дискуссия по хронологии Изборского городища, участники которой в своих положениях немалое значение придавали времени появления раннегончарных форм и их соотношению с лепной посудой. При этом В.В. Седов руководствовался ныне устаревшим представлением о смене лепной керамики гончарной и сам факт совстречаемости лепной посуды с раннегончарной считал датирующим признаком середины X в., к тому же гончарную посуду конца X – начала XI в. относил к разряду самых ранних форм гончарной посуды (Седов, 2002. С. 8, 90, 91; 2007. С. 294, 303). С.В. Белецкий, отстаивая свою точку зрения, совершенно справедливо опираясь на типологические особенности раннегончарной посуды и ее хронологическую позицию, но при этом не допускал мысли о возможности длительного, включая конец X в., существования лепной посуды на данном памятнике (Белецкий, 1996. С. 26, 27, 32, 33; Белецкий, Лесман, 2005. С. 525–570). Точку в дискуссии поставил Н.В. Лопатин, который доказал факт переживания лепной посуды в быту жителей Труворова городища до конца X в., а появление раннегончарной посуды не ранее XI в. (Лопатин, 2007. С. 217–231).

Факт совстречаемости лепной и раннегончарной керамики превращать в хронологический признак середины или второй половины X в. и при этом полностью игнорировать изменение профилировки верхней трети раннегончарных сосудов в течение X в. – это уже вторая стандартная ошибка, которая допускалась в публикациях 10–50-ти летней давности и допускается в ряде современных работ. При незначительном числе фрагментов гончарной посуды, не рассматривая ее профилировку, ограничивали верхнюю дату памятника (комплекса, слоя) первой четвертью (началом) или серединой X в. (Клубова, 1992. С. 26; Конецкий, 1992. С. 18, 19; Исланова, 1997. С. 68, 87, 116–118; Еремеев, Дзюба, 1998. С. 245; Кузьмин и др., 1999. С. 36; Кузьмин, Михайлова, 2002. С. 106; Богуславский, 2005. С. 70, 117–243; Воронкова, Салмин, 2007. С. 233, 234).

Но именно особенности профилировки верхней трети сосуда и форма края венчика отражают технологический уровень изготовления керамики и в то же время являются хронологическими индикаторами,

которые с точностью от 50 до 25 лет датируют комплексы.

Разработанное мною классификационно-хронологическое членение раннегончарных материалов X в. городских центров Северо-Западной Руси (Носов и др., 2005. С. 82–121) позволяет достаточно аргументировано выделить некоторые типы посуды или целый ряд признаков профилировки ее венчика в качестве четких хронологических индикаторов X – первой половины XI в. В прежних работах было предложено использовать сосуды первой группы по классификации Рюрикова городища (украшенная “путаной” волной стадии РФК-2) для датировки первой половины X в. Для определения второй половины X в. – сосуды-реплики западнославянских форм: тип II-B-1 Рюрикова городища и группа IV Новгорода (Носов и др., 2005. С. 86, 87, 104, 105. Табл. Б; С. 248. Табл. 76; Горюнова, 2007. С. 68, 71). Фрезендорфские сосуды и фрезендорфско-менкендорфские гибриды из VI группы, по новгородской классификации, имеют четкий временной интервал в пределах последней четверти или даже последнего десятилетия X в. (Носов и др., 2005. С. 104, 105. Табл. Б; С. 289. Табл. 117; С. 291. Табл. 119, 5, 6). Группа V, по новгородской классификации, является четким хронологическим признаком самого конца X – первой четверти XI в., а группа III – первой половины XI в. (Носов и др., 2005. С. 104. Табл. Б; С. 105, 115).

Но перечисленные группы раннегончарной посуды в коллекциях обычно представлены незначительным числом фрагментов (от 9.78 до 0.58%), либо ограничены территориально (например, керамика с “путаной” волной известна пока только на Рюриковом городище и в Старой Ладогe, а группа V – в Новгороде и Пскове). Поэтому в настоящей статье речь пойдет об эсовидном горшке, который включен во вторую группу раннегончарной керамики тип I Рюрикова городища, а по классификации Новгорода – это горшок группы I и частью II. Такие горшки в количественном отношении и в генетическом плане составили основу раннегончарного керамического комплекса не только Рюрикова городища, Новгорода и Пскова, но практически всех древнерусских поселенческих центров. Степень вероятности попадания именно такой формы в ограниченную выборку керамического материала намного больше, чем для других форм раннегончарных сосудов X – первой половины XI в. К тому же эти сосуды – самые ранние среди раннегончарных материалов: в Старой Ладогe они зафиксированы с 920-х годов, а на Рюриковом городище – с рубежа IX/X вв. (Носов и др., 2005. С. 94, 109, 112, 113, 248. Табл. 76).

В первой половине X в. для эсовидных сосудов характерны слабо выделенные плечо и шейка, слегка отогнутый длинный венчик с прямым срезом – тип I–А по классификации Рюрикова городища (рис. 1, 2, 3, 5, 6)³. У некоторой части таких сосудов степень изгиба шейки более выражена, как, например, у экземпляра из Старой Ладogi (рис. 1, 10). Сплошной и зональный орнамент, состоящий из линий и волн, нанесен гребенкой. Следует еще раз напомнить, что раннегончарная посуда в первой половине X в. – крайне редкое явление вообще. Например, в материалах Рюрикова городища раскопа 1977–1979 годов все ее формы в это время составили не более 4% (Носов, 1990. С. 62), а тип I–А представлен всего 1.8%.

Начиная с середины X в. эсовидные сосуды теряют плавность в профилировке, у них появляются: а – хорошо выраженное плечо (рис. 2, 3, 7, 8, 13); б – сильно отогнутый венчик с косым или прямым срезом при сохранении плавно изогнутой шейки (рис. 1, 8; 2, 8, 9, 1, 15); в – резко укороченный венчик (рис. 1, 7; 2, 1–5, 9–12, 14), у которого иногда край сужается при некотором утолщении шейки (рис. 1, 7; 2, 5, 10, 11). Сосуды с выражено отогнутым венчиком с архаичным прямым или косым срезом существуют всю вторую половину X в. и, судя по новгородским материалам, в качестве пережитка продолжают встречаться в начале XI в. (см.: материалы Троицкого X раскопа, 17 пласт; Носов и др., 2005. С. 104. Табл. Б, I группа, подгруппа 1).

Со второй половины X в. появляются также венчики, край которых несет следы первых попыток формирования с помощью гончарного круга в виде огранки (рис. 2, 1, 2, 6, 7), легких ложбинок (рис. 2, 13) и слегка намеченных оттяжек вниз (рис. 2, 3, 4, 12). Такие формы существуют всю вторую половину X в. Для орнаментации, помимо гребенки, начинают использовать палочку, при этом линейный орнамент наносят по спирали (рис. 2, 3, 4, 12).

Только в последнюю четверть X в. (или в самом конце X – начале XI в.)⁴ тулово эсовидных сосудов приобретает большую округлобкость и даже некоторую вздутость в районе плеча (рис. 3, 2, 3, 5, 7–9, 10, 14, 15), преобладают венчики, укороченные и резко отогнутые, иногда массивные (рис. 3, 1–9, 10–12, 15, 16), на внешнем крае которых сформированы хорошо выраженные желобки, оттяжки вверх и вниз (рис. 3, 1–6, 8, 9, 15, 16). У части эсовидных горшков происходит дальнейшее усложнение про-

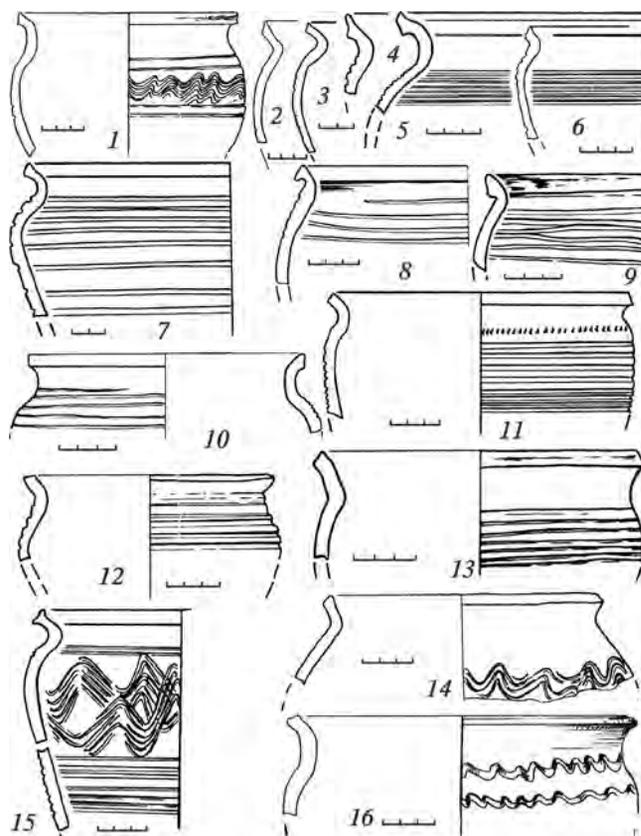

Рис. 3. Раннегончарные эсовидные сосуды последней четверти (конца) X в. – первой половины XI в. 1, 5, 8–10, 12–14, 16 – Рюриково городище; 2–4, 6, 7, 11 – Новгород; 15 – Псков.

филировки: горло сосуда слегка сужается, шейка четко выделяется, иногда становится довольно высокой, обозначенной уступом, нередко при этом утолщается, плечо обозначено крутым изгибом (рис. 3, 1, 5, 10, 16). Все приведенные черты в облике сосудов существуют затем весь XI в., при этом оттяжки и желобки становятся еще более выраженными.

Достоверность наших выводов обеспечивается массовостью материала, однако сложности стратиграфического порядка не всегда позволяют с большой уверенностью применять более узкие хронологические отрезки, чем предложено в этой статье. Следует учитывать диффузное проникновение отдельных фрагментов керамики из вышележащих культурных напластований в нижележащие, и наоборот. Например, на это явление обращал внимание И.В. Волков при изучении амфорного материала Новгорода: “...фрагменты одного и того же сосуда выпадают в слое, сформировавшемся приблизительно за полвека” (4–6 пластов или 2–3 яруса мостовой; Волков, 2005. С. 146)⁵.

³ Есть особый подвариант таких сосудов с закругленным краем венчика и элементами городчатого западнославянского орнамента, который встречается пока только на Рюриковом городище (рис. 1, 1).

⁴ Выбор хронологического интервала зависит от стратиграфических условий памятника и сопровождающего материала.

⁵ Подобное наблюдение было сделано при работе над коллекцией Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 248. Табл. 76, позиции по первой группе и типам IA и IA-1).

Данные выводы вполне согласуются с предложенными хронологическими интервалами датирования: первая половина X в.; вторая половина X в.; последняя четверть X в.; конец X – первая половина XI в. Повысить степень достоверности датировки, а иногда и сузить тот или иной интервал позволяет встречаемость эсовидных форм керамики с другими керамическими хроноиндикаторами, о которых речь шла выше.

Ниже я привожу примеры изменений (уточнений) общих хронологических рамок поселений или отдельных комплексов, которые были сделаны на основе датирующих признаков раннегончарной посуды эсовидной формы.

Васильевское (селище). В предварительной публикации материалов этого памятника авторы, исходя из существовавшего к началу 1990-х годов представления о смене лепной посуды раннегончарной к середине X в., основную часть исследованных комплексов датировали концом IX – первой половиной X в. (Носов, Плохов, 1990. С. 9). Но по результатам радиоуглеродного анализа часть построек, заполнение которых содержало исключительно лепную керамику, пришлось датировать второй половиной X в. (Попов, Зайцева, 1994. С. 172, 180, 181). В конечном итоге, приняв во внимание стратифицированную колонку раннегончарной посуды Рюрикова городища, дату для большей части объектов изменили на вторую половину X в. (Носов, Плохов, 2002. С. 164, 165). Самый поздний комплекс – яма в кв. 64, 65, 67, был датирован XI в. (Носов и др., 2005. С. 134, 135).

Которский комплекс памятников. Гончарная керамика селища датируется, по мнению авторов раскопок, второй/третьей четвертью X – первой четвертью XII в. или концом X – началом XIII в. (Кузьмин, 1991. С. 154, 156; Михайлова, 1994. С. 52, 53). Вывод о дате основан на представлении о повсеместном присутствии гончарной керамики на поселениях сельской округи уже в середине X в. (Кузьмин, Михайлова, 2002. С. 106) и широком распространении в X–XI вв. западнославянской керамики на памятниках региона (Михайлова, 1994. С. 53).

Непосредственное знакомство с материалом позволило появление гончарной посуды в Которске датировать в соответствии с предложенным выше хроноиндикаторам не ранее XI в.⁶ Он полностью повторяет особенности псковского керамического комплекса так называемой 5-ой группы, по С.В. Белецкому (1980. С. 3–18), из слоя Е раскопа Гроздилова (ср.: Носов и др., 2005. С. 311. Табл. 138, 139), а также из нижних отложений (доярусный слой и

15 ярус с порубочными датами от 990 до 1011 гг.) Среднего города на X раскопе (Плоткин, 1996. С. 165, 167. Табл. 1, б, В, Г, Д). Моя датировка 15 яруса и доярусного слоя не совпадает с предложенной К.М. Плоткиным (от середины X в. до первой четверти XI в. включительно). По моему мнению, керамический комплекс этих двух слоев мало чем отличается друг от друга. Верхний хронологический рубеж доярусного слоя мог бы определяться младшей дендродатой 15 яруса, но поскольку формирование доярусного слоя не могло начаться до прекращения существования курганного некрополя Пскова (не ранее конца X – первых десятилетий XI в.), то и формирование как доярусного слоя, так и 15 яруса, вероятно, происходило в общих рамках XI в. (Носов и др., 2005. С. 117, 118). Дополнительным аргументом для такой датировки служит находка амфоры в слое, перекрывающем могильник⁷. Не исключена даже несколько более точная дата – не ранее середины XI в., так как на гончарной посуде Которска практически отсутствуют выделенные псевдовалики и гребенчатый штамп – детали, которые утрачиваются “богатоорнаментированной” посудой Пскова после середины XI в.

Гнездилово (селище). В ранней публикации материала этого поселения ямы № 2 и 9 – (Лапшин, 1989. С. 69) – датированы достаточно широко – X в. По находке на дне ямы № 2 фрагмента архаичного эсовидного сосуда (тип I–Б по классификации Рюрикова городища) и по менклендорфским формам посуды из ямы № 9 хронологические рамки объектов были сужены до второй половины X в. (Горюнова, Лапшин, 2004. С. 68).

На основании предложенных выше датирующих признаков профилирования венчиков можно также откорректировать даты еще целого ряда объектов: Курской горы, Мальшевского городища, Передольского погоста, Городца под Лугой, Хачево и Маяты⁸, памятников из района Усвят, но ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на этом подробно. Раннегончарные формы первых двух памятников датируются не ранее второй половины – конца X в., на Городце под Лугой, Передольском погосте – не ранее конца X – рубежа X/XI вв., а в Хачево, – не ранее XI в.

Пожалуй, еще более эффективно использование

⁶ Я благодарна Е.Р. Михайловой за предоставленную возможность знакомства с неопубликованным материалом, при этом также удалось установить полное отсутствие в Которске западнославянской керамики, какого бы то ни было типа.

⁷ Амфора трилийской группы, по своим признакам занимающая промежуточное положение между самыми ее ранними формами (970–1010 гг. по дендродатам Новгорода) и формами второй-третьей четверти XI – первой четверти XII в. Тулово псковской амфоры грушевидное и более вытянуто, чем у поздних форм, хотя ручки полностью прикасаются к воротничковому венчику (ср.: Колосова, Милютин, 1994. С. 123. Рис. 14; Волков, 2005. С. 157–159).

⁸ Благодарю И. Еремеева за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

керамических материалов для уточнения датировок курганных комплексов, причем не только с бедным инвентарным сопровождением, но и в случаях с богатыми дружинными комплексами. Так, *погребение 735 в Бирке* по обряду погребения и большей части инвентаря (в том числе по скорлупообразным фибулам типа P51-B1 и наверхиям пинцетов) датировано в пределах всего X в. или 880–970 гг. (Jansson, 1984. S. 57; 1985. S. 177–186; Waller, 1984. S. 184; Gräslund, 1980. P. 29, 30; Eisenschmidt, 1994. S. 70). Раннегончарный сосуд эсовидной формы из этого комплекса (рис. 4, 1) позволяет ограничить время захоронения только второй половиной или даже последними десятилетиями X в. По форме профилировки шейки и венчика (укороченный венчик, у которого намечается по нижнему краю легкая оттяжка в виде карниза, выделенная шейка и выпуклое плечо; Arbman, 1940. Taf. 234, 5) данный сосуд аналогичен керамике Рюрикова городища с признаками типов I-B, I-B, I-G. Полная аналогия ему (рис. 3, 10) происходит из слоя, который по дендродате сформировался после 979 г.

Следующие примеры, связаны с бедными погребальными комплексами: женским погребением из *кургана № 17 у д. Городище на Сяси* и труположением в *насыпи 2 Победища (15-II-9)*. Первое датировано 950–980 гг. (Богуславский, 2005. С. 190–195. Рис. 16, 4, 7), для второго определен только верхний хронологический рубеж – не позднее XI в. (Петренко, 1994. С. 71. Рис. 30 (фото). С. 79. Рис. 40, 10; С. 91). Но профилировка гончарных сосудов из этих погребений: выпуклое плечо и сильно укороченный резко отогнутый массивный венчик с огранкой края или оттяжкой вниз (рис. 4, 2, 3, 3-a, 4), – указывает на время не ранее самого конца X в. И хотя огранка среза венчика подобна горшкам Рюрикова городища второй половины X в. типа I-B (см.: рис. 2, 1, 2), все остальные вышперечисленные элементы появляются только в первом пласте стратиграфического раскопа 1977–2000 гг., который сформировался не ранее самого конца X в. (ср.: рис. 4, 2, 4 и рис. 3, 6, 9, 12; рис. 4, 3, 3-a и 3, 8, 9; Носов и др., 2005. С. 247. Табл. 75, 3; 91, 8)⁹. Данные уточнения носят не только частный характер, они значимы для определения времени смены сожжений в сопках обрядом ингумации.

⁹ В более ранней публикации материала (Богуславский, Щеглова, 1997. Рис. 7, 6, 7) из подписей к рисунку следует, что в погребении присутствует горшок, который по тексту и по поздней публикации находился в ровике кургана. Но даже если и произошла путаница в подписях или в ссылках, второй сосуд по своей профилировке относится также ко времени не ранее самого конца X в., а возможно даже и к XI в. (ср.: рис. 4, 2 и рис. 3, 9, а также: Богуславский, 2005. С. 195. Рис. 16, 6 и Седов, 2007. С. 179. Рис. 191, 3, 9; Кочуркина, Линеvский, 1985. С. 75. Рис. 32, 1, 2, 3, 9).

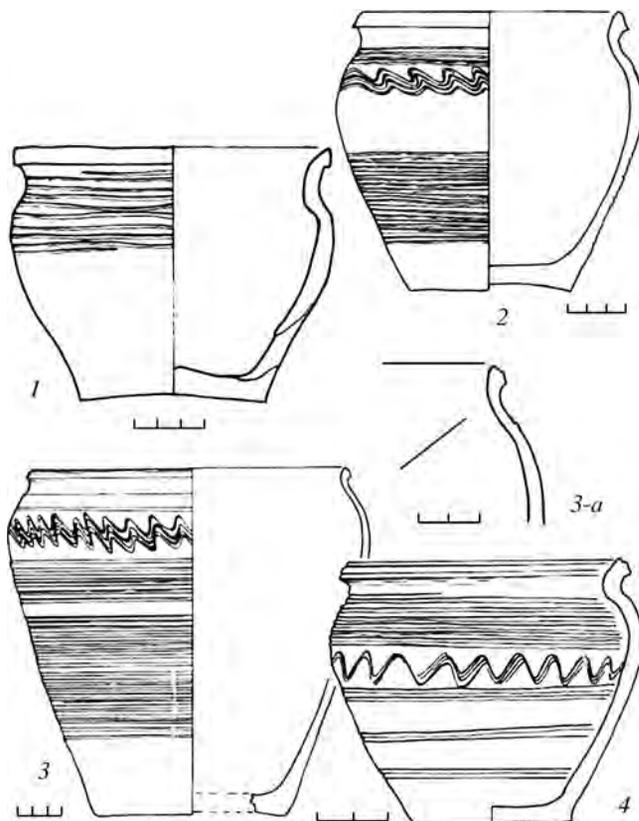

Рис. 4. Бирка, погр. 735; 2, 3, 3-a – Курган № 17 у д. Городище на р. Сяси; 4 – Победище, насыпь 2(15-II-9).

Такой же временной интервал – не ранее конца X, а скорее начала XI в. – характерен и для появления самых первых гончарных сосудов в ингумациях *Приладожской курганный культуры*. Выделенная в 1980-е годы А.М. Спиридоновым самая ранняя группа гончарной посуды, которая сопровождала ингумации данного региона (1985. С. 196–204; 1989. С. 303–315), была датирована широко, без развернутой аргументации, X – началом XI в. В ранний хронологический интервал, судя по наличию внутренних и внешних оттяжек или желобков по краю венчика, попали явно поздние сосуды, не ранее второй половины XI–XII в., например, из кургана 8 Гайгово № 201, Ильино, Шангеничи, Икогничи (Спиридонов, 1985. С. 201. Рис. 4, 3; 1989. С. 307. Рис. 5, 4–6)¹⁰.

¹⁰ Автор исходил, видимо, из датировок, предложенных С.И. Кочуркиной и С.М. Линеvским. Но, например, датировка для кургана 8 Гайгово № 201 явно ошибочна, так как тип топора из этого кургана определен ими неверно. Это не V, а VI тип, поскольку он имеет не одну, а две пары боковых щекавиц и датируется от 1000 г. до XII–XIII вв. (ср.: Кочуркина, Линеvский, 1985. С. 128, 129. Рис. 56, 5 и Кирпичников, 1966. С. 38. Табл. XVI, 7).

И только для трех сосудов из списка А.М. Спиридонова (один из горшков Заозерья № 624, сосуды из раскопок В.И. Равдоникаса на р. Паше и Мергино № 122; Спиридонов, 1989. С. 307. Рис. 5, 1, 2, 7) можно с известными оговорками допускать самый конец X в. Они при своей архаичной слабой профилировке, имеют ряд признаков последнего десятилетия (конца) X в.: на внешнем крае венчика имеется карниз или оттяжки, утонченное дно¹¹.

Особенности профилировки верхней трети эсовидного горшка и форма края его венчика позволяют не только уточнить хронологию памятников, культурных слоев и отдельных комплексов, но и скорректировать *абсолютную хронологию отдельных категорий вещевого материала*, которые в настоящее время имеют достаточно широкие датировки.

К примеру, на данный момент подковообразные спиралеконечные фибулы с треугольным сечением дуги датируются достаточно широко – X – концом XII в. (Седова, 1981. С. 86; Лесман, 1984. С. 125, 136. Табл. 1). На примере вышеприведенных уточнений датировок (не ранее конца X в.) двух ранних труположений – одного из кургана № 17 у Городища на Сяси, второго из насыпи 2 Победища, – в которых присутствуют спиралеконечные подковообразные фибулы с треугольным сечением дуги, можно считать, что старая датировка А.А. Спицына (XI–XII вв.) оказалась более точной. Нижняя граница бытования этой категории украшений четко совпадает с появлением раннегончарных эсовидных сосудов с признаками конца X в. – рубежа X/XI вв. или только XI в.

Данное утверждение иллюстрируется рядом дополнительных фактов. На Рюриковом городище спиралеконечная фибула с треугольным сечением дуги была найдена с керамикой последних лет X в. (рис. 3, 1, 5, 6, 17, 18, 20, 21) (Носов, 1990. С. 77. Рис. 32, 11). В Пскове подобные фибулы присутствуют в доярусном слое и в слое 15 яруса (дегидротаты: от 990 до 1011 гг.) вместе с керамическим материалом XI в. (Плоткин, 1996. С. 165, 167. Табл. 1; С. 169. Табл. 2)¹².

В Гнездилово в яме № 12а спиралеконечная фибула аналогичного типа встречена с мискообразным сосудом, который датирован не ранее XI в. (Лапшин, 1989. С. 68. Рис. 2, 21; Горюнова, Лапшин, 2004. С. 56, 61. Рис. 6, 2, 68).

Список подобных примеров, вероятно, можно продолжить¹³, но приведенных выше материалов достаточно для аргументированного уточнения нижней границы данной категории подковообразных фибул: не ранее последних лет X в. или рубежа X/XI вв., а не весь X в., как это предполагалось ранее.

В заключение, подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что процесс смены лепной посуды раннегончарной на протяжении всего X в. для каждого отдельного памятника сугубо индивидуален. Ход этого процесса определяется прежде всего положением того или иного поселения в экономической и социально-политической структуре общества. Поэтому невозможно считать универсальным хронологическим признаком ту или иную степень соотношения лепной и раннегончарной посуды. Определяющее хронологическое значение имеет степень профилировки верхней трети сосуда и способ обработки края венчика, т.е. технический уровень обработки гончарной керамики.

Хронологически значимые изменения профилировки эсовидных сосудов во второй половине X – первой половины XI в. едины не только для северо-западной Руси, но и для более широких территорий. Яркий пример полной аналогии материалам Рюрикова городища и Новгорода в этом отношении дает керамический комплекс конца X – первой половины XI в. древнего Ростова (Леонтьев, Самойлович, 1991. С. 57–60. Рис. 1, 7, 8, 11; Леонтьев, 1998. С. 144. Рис. 8, 11, 13, 14). Очень близкие параллели просматриваются в керамических комплексах Суздаля (Лапшин, 1992б. С. 90–102). Аналогичные хронологические тенденции в оформлении края венчика раннегончарной посуды можно проследить также в материалах Гнездова (Каменецкая, 1991. С. 153. Рис. 13, 8; С. 155. Рис. 14, 5; С. 156. Рис. 15, 3), городских центров северной Белоруссии (Штыхов, 1978. С. 37. Рис. 13, 1; С. 38. Рис. 14, 6–8; С. 51. Рис. 19, 1; С. 68. Рис. 21, 9; С. 69. Рис. 27, 1; С. 85. Рис. 34, 1, II), и западнорусских городов (Малевская, 2005. С. 31–37, 59. Рис. 27; С. 61. Рис. 28; С. 63. Рис. 29).

Но, утверждая универсальность предложенных типологических изменений профилировки верхней трети эсовидных сосудов (особенно в оформлении края венчиков), никоим образом нельзя отрицать наличие исключений присущих отдельному памятнику или региону. Так, например, граненые края венчика эсовидных сосудов – наибо-

¹¹ Последнее – признак XI в. и, видимо, появляется не ранее самого конца X в. (см. материалы псковского могильника: Носов и др., 2005. С. 117. Табл. 143, 5).

¹² По поводу датировки 15 яруса и доярусного слоя Пскова см. сноску 7 в данной статье.

¹³ См. также материалы Передельского погоста (Платонова и др., 2007. С. 161, 162. Рис. 9, 13).

лее часто применяемый прием второй половины X в. Рюрикова городища (рис. 2, 1, 2, 6, 7). Изредка такие венчики встречаются в материалах Новгорода (Носов и др., 2005. С. 283. Табл. 111, 6, 7) и крайне редко – на других памятниках Новгородской земли (Победище и курган на р. Сясь; рис. 3, 7, 9). Для регионов же несомненны различия в общих пропорциях сосудов, в применении отдельных элементов орнамента, что и определяет преобладание тех или иных типов на тех или иных территориях Древней Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белецкий С.В.* Раскопки в псковском кремле в 1971–1974 гг. // КСИА. 1978. Вып. 155.
- Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к происхождению города) // КСИА. 1980. Вып. 160.
- Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Белецкий С.В., Лесман М.Ю.* О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В.В. Седова) // Stratum plus. 2003–2004. № 5. Мастера средневековья. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005.
- Богуславский О.И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // Stratum plus. 2003–2004. № 5. Мастера средневековья. СПб., Кишинев; Бухарест, 2005.
- Богуславский О.И.* Комплекс памятников у деревни Городище на р. Сяси в системе синхронных древностей: (Вопросы анализа керамического комплекса) // Славяне и финно-угры. СПб., 2006.
- Богуславский О.И., Щеглова О.А.* Новые раскопки памятников у д. Городище в Юго-Восточном Приладожье // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.; Псков, 1997.
- Волков И.В.* Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. Великий Новгород, 2005.
- Воронкова Е.В., Салмин С.А.* Наконечник копья с Труворова городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2007.
- Горюнова В.М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002.
- Горюнова В.М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.
- Горюнова В.М., Латишин В.А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
- Еремеев И.И.* Славянский Городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Новые данные о раннесредневековых памятниках водораздела Ловати и Западной Двины // Новгород и Новгородская земля. Вып. 12. Новгород, 1998.
- Еремеев И.И., Лисицына О.В.* Комплексные исследования в восточном Приильменье в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 18. Великий Новгород, 2004.
- Исланова И.В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
- Каменецакая Е.В.* Заольшанская курганный группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. (К истории древнерусского города). М., 1991.
- Киртичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. М.; Л., 1966 (САИ; Е 1–36).
- Клубова О.В.* Охранные раскопки городища “Курская гора” в верховьях реки Луги // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990.
- Клубова О.В.* Исследования в урочище Курская гора в 1990 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 5. Новгород, 1991.
- Клубова О.В.* Исследование селища в урочище Курская гора в 1991 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992.
- Колосова Н.О., Милютин Н.Н.* “Большой курган” древнерусского некрополя Пскова (погребения 57–59) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994.
- Концевий В.Я.* Новые исследования в урочище Губинская Лука // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992.
- Кочуркина С.И., Линецкий А.М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Кузьмин С.Л.* Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верховьях Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р.* Новый тип погребальных памятников и проблема славянской колонизации Северной Руси // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Любытино, 2002.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Селин А.А. и др.* Работа Северо-западной экспедиции СПбФ РНИИ КПН в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 13. Новгород, 1999.
- Латишин В.А.* Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. 1989. Вып. 195.
- Латишин В.А.* К вопросу о сосуществовании лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения. Городец, 1992а.

- Латишин В.А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992б.
- Леонтьев А.Е.* Ростов эпохи Ярослава (по материалам археологических исследований) // История. Археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г.* Керамика Ростова X–XIII веков // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
- Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблемы синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Лопатин Н.В.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2007.
- Малевская М.В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.
- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г.* Керамический комментарий к теории происхождения Новгорода В.Л. Янина и М.Х. Алешковского // ТАС. 2001. Вып. 4.
- Михайлова Е.Р.* Керамический комплекс Которского поселения IX–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Псков, 1994.
- Носов Е.Н.* Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб., 2005.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Работы Новгородской областной экспедиции ЛОИА в 1989 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Петренко В.П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.
- Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М.* Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.
- Плоткин К.М.* Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996.
- Попов С.Г., Зайцева Г.И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические исследования. Л., 1985.
- Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1.
- Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960 (МИА; № 92).
- Седов В.В.* Изборск – протогород. М., 2002.
- Седов В.В.* Изборск. М., 2007.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Сениченкова Т.Б.* О раннегончарной керамике из Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // Старая Ладога и проблемы археологии древней Руси. СПб., 2002.
- Смирнова Г.П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146.
- Спиридонов А.М.* Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А.М. Линевского) // Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Спиридонов А.М.* Керамика приладожской курганной культуры // Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.
- Станкевич Я.В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. 1951. Т. XV.
- Торопов С.Е.* Некоторые вопросы изучения керамики из древнерусских могильников XI–XII веков в центральных районах Новгородской земли // Ежегодник НГОМЗ. 2002. Великий Новгород, 2003.
- Штыхов Г.В.* Города полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.
- Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Eisenschmidt S.* Kammergräber der Wikingerzeit in Altdanemark // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 25. Bonn, 1994.
- Gräslund A.S.* The Burial Customs. A study of the graves on Bjorko // Birka IV. Stockholm, 1980.
- Jansson I.* Ovale Schalenspangen // Birka. Untersuchungen und Studien II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Jansson I.* Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Böjrkö-fyndet // Arch. Stud. Upsala Univ. Inst North European Arh. Aun 7. Uppsala, 1985.
- Waller J.* Nadel/Pfrieme und Pinzetten // Birka. Untersuchungen und Studien II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.

Dating potential of early wheel-made pottery of the 10th – beginning of the 11th cc.

V. M. Goryunova

Summary

The author is of the opinion that the ratio of wheel-made to hand-made pottery in the cultural layer (assemblages) cannot serve as a universal chronological indicator. Throughout the 10th c., the change from hand-made to early wheel-made ware was a specifically individual process at each given site. Not only the time of emergence of wheel-made pottery but also the extent of its “abundance” and the speed with which it replaced hand-made vessels in everyday use were different even at centers which were similar as to the degree of their importance. The main error was that scholars focused on the actual presence of wheel-made ware, whereas the profiling of the upper third of the vessels and the appearance of the rim were not taken into consideration. The present study shows how the above features can be used as chronological indicators on the example of vessels with S-shaped profile, the most frequently encountered early wheel-made item. The use of the said chronological indicators for ascertaining the absolute chronology of individual categories of finds is demonstrated on the example of horseshoe-shaped spiral-ended fibulae with triangular cross-section of arch. The lower border for the period of use of that category of adornments has been rectified: not the entire 10th c. but its very end or the turn of the 10th – 11th cc.

ГЛИНЯНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ И ЗООМОРФНАЯ ПЛАСТИКА СЕРЕДИНЫ I тыс. до н.э. КНЫШОВСКОГО ГОРОДИЩА

Н.Н. Воропаева*, П.А. Гавриш**

*Институт археологии РАН, Москва

**Полтавский государственный педагогический университет

Кнышовское городище расположено на высоком плато правого коренного берега р. Псел, вблизи с. Кнышовка Гадячского района Полтавской обл. (Украина). Главное укрепление городища имеет неправильно-овальную форму и вытянуто по направлению с СВ на ЮЗ. К более позднему периоду существования городища относится его восточная часть, отделенная вторым валом. Первые раскопки здесь проведены В.А. Ильинской в 1954 г. (1957. С. 246): был снят точный план городища и исследована зольная насыпь в северо-восточной его части. Систематические раскопки памятника велись под руководством П.А. Гавриша с 1988 по 1993 г., в ходе которых было исследовано более 5 тыс. м² культурного слоя, изучены оборонительные сооружения и более 300 археологических объектов утилитарного и культового назначения (Гавриш, 2000).

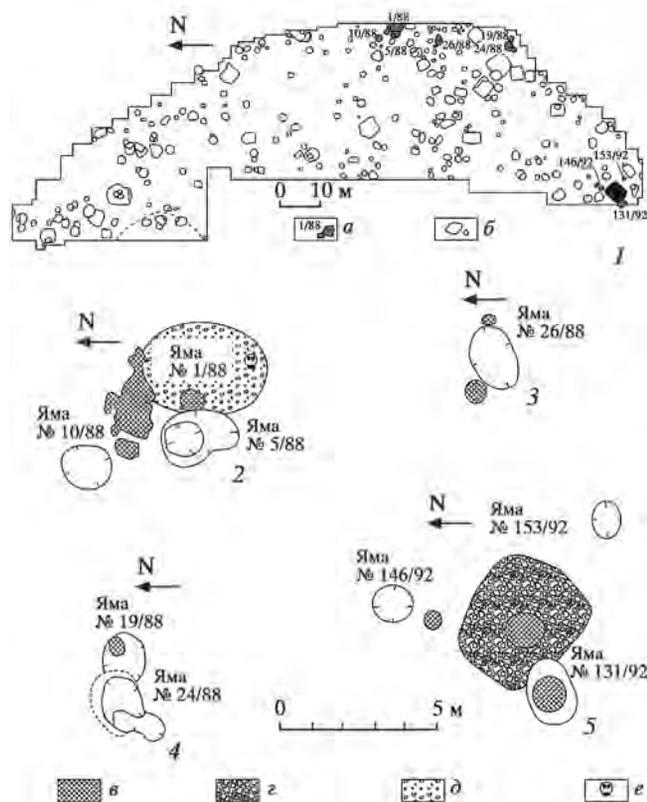
Среди материалов, полученных при раскопках Кнышовского городища, особое место занимает серия предметов мелкой глиняной пластики, анализ которой позволяет осветить некоторые аспекты культовой практики обитателей городища.

Глиняные антропоморфные и зооморфные изображения, использовавшиеся для отправления культов, известны на многих лесостепных поселениях и городищах скифского времени Днепрового левобережья (Шрамко Б.А., 1996; Ляпушкин, 1961; Гейко, 1996. С. 247; Бойко, 1987) и сопредельных регионов (Высотская, 2001; Пузикова, 1969; 1981; 1997; Медведев, 1999; Ковпаненко и др., 1989). Наиболее многочисленная коллекция глиняной пластики происходит с Бельского городища, на основе которой Б.А. Шрамко была разработана классификация статуэток. Основные образы и изобразительные приемы, используемые при изготовлении предметов мелкой глиняной пластики, по мнению Б.А. Шрамко, восходят к древним традициям, появившимся у земледельческих племен юга Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке. Появление в Лесостепном левобережье религиозных верований, имеющих иранскую основу, объясняется контактами со степными скифами, а также проживанием на этой территории ираноязычного народа – гелонов (Шрамко Б.А., 1987. С. 127–140).

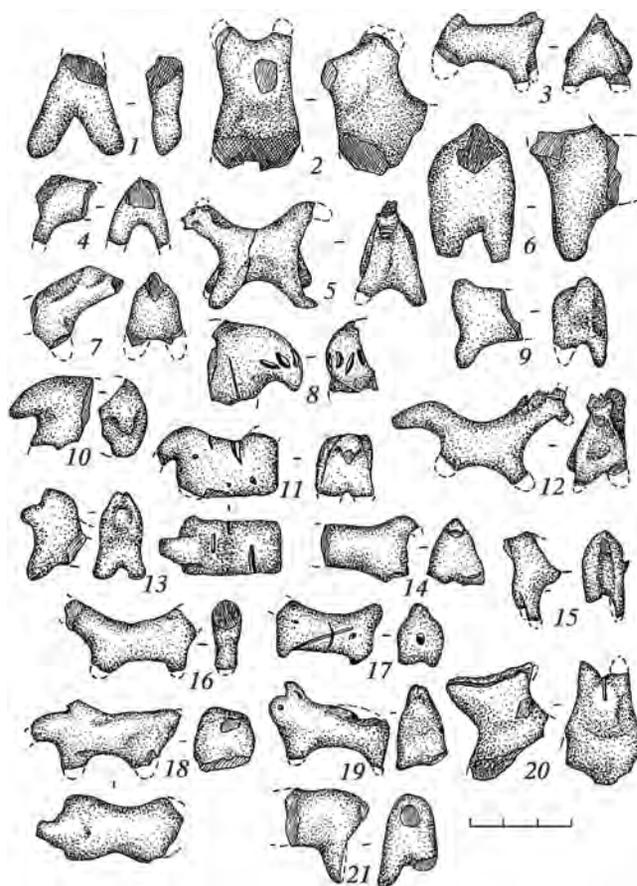
В ряде случаев находки предметов глиняной пластики связаны с жертвенниками. В.П. Андриенко предложил типологию жертвенников (алтарей) лесостепи. К типу I он отнес глиняные вымостки с рельефным орнаментом, к типу II – цилиндрические возвышения с ровной побеленной поверхностью или чашевидным углублением сверху, к типу III – глиняные тарелкообразные жертвенники (Андриенко, 1974. С. 93, 94). На Кнышовском городище самыми распространенными являются жертвенники типа II, как правило, представляющие собой комплекс, состоящий из алтаря – глиняного цилиндрического возвышения – и ряда ям, постепенно заполнявшихся остатками жертвоприношений.

Всего на Кнышовском городище было обнаружено 42 экземпляра глиняных фигурок и их фрагментов; из них только один – фрагмент антропоморфной статуэтки. Распределялись эти находки по площади городища неравномерно. Ряд глиняных изображений, 9 экземпляров, был связан с комплексами культового назначения (рис. 1, I).

Культовый комплекс, представляющий собой вымостку из кусков обмазки, толщиной 0.25–0.3 м, имел форму неправильного прямоугольника, вытянутого длинной осью по линии СЗ–ЮВ, со сторонами 3.1–4 и 1–3.3 м. В центре вымостки был устроен глиняный жертвенник – округлое в плане возвышение с ровной, заглаженной и побеленной поверхностью, слегка выпуклый в центре, диаметром 1.1–1.15 м, на основании высотой 0.2 м. В основании жертвенника были выложены кости овцы и коровы (Гавриш, 1992. С. 40, 41). В слое, перекрывающем глиняную вымостку, был найден фрагмент антропоморфной статуэтки, от которой сохранились ноги и нижняя часть туловища (рис. 2, I). Более поздней по сравнению с глиняной вымосткой является перерезающая ее яма № 131/92 (рис. 1, 5) с развалом печи, которая датируется VI в. до н.э. (Гавриш, 1992. С. 11). В ее золистом заполнении был найден фрагмент головы зооморфной статуэтки из серо-коричневой глины с мелкими органическими включениями. Длина и максимальная толщина шеи животного составляют по 2.5 см, сохранилось

Рис. 1. Кнышовское городище. 1 – общий план раскопок 1987–1993 гг.; 2–5 – культовые комплексы. Условные обозначения: а – культовый комплекс с предметами мелкой глиняной пластики; б – яма – остатки сооружения; в – жертвенник; з – глиняная вымостка; д – скопление фрагментов глиняной обмазки; е – череп человека.

Рис. 2. Глиняные антропоморфные и зооморфные изображения. 1–10 – из культовых комплексов; 11–14 – из комплексов утилитарного назначения; 15–21 – из культурного слоя городища.

место крепления ее к туловищу, поэтому видно, что шея поднята вверх, морда животного имеет древний скол, очевидно, была конической формы, в верхней части головы имеются сколы – места крепления ушей или рогов (рис. 2, 2).

К северу от рассмотренного комплекса располагался еще один округлый глиняный побеленный жертвенник диаметром 0.5 м на глиняном основании высотой 0.05–0.06 м. На его поверхности лежал обломок черепной крышки человека. К югу от жертвенника, в заполнении ямы № 146/92 (рис. 1, 5) был найден глиняный “пирожок” и фрагмент зооморфной статуэтки (Гавриш, 1992. С. 35). Статуэтка (рис. 2, 3) вылеплена из серо-коричневой глины без видимых примесей. Изображает животное с прямой линией спины, ее длина 3, высота и максимальная толщина по 2 см. Конечности животного расставлены в стороны, кверху спина сужается, на шее заметен пальцевый зацеп, который мог изображать как остаток гривы, так и просто образоваться при попытке сделать шею животного тоньше; голова не сохранилась, от хвоста остался неболь-

шой выступ, судя по направлению которого видно, что хвост был поднят. Вероятно, яма № 146/92 служила для сброса использованных предметов после выполнения ритуала. Насыщенность ее заполнения слабая, найдено несколько небольших фрагментов керамики, позволяющих датировать данный объект VI–V вв. до н.э.

Интересен комплекс из нескольких жертвенников и связанной с ними ямы № 1/88 (рис. 1, 2). Последняя имеет овальную форму, размеры 3 × 4 м, вытянута по линии С–Ю. В ее северной части располагалось несколько глиняных побеленных жертвенников, сильно поврежденных в силу естественных причин (кротовинами), а также поломанных или перевернутых в древности. В западной части ямы возвышался еще один, целый, жертвенник округлой формы, основу его составлял холмик из культурного слоя, на котором был сооружен глиняный столбик, окрашенный известью. Диаметр жертвенника 0.7, высота 0.47 м. Вокруг отмечалось большое количество костей животных. В заполнении ямы и по ее краям найдено много кусков глиняной обмазки с отпе-

чатками прутьев, фрагменты человеческого черепа и фрагмент зооморфной статуэтки (Гавриш, 1988. С. 7–9). Статуэтка выполнена из серо-коричневой глины, поверхность слегка заглажена, представляет собой переднюю часть животного с конечностями, ее высота 4, максимальная толщина в груди 2.5 см, имеет короткие ножки-столбики длиной 0.7–1 см (рис. 2, б).

К западу от ямы № 1/88 и развалов жертвенников находилась яма № 10/88 (рис. 1, 2) округлой формы, 140 × 140 см, на дне которой также был найден мелкий фрагмент зооморфной статуэтки, сохранились ее ноги и передняя часть туловища (рис. 2, 4).

Одна из зооморфных статуэток (рис. 2, 5) обнаружена в восточной части ямы № 24/88 (рис. 1, 4). Статуэтка вылеплена из серой глины с органическими примесями, изображает животное с вогнутой спиной, поднятым кверху хвостом и удлинненной шеей. Размеры фигурки: длина 4, максимальная высота 3, максимальная ширина 2 см, длина шеи составляет 1 см. Конечности разведены в стороны, детализирована голова, на которой проколами обозначены глаза, морда конической формы, вылеплена открытая пасть, уши не сохранились, но видны места их крепления к голове. Яма № 24/88 служила погребом колоколовидной формы с подбоем. В ходе археологических работ она фиксировалась только в материке. Можно предполагать, что статуэтка, находясь в заполнении данного сооружения, была связана с более поздней ямой № 19/88 (рис. 1, 4), которая перерезает яму № 24/88 и содержит остатки глиняного жертвенника. В яме № 24/88 был обнаружен архаичный бронзовый двухлопастной наконечник с шипом на втулке VII–VI вв. до н.э., но керамический комплекс относится к VI–IV вв. до н.э., соответственно объект датируется в этих пределах. Яма № 19/88 возникла после того, как яма № 24/88 прекратила функционирование, соответственно в этих же пределах датируется статуэтка (Гавриш, 1988. С. 25, 26).

Целый комплекс глиняных жертвенников и связанных с ними ям был выявлен в центральной части раскопа 1988 г. Жертвенники однотипны – на земляной подстилке устанавливались глиняные возвышения округлой в плане формы с тщательно заглаженной поверхностью, покрашенные известью (Гавриш, 1988. С. 27–29). На этом участке также встречаются предметы мелкой глиняной пластики. Один из жертвенников прилегал к западной части ямы № 26/88 (рис. 1, 3). Возле него был найден фрагмент зооморфной фигурки, передняя часть животного с вытянутой шеей длиной 1.5 см, максимальная толщина фигурки 1.5 см, голова повреждена, на шее имеется уплощение, которое могло

обозначать гриву (рис. 2, 7). Здесь же, рядом с жертвенником, найден фрагмент задней части животного с хвостом (рис. 2, 8). Длина хвоста 2.5 см, он продолжает линию спины и загнут вниз, сужается к кончику. Фрагмент орнаментирован, что встречается довольно редко. Орнамент нанесен в средней части хвоста – четыре продольные насечки, выполненные ногтем.

Яма № 71/90, насыщенная культурными остатками культового назначения, располагалась в 2.5 м к югу от глиняного жертвенника округлой формы на земляном основании (Гавриш, 1990. С. 53, 54). В заполнении ямы обнаружены три фрагмента глиняных “лепешек”, два целых конуса, многочисленные куски глиняной обмазки, а также три фрагмента культовых статуэток. Два из них мелкие и неопределимые, один – фрагмент задней части зооморфной статуэтки с загнутым вниз и сужающимся к кончику хвостом (рис. 2, 10).

Намного меньше находок – пять глиняных фигурок – можно отнести к комплексам утилитарного назначения, к ним же по формальному признаку относятся ямы, не имеющие прямой связи с жертвенниками, но насыщенные культовыми предметами. В этом случае невозможно однозначно сказать, какую функцию выполняла яма.

Фрагмент туловища зооморфной статуэтки из хозяйственной ямы № 153/92 (Гавриш, 1992. С. 37) интересен своей орнаментацией (рис. 2, 11). Фигурка длиной 3.5, толщиной 1.5 см имеет вогнутую спину и длинную изогнутую шею. Конечности, голова и хвост статуэтки отбиты в древности, вылеплена она из светло-коричневой, хорошо промешанной и обожженной глины без видимых примесей. По бокам и на спине у основания шеи имеются три поперечные прочерченные линии и четыре точки на левом боку.

Вместе с обломками глиняного жертвенника, скелетом собаки и фрагментами глиняных “пирожков” в хозяйственной яме № 192/93 (Гавриш, 1993. С. 50, 51) была найдена зооморфная статуэтка (рис. 2, 12). Сделана фигурка из темно-серой глины с примесью шамота и изображает лошадь с вогнутой спиной, загнутым хвостом, длинной шеей, гривой, выполненной пальцевыми защипами. Максимальная длина статуэтки 5.5, высота 3, ширина 1.5 см.

Один фрагмент зооморфной статуэтки происходит из комплекса утилитарного назначения. Яма № 17/88 оказалась остатками помещения с двумя очагами внутри. Вокруг помещения и в его заполнении найдено большое количество фрагментов глиняной обмазки с отпечатками прутьев – следов рухнувшего перекрытия (Гавриш, 1988. С. 16, 17).

В заполнении среди прочих культурных остатков найдена передняя часть зооморфной статуэтки с короткими конечностями, вытянутой мордой и ушами (рис. 2, 13). Высота фрагмента составляет 3.7, длина конечностей 0.5 см. Датируется сооружение в пределах VI–V вв. до н.э.

В яме № 97/91 хозяйственного назначения был обнаружен небольшой и неопределимый фрагмент нижней части статуэтки (Гавриш, 1991. С. 37–39). Фрагмент зооморфной статуэтки, задняя часть животного с поднятым вверх хвостом (рис. 2, 9), был найден в заполнении ямы № 188/93, которая оказалась остатками каркасного сооружения, возможно, жилища (Гавриш, 1993. С. 45–47). В его заполнении содержалось большое количество обмазки с отпечатками прутьев – остатков обвалившихся стен и перекрытия. Здесь же обнаружено погребение собаки, уложенной в небольшое углубление у южной стены сооружения. Вероятно, грунт над погребением утаптывался, потому что череп собаки сильно раздроблен. К востоку от данного сооружения, в хозяйственной яме № 199/93 (Гавриш, 1993. С. 56–58), был найден фрагмент фигурки в виде задней части животного, сохранилась часть туловища с прямой спиной и загнутым вниз хвостом (рис. 2, 14).

Таким образом, большинство рассмотренных глиняных изображений относится к комплексам, которые датируются в пределах VI–IV вв. до н.э. и устойчиво встречаются в сочетании с глиняными побеленными жертвенниками на земляной основе или находятся в ямах, которые служили для сброса использованных атрибутов после выполнения ритуальных действий.

Многие глиняные фигурки происходят из слоя городища или относятся к подъемному материалу, найденному на его территории. Но даже в этом случае большее их количество сконцентрировано на участках, где располагались культовые комплексы. Зооморфные изображения, найденные в слое городища, довольно разнообразны. Одна из фигурок плоская, т.е. изображает животное в профиль (рис. 2, 16). Спина данного животного вогнута, шея удлиненная, голова и хвост отбиты в древности. Остальные фигурки объемные, среди них выделяются изображения животных с вогнутой и с прямой линией спины.

Скульптуры животных с вогнутой линией спины встречаются трижды, и все являются изображениями лошади. Одно из них (рис. 2, 17) отличается необычной орнаментацией. На левом боку фигурки прочерчены две линии, образующие крест, с двух сторон от которого – два точечных прокола. В зад-

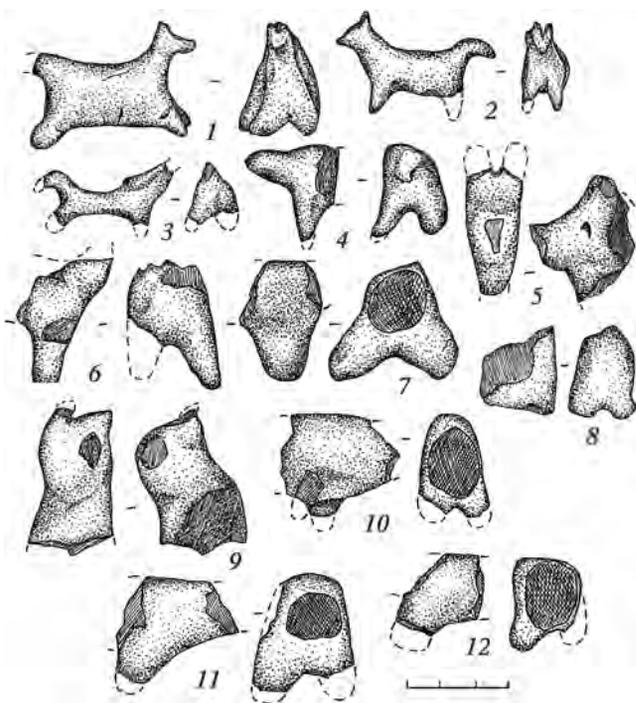

Рис. 3. Глиняные зооморфные изображения.

ней ее части имеется глубокое отверстие. Отсутствуют голова и хвост. Такой орнамент на зооморфной статуэтке встречен впервые, единственной аналогией может служить антропоморфная фигурка, найденная на Бельском городище, где крест был прочерчен на шее изображения (Шрамко Б.А., 1973). Другое объемное изображение (рис. 2, 18) с вогнутой линией спины сохранилось также фрагментарно, хвост фигурки обломан у основания, от шеи сохранилась часть, но очевидно, что она была удлиненная и загнута вниз. На шее имеется обломанный выступ, обозначающий, по-видимому, гриву, но заканчивался он ниже основания головы.

Фигурка лошади (рис. 3, 3) сильно повреждена, отбиты в древности голова, конечности и кончик хвоста, загнутого вниз. Длина фрагмента 4, максимальная ширина 1.5 см. Пальцевыми защипами выполнена грива.

Фигурки животных с прямой линией спины (7 экз.) стилистически довольно разнообразны. Одна из них (рис. 2, 19) изображает животное, вероятно, быка, с прямой линией спины с небольшим повышением в холке, короткой шеей и широкой грудью. Длина статуэтки 3.5, максимальная высота 2.3, ширина 1.5 см. Морда животного округлая, в верхней части головы имеются сколы, здесь крепились рога.

Две фигурки – скульптурные изображения собак. Одна из них (рис. 3, 1) имеет массивное туловище,

укороченные конечности, морда вытянута и слегка заострена, небольшие уши подтреугольной формы крепились сверху, хвост отбит у основания. Размеры фигурки: длина 5, максимальная ширина 2, высота 3.5 см. Другое изображение (рис. 3, 2) более пропорционально, задние конечности отсутствуют, морда конической формы, заостренные уши крепились сверху, хвост загнут вниз. Длина фигурки 5, максимальная ширина 1.3, высота 3 см. О видовой принадлежности остальных зооморфных изображений с прямой линией спины говорить сложно из-за их плохой сохранности (рис. 2, 21; 3, 10–12).

В целом все рассмотренные статуэтки довольно типичны для лесостепных городищ и поселений раннего железного века. Их особенностью является присутствие орнаментированных изделий. Также обращает на себя внимание соотношение зооморфных и антропоморфных изображений: практически полное отсутствие последних. Видовую принадлежность изображаемого животного определить не всегда возможно – техника изображения была довольно примитивной и схематичной. Тем не менее существовал ряд характерных приемов, с помощью которых фигурке придавались черты того или иного животного. Кроме деталей оформления, таких, как грива или рога, значительную роль играют общие пропорции и форма туловища. Для изображения лошади характерны удлинённые пропорции тела, длина которого превышает высоту, вогнутая линия спины, загнутый вниз хвост, удлинённая шея, иногда тонкая и загнутая вниз. Изображения собаки отличаются более массивными пропорциями туловища, длина которого примерно равна высоте, прямой линией спины, хвост может быть прямым или загнутым вниз. Изображения быков также имеют прямую линию спины, при этом с подъемом в холке, и широкую грудную часть. В кнышовской коллекции глиняной зооморфной пластики отсутствуют целые формы овец, но они встречаются на других лесостепных городищах. Для изображений этого вида характерна выгнутая линия спины и опущенный вниз хвост с широким основанием. Такие фрагменты отмечались среди материалов Кнышовского городища; по аналогии, их, с определенной долей вероятности, можно отнести к изображениям овец.

Среди определимых изображений видовое соотношение распределяется следующим образом: лошадь – 8 экз. (рис. 2, 7, 11, 12, 14, 16–18; 3, 3); овца (?) – 3 экз. (рис. 2, 8, 10, 21); собака – 2 экз. (рис. 2, 5; 3, 12), возможно, сюда же относятся два фрагмента голов (рис. 2, 20; 3, 5); бык – 1 экз. (рис. 2, 19). Такой видовой состав изображаемых животных характерен для северодонецкой и повор-

склинской групп памятников. Ранее исследователями уже отмечалось, что статуэтки изображают животных, которые чаще всего приносились в жертву в раннескифскую эпоху (Шрамко И.Б. и др., 2004. С. 31; Гречко, 2007. С. 18). Обращает на себя внимание тот факт, что на Кнышовском городище не встречаются фигурки свиней, хотя данные остеологических исследований демонстрируют достаточно высокий процент костей этих животных на памятниках Левобережья – до 21 (Шрамко И.Б. и др., 2006. С. 227–229), а на Бельском городище отмечаются жертвоприношения свиней (Шрамко Б.А., 1987. С. 88).

Связь глиняной пластики с жертвенниками очевидна; встречаются подобные изделия как отдельно, так и в сочетании с костями и даже полными скелетами, остатками туш животных. В религии многих народов совершался переход от теории даров к теории пожертвования или лишения, в истории жертвоприношения известно много примеров, когда ради сокращения издержек на жертвы без ущерба для их действенности реальные дары заменялись их частью или эквивалентом (Тайлор, 1989. С. 478). Наряду с широко распространенными на скифских памятниках глиняными зооморфными и антропоморфными фигурками известны также глиняные модели разделанных туш или кусков туш животных, такие изображения встречались на Восточном Бельском городище (Шрамко Б.А., 1987. Рис. 63, 16, 17). Одна из подобных фигурок – изображение лося, и здесь возможна несколько иная трактовка. Например, на Урале и в Западной Сибири это животное нередко изображалось в “ажурном” скелетном виде как символ чистоты, что свойственно существам с небесной, светлой сущностью (Косарев, 2003. С. 58). В могильниках скифского времени также встречаются семантические замены жертвоприношения: в качестве закладной жертвы в могильниках Тувы иногда использовались вырезанные из бересты антропоморфные и зооморфные фигурки (Пяткин, 1987. С. 34). Традиция замещения предметов жертвоприношения их частями или эквивалентами нашла отражение и в среднедонских курганах, где встречаются ребра лошади как имитация целой туши, а также конская упряжь, символизирующая захоронение коня (Савченко, 2001).

Ритуал, связанный с использованием глиняных жертвенников и жертвенных животных, претерпевает со временем изменения. Это хорошо прослеживается на материалах Бельского городища, где на Западном укреплении в архаичных слоях присутствуют жертвенники с костями, т.е. тушами животных, а глиняные их заменители появляются в небольшом количестве во второй половине и даже

конце VI в. до н.э. Расцвет данной традиции мы наблюдаем на Восточном укреплении, возникшем позднее. На Кнышовском городище основной материал относится к началу VI–IV в. до н.э., и здесь соответственно присутствуют следы проведения ритуальных действий с применением глиняных изображений животных как семантическим эквивалентом жертвоприношения.

Неслучайным является и круг изображаемых животных, каждое из которых занимало отведенное ему место в иерархическом ряду; данная концепция имела широкое распространение у индоевропейцев, в том числе и в скифской среде (Раевский, 2006. С. 488). В рамках сложной системы образных знаков рассматриваются зооморфные и зоо-антропоморфные композиции, представленные в круге кукутенско-трипольских древностей (Балабина, 1998. С. 210). Фигурки животных, вылепленные из теста, находили применение в хеттской культовой практике, где существовала система зооморфных образов из шести диких зверей: барса, волка, льва, медведя, дикой “свиньи тростника” и дикого барана, которые являлись знаками социальных единиц (Ардзинба, 1982. С. 30). Трактовка зооморфных образов как социальных единиц применима и для скифского искусства. Характеризуя символическую основу сюжета на пекторали из Толстой Могилы и признавая композицию ее образов “эквивалентом магической формулы, обеспечивающей благополучие, умножение скота”, Д.С. Раевский обращается к древнеиндийским представлениям. Согласно древнеиндийским источникам, человек, лошадь, корова, овца и коза – пять “частей скота”; эта пентада сопоставляется с другими пятичленными классификациями, отражающими различные стороны мироздания. В “Арташастре” те же животные соотносятся с различными варнами, и тот же ряд из пяти составляющих трактовался в Индии как традиционная иерархия жертвенных животных. Так, при закладке алтаря в центр его помещался человеческий череп, а по сторонам света – черепа коня, быка, барана и козла (Раевский, 2006. С. 486, 487).

В ритуалах, связанных с использованием округлых цилиндрических жертвенников, глиняных “лепешек” и зооморфных статуэток, не могло также в силу устойчивых и продолжительных контактов не отразиться влияние античного мира. Возможно, вследствие этого влияния начинают широко использоваться антропоморфные глиняные фигурки, которые практически не встречаются в архаичных комплексах. Культ Деметры был принесен в Причерноморье в V–IV вв. до н.э. (например святилище на акрополе Пантикапея). Поскольку данная богиня являлась сакральной дарительницей урожая, то ее

почитание не могло игнорироваться земледельцами Боспора, а затем этот культ проник и в скифскую среду. Для святилищ, посвященных Деметре, характерны следующие черты: применение круглого цилиндрического алтаря, терракоты, глиняные “лепешки”, модели фаллических “хлебцев”, кости свиней и поросят. Вероятно, изображениями Деметры можно считать антропоморфные погрудные фигурки, которые представляли женщин в округлом головном уборе. Иногда они имели короткие ножки-отростки, в таком случае их трактуют как изображения сидящих женщины (Шрамко Б.А., 1987. Рис. 62, 19, 20). Античные погрудные и полуфигурные скульптуры Деметры символизировали ее возвращение из подземного мира, а вместе с ним и возрождение урожайности полей (Русяева, 2005. С. 316–367).

В основе культовой практики населения городищ и поселений скифского времени Днепро-Донской лесостепи, в частности, Кнышовского городища, лежала индоиранская традиция, связанная с символикой зооморфных образов. Рассмотренные комплексы относятся к атрибутам культа плодородия и продления жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андриенко В.П.* Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII–V ст. до н.е.) // Вісник Харківського університету. № 104. Історія. 8. Харків, 1974.
- Ардзинба В.Г.* Ритуалы и культы древней Анатолии. М., 1982.
- Балабина В.И.* Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. М., 1998.
- Бойко Ю.Н.* Отражение социальной структуры в идеологии и культовой практике населения Ворсклинского региона скифского времени // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987.
- Высотская Т.Н.* К вопросу о позднескифских зольниках // РА. 2001. № 3.
- Гавриш П.А.* Отчет о полевых археологических исследованиях Полтавской Левобережной скифской экспедиции Полтавского педагогического института в 1988 г. // НА ІА НАН України. 1988. № 54.
- Гавриш П.А.* Отчет о полевых археологических исследованиях экспедиции Полтавского педагогического института в 1990 г. // НА ІА НАН України. 1990. № 64.
- Гавриш П.А.* Отчет о полевых археологических исследованиях экспедиции Полтавского педагогического института в 1991 г. // НА ІА НАН України. 1991. № 90.
- Гавриш П.Я.* Звіт про археологічні розкопки Книшівського городища скіфської доби (Полтавська область) будино-гелонською археологічною експедицією

- Полтавського педінституту в 1992 р. // НА ІА НАН України. 1992. № 149.
- Гавриш П.Я.* Звіт про польові дослідження 1993 р. на городищі скіфського часу біля с. Книшівка Гадяцького району Полтавської області // НА ІА НАН України. 1993. № 142.
- Гавриш П.Я.* Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя із матеріалами Прип'їлля. Полтава, 2000.
- Гейко А.В.* Глинське городище скіфського часу в Посуллі // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Гречко Д.С.* Мелкая глиняная пластика населения северо-донецкой лесостепи скифского времени // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007.
- Ильинская В.А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл // СА. 1957. Вып. XXVII.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифского времени Днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.
- Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961 (МИА; № 104).
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999.
- Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969.
- Пузикова А.И.* Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н.э. М., 1981.
- Пузикова А.И.* Памятники скифского времени бассейна р. Трускарь (Посеймье). М., 1997.
- Пяткин Б.Н.* Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надмогильным сооружениям // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
- Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
- Савченко Е.И.* Могильник скифского времени “Терновое I – Колбино I” на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. М., 2001.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989.
- Шрамко Б.А.* Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского Государственного Университета в 1973 г. // НА ІА НАН України.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Шрамко Б.А.* Комплекс глиняных скульптур Більського городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Шрамко И.Б., Задников С.А., Бондаренко В.Л.* Археозоологические материалы с поселения скифского времени у с. Барчаны // Археологическое изучение центральной России. 13–16 ноября 2006 г. Липецк, 2006.
- Шрамко И.Б., Задников С.А., Зоря А.О.* Селище скифского времени у с. Червоносово // Древности 2004. Харьков, 2004.

Anthropomorphic and zoomorphic clay figurines, mid-1st millennium BC, from Knyshevskoe site

N.N. Voropaeva, P.A. Gavrish

Summary

The small anthropomorphic and zoomorphic figurines are a special feature of the Scythian-time assemblage from Knyshevskoe site in the basin of the river Psyl. The artifacts are connected with cult and utilitarian complexes – altars and pits in their vicinity and dwellings and pits for domestic usage. The assemblage comprises one anthropomorphic image; the zoomorphic images are horses, dogs, sheep and bulls. The animals in question were the most common object of sacrifice. The clay figurines are semantic equivalents of sacrifice connected with the cult of fertility and abundance of cattle.

“КЛАД” II в. до н.э. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТАНИЦЫ КАЧАЛИНСКОЙ

И.В. Сергацков

Волгоградский государственный университет

В конце августа 2007 г. на северной окраине пос. Сады Придонья (Паньшино) близ станицы Качалинской Иловлинского района Волгоградской обл. (левый берег Дона) при производстве земляных работ был найден комплекс вещей, условно именуемый кладом. Осмотр местности показал, что он был обнаружен в естественном холме на склоне террасы правого берега р. Паньшинка. По словам находчика, ковш скрепера на глубине около 2 м от современной поверхности зацепил бронзовый котел, в котором, как оказалось, были сложены вещи “клада” (см. цветную вклейку № 3). Место находки располагалось примерно в 100 м севернее заправоочной станции ОПХ “Сады Придонья” (рис. 1, 1).

По словам находчика, вместе с котлом были найдены очень плохо сохранившиеся “полностью проржавевшие железные предметы, один из которых был похож на клинок кинжала или меча”. Для находчика они не представили интерес, поэтому и не были сохранены. Где-то недалеко от котла, но не вместе с ним, бульдозером зацепили какие-то кости. После получения информации о находке 22 ноября автором этой статьи вместе с научным сотрудником Волгоградского госуниверситета М.В. Кривошеевым и сотрудником Волгоградского областного краеведческого музея А.Г. Черемушниковым был произведен осмотр места находки. В результате обследования в отвале карьера были собраны кости человеческого скелета и мелкие обломки железных окислов, видимо, от тех самых предметов. Установить, что представляли собой эти предметы невозможно. По заключению М.А. Балабановой, кости (обломки таза, несколько позвонков, фрагменты ребер, лучевая кость руки) принадлежали молодому мужчине, не старше 18 лет. Таким образом, выяснено, что во время земляных работ было разрушено и погребение, но имело ли оно отношение к “кладу” – неясно.

Бронзовый литой котел, в котором находились вещи, имеет полый конический поддон, чашевидное тулово со слегка отогнутым наружу венчиком и двумя вертикальными арочными ручками, на которых имеется по три грибовидных выступа. Перпендикулярно им, под венчиком – две вертикальные ручки-петельки, одна из которых не сохранилась.

Тулово сосуда в верхней части опоясано тройной рельефной “веревочкой”. Тулово и поддон были отлиты отдельно и затем сварены друг с другом. В месте крепления поддона к тулову идет довольно грубый сварной шов. На тулове котла видны заплатки – следы его починки. Сосуд в древности был пробит в нескольких местах и смят почти до плоского состояния, поддон частично обломан (см. цветную вклейку № 4). На внешней поверхности котла хорошо заметны окислы от несохранившихся железных предметов. Общая высота котла – 60 см, точный диаметр тулова установить невозможно (рис. 1, 2). В котле находились следующие вещи.

1. Цилиндрическая бусина из глухого темно-синего, почти черного стекла с бородавчатыми бирюзовыми глазками, обвитая поперечными бирюзовыми нитями. Всего глазков шесть – по три с каждого края. Диаметр бусины 1.8 см (рис. 2, 1).

2. Цилиндрическая бусина из глухого красного стекла с бородавчатыми бело-черными глазками,

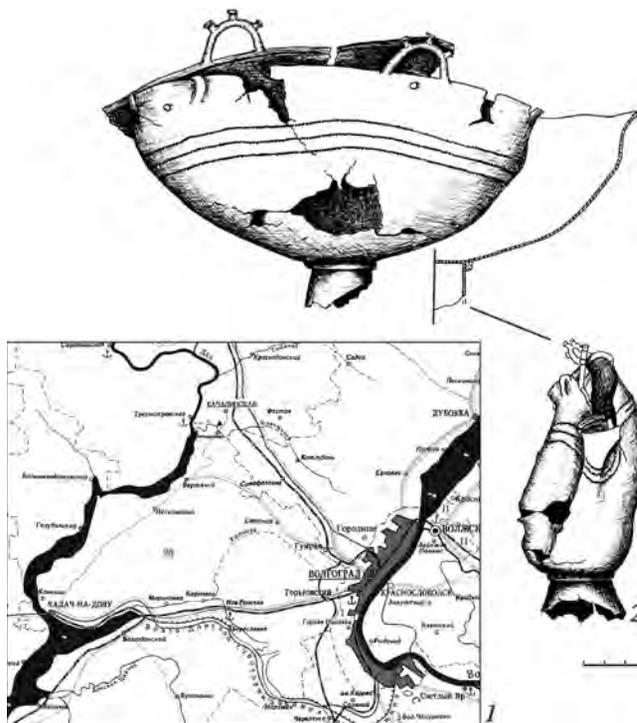

Рис. 1. 1 – место находки клада; 2 – бронзовый котел.

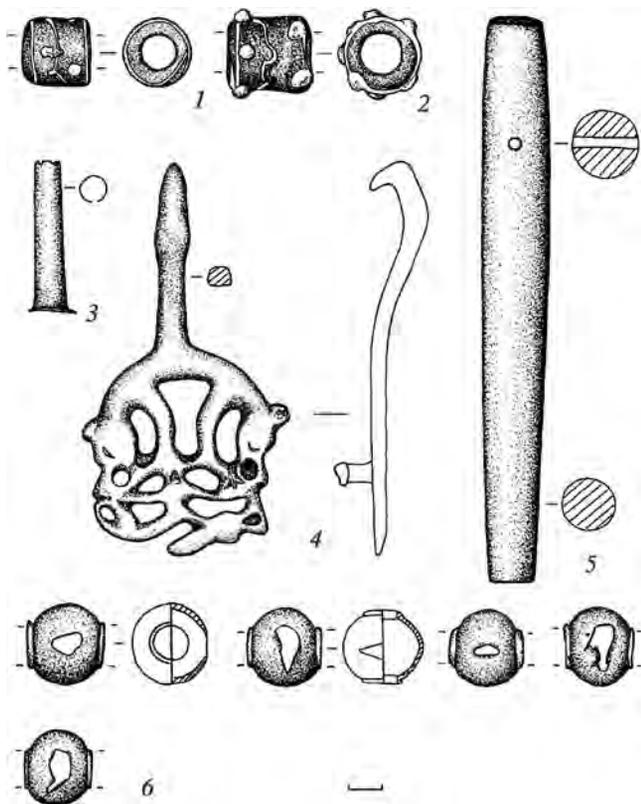

Рис. 2. Вещи из состава клада. 1, 2 – стекло; 3, 4, 6 – бронза; 5 – камень.

обвитая поперечными белыми нитями. Всего глазков восемь – по четыре с каждой стороны. Диаметр бусины 2,1 см (рис. 2, 2).

Обе бусины сильно изношены, глазки на них либо полностью, либо частично обколоты.

3. Оселок сигаровидной формы из коричневого алевараллита. В его верхней части просверлено отверстие для подвешивания. Оселок не имеет следов использования. Длина его 15, наибольший диаметр 1,8 см (рис. 2, 5).

4. Бронзовая трубочка с отогнутым наружу краем, свернутая из тонкого листа. Длина ее 4, диаметр 0,7 см (рис. 2, 3).

5. Бронзовый колчаный крючок. Окончание его оформлено в виде головы хищной птицы с загнутым острым клювом. От его основания в виде дуги спускаются две протомы кошачьих хищников с передними лапами. Уши животных показаны неровными полукруглыми выступами, глаза – небольшими дуговидными углублениями. Пасти хищников открыты. Если крючок перевернуть вверх ногами, то всю композицию венчает фигура лежащего хищника с поджатыми когтистыми лапами, тонким туловищем, приподнятым крупом с загнутым хвостом, длинным, заостренным ухом и загнутым открытым клювом. На обратной стороне крючка имеется шпенок с горизонтальной планкой для крепления. Изображения животных схематичны, контуры фигур мягкие, “оплывшие”. Длина крючка 10,4, ширина в основании 5,4 см (рис. 2, 4).

6. Пять бронзовых литых полых бусин бочковидной формы. Все бусины носят следы длительного использования, они сильно помяты, протерты до дыр. Диаметр бус 2,1 см (рис. 2, 6).

7. Две бронзовые литые полые, но массивные бусины бочковидной формы с закраинами. Закраины орнаментированы косыми рельефными рубчиками. Обе бусины потерты до дыр. Диаметр бусин 3,3–3,5 см (рис. 3, 2).

8. Два бронзовых дуговидных (С-видных) двухдырчатых псалия с уплощенными сферическими окончаниями. Под ними – муфтообразные утолщения. Средняя, плоская часть псалиев 8-образной формы, снизу и сверху ограничена рельефными планочками. На обоих псалиях были хорошо видны следы окислов железного предмета, скорее всего, несохранившегося удил. Длина псалиев 12–12,3 см (рис. 3, 1).

9. Серебряная пряжка, литая, подпрямоугольной формы с загнутым серебряным шпеньком. Боковые грани пряжки в передней части расширяются и образуют лопасти, окончания которых закручены

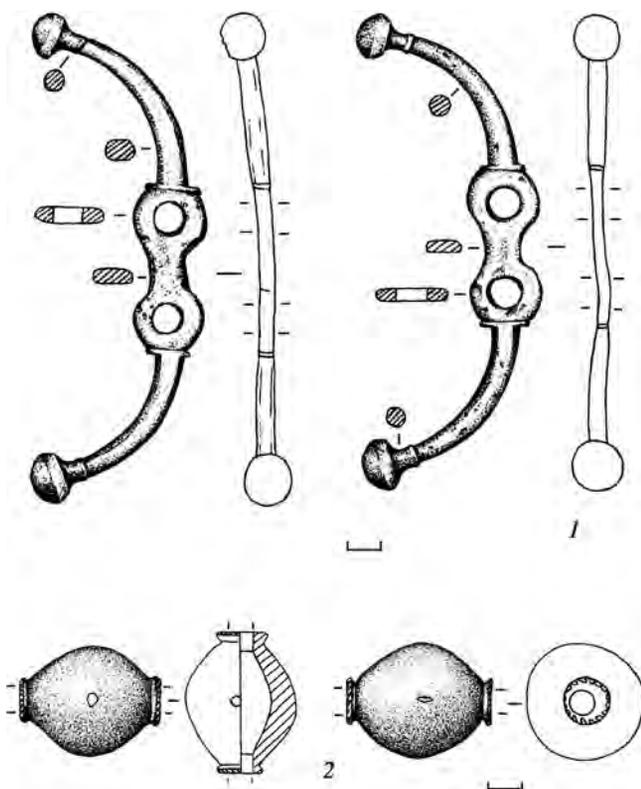

Рис. 3. Бронзовые псалии и бусы.

в спираль. Возможно, лопасти представляют собой предельно схематизированные изображения голов хищных птиц. В корпусе застежки – два отверстия прямоугольной формы – переднее, у шпенька больших размеров, заднее – меньших. Лицевая сторона пряжки покрыта позолотой. Длина ее 5.8, ширина 6.1 см, толщина 3 мм (рис. 4, 3).

10. Две круглые бронзовые бляхи-варворки с выпуклым умбоном и отверстием в центре. Они изготовлены из пластины толщиной 0.5 мм. По краю бляхи окаймлены чеканным точечным орнаментом, умбон обрамлен арочным орнаментом – овами, обращенными вершинами к центру. Орнамент выполнен пуансоном, довольно небрежно. Край одной бляхи обломан. Диаметр бляшек 4.2–4.3 см (рис. 5А, 2).

11. Одна такая же серебряная неорнаментированная бляха диаметром 4.2 см (рис. 4, 2).

12. Две бронзовые бляхи такой же формы, что и предыдущие, но более крупные. Умбон обрамлен чеканным арочным орнаментом в виде ов, обращенных вершинами к центру. Основания арок подчеркнуты точечным орнаментом. Толщина пластины 0.5 мм, диаметр блях 5.5–5.6 см (рис. 5Б, 2).

Четыре серебряных сильно выпуклых, практически конических фалара с плоским кантом. Все бляхи одинаковые, различаются лишь некоторыми деталями конструкции и орнаментальными мотивами (рис. 6, 2–5).

13. В центре фалара помещена восьмилепестковая розетка, выполненная в высоком рельефе, она увенчана небольшим умбончиком с рельефной крестовидной фигурой. По краю бляха обрамлена чеканным орнаментом в виде “бегущей волны” (окружности с точкой в центре, соединенные между собой косыми линиями). На обратной стороне фалара с помощью серебряных заклепок крепилась железная пластинчатая петля. Она не сохранилась, от нее остался след в виде железных окислов. Заклепки были пробиты прямо через орнамент, после его нанесения. Диаметр бляхи 5.8 см (рис. 6, 4).

14. Такой же фалар, но его центральный умбончик оформлен в виде небрежно выполненной вихревой розетки или сегнерова колеса. По краю нанесен чеканный орнамент в виде ряда 8-образных фигур. Петля была такая же, как и у первого фалара, заклепки серебряные. Диаметр бляхи 5.7 см (рис. 6, 2).

15. Идентичный фалар, но центральный умбончик выполнен аккуратно. Заклепки не сохранились. Диаметр бляхи 5.8 см (рис. 6, 3).

16. Такой же фалар, но центральный умбончик не сохранился. По краю бляхи нанесен рубчатый

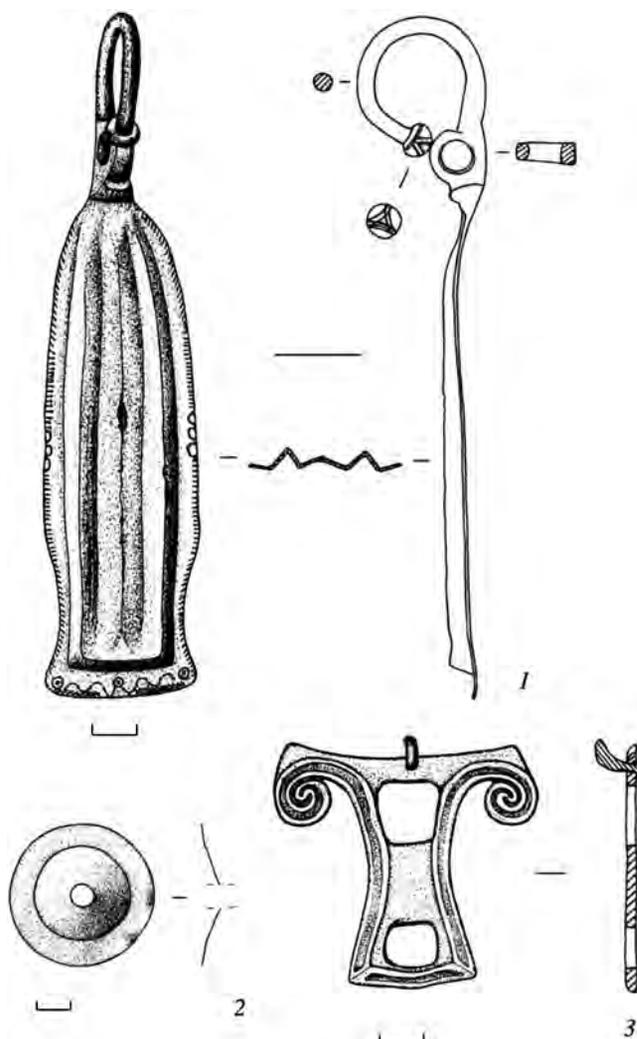

Рис. 4. Серебряные налобник, варворка и пряжка.

орнамент. Этот фалар имел две петли, прикрепленные крест накрест, перпендикулярно друг другу. У первой петли заклепки, как и у трех остальных, были серебряные, а у второй – медные. Возможно, вторая петля была прикреплена позже первой при ремонте фалара. Диаметр бляхи 5.8 см (рис. 6, 5).

Все фалары изготовлены из листа толщиной 1 мм.

17. Большой серебряный фалар, на котором в высоком рельефе оттиснута крестовидная фигура. В центре бляхи имеется высокий умбон в форме усеченного конуса. На лопастях креста помещены овальные выпуклости. Между лопастями имеются четыре выпуклости в виде цветочных бутонов. На оборотной стороне фалара, на противоположных сторонах серебряными заклепками были приклепаны две железные пластинчатые петли. К моменту находки от них остались лишь мелкие фрагменты и след железного окисла. Перпендикулярно петлям, на противоположных сторонах по краям было пробито несколько мелких отверстий. На одной

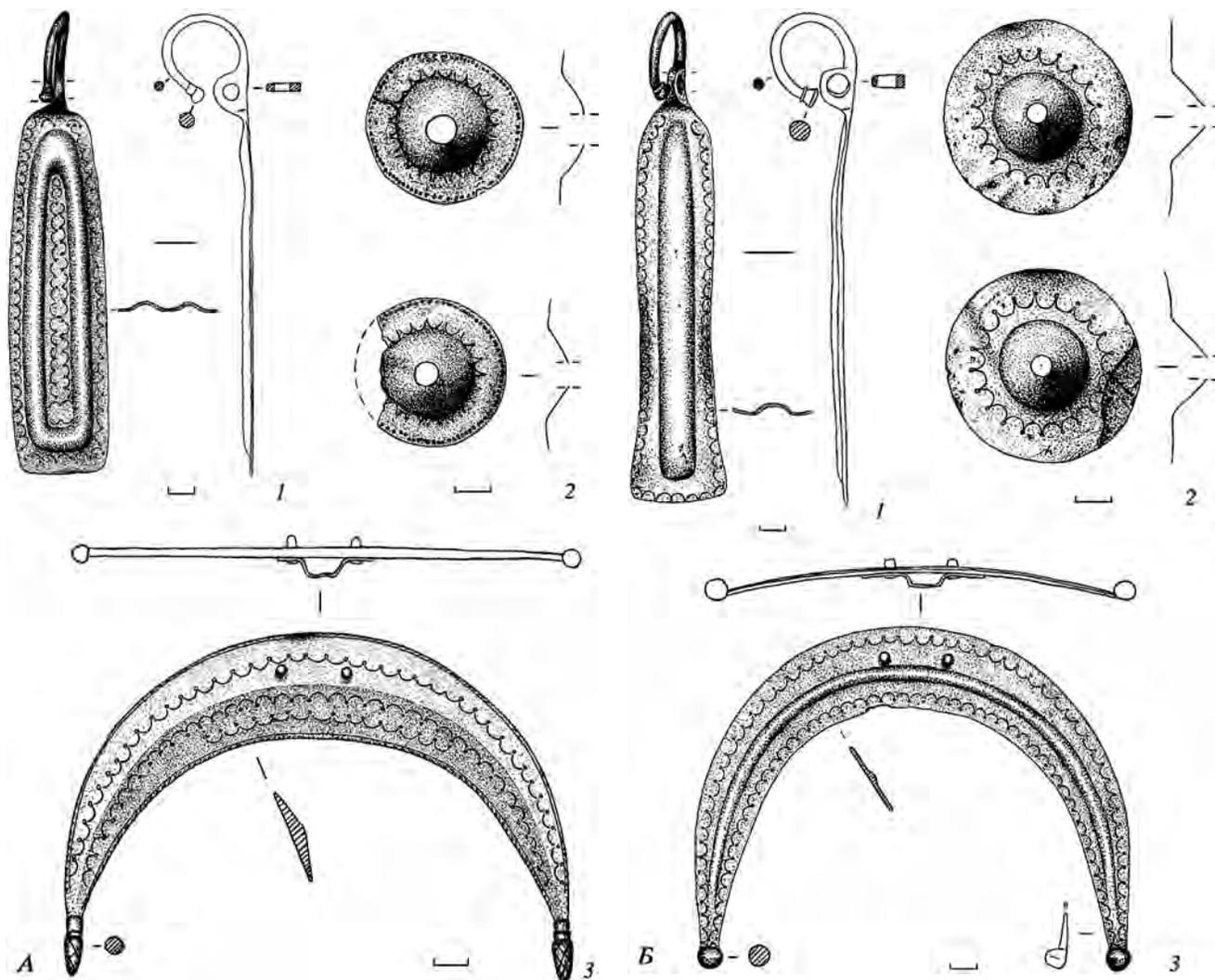

Рис. 5. Бронзовые налобники, варворки и лунницы (А, Б).

стороне четыре – на другой – два. Возможно, они служили для дополнительного крепления бляхи к ремням узды, либо с их помощью к оборотной стороне фалара была пришита какая-то мягкая подкладка, чтобы предохранить кожу лошади от порезов его острым краем. Фалар носит следы длительного использования, в некоторых местах он помят, на одном краю диска имеется трещина. Диаметр бляхи 12,7 см, толщина листа, из которого она изготовлена, 0,5–1 мм (рис. 6, 1).

18. Серебряный пластинчатый налобник с крючком в верхней части. Пластина имеет подпрямоугольную форму, общие очертания ее напоминают стилизованное изображение рыбы. На пластине выдавлено три продольных высоких валика, отделенных друг от друга двумя ложбинками. В местах сгибов металл треснул. Пластина окаймлена чеканным орнаментом из чередующихся косых, прямых насечек и ов. На нижней части помещены три

окружности с точкой в центре, по краям – волнистые линии, подчеркнутые сетчатым орнаментом и разделенные зигзагообразной линией. Возможно, мастер пытался изобразить фигуры двух противостоящих животных. В основании крючка имеется петля с круглым отверстием. На нижней части петли заметна дуговидная резная линия. Навершие крючка имеет грибовидную форму, на нем видны рельефные косые, перекрещивающиеся линии. Длина налобника 15,8, ширина 3,6 см, толщина пластины 1, диаметр стержня крючка 4 мм (рис. 4, 1).

19. Бронзовый пластинчатый налобник с крючком в верхней части. Пластина прямоугольной формы, на ней выдавлен рельефный валик, повторяющий ее очертания. Внутри валика – желобок. По краю пластину окаймляет чеканный орнамент в виде ряда ов, обращенных вершинами внутрь, а в верхней части – наружу. По желобку тем же пуансоном нанесено два продольных ряда ов, обращен-

ных вершинами наружу. Во всех случаях основания ов подчеркнуты точками. Орнамент выполнен небрежно, мастер не сумел точно соблюсти ритмику орнамента и сбился. В верхней части пластины он пытался выправить дефект, но это ему не удалось. В основании крючка – петля с круглым отверстием. Окончание крючка грибовидной формы. Длина налобника 17.6, ширина 3.8 см, толщина пластины 1, диаметр стержня крючка 3.5 мм (рис. 5А, 1).

20. Бронзовый пластинчатый налобник с крючком в верхней части. Пластина подпрямоугольной формы, на ней выдавлен продольный рельефный валик. По краю пластина обрамлена чеканным орнаментом в виде ряда ов, обращенных вершинами внутрь. Основания ов подчеркнуты чеканными точками. В основании крючка – петля с круглым отверстием. Окончание крючка грибовидной формы. Длина налобника 18.9, наибольшая ширина 3.7 см, толщина пластины 1.1 мм, диаметр стержня крючка 4 мм (рис. 5Б, 1).

21. Бронзовая литая, пластинчатая, довольно массивная лунница с продольным рельефным ребром. Окончания лунницы увенчаны полусферическими шариками. Пластина по краям обрамлена чеканным орнаментом в виде ряда арок (ов), обращенных вершинами внутрь. Основания ов подчеркнуты чеканными точками. На оборотной стороне с помощью двух бронзовых заклепок приклепана горизонтальная бронзовая пластинчатая петля, сквозь которую продевался ремень. Ширина лунницы 16.1, высота 12.7 см, наибольшая толщина пластины 3 мм, максимальная ширина 3 см (рис. 5Б, 3).

22. Вторая такая же лунница с выделенным продольным ребром. Ее окончания увенчаны шишечками, на которые нанесен чеканный сетчатый орнамент. На внешней поверхности пластины вдоль ребра нанесены два ряда чеканного орнамента в виде арок, обращенных вершинами внутрь. В нижней части пластины, посередине ее – дополнительный продольный ряд ов, обращенных вершинами наружу. В обоих случаях основания арок подчеркнуты чеканными точками. По краям пластина обрамлена “веревочкой”, причем от середины пластины ее “зубчики” идут в разные стороны. Орнамент выполнен чеканом с прямым рабочим лезвием. На оборотной стороне лунницы, так же как и на первом экземпляре, приклепана горизонтальная пластинчатая петля. Ширина лунницы 14.7, высота – 10.5 см, наибольшая толщина пластины 4.3 мм, максимальная ширина 3.1 см (рис. 5А, 3).

На этом состав вещей “клада” исчерпывается. Находки удалось доставить в Волгоградский областной краеведческий музей, где они ныне и хранятся.

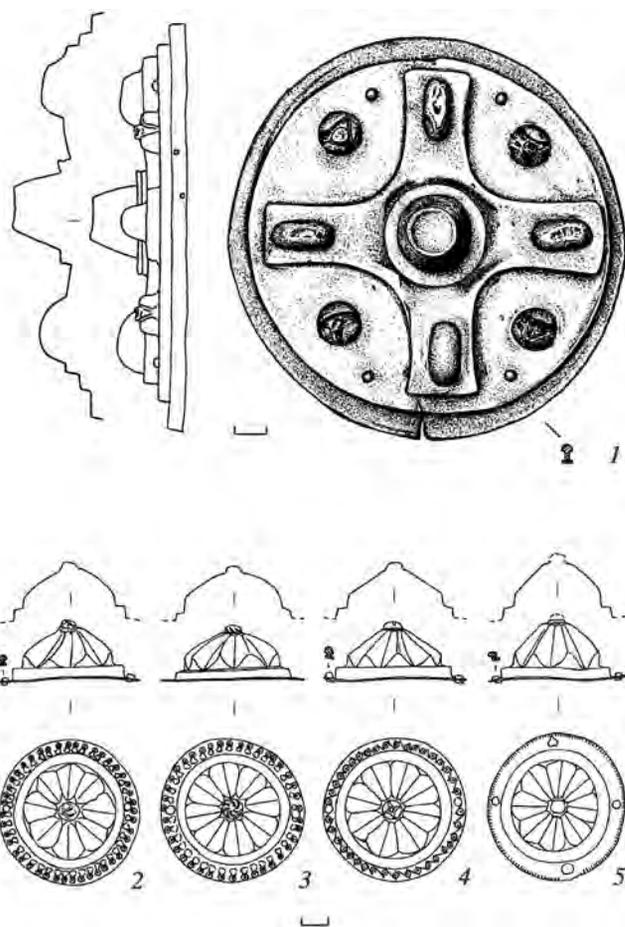

Рис. 6. Большой и малый серебряные фалары.

Комплекс из Качалинской входит в число “кладов”, хорошо известных в Северном Причерноморье, на Дону и Кубани. Так же как и в публикуемом комплексе, в их состав входят металлическая посуда, детали конской узда и предметы вооружения. Почти все находки из Качалинского “клада” оригинальны в деталях, но в то же время имеют довольно обширный круг аналогий, что позволяет установить их хронологические позиции и дату комплекса в целом.

Несмотря на сильную деформацию котла (рис. 1, 2), форма его вполне уверенно определяется. Он принадлежит к типу V, варианту 3, подварианту Б, подробной типологии С.В. Демиденко (1997. Рис. 7). Наиболее точные аналогии сосуду из Качалинской происходят из курганов у с. Булаховка в бассейне р. Самара на Украине, у станицы Новоджерелиевской и близ хутора Элитный на Кубани (Смирнов, 1984. Рис. 51, 1; Анфимов Н.В., 1986. Рис. 1, 6; Анфимов И.Н., 1986. Рис. 2, 5). Дата булаховского комплекса в свое время была определена в пределах конца II–I в. до н.э. (Смирнов, 1984. С. 110). Кубанские комплексы с котлами первона-

Рисунок к ст. Сергацкова

Рис. 3 (к ст. Беляева и др.)

Рис. 3, 2 (к ст. Коробова, Мастыковой)

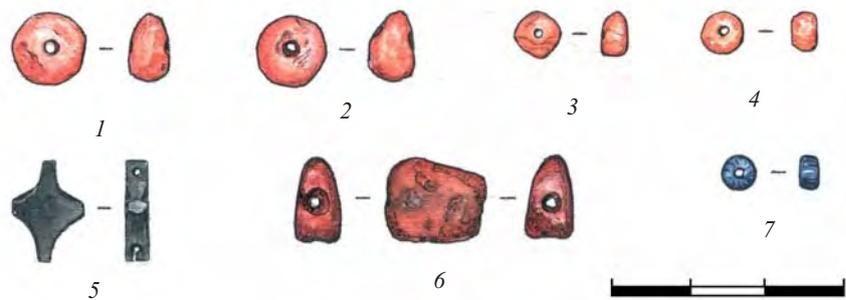

Рисунок к ст. Коробова, Мастыковой

чально были датированы второй половиной или не позднее последней четверти II в. до н.э., однако на основании находок в этих погребениях бронзовых сковородок типа “Айлесфорд” и кружки “Орнавассо–Кьерумгард” И.И. Марченко справедливо указал на неверность этих датировок и предложил для них дату в пределах 90–50-х годов до н.э. (Анфимов Н.В., 1986. С. 189; Анфимов И.Н., 1986. С. 197; Марченко, 1987. С. 49, 50). Довольно близки качалинскому сосуду котлы из могильника у станицы Калининской, кургана Острый у станицы Ярославской и известного захоронения у станицы Воздвиженской, из “клада” близ с. Бобучь (Марченко, 1984. Рис. 4, 8; Гушина, Засецкая, 1989. Табл. II, 18; VI, 67; Нефёдова, 1993. Рис. 1). Суммарная дата перечисленных комплексов укладывается в рамки II в. до н.э. – I в. н.э. При этом впускное погребение из кургана Острый и погребение из кургана у Воздвиженской более поздние. Они датируются последней четвертью I в. до н.э. и первой половиной I в. н.э., хотя для последнего комплекса дата в пределах I в. н.э. также не исключается (Щукин, 1993. С. 109, 110. Рис. 1; Сергацков, 1999. С. 193, 194). Таким образом, оптимальной датой для котла из “клада” у станицы Качалинской представляется II–I вв. до н.э.

К предметам вооружения в “кладе” относятся меч или кинжал, к сожалению, не сохранившийся. Бронзовый колчаный крючок, возможно, являлся деталью портупей или поясной застежкой (рис. 2, 4). Не исключено, что он использовался как подпружинная пряжка. Зооморфные крючки-застежки традиционно считаются одним из ярких признаков среднедонской скифоидной культуры. Их анализу были посвящены специальная статья В.И. Гуляева и обширный раздел в работе Е.И. Савченко (Гуляев, 1969; Савченко, 2004. С. 229–241). Формально и застежку из Качалинской можно отнести к этому кругу. Однако приемлемых аналогий ей в сводках застежек В.И. Гуляева и Е.И. Савченко нет.

Наиболее близок качалинскому крючок из могильника Старица в Астраханской обл., раскопанного под руководством В.П. Шилова (Смирнов, 1989. Табл. 66, 15). Его передняя дуговидная планка оформлена в виде двух протом кошачьих хищников с раскрытыми пастьями. На старицком экземпляре, в отличие от качалинской застежки, передних лап у животных нет, видимо, их должна имитировать продольная планка пряжки. Сами изображения на астраханском крючке имеют достаточно четкие, резко очерченные контуры и несмотря на определенную схематизацию, довольно реалистичны. На застежке из Старицы отсутствует дополнительный персонаж композиции – фигура лежащего фантастического хищника, который есть на качалинском крючке, а

морды “пантер” упираются в заднюю планку пряжки. Старицкую и качалинскую пряжки сближает между собой общая схема композиции, но не стилистика изображений. На качалинском крючке абрис изображений мягкий, “заглаженный” до такой степени, что “оплывший” образ реального животного начинает теряться и превращаться в некий символ. Голова хищной птицы на крючке показана лишь утолщением, глаза кошачьих хищников слегка намечены дуговидным углублением. Черты лежащего хищника до такой степени деформированы, что порода животного не определяется, узнается лишь загнутый хищный клюв. Собственно только по нему животное и считается фантастическим хищником. Сама композиция статична, ее вряд ли можно считать сценой терзания. Фигура лежащего зверя просто приставлена к мордам “пантер” – никакой динамики и экспрессии.

Все это отличает крючок из Качалинского “клада” от застежек скифского времени, которым, в частности, датируется пряжка из Старицкого могильника. Полагаю, что стилистически крючок из Качалинской ближе всего стоит к численно небольшой группе изделий II–I вв. до н.э., хорошо известных в кочевнических древностях евразийских степей, в том числе и в сарматских памятниках. К их числу относятся, например, ажурные бронзовые пряжки с изображением лежащего верблюда или со сценой нападения на верблюда кошачьего хищника (Королькова, 1999. Рис. 4, 7–11; 6). Думается, что датировка крючка в пределах II в. до н.э. не будет выглядеть сильно завышенной.

Оселок (рис. 2, 5) трудно отнести к категории предметов вооружения, не исключено, что он являлся деталью костюма или амулетом, тем более что публикуемый экземпляр, так же как и многие другие, совершенно не носит следов использования по прямому назначению (Грязнов, 1961. С. 142).

Все остальные вещи в составе “клада” относятся к предметам конской узды. Крупные стеклянные бусы в варварской среде довольно часто служили украшениями конской узды. Скорее всего такую же функцию выполняли две бусины из публикуемого комплекса. Первая бусина из глухого темно-синего, практически черного стекла (рис. 2, 1) сопоставима с бусами типа 356 в своде Е.М. Алексеевой. Такие бусы в античных памятниках датируются II–I вв. до н.э. (Алексеева, 1978. Табл. 32, 1, 3, 69). Почти такая же бусина украшала уздечный ремень в погребении у с. Чистенькое в Крыму (Зайцев, 1999. Рис. 7; Симоненко, 2001. Рис. 1). Вторую бусину из глухого красного стекла (рис. 2, 2) с уверенностью можно отнести к типу 355. Единственная в своде Е.М. Алексеевой бусина из Ольвии датируется II в. до н.э. (1978. Табл. 32, 5).

Бронзовая трубочка, свернутая из тонкой пластины (рис. 2, 3), возможно, служила основой султанчика, венчавшего конское оголовье. Бронзовые бусы (рис. 2, 6; 3, 2) скорее всего служили украшением ремней упряжи. Такие или близкие изделия из бронзы, золота и серебра известны в скифских памятниках IV в. до н.э. Они украшали конскую узду, парадное вооружение и нагайки (Тереножкин и др., 1973. Рис. 19, 3; Мозолевский, 1979. Рис. 52, 4; Мозолевский, 1980. Рис. 68, 9; Мозолевский, Полин, 2005. Рис. 100, 1; 104, 9; Алексеев и др., 1991. Кат. 25; Петренко В.Г., 1967. Табл. 27, 57). Не исключено, что бронзовые бусы из состава Качалинского “клада” относятся к тому же времени. Следует отметить, что все бусы носят следы длительного использования: они протерты до дыр и помяты. Учитывая это обстоятельство, такое предположение не выглядит невероятным.

Бронзовые дуговидные (С-видные) псалии (рис. 3, 1) имеют довольно широкую дату. Детали конской узды такого типа из бронзы или железа хорошо известны в скифских памятниках IV в. до н.э. (Мозолевский, 1979. Рис. 6, 1; 24, 2, 5, 7; Ильинская, 1973. Рис. 8, 12; Мелюкова, 1981. Рис. 17, 1; Тереножкин, Мозолевский, 1988. Рис. 152, 5; Манцевич, 1987. Кат. 83, 106, 121, 133; Мозолевский, Полин, 2005. Рис. 68; Переводчикова, Фирсов, 2005. Рис. 2, 6; Савченко, 2001. Рис. 8, 10; 39, 9). Известны они и в сарматских памятниках на территориях восточнее Дона вплоть до лесостепного Приуралья (Савельев, 2008. Рис. 5, 4). Такие же псалии довольно часто встречаются в раннесарматских комплексах, в том числе и в составе “кладов” (Гущина, 1961. Рис. 3, 5; Смирнов, 1984. Рис. 23; 26, 5; 36, 5, 6; 37, 2; 38, 7; Яценко, 1962. Рис. 15, 4–6; Симоненко, 2001. Рис. 5, 6; Редина, Симоненко, 2002. Рис. 3, 7, 8). По большей части эти комплексы датируются II–I вв. до н.э. Выделить среди псалиев рассматриваемого типа варианты или отдельные экземпляры с узкой датой очень трудно, если вообще возможно.

Приемлемых аналогий серебряной пряжке (рис. 4, 3) среди опубликованных материалов скифо-сарматского времени мне не известно. Таких застежек нет ни среди портупейной и поясной гарнитуры, ни среди пряжек конской упряжи. Вероятно, это индивидуальное изделие, не имеющее аналогий. Предположение о том, что форма качалинской пряжки имитирует форму капители ахеменидских колонн с обращенными в разные стороны протомами животных или капители ионийского стиля, безусловно, интересно, но остается только предположением¹.

¹ Мысль А.Р. Канторовича, высказанная им на заседании Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН и в личной беседе. Приношу ему свою благодарность за консультацию.

Назначение больших и малых блях с отверстиями в центре (рис. 5А, 2; Б, 2) точно не известно. Они могли служить варворками или подвесками, могли украшать уздечные ремни. Арочная и точечная орнаментация стилистически сближает их с бронзовыми налобниками и лунницами из рассматриваемого комплекса. Близкую аналогию качалинским бляхам составляет варворка из Клименковского “клада”, орнаментированная по краю чеканными кружками (Яценко, 1962. Рис. 15, 7). Но пожалуй, самой точной аналогией является бляха из состава Янчокракского “клада”. По краю она также орнаментирована чеканными овами. Ее отличия состоят в том, что она вся покрыта орнаментом, и по краям – два дополнительных отверстия для крепления к ремню (Гущина, 1969. Рис. 2, 10). Чуть более отдаленную аналогию, но относящуюся все же к этому же кругу вещей, представляет собой бляха из Балаклеи (Mordvinceva, 2001. Taf. 34, 66). И Клименковский, и Янчокракский “клады”, и комплекс из Балаклеи датируются в рамках II–I вв. до н.э. Видимо, эта дата вполне приемлема и для блях из состава Качалинского “клада”.

Четыре малых серебряных фалара, по всей вероятности, являются бляхами оголовья. Как уже ранее отмечалось, они все одинаковые и отличаются друг от друга лишь незначительными деталями конструкции и орнаментации (рис. 6, 2–5). Сильно выпуклая форма фаларов, изображения, выполненные в высоком рельефе, и орнаментальные мотивы характерны для таких украшений последних веков до н.э. При этом качалинские бляхи оригинальны, и в наиболее подробной на сегодняшний день сводке фаларов В.И. Мордвинцевой подобных им нет. Отдельные детали изображений и орнаментальные мотивы рассматриваемых блях хорошо известны в торовитке эпохи позднего эллинизма, в том числе и на предметах конской упряжи. На одном из публикуемых фаларов имеется умбончик с крестовидной фигурой, возможно, это изображение цветочного бутона (рис. 6, 4). Такие умбоны есть на бляхах из Васюриной Горы и из Таганрогского “клада” (Mordvinceva, 2001. Taf. 9, 20, 21; 22, 46; 24). Этот же фалар по краю обрамлен “бегущей волной”. Вид орнамента – один из самых популярных в искусстве эллинистической эпохи. Однако на качалинской бляхе мы видим не классический киматий, а довольно стилизованную “бегущую волну”. В такой же манере выполнен орнамент на бляхах из Старобельского “клада” (Mordvinceva, 2001. Taf. 30, 55, 56). Изображения вихревой розетки или сегнерова колеса хорошо известны на фаларах. Они помещены на бляхах из станицы Ахтанизовской, Васюриной Горы и Клименковского “клада”, на фаларах из Веселой Долины и Новых Бедражей (Mordvinceva,

2001. Taf. 7, 17; 9, 20, 21; 11, 28; Редина, Симоненко, 2002. Рис. 2, 1, 2; 5, 3). Орнаментальная кайма на двух фаларах (рис. 6, 2, 3) оригинальна и не находит аналогий.

Большой серебряный фалар (рис. 6, 1), видимо, является наплечной или нагрудной бляхой. Он довольно оригинален, и единственной, почти точной аналогией ему я могу назвать только серебряные с позолотой фалары из станицы Ахтанизовской (Спицын, 1909. Рис. 21; Mordvinceva, 2001. Taf. 8, 19). Они немного меньше качалинского, имеют орнаментацию по краю и на центральном умбоне, но композиция изображения и на ахтанизовских, и на качалинской бляхах абсолютно одинакова. На публикуемом фаларе между лопастями крестовидной фигуры помещены выпуклости в форме цветочных бутонов. Точно такую же форму имеют центральные умбоны на уже упоминавшихся бляхах из Васюриной Горы и Таганрога. Почти такой же умбончик помещен и на одном из малых фаларов Качалинского “клада” (рис. 6, 4), что в известной степени сближает их.

Символика изображений на публикуемых фаларах, как и практически на всех других бляхах сарматской узды, имеет ярко выраженный солярный характер. Это не удивительно, ведь у индоиранцев лошадь считалась солнечным животным. В этом отношении представляет интерес известный отрывок из труда Геродота о посвящении Солнцу коней у массагетов (Геродот. I. 216). Впрочем, семантика изображений не является предметом исследования этой статьи.

Сильная выпуклость фаларов, изображения, выполненные в высоком рельефе, орнаментальные мотивы – все эти признаки с полной определенностью позволяют отнести фалары из Качалинской к довольно большой группе блях конской упряжи, происходящих из южнорусских степей и датированных позднеэллинистическим временем, в пределах II–I вв. до н.э.

Несмотря на некоторые отличия друг от друга в деталях, все три налобника (рис. 4, 1; 5А, 1; Б, 1) роднят между собой прямоугольная форма пластинчатых корпусов, крючки с петлей у основания и их грибовидные навершия. Очертания пластины серебряного налобника (рис. 4, 1) напоминают изображение рыбы. В скифском искусстве изображения рыб не часты, но хорошо известны, в том числе имеются и конские пластинчатые налобники в форме рыб, довольно близкие по форме качалинскому (Манцевич, 1987. С. 40, 41. Кат. 13, 16).

Бронзовые налобники (рис. 5А, 1; Б, 1) хоть и отличаются друг от друга в деталях, но, несомненно, относятся к одному типу. Среди группы пластинчатых налобников с крючком наиболее точную анало-

гию качалинским экземплярам составляют налобники из Бобуеча, Великопоского, Клименковского и Антиповки (Симоненко, 1982. Рис. 1). Интересно, что на пластине из Антиповки помещен орнамент, стилистически и композиционно очень близкий орнаменту на серебряном налобнике из Качалинской (Гущина, 1961. Рис. 2, 3). Первоначально такие налобники были датированы III–I вв. до н.э. (Симоненко, 1982. С. 242). Позднее их дата была определена в пределах II–I вв. до н.э., что представляется наиболее вероятным (Полин, 1992. С. 50–66; Редина, Симоненко, 2002. С. 83).

Вопрос о культурной принадлежности этой категории находок – позднескифской или сарматской – дискусионен. Мнение об их скифском происхождении базировалось на двух доказательствах: существует очевидная генетическая связь таких украшений со скифскими налобниками V–IV вв. до н.э.; из Неаполя Скифского происходит литейная форма для отливки пластинчатого налобника с крючком (Симоненко, 1982. С. 242–244; Высотская, 1979. С. 120–122. Рис. 55; Канторович, 2007. С. 74–77). Однако абсолютное большинство таких украшений найдено не в скифских погребальных или бытовых комплексах, а в “кладах”, этнокультурная принадлежность которых продолжает оставаться спорной (Полин, 1992. С. 65, 66; Симоненко, 2001. С. 94–96; Щукин, 1994. С. 97, 98). В то же время на территории Азиатской Сарматии, до находки в Качалинской, вообще не было известно ни одного налобника – ни в погребениях, ни в числе случайных находок. Им нет прототипов ни среди деталей конской узды в собственно сарматских древностях III–II вв. до н.э., ни в Поволжье, ни в Южном Приуралье. Это обстоятельство ставит под сомнение сарматскую принадлежность налобников. Думается, “позднескифский вариант” их происхождения в этом смысле имеет больше оснований.

Бронзовые лунницы (рис. 5А, 3; Б, 3), скорее всего, выполняли функции нагрудных блях. Еще в скифскую эпоху подвески-лунницы довольно часто украшали парадную упряжь, в том числе и нагрудники (Петренко В.Г., 1967. Табл. 25, 3, 4; Ильинская, 1973. Рис. 3, 4; Тереножкин, Мозолевский, 1988. Рис. 157–160; Мозолевский, Полин, 2005. Рис. 72; Переводчикова, Фирсов, 2005. Рис. 4). Однако следует отметить, что по большей части это подвески небольшого размера, вырезанные из тонких бронзовых пластин. В составе “кладов” II–I вв. до н.э. известно несколько пластин, по форме близких к качалинским, которые скорее всего служили нагрудными украшениями конского убора (Симоненко, 1986. Рис. 1, 8; Петренко В.А., 1975. Рис. 1, 7). Самой точной аналогией качалинским лунницам, вплоть до размеров, является пластина

из станицы Гиагинской в Прикубанье (Канторович, Эрлих, 2006. С. 143, 228. Кат. 132).

Учитывая приведенные аналогии и хронологические позиции всех находок, общую дату “клада” из станицы Качалинской можно определить в рамках II в. до н.э., а принимая во внимание датировку стеклянных глазчатых бус, видимо, не стоит полностью исключать и первую половину I в. до н.э.

Находка с берегов Дона принадлежит к кругу комплексов, за которыми закрепилось условное название кладов. Вещи из этих комплексов уже давно привлекали внимание исследователей и неоднократно рассматривались в литературе (Спицын, 1909; Ростовцев, 1993). Сейчас известно более 20 таких “кладов”. Они концентрируются в Причерноморье, Приазовье, Прикубанье и на Дону и представляют собой особую категорию памятников – жертвенные или поминальные комплексы, не связанные напрямую с погребениями, даже тогда, когда они были найдены в насыпях курганов (Симоненко, 1993. С. 89, 90; Редина, Симоненко, 2002. С. 85, 86. Рис. 9). С легкой руки М.Б. Шукина за ними в литературе закрепилось название “странные комплексы” из-за того, что в них сочетаются разнокультурные, а подчас и разновременные вещи (Шукин, 1994. С. 97). “Клад” из окрестностей Качалинской в полной мере соответствует этому определению. Котел, колчаный крючок, фалары (с известной долей условности) можно отнести к кругу вещей сарматских древностей. Налобники и нагрудные бляхи-лунницы, скорее всего, имеют позднескифское происхождение. Однако это деление на две разнокультурные группы вещей может считаться лишь формальным. В состав комплекса входят детали от трех наборов конского убранства. Судя по единству художественного стиля, одним и тем же орнаментальным мотивам, выполненным одним и тем же чеканом, малые серебряные фалары и серебряный налобник (рис. 4, 1; 6, 2–5) изготовлены если не одним мастером, то, вероятнее всего, в одной мастерской. Они составляют первый набор. Возможно, к нему следует причислить серебряную варворку (рис. 4, 2). Не берусь уверенно утверждать, что к нему же следует относить серебряную пряжку и большой серебряный фалар (рис. 4, 3; 6, 1). Стилистически они, конечно, отличаются от фаларов и налобника. Если исходить из приведенных признаков и степени четкости изображений, то малые варворки, первый из бронзовых налобников и вторая (меньшая) лунница (рис. 5А, 3) относятся ко второму набору². Две большие варворки, второй

бронзовый налобник и первая лунница (рис. 5Б, 3), видимо, принадлежат к третьему набору. Если два последних набора стилистически чрезвычайно близки друг другу и, скорее всего, были произведены в одной мастерской, то первый демонстрирует несколько отличную от них художественную традицию. Вероятно, в отношении него следует предполагать другой художественно-производственный центр, в котором он был изготовлен.

В состав “странных комплексов” входит вполне определенный набор вещей: металлическая посуда (литые котлы или кованые ситулы), предметы вооружения и детали конской узда. Такое сочетание вещей в раннесарматских погребальных комплексах II–I вв. до н.э. встречается довольно редко – лишь в захоронениях знати. Причем, как совершенно верно подметил А.В. Симоненко, даже в них не содержится более одного уздечного комплекта (Редина, Симоненко, 2002. С. 85). В Качалинском “кладе” их три, что лишний раз свидетельствует в пользу его определения как жертвенного или поминального комплекса.

“Клады”, подобные Качалинскому, рассматривались исследователями в рамках проблемы появления сарматов в Северном Причерноморье и установления там их политической гегемонии (Смирнов, 1984. С. 72–114; Полин, 1992. С. 50–66; Медведев, 2004. С. 86–88). Что же касается территории восточнее Дона, то дело обстоит сложнее. Во II–I вв. до н.э. в междуречье Волги и Дона кроме Качалинского “клада” есть еще только один подобный комплекс – Жутовский. В кургане 27 Жутовского могильника при кладоискательских раскопках был найден бронзовый литой котел и набор фаларов. До сего дня из всего комплекса сохранилась лишь часть фаларов, находящаяся в Волгоградском областном краеведческом музее (Мордвинцева, 1994. С. 96–99). Сам курган относился к скифскому времени, видимо, к VI–V вв. до н.э. В нем было богатое впускное раннесарматское погребение II в. до н.э., однако напрямую фалары и котел с ним связаны не были. То есть, это был, скорее всего, такой же жертвенно-поминальный комплекс, как и целая группа ему подобных. Качалинский и Жутовский комплексы являются пока самыми восточными в серии “кладов” II–I вв. до н.э. В Заволжье и Южном Приуралье, на “исконных” сарматских территориях, “странных комплексов” нет ни одного. Находки фаларов позднеэллинистического времени и деталей конской узды известны здесь только в погребениях, а не в “кладах” (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981. С. 100–105; Кушаев, 1993. Рис. 13, 14; Otchir-Goriaeva, 2002. Abb. 7). На территории Азиатской Сарматии нет поминальных комплексов и более раннего времени, т.е. истоков обычая оставлять

² Орнамент на них нанесен небрежно, с ошибками, чеканка не глубокая, в отличие от изображений на вещах третьего набора, выполненных уверенной рукой. Может быть, в первом случае чеканка производилась неопытным мастером или учеником.

“клады” в качестве поминальных или жертвенных комплексов у кочевников Волго-Уральских степей, судя по всему, не было. Выявление их – одна из задач сарматской археологии.

Думается, что А.В. Симоненко несколько поспешил с подведением итогов в деле изучения этих интереснейших комплексов II–I вв. до н.э. (Редина, Симоненко, 2002. С. 86). Его версия, что какая-то часть “кладов”, в первую очередь в Северо-Западном Причерноморье, была оставлена союзниками Митридата VI Евпатора сираками, находившимися в составе конной орды, направленной царем Понтийской державы на Рим через Фракию, конечно интересна, но трудно доказуема (Симоненко, 2001. С. 95, 96). Во-первых, неизвестно предпринималась ли вообще попытка этого масштабного рейда. Во-вторых, она не объясняет наличия “странных комплексов” в глубинных районах Волго-Донских степей, например Клименковского, Антиповского, Левороссошанского, Жutowского и Качалинского “кладов”. Два последних комплекса расположены на территории, которую, судя по этногеографической номенклатуре Страбона, во II–I вв. до н.э. занимали аорсы или верхние аорсы – кочевые объединения куда более мощные, чем сираки. Они тоже могут претендовать на “авторство” некоторых “кладов”. Может быть, у некоторых групп кочевников существовал обычай маркировать такими жертвенными комплексами подконтрольные им территории?

Содержательная сторона этих комплексов, несомненно, определяется религиозными представлениями сарматов. К сожалению, они нам практически неизвестны. Вынужден констатировать, что “странные комплексы” пока оставляют за собой это образное название.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- Анфимов И.Н.* Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
- Анфимов Н.В.* Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
- Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
- Грязнов М.П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969 (МИА; № 151).
- Гущина И.И.* Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2.
- Гущина И.И.* Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М., 1969.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989 (Тр. ГИМ; Вып. 70).
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. 1981. № 168.
- Демиденко С.В.* Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. М., 1997.
- Зайцев Ю.П.* Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2.
- Ильинская В.А.* Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973.
- Канторович А.Р.* Конские налобники/наносники с петель и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля // Ранний залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: Матер. міжнар. наук. конф. Київ; Чигирин, 2007.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи VIII–III века до н.э. М., 2006.
- Королькова Е.Ф.* Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологический сборник. Гос. Эрмитажа. Вып. 34. СПб., 1999.
- Кушаев Г.А.* Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск, 1993.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л., 1987.
- Марченко И.И.* Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
- Марченко И.И.* К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани. Краснодар, 1987.
- Медведев А.П.* Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004.
- Мелюкова А.И.* Краснокутский курган. М., 1981.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Геррота IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.
- Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ, 1979.

- Мордвинцева В.И.* Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника // ПАВ. 1994. Вып. 8.
- Нефёдова Е.С.* Бубуечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации) // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III-го археологического семинара). Ч. II. Новочеркасск, 1993.
- Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б.* К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.
- Петренко В.А.* Клад конского снаряжения из второго Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия) // СА. 1975. № 4.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в V–III вв. до н.э. М., 1967 (САИ; Вып. Д1-4).
- Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Редина Е.Ф., Симоненко А.В.* “Клад” конца II–I вв. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Ростовцев М.И.* Сарматские и индо-скифские древности // ЗКУЮКА. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб., 1993 (ПАВ; Вып. 5).
- Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008.
- Савченко Е.И.* Могильник скифского времени “Терновое I – Колбино I” на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М., 2001.
- Савченко Е.И.* Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.
- Сергацков И.В.* Серебряный кубок из Бердии и некоторые вопросы истории сарматов I в. н.э. // Археологические вести. № 6. СПб., 1999.
- Симоненко А.В.* О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Симоненко А.В.* “Клады” снаряжения всадника II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археолог. конф.: Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Симоненко А.В.* Погребение у с. Чистенькое и “странные” комплексы последних веков до н.э. // НАВ. Вып. 4. Волгоград, 2001.
- Симоненко О.В.* Пізньоскіфський комплекс з с. Мар’ївка Миколаївської обл. // Археологія. 1986. № 55.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Спицын А.А.* Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. СПб., 1909.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Щукин М.Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1993.
- Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Яценко И.В.* Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Дона // КСИА. 1962. Вып. 89.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden / Westf., 2001.
- Otchir-Goriaeva M.A.* Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien // Eurasia Antiqua. Bd. 8. Mainz am Rhein, 2002.

The 2nd millennium BC “hoard” from the vicinity of Kachalinskaya stanitsa

I.V.Sergatskov

Summary

In summer 2007, an artifact assemblage, provisionally named a “hoard”, was found in the vicinity of Kachalinskaya stanitsa, on the outskirts of Sady Pridon’ya village (left bank of the Don, Iovlinsky region of Volgograd oblast’) in the course of construction works. The assemblage comprised bronze and silver elements of horse bridle, bronze and glass beads, a bronze quiver-hook in the animal style, a whetstone and a sword or dagger which has not survived. All the artifacts were inside a cast bronze cauldron. On the basis of analogies the “hoard” can be interpreted as belonging to Early Sarmatian culture and dated to the 2nd millennium BC. It is a memorial, sacrificial assemblage, comprising elements of three ceremonial sets of horse bridle. M.B. Schukin used the phrase “strange assemblages” to describe this type of find. The assemblages in question are encountered in North Pontic, Azov and Kuban steppes. The “hoard” from the vicinity of Kachalinskaya stanitsa is so far the easternmost.

НАБОР БУС ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ VII в. НА АЛАНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ БЛИЗ КИСЛОВОДСКА

Д.С. Коробов, А.В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва

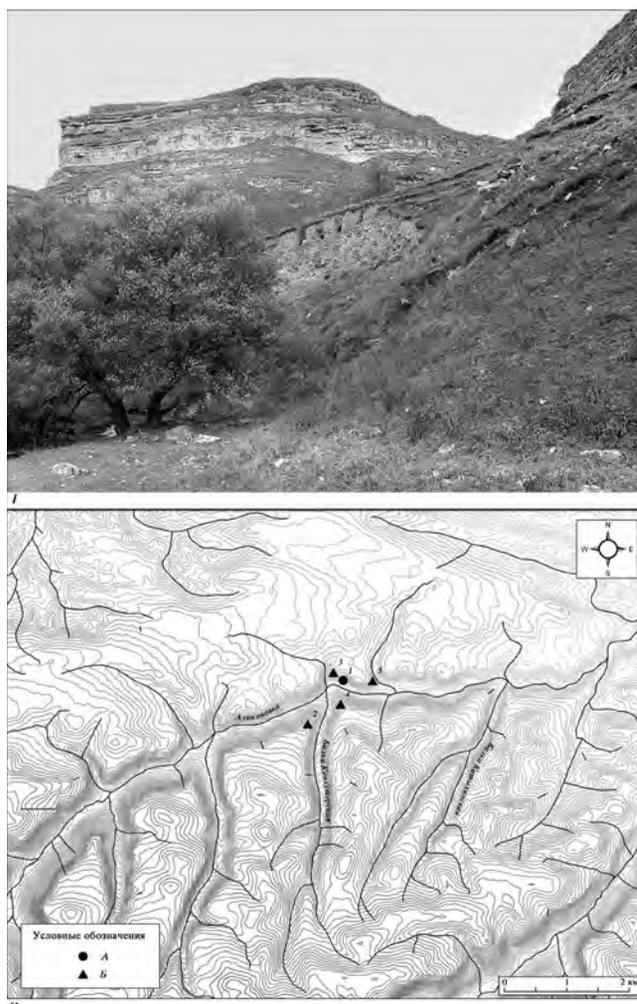
Археологические исследования Кисловодской котловины, насчитывающие уже более 150 лет, привели к обнаружению многочисленных катакомбных могильников эпохи раннего средневековья. В настоящий момент имеются сведения о 55 некрополях на территории г. Кисловодска и в его ближайших окрестностях. В 28 из них исследовано 400 катакомбных захоронений IV–VIII вв. н.э. Краткие сведения об этих ярых погребальных памятниках, а также историю их исследования можно найти в недавно опубликованном каталоге археологических древностей Кисловодской котловины (Афанасьев и др., 2004).

Несмотря на весьма хорошую изученность региона, ежегодно появляются новые материалы из катакомбных захоронений, принадлежавших, по общепризнанному мнению, аланскому этносу. Так, в 2007–2008 годах Кисловодской археологической экспедицией ИА РАН осуществлялись раскопки нового катакомбного могильника Конхуторский 2, расположенного в долине р. Аlikоновка¹. Исследования носили охранно-спасательный характер, поскольку найденные катакомбы были разграблены в недавнее время. Настоящая статья посвящена интересным находкам, сделанным в одной из исследованных катакомб, относящихся к VII в. н.э. Полная публикация материалов могильника Конхуторский 2 будет осуществлена в ближайшее время (Коробов, Кадиева, в печати).

Сведения о новом катакомбном могильнике поступили в Кисловодский историко-архитектурный музей “Крепость” в мае 2006 г. В 2007 г. было осуществлено исследование двух катакомб этого могильника (Коробов, Райнхольд, в печати). В 2008 г. на месте разрушенных катакомбных захоронений был заложен раскоп площадью около 30 м², в котором исследованы еще три катакомбы (Коробов, Райнхольд, в печати).

Могильник расположен на крутом склоне левого берега р. Аlikоновка, напротив устья балки Конхуторская, мыс по левому берегу которой занят одноименным укреплением № 1 (№ 312,

313²). Здесь на отвесном обрыве в осыпи, образовавшейся после наводнения 2003 г., обнажились дромосы как минимум пяти катакомб (рис. 1, I). Они расположены на юго-восточном склоне левого берега реки, вершина которого имеет отвесные

Рис. 1. I – вид с юго-востока на разрушенные катакомбы могильника Конхуторский 2; II – расположение памятников в долине р. Аlikоновка: 1 – Конхуторский 2; 2 – Конхуторское 1; 3 – Зуретинское; 4 – Конхуторское Правобережное 1; 5 – Красные Пески. Условные обозначения: А – могильник; Б – укрепление.

¹ Выражаем глубокую благодарность С.Н. Савенко, К.М. Магомедову и всем сотрудникам Кисловодской археологической экспедиции ИА РАН, принимавшим участие в работах на могильнике и обработке материала.

² Здесь и далее используются номера памятников по каталогу у древностей Кисловодской котловины (Афанасьев и др., 2004).

скальные выходы. На этой вершине к северо-западу от могильника на расстоянии около 200 м находится укрепление Зуретинское (№ 775). К востоку от могильника, на другой стороне ровного скального плато на левом берегу Аlikоновки, на расстоянии около 480 м расположено укрепление Красные Пески (№ 359, 360). На противоположном берегу реки южнее могильника на вершине плато на расстоянии около 370 м находится укрепление Конхуторское Правобережное 1 (№ 779), а к юго-западу на вершине мыса, образованного балкой Конхуторская, – вышеупомянутое укрепление Конхуторское 1 (расстояние по прямой около 860 м) (рис. 1, II). Таким образом, катакомбный могильник находится в окружении четырех раннесредневековых укреплений и может относиться к любому из них. Скорее всего он оставлен населением укрепления Зуретинское, которое находится в непосредственной близости от могильника выше по склону.

Все пять дромосов катакомб, обнажившихся в результате обрушения берега, были расчищены грабителями и имели следы проникновения в камеры. В 2008 г. над обнажившимися входами в катакомбные захоронения на краю обрыва был разбит раскоп 1; исследованные в нем катакомбы были пронумерованы с востока на запад (рис. 2, 1). Мы рассмотрим катакомбу 2, в которой, несмотря на то что она была ограблена, сохранился выразительный погребальный инвентарь.

Катакомба 2, как и другие, была хорошо видна в осыпи за счет своего заполнения – темно-серой сухой рассыпчатой супеси с мелким известняком. Дромос катакомбы практически полностью разрушен осыпью. Он ориентирован по линии север–юг, камера расположена с северной стороны (рис. 2, 2). Грабители выкинули грунт из заполнения дромоса вниз, поэтому на момент осмотра он был уже наполовину открыт до уровня верхнего края закладной плиты (рис. 3, 1). Закладная плита стояла на своем месте, грабители пробили выше ее отверстие, расширив, таким образом, лаз и проникнув в камеру (рис. 2, 4). В остатках заполнения дромоса при его расчистке встречались фрагменты керамики и мелкие угольки.

Закладная плита была плотно обмазана глиной, щели были заложены мелкими камнями. У верхнего края закладной плиты в заполнении найден фрагмент керамической кружечки (рис. 4, 1), которая скорее всего находилась в дромосе катакомбы, но могла попасть сюда и из погребальной камеры. Она обнаружена на глубине 120 см от поверхности над дромосом. На уровне верхнего края закладной плиты, стоящей вертикально, была найдена каменная плита, лежащая горизонтально в заполнении дромоса, размерами 70 × 46 × 10–13 см (рис. 3, 1).

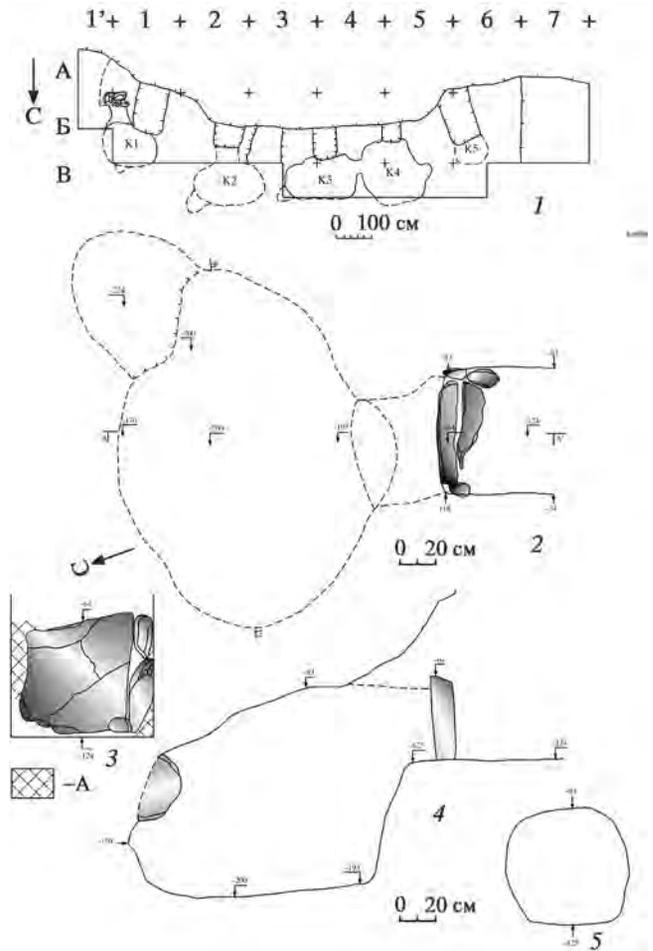

Рис. 2. 1 – план раскопа 1 на могильнике Конхуторский 2; 2 – план катакомбы 2 могильника Конхуторский 2; 3 – вид снаружи на закладную плиту в катакомбу 2; 4 – разрез А–А' катакомбы 2; 5 – вид изнутри на лаз в катакомбу 2 могильника Конхуторский 2; А – глиняная замазка с мелкими камнями.

Закладная плита из светлого известняка высотой 0,57 м стояла вертикально *in situ*. Помимо заделки щелей камнями, боковые и нижняя стороны плиты были обмазаны слоем светло-коричневой глины мощностью до 20 см (рис. 2, 3).

Верхняя часть лаза уничтожена грабителями (рис. 2, 5). Дно лаза перед ступенькой в камеру имеет небольшой наклон вниз. Высота ступеньки-порога в камеру – 0,70 м. Ступенька имеет неровную поверхность из-за выступающих здесь в материковом грунте камней.

Камера имела овальную форму, длинная ось ее ориентирована по линии запад-восток, перпендикулярно длинной оси дромоса (рис. 2, 2). Свод камеры сохранился на высоту 0,80–0,85 м от ее дна, вероятно, он имел полусферическое завершение (рис. 2, 3). Камера не была заполнена грунтом, но на дне ее находилось рыхлое заполнение в виде супеси серого цвета вперемешку с упавшими со свода ка-

1

2

Рис. 3. 1 – вид сверху с северо-северо-запада на остатки дромоса и закладную плиту катакомбы 2 могильника Конхуторский 2; 2 – золотые серьги из катакомбы 2 могильника Конхуторский 2 (см. цветную вклейку № 4).

меры камнями, костями погребенных и предметами погребального инвентаря: кости погребенных и погребальный инвентарь находились в перемещенном состоянии. Результаты антропологического исследования показали, что в катакомбе были обнаружены кости посткраниальных скелетов двух взрослых индивидов³. К сожалению, их сохранность не позволяет сделать какие-либо детальные выводы о половозрастной принадлежности погребенных.

Перейдем к описанию предметов, оставшихся после ограбления могилы. В средней части камеры в заполнении найдены четыре сердоликовые бусины дисковидной формы (рис. 4, 6; цветная вклейка № 4, 1–4) и бронзовая застежка с петлей по центру⁴ (рис. 4, 4). По центру камеры обнаружена бронзовая двучленная пружинная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника (рис. 4, 18).

³ Анализ проведен аспирантом МГУ Н.Я. Березиной.

⁴ Функция этого предмета до конца не ясна, ее называют еще “пуговицей-скалочкой”, “костыльковой” подвеской и т.д.

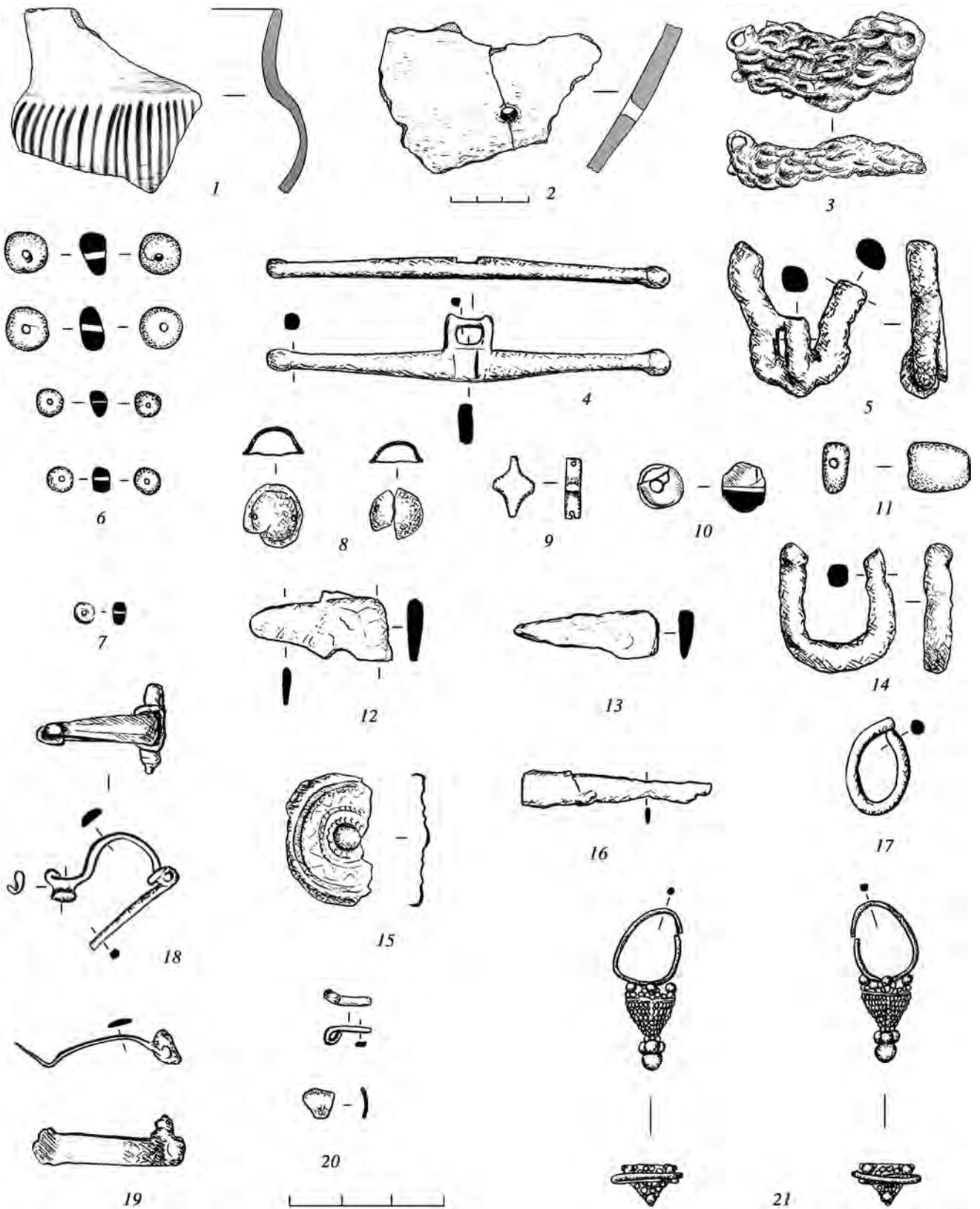
В западной части камеры вперемешку с грунтом заполнения и костями найдены: фрагмент железной пряжки с прогнутыми боками рамки и остатками язычка (рис. 4, 5); две золотые серьги со сцепленными дужками (рис. 3, 2; 4, 21); бронзовая серьга-колючко (рис. 4, 17); два фрагмента железного ножа (рис. 4, 12, 13); две полусферические бронзовые бляшки (рис. 4, 8); мелкие фрагменты бронзовых изделий (рис. 4, 20); гагатовый крестовидный разделитель (рис. 4, 9; цветная вклейка № 4, 5); стеклянная бусина (рис. 4, 10); фрагмент железной кольчужной секции⁵ (рис. 4, 3); фрагмент керамического сосуда со следами ремонта (рис. 4, 2); фрагменты кружки (рис. 5, 1) и кувшинчика (рис. 5, 2);

Кроме того, при переборке грунта были найдены следующие предметы: янтарная бусина плоской ребристой формы (рис. 4, 11; цвет. 6); фрагмент бронзовой поясной (?) накладки (рис. 4, 15); фрагмент бронзовой фибулы со следами железной иглы (рис. 4, 19); фрагмент железного ножа (рис. 4, 16); округлая сине-фиолетовая стеклянная мелкая бусина (рис. 4, 7; цветная вклейка № 4, 7); фрагмент железного предмета подковообразной формы (рис. 4, 14) и два фрагмента керамики.

Несмотря на то что рассматриваемый комплекс был ограблен, тем не менее сохранившиеся в нем предметы погребального инвентаря позволяют сделать некоторые выводы. Прежде всего это касается интересной формы бронзовой застежки с петлей по центру (рис. 4, 4). По мнению Д.С. Коробова, она является переходным типом между аналогичными по форме и размерам застежками, но не имеющими петельки, например из могильников Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 64, 4; 75, 12; 104, 13; 128, 13; 131, 7), Клинь-Яр 3 (Флёрв, 2000. Рис. 30, 4) и распространенными в более позднее время весьма типичными “копоушками” салтово-маяцкой культуры, имеющими подобную петельку, но обладающими меньшими размерами (Плетнева, 1989. Рис. 55, 2; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XX, 15).

Обнаруженные в погребении золотые серьги представляют собой перевернутую пирамидку из грубой зерни, на окончании которой припаяны три мелких шарика и один крупный (рис. 3, 2; 4, 21). Такие серьги относятся к типу 5 отдела 3, по классификации В.Б. Ковалевской, и датируются ею рубежом VII–VIII вв. н.э. (1995. С. 162, 170. Рис. 6, 31). Подобные серьги с пирамидальной подвеской наряду с гагатовыми крестовидными разделителями (рис. 4, 9; цветная вклейка № 4, 5) и лировидными пряжками, по мнению Г.Е. Афанасьева, характерны для погребальных комплексов могильника Мокрая Балка третьего хронологического этапа, датируе-

⁵ В литературе эти кольчужные секции иногда называются “сумочкой”.

Рис. 4. Находки из катакомбы 2 могильника Конхоторский 2. 1, 2 – фрагменты сосудов; 3 – фрагмент кольчужной секции; 4 – застежка с петлей по центру; 5, 14 – фрагменты пряжек; 6, 7, 9–11 – бусы; 8 – бляшки; 12, 13, 16 – фрагменты ножей; 15 – накладка; 17 – кольцо-серьга; 18, 19 – фибулы; 20 – фрагменты предметов; 21 – серьги. 1, 2 – керамика; 3, 5, 12–14, 16 – железо; 4, 8, 15, 17, 18, 20 – бронза; 6 – сердолик; 7, 10 – стекло; 9 – гагат; 11 – янтарь; 19 – бронза, железо; 21 – золото.

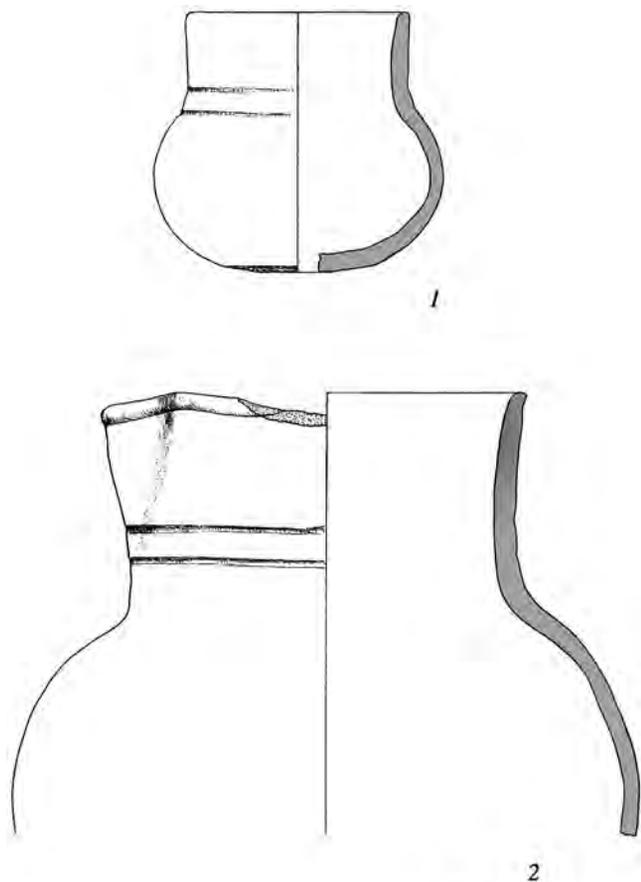

Рис. 5. Керамика из катакомбы 2. 1 – кружка; 2 – фрагмент кувшинчика.

мого второй четвертью VII – рубежом VII–VIII в. н.э. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 23, 24). Близкую датировку этого типа серег предлагает И.О. Гаври-тухин, который относит их к комплексам третьего этапа хронологии Кисловодской котловины (вторая четверть – конец VII в. н.э.) (2001. С. 45, 48). Весьма интересно, что серьги имеют следы потертости на шариках, напаянных на пирамидку (рис. 3, 2), что говорит скорее всего о длительном ношении этих украшений. Тот факт, что данные серьги были найдены сцепленными за дужки, может свидетельствовать о том, что они были положены в погребение в качестве заупокойного дара.

Следует также отметить, что находка золотых серег в рассматриваемой катакомбе, на наш взгляд, указывает на то, что захоронение было нерядовым. При выделении привилегированных погребений, как правило, учитывается наличие в захоронениях (в costume и приношениях) золотых вещей. Такая работа была уже проделана для Центрального Предкавказья эпохи Великого переселения народов (Мастыкова, 2007. С. 472–490). Была выделена серия привилегированных погребений с богатым инвен-

тарем, содержащим в том числе и предметы из золота, довольно редкие в северокавказском регионе (Мастыкова, 2008. С. 149–152). Высокая ценность золота и его престижность засвидетельствована и письменными, и археологическими источниками (Мастыкова, в печати). Редкость золотых вещей в погребениях VII в. свидетельствует, что эти критерии актуальны и для этого времени.

Что касается найденных в катакомбе фрагментов двух кружек и кувшинчика, то они также могут быть отнесены к рассматриваемому периоду⁶. Фрагмент кружки, найденный возле закладной плиты (рис. 4, 1), относится к наиболее массовой разновидности данной посуды, выделенной по материалам могильника Мокрая Балка: Кр. 11Б с резко выраженным переходом горла в плечики (Малашев, 2001. С. 13, 14). К этой же разновидности может быть отнесен и фрагмент другой кружки из камеры (рис. 5, 1). Следует отметить определенную условность отнесения этих экземпляров к данному типу, поскольку в обоих случаях нам не известен важный диагностический признак, используемый В.Ю. Малашевым, – место крепления верхнего прилепа ручки к венчику или к горлу. Однако размеры кружек свидетельствуют скорее в пользу первого варианта крепления ручки, т.е. к венчику. Фрагмент кувшинчика (рис. 5, 2) также условно может быть отнесен к наиболее массовой разновидности этой посуды: кувшинчики с носиком-сливом, орнаментированные по горлу в виде широкого пояса желобков, Кс. 3 (Малашев, 2001. С. 8). Именно эти формы посуды становятся доминирующими на третьем этапе эволюции керамики могильника Мокрая Балка, относящемуся ко второй четверти VII – началу VIII в. н.э. (Малашев, 2001. С. 26, 32).

Перейдем к рассмотрению бус из данного погребения. Надо отметить, что их количество невелико, но тем не менее они достаточно информативны и хронологически показательны, поэтому остановимся более подробно на характеристике и аналогиях этих находок.

Обнаруженный в катакомбе гагатовый крестовидный разделитель (рис. 4, 9; цветная вклейка № 4, 5), как уже говорилось выше, отнесен Г.Е. Афанасьевым к числу хронологических показателей третьего этапа хронологии могильника Мокрая Балка, т.е. ко второй четверти VII – рубежу VII–VIII в. н.э. (Афанасьев, 1979. Рис. 1; Афанасьев, Рунич, 2001. С. 23, 24).

Действительно, для датировки крестовидных гагатовых разделителей очень показательна катакомба 113 некрополя Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 124–126). В этой могиле были

⁶Выражаем искреннюю признательность В.Ю. Малашеву за предоставленные консультации.

найжены монеты, из которых самые поздние принадлежат Хосрову II Парвизу (590–628 гг.) и Фоке (602–610 гг.), поясной “геральдический” набор VII в., византийская пряжка времени не ранее второй половины VII в., а также “соллярный” амулет с антропоморфной фигуркой внутри. Такие амулеты известны у поздних авар с конца VII в., например на могильнике Тисафюред, а также на могильнике Лучистое в Крыму, где они датируются концом VII–VIII в. (Gagam, 1995; Айбабин, 1990. Рис. 55, 1).

Гагатовый крестовидный разделитель встречен также в погребении 87 могильника Мокрая Балка вместе с серьгами с каплевидными подвесками, которые датируются не ранее второй половины VII в., и Т-образной местной фибулой VII–VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 98, 3, 11, 12, 15).

К этому же периоду относится и погребение 117 того же некрополя (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 133, 12), в котором гагатовый крестовидный разделитель сопровождался поясным “геральдическим” набором, пряжкой с “вытянутыми губами” и серьгой с пирамидальной подвеской (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 134, 8–11), аналогичной найденной в катакомбе 2 могильника Конхуторский 2 (рис. 3, 2; 4, 21).

Подобный крестовидный разделитель из гагата известен и в погребении 115 Мокрой Балки (не включен в публикацию памятника; находится в коллекции Ставропольского Государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, инв. № 16896). Погребальный инвентарь этого захоронения составляет пряжка с “вытянутыми губами”, поясной “геральдический” набор, которые датируются второй половиной VII в., в могиле также находилась серебряная монета Хормизда IV (579–590 гг.) (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 130).

Крестовидный разделитель из гагата найден в могиле 80–81 некрополя Мокрая Балка вместе с двумя керамическими кувшинами, которые относятся к третьему этапу по хронологии В.Ю. Малашева, т.е. 620/630–730/760 гг. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 94; Малашев, 2001. Рис. 34).

В катакомбе 1 могильника Мокрая Балка I раскопок 1996 г. три гагатовых крестовидных разделителя встречены вместе с Т-образной шарнирной фибулой (Коробов, 1999. Рис. 4, 2, 12), которые в целом датируются второй половиной VII в. Причем набор бус из этой катакомбы состоит из сердоликовых мелких бус неправильной формы, янтарных бус уплощенной неправильной формы и мелких стеклянных бисерин.

Гагатовые крестовидные разделители известны в погребениях 5 и 29 могильника Клинь-Яр III (Флёрв, 2000. Рис. 30, 24; 39, 33). Эти погребения отнесены по составу бус ко второй группе катакомб некрополя Клинь-Яр III, которая соответствует времени

горизонту “геральдических” поясов с псевдопряжками, т.е. середине – второй половине VII в. н.э. (Мастыкова, 2001. С. 89). И если в катакомбе 5 этого некрополя такой разделитель встречен в не очень выразительном контексте, то в катакомбе 29 он сопровождался “геральдическим” поясным набором с наконечниками, которые характерны для VII в., и византийскими серьгами с пирамидальной подвеской (Флёрв, 2000. Рис. 39, 23), аналогичными найденным в публикуемой катакомбе могильника Конхуторский 2 (рис. 3, 2; 4, 21). Подобные серьги достаточно хорошо представлены в кочевнических комплексах типа Перещепина, в частности в погребении Келегеи на Нижнем Днепре (Айбабин, 1991. Рис. 3, 8). Находки “перещепинского” горизонта, как известно, сопровождалась монетами 40–60-х годов VII в., что и позволило отнести катакомбу 29 некрополя Клинь-Яр III к середине – второй половине VII в. (Мастыкова, 2001. С. 82–89).

Гагатовый разделитель в форме крестика представлен в погребении 6 скального могильника Митькин Кутан, который находится на окраине г. Кисловодска. Железные фибулы, подобные найденной в данном комплексе, на Северном Кавказе существуют с V по IX вв., так же как и проволочные серьги (Рунич, 1975. С. 11. Рис. 21, 3, 4, 7, 29). Но набор бус из этого погребения и, в частности, гагатовый крестовидный разделитель позволяет отнести эту могилу к середине – второй половине VII в.

На сегодняшний день такие крестовидные изделия из гагата известны пока только на территории Кисловодской котловины. Гагат или, как его называют на Кавказе, “гешир”, “гисер”, относится к собственно осадочным образованиям (неминерал) и является органогенной осадочной породой, родственной ископаемому углю. Наиболее знаменитое кавказское месторождение гагата Гелатское находится в Западной Грузии на р. Цхалцители, недалеко от г. Кутаиси. Менее известные месторождения гагата имеются на Черноморском побережье Северного Кавказа, в районе Геленджика и Новороссийска (Мастыкова, 2001. С. 66, 67). Обычно считается, что производство изделий из гагата несложно. Тем не менее для изготовления таких изящных мелких поделок, как крестовидные разделители, необходимы определенные навыки и мастерство. Причем обработка гагата имела свою специфику: в нем необходимо было постоянно поддерживать грунтовую влагу, что исключало его дальнюю перевозку. По этой причине, как нам кажется, изделия из гагата не могли производиться далеко от мест его добычи, и крестовидные разделители, скорее всего, были сделаны в закавказских мастерских специально для населения Кисловодской котловины. Вероятно, крестовидные разделители пользовались особым спросом у алан, поскольку в раннесредневековых

некрополях на территории Грузии больше известны гагатовые бусы других форм. Впрочем, вполне возможно, что в археологических материалах Закавказья все-таки имеются подобные крестовидные разделители, но из-за языкового барьера грузинские публикации остаются для нас недоступными.

Помимо крестовидного разделителя из гагата, среди бус катакомбы 2 некрополя Конхуторский 2 была найдена янтарная бусина плоской ребристой формы с нечеткими гранями (рис. 4, 11; цветная вклейка № 4, б). Бусы такого типа более всего характерны для времени, начиная со второй половины VI в. и до конца VII в.

Так, например, они известны в катакомбах Мокрой Балки, датируемых по керамике в рамках периодов IIб (кат. 25) – 620/630–650/670 гг.; IIIа (кат. 29) – 620/630–670/680 гг. по хронологии В.Ю. Малашева и И.О. Гавритухина (2001. С. 48). В катакомбе 52 указанного некрополя, которую по керамике В.Ю. Малашев относит к периоду IIIа, т.е. 620/630–670/680 гг., в погребальном инвентаре помимо янтарных бус имелись “геральдический” набор, Т-образная фибула и фрагментированная серьга с пирамидальной подвеской, в целом также относящиеся ко второй половине VII в.

Погребение 114 этого же некрополя с подобными янтарными бусами, по керамике датированное В.Ю. Малашевым временем около 700 – 730/760 гг. (Малашев, 2001. Рис. 59; Гавритухин, 2001. С. 48), скорее можно отнести к середине VII в. – рубежу VII–VIII в. В этой могиле были найдены пряжка с “вытянутыми губами”, “геральдический” поясной набор, Т-образная фибула, “солярный” амулет-подвеска, очень типичные для третьего этапа хронологии могильника Мокрая Балка по Г.Е. Афанасьеву (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 128, 129).

Бусы из янтра подобной формы имеются среди находок Гапоновского клада, обнаруженного на многослойном поселении колочинской культуры у с. Гапоново в Курской обл. Первоначально набор этих бус был отнесен к середине – второй половине VII в. (Мастыкова, 1990. С. 45, 46. Рис. 34б). На тот момент не имелось параллелей подобных наборов из закрытых датированных комплексов и приходилось опираться на отдельные находки аналогичных бус. В настоящее время на основании собранных данных представляется более точным отнести время формирования набора бус Гапоновского клада ко второй половине – последней трети VI в. – началу – первым десятилетиям VII в. (Мастыкова, в печати). Кстати, подобные бусы из янтра представлены в погребении 2 некрополя Сингидунум, которое датируется рубежом V–VI в. – первой половиной VI в. (подбор параллелей подробно см.: Ivanišević et al., 2006. P. 103, 104).

Также в рассматриваемом наборе бус могильника Конхуторский 2 представлены сердоликовые бусы дисковидной формы плохой обработки среднего и мелкого размера (рис. 4, б; цветная вклейка № 4, 1–4). Подобные бусы из сердолика были найдены в катакомбах 5 и 29 некрополя Клинь-Яр III (Мастыкова, 2001. С. 67. Рис. 1, 34; 2, 34). Они известны и в указанных выше погребениях некрополя Мокрая Балка, например в катакомбах 29, 52, 114, 115 (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 47, 15; 71, 20; 129, 11, 12; 130, 2).

И, наконец, в данном наборе имеется стеклянная сине-фиолетовая бусина-бисер (рис. 4, 7; цветная вклейка № 4, 7), но в археологическом материале бусы такого типа представлены таким большим количеством, что их цитирование теряет смысл.

Гораздо интереснее рассмотреть эти наборы бус в целом. Надо отметить, что наборы бус как в катакомбе 2 некрополя Конхуторский 2, так и в приведенных выше погребениях некрополей Мокрая Балка, Клинь-Яр III, Митькин Кутан практически совпадают по материалу. В них присутствуют: крестовидные разделители из гагата; небольшое количество или единичные экземпляры бус из янтра, как правило, всегда неправильной формы; бусы из сердолика плохой обработки, зачастую также неправильных форм; и небольшое количество или единичные экземпляры стеклянных бус, чаще всего бисера.

Любопытен тот факт, что все приведенные наборы бус из разных некрополей по составу малочисленны и размеры самих бус на всех памятниках сопоставимы – от средних до мелких; крупные бусы, как правило, отсутствуют. Видимо, такой набор типичен для аланского населения Кисловодской котловины середины – второй половины VII в.

Итак, подведем итог. Как мы уже говорили, к сожалению, публикуемая катакомба была ограблена, поэтому нет полного представления о составе погребального инвентаря. Тем не менее наличие набора бус с гагатовым крестовидным разделителем вместе с серьгами с пирамидальной подвеской и фрагментами сосудов позволяет датировать катакомбу 2 могильника Конхуторский 2 серединой – второй половиной VII в. На основании собранных параллелей представляется, что подобные ожерелья с крестовидным разделителем из гагата можно считать хронологическим индикатором середины – второй половины VII в. не только для некрополя Мокрая Балка, но и для всей Кисловодской котловины в целом⁷. Таким образом, рассматриваемый набор бус может служить

⁷ В сводке, приводимой В.Б. Ковалевской, указано, что подобные крестовидные разделители происходят из комплексов VIII в., и целыми низками они были найдены в комплексах IX в. (1998. С. 38). К сожалению, названия памятников, где встречены эти гагатовые изделия, автором не указаны, что делает невозможной проверку выводов В.Б. Ковалевской.

хронологическим индикатором при датировании других катакомб Кисловодской котловины даже в случае неполной сохранности их инвентаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
- Айбабин А.И.* Келегейское погребение военного вождя // Проблемы на прабългарската история и култура. № 2. София, 1991.
- Афанасьев Г.Е.* Хронология Мокрой Балки // КСИА. 1979. Вып. 158.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М., 2001.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Гавритухин И.О.* Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г.* Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
- Ковалевская В.Б.* Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.
- Коробов Д.С.* Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Коробов Д.С., Кадиева А.А.* Могильник Конхуторский 2 близ Кисловодска // Сборник памяти Г.И. Матвеевой. Самара, в печати.
- Коробов Д.С., Райнхольд С.* Работы Кисловодской экспедиции ИА РАН // АО–2007. В печати.
- Коробов Д.С., Райнхольд С.* Раскопки и разведки в Кисловодской котловине // АО–2008. В печати.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Мастыкова А.В.* Бусы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1990.
- Мастыкова А.В.* Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клинь-Яр III (по раскопкам В.С. Флёрова) // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
- Мастыкова А.В.* Гривна из могильника Клинь-Яр и возможности выделения привилегированных женских погребений эпохи Великого переселения народов в Центральном Предкавказье // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007.
- Мастыкова А.В.* “Варварские королевства” эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм народов Центрального и Западного Предкавказья в гуннское и постгуннское время (конец IV – середина VI в.). М., в печати.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 год // Архив ИА РАН. Р-1. 1975. № 5624.
- Флёров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных // Тр. Клинь-Ярской экспедиции. Т. I. М., 2000.
- Garam E.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred. Budapest, 1995.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium à l'époque des grandes migrations // Centre de recherche d'Histoire et de civilisation de Byzance: Monographies. V. 22. Saint-Juste-la-Pendue, 2006.

Bead assemblage from a 7th – century burial at an Alanian cemetery near Kislovodsk

D.S. Korobov, A.V. Mastykova

Summary

The article publishes new materials from a ruined catacomb burial near Kislovodsk. The Konhutorsky 2 cemetery had been discovered by robbers; investigations by the IARAS expedition took place in 2007–2008. The herein published Catacomb 2 yielded interesting materials which allow to date the burial to the second half of the 7th c. AD. The dating is based on analysis of the bead assemblage, the gold earrings with pyramid-shaped pendant and the pottery fragments. The herein published specific bead assemblage with cross-shaped jet separators, flattened amber beads and poorly faceted carnelian beads can serve as a chronological indicator for catacomb burials in the Kislovodsk basin.

ЛИТЕРАТУРА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕФРИТОВЫХ УКРАШЕНИЙ КУЛЬТУРЫ СИНЛУНВА ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ И ЮЖНОГО КИТАЯ

Роль нефрита в развитии культур древней Восточной Азии столь велика, что она постоянно обсуждается в литературе Китая. В настоящей заметке дается краткий обзор трудов ведущих специалистов по этой тематике, вышедших в последние годы.

На протяжении нескольких тысячелетий нефрит играл и продолжает играть особую роль в культуре Китая, являясь не только драгоценностью, но и важным культовым материалом. Для эпох неолита и ранней бронзы вплоть до периода широкого распространения бронзовых предметов нефрит становится основным материалом для изготовления погребального инвентаря, важнейшим показателем общественного положения погребенного.

Безусловно, это отчасти связано с его широким распространением в природе. В Восточной Азии нефрит встречается прежде всего на территории нынешнего Китая. В южных районах его несколько меньше, а во Вьетнаме он редок, хотя изделия из нефрита есть даже в культурах Южного Вьетнама, таких, как Ша Хинь (V в. до н.э. – II в. н.э.). То же наблюдается и к северу: нефритовых предметов еще много на севере Китая, но в Сибири их уже значительно меньше.

В доисторический период обработка нефрита достигла особого развития у населения нижнего течения Янцзы. Начиная с культуры Хэмуду (VII–V тыс. до н.э.) в устье Янцзы появляются простые нефритовые украшения; они достигают расцвета в культуре Лянчжу (вторая половина IV – конец III тыс. до н.э.), которую можно назвать преимущественно “нефритовой”. Ее носители из этого минерала изготавливали практически все ритуальные предметы: украшения различных форм, топоры, фигурки животных и др. В аристократических некрополях в Фаньшани и Яошани найдены сотни нефритовых изделий с тончайшими выгравированными изображениями (в более бедных провинциальных могильниках ритуальные орудия и украшения воспроизводили в камне).

Предметы из нефрита в Северном Китае не отличаются подобным количеством, разнообразием и тонкой отделкой. До последнего времени древнейшими на этой территории считались находки, относящиеся к культуре Хуншань (4500–3000 гг. до н.э.). Нефритовые фигурки преимущественно животных и змей в данной культуре абсолютно не похожи на вещи юга, что наталкивало на мысль об отсутствии связи их происхождения с регионом Янцзы. То, что традиции использования нефрита в Северной Азии имеет очень древние корни, показала находка А.П. Деревянко верхнепалеолитической подвески из зеленого нефрита в Денисовой пещере на Алтае (38 000 л.н.), одной из древнейших на сегодняшний день (Ян Ху и др., 2007. С. XXI). В период до Хуншани в Северном Китае массовые находки изделий из нефрита дали некрополи культуры Синлунва, открытой в 1982 г. и активно изучаемой. Принадлежащие ей памятники, Синлунва и Силунгоу, расположены в восточной части Автономного района Внутренней Монголии и датируются около 8200–7200 л.н. Именно с этой культурой связаны древнейшие известные на сегодняшний день находки предметов из нефрита в Китае (около 8000 л.н.).

Неслучайно данная общность привлекла внимание крупного исследователя нефрита, директора Центра китайской археологии и искусства профессора Данг Чунга из Китайского университета Гонконга, одного из лучших в Восточной Азии специалистов по каменному веку. Нефрит интересует Данг Чунга прежде всего с точки зрения технологии, которую он восстанавливает с помощью собственных экспериментов с камнем. Одним из итогов организованных им исследований стал коллективный трехтомный труд “Нефриты Восточной Азии” (1998), включающий материалы всей Восточной и отчасти Юго-Восточной Азии. Кроме этого издания, в котором впервые рассмотрены нефритовые изделия Восточной Азии в целом, Данг Чунг выпустил ряд книг и статей по технологии и типологии вещей из нефрита в Китае и Восточной Азии. Его новая работа, написанная в соавторстве с Ян Ху и Лю Госяном, посвящена специально культуре Синлунва как давней самые ранние образцы предметов из нефрита в Китае (Ян Ху и др., 2007).

В книге приводятся как общее описание и характеристика поселений и захоронений культуры Синлунва, так и очерк происхождения и технологии изготовления изделий из нефрита в Восточной Азии в целом. В нее включены также результаты этнографических исследований Данг Чунга, посвященных использованию ушных украшений среди народа *ли* на о. Хайнань, на крайнем юге Китая. В последней части работы исследуются происхождение, символика, ритуальное и социальное значение нефритовых предметов в культуре Синлунва и других культурах Китая и Японии (эта часть написана тремя вышеупомянутыми авторами, а также Фудзита Фудзиро и Р. Флэдом). Издание включает каталог нефритовых предметов культуры Синлунва в иллюстрациях прекрасного качества. Все разделы книги имеют английский перевод или резюме, что выводит ее за пределы археологической литературы на китайском языке.

Носители культуры Синлунва занимались охотой и собирательством. Их наземные жилища почти всегда одинакового размера; вокруг поселения Синлунва есть следы рва, что делает его самым древним укрепленным поселением в Китае. Покойников хоронили здесь же, на полях или под полами домов. Инвентарь таких погребений прост, состоит из керамики и примитивных украшений, по большей части для ушей. Социальное расслоение по количеству погребального инвентаря практически не заметно. Найдены ритуальные захоронения животных, принесенных в жертву, что показывает распространение веры в духов у носителей культуры Синлунва.

Нефрит в этой культуре использовали для изготовления разных типов украшений, которые продевали в уши или зажимали на мочках, удлиняя их (обычай сохранился до наших дней у народа *ли* на о. Хайнань). В целом вещи довольно примитивны по форме, в отличие от древностей следующей по времени на данной территории культуры Хуншань, уже земледельческой. Тем не менее они интересны как древнейший в Китае пример работы людей неолита с нефритом, очень твердым и сложным для обработки. Технологическое исследование Данг Чунга

показало, что использовались два основных метода обработки этого минерала: прорезка с помощью веревки и протирание отверстия остроконечным орудием.

В литературе ставится также вопрос, оказала ли культура Синлунва влияние на распространение нефритовых вещей в Китае в целом, включая районы Янцзы. С одной стороны, очевидно, что возможность изготовления артефактов из нефрита определялась его наличием, то есть распространенностью в природе. Но, хотя нефрит использовали на широком пространстве Восточной Азии от Сибири до Южного Вьетнама, определенные виды украшений и орудий из него могли заимствоваться одной культурой от другой. Например, материалы Лянчжу повлияли на формы нефритовых изделий к северу и к югу от Янцзы. Нефритовые артефакты Синлунва слишком просты, чтобы уверенно говорить о ее влиянии на другие культуры. Однако предыдущие исследования Данг Чунга (2003.

С.19–34) показывают, что несомкнутые кольца, подобные синлунваским, распространились по территории Восточной Азии (включая Японию) именно с севера. Вопрос о характере этого влияния может решить дальнейшее исследование сходства и различия в технологии производства вещей из нефрита в разных культурах Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данг Чунг. Появление и распространение украшений типа “цзюэ” в Восточной Азии // Истоки и развитие культуры нефрита вокруг Японского моря. Нагано 2003 (яп.).

Нефриты Восточной Азии / Под ред. Данг Чунг. Т. I–III. Гонконг, 1998 (кит.).

Ян Ху, Лю Госян, Данг Чунг. The Origin of Jades in East Asia. Jades of Xinglongwa Culture. Гонконг, 2007.

Институт практического востоковедения, Москва

С.В. Лантеев

В.И. Молодин. КРЕСТЫ-ТЕЛЬНИКИ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА. Новосибирск: Инфолио, 2007. 248 с. Илл.

Монография В.И. Молодина – работа, ожидаемая широким кругом исследователей. В ее основе – публикация материалов Илимского острога, замечательного памятника, исследованного в 1970-х годах в связи с затоплением ложа будущего водохранилища. Эти крупномасштабные раскопки проводились в жестких условиях, тем не менее они внесли значительный вклад в изучение истории освоения русскими Сибири (именно сибирские археологи, наслышанные о героических раскопках Илимского острога, с особым интересом встретили книгу). Однако ценность монографии не только в этом. Перед нами фундаментальное исследование прекрасной коллекции нательных крестов конца XVII – начала XX в. Интерес к истории креста в последние десятилетия отражен выходом множества работ различной тематики, объема, научного уровня; их авторы знают специалистов как с новыми находками на конкретных памятниках (Захаров, 2004. С. 161–168), так и с собраниями музеев России (Островский, Фёдоров, 2007). Среди таких работ – ряд статей самого В.И. Молодина (1999; 2001; 2003; 2004; 2005а; б), посвященных классификации, типологии и семантике нательных крестов (в том числе в Центральной России). Новая монография – единственное на сегодняшний день пособие-руководство по данной тематике в Сибири – итог его исследований.

Монография включает пять глав, заключение, каталог-определитель и цветные иллюстрации крестов-тельников. В предисловии автор проводит экскурс в историю исследования памятника. Это скорее лирическое воспоминание об атмосфере, в которой велись раскопки, о чувствах и мыслях, сопровождавших В.И. Молодина как руководителя работ 1973–1975 гг. Камерный тон не мешает автору оценивать свои действия спустя 30 лет весьма критично. Прав ли он, судить не нам, но очевидно, что для науки спасены уникальные материалы: исследованы остатки деревянных строений, фундамент угловой башни, водоотводная система, часть набережной – все это запечатлено в фотографиях и фиксационных чертежах. Собрана замечательная коллекция вещей из острога, полностью затопленного водами Усть-Илимского водохранилища.

В 1970-х годах многие деревни и села постигла участь Илимского острога в связи с бурным промышленным освоением Сибири. Единственным спасением в данной ситуации стала

активизация поиска и раскопок археологических памятников, располагавшихся на территориях, попадавших в зону строительства или затопления. Далеко не всегда удавалось организовать масштабные спасательные работы. Но Илимскому острогу благодаря его исторической значимости и активному участию в его спасении академика А.П. Окладникова повезло.

Помимо истории исследования памятника главная проблема, поднимаемая во вводной части В.И. Молодиным, – этика, нравственные аспекты раскопок некрополей. Этот вопрос явно волновал автора давно. В 1970-х годах в подобных ситуациях на первый план выступала не столько проблема этики, сколько реальная угроза уничтожения археологических объектов. Археолог, в сущности, исполнял свой профессиональный долг, сохраняя для будущего исторические ценности. Недаром В.И. Молодин подчеркивает, что основной причиной, побудившей его взяться за данное исследование, стала “почетная обязанность подготовить издание коллекции”, собранной 30 лет назад (с. 13). Отнюдь не оправдываясь, автор аргументирует необходимость, обязательность научного археологического и антропологического изучения захоронений при условии, что иная форма их сохранения невозможна. Здесь же он выступает противником любительских и грабительских “раскопок”. В поддержку своей позиции он приводит не только мнения и практику отечественных и зарубежных коллег, но и решение богословской конференции (с. 12).

Первая глава (“Кресты-тельники Сибири как объект научного изучения”) кратко знакомит читателя с истоками и временем появления на Руси креста в качестве символа христианской веры, одной из важных категорий русской духовной культуры, касается его значимости и распространения. Представляя обзор истории исследования крестов, автор книги подробно останавливается на специфике сибирского материала, характеристике археологических памятников.

Нательный крест пришел в Сибирь в конце XVI в. В результате правительственной, а затем и крестьянской колонизации появились первые русские поселения, остроги и, позднее, города. Переселенцы, рискнувшие отправиться в неведомую сибирскую землю, несли с собой свою веру, символом которой для них был, прежде всего нательный крест. Христианизация коренного населения Сибири наряду с русской миграцией

способствовала не только увеличению культовой атрибутики в регионе, но и появлению в XVII в. местных центров по ее изготовлению. В.И. Молодин подчеркивает, что в результате изучения русских сибирских поселений, порой узко датированных и цельных памятников, а также в ходе аварийно-спасательных работ источниковая база металлопластики значительно пополнилась хорошо атрибутированными предметами, что позволяет с большей точностью определять хронологию некоторых видов изделий. Данная ситуация, считает автор, задает исследователю более строгие рамки систематизации и анализа материала (с. 16).

Глава 2 (“Об истории создания Илимского острога и о некоторых итогах его археологического изучения”) посвящена непосредственно памятнику и содержит обстоятельный анализ имеющихся исторических источников, освещающих основание и развитие острога и города (включая виды церквей и башен “заштатного города” Илимска), который органично сочетается с археологическими данными. Читатель получает также общее представление о всей илимской коллекции по хронологическим периодам, ее составе и особенностях. О масштабе и специфике раскопок, проведенных сначала под руководством Е.Ф. Седякиной, а затем В.И. Молодина, свидетельствуют фотографии (остатки конструкций жилого дома; юго-восточная башня; бревенчатая стена набережной; водосточные трубы). В результате работ был получен ценный материал по истории острога и города Илимска, выявлены особенности его водосточной системы, охарактеризована и повседневная жизнь обитателей. Несмотря на определенный и вполне понятный лаконизм эта часть книги очень содержательна и дает читателю ясное представление об остроге, расположении и хронологии кладбища.

В третьей главе (“Погребальный обряд и проблемы палеодемографии населения Илимского острога”) описывается некрополь Илимского острога, прежде всего, конечно, по археологическим и антропологическим данным. Он был раскопан в течение двух полевых сезонов (1974–1975 гг., общая площадь 1015 м²). Исследовано 336 погребений, в 64% которых обнаружены кресты. Определения пола и возраста в полевых условиях производил сам автор монографии, повторно они были выполнены специалистом-антропологом.

Подробнее останавливаясь на хронологии, В.И. Молодин пишет, что “почти все захоронения Илимского некрополя, по крайней мере, той части, которая была исследована, ... относятся к XVII–XIX вв.” (с. 28). Их хронология основана, прежде всего на нумизматическом материале и надписях на двух надгробиях. Самое старое из точно датированных погребений относится к 1719 г., но абсолютное большинство комплексов не имеет даты. Автор книги склонен считать, что основной массив кладбища сложился в XVIII–XIX вв., хотя не исключает, что некоторые могилы могли быть сооружены в более раннее время (конец XVII в.). Все же наиболее вероятными датами погребений на раскопанном участке можно считать XVIII – начало XX в. Об этом свидетельствует анализ крестов-тельников, часть которых имеет абсолютные аналоги в Тискинском могильнике XVIII – первой половины XIX в., отлитых по старым образцам (Боброва, 2007. С. 56). Что касается датирования захоронений XVII в. только на основании нательных крестов, то и сам автор монографии считает это довольно сложным делом (с. 28).

Анализируя планиграфию и стратиграфию, В.И. Молодин восстанавливает относительную хронологию погребений и их локализацию по половозрастному признаку. Генеральный план раскопа, на котором нашли отражение половозрастные определения погребенных и общее их количество, впечатляет. Жаль, что в последующем изложении аналогичные иллюстрации не были использованы при характеристике относительной хроно-

логии комплексов и их распределении по отдельным ярусам (“напластованиям”). Это позволило бы выявить некоторые закономерности: локализацию захоронений на юго-восточном участке некрополя; подхоранивание детей над могилами умерших взрослых и т.д. В табл. 1 (“Сводные показатели элементов погребальной обрядности...”) не учтены такие важные показатели, как глубина могил (в общем случае от 1 до 2,2 м, см. с. 34); наличие кованых гвоздей, используемых при сколачивании гроба. Планиграфическая корреляция этих признаков в комплексе с остальными позволила бы с большим основанием датировать некоторые погребения.

Репрезентативность антропологической коллекции (78 мужских и 60 женских индивидуумов, см. с. 34) и длительность существования некрополя позволяют говорить о неоднородности полученных краниологических материалов, которые несут на себе черты смешанного антропологического типа если не первопоселенцев, то жителей города. Хотя работа посвящена крестам-тельникам, хотелось бы больше узнать и о тех, кто их носил, поэтому нельзя не пожалеть об отсутствии в книге характеристики антропологического облика и состояния здоровья населения, оставившего некрополь.

Тем не менее палеодемографическая реконструкция, выполненная по методике Ч. Ченга, представляет интерес. В.И. Молодин смог представить данные об уровне смертности в группах взрослого и детского населения (табл. 1–4), средней продолжительности жизни, периодах возрастания уровня смертности, численности мужской и женской групп популяции и ряд других характеристик состава населения. Наложение на археологические данные архивных сведений позволило реконструировать сословно-социальную ситуацию, а также определить, выходцы из каких регионов России составили население острога. Огорчает, конечно, что некрополь исследован не полностью, и часть захоронений ушла под воду, но вины автора здесь нет.

В.И. Молодин характеризует также погребальные обычаи, отмечая, с одной стороны, стандартность обряда и, с другой, местную специфику в материальном воплощении христианской традиции.

Глава 4 (“Типология крестов Илимской коллекции и некоторые вопросы семантики”) – основная в книге. Сначала В.И. Молодин, опираясь на полученные им данные, пытается очертить социальный состав бывших владельцев тельников и, исходя из хронологии памятника, датирует коллекцию в целом. Он подробно рассматривает проблемы экспорта этих изделий из западных регионов России и формирования центров их производства на территории Сибири, отмечает специфику местных мастерских. В своих рассуждениях автор монографии базируется на письменных источниках, исторических и искусствоведческих исследованиях.

В.И. Молодин еще раз подчеркивает актуальность разработки типологии крестов-тельников Илимского острога, включающей 215 изделий, и отмечает, что это необходимо не только для “понимания самой коллекции”, но и для составления общей типологии поздней металлопластики на основе надежных датировок. При создании собственной схемы основой для ученого стал подход, предложенный еще А.К. Жизневским (1888) и примененный рядом исследователей с тем или иным успехом (Беленькая, 1976; 1993; Колпакова, 2003. С. 57–66). Как наиболее развитую и близкую по хронологии В.И. Молодин выделяет систему Э.П. Винокуровой (1999. С. 326–360), учитывающую специфику данного материала и потому весьма практичную в применении. Однако, понимая особенности илимской коллекции, автор книги вводит дополнения и уточнения. Мотивировав необходимость корректировки схемы, он, к

сожалению, не совсем ясно выражает принципы этих дополнений и уточнений, упомянув только применение “элементов так называемого конструктивного подхода” (с. 40).

За исключением некоторых частных моментов типология коллекции понятна и очень подробна. В.И. Молодин выделяет 11 типов нательных крестов, из которых наиболее представительными являются: 1 (68 экз.), 7 (34 экз.), 4 (33 экз.), 8 (30 экз.), 6 (28 экз.). К редко встречающимся относятся изделия 3, 9–11 типов. Дано единообразное описание каждого типа, отмечена значительная вариабельность некоторых из них (1, 4, 6–8), проработаны аббревиатуры и тексты, содержащиеся на оборотной стороне тельников. Большое внимание уделено иконографическим деталям и скрупулезному подбору аналогий по каждому типу. Перед нами не только первая крупная работа по систематизации сибирского материала, но и профессионально сделанный справочник по крестам XVII – начала XX в., который будет широко востребован исследователями.

Обращаясь далее к многоярусным захоронениям (с. 81–84), В.И. Молодин пытается уточнить хронологию отдельных типов посредством внутренней стратиграфии. Однако взаимовстречаемость изделий не позволяет этого сделать, свидетельствуя лишь об одновременности их существования. Более результативным могло быть обращение к половозрастному составу погребенных и изучение таких признаков обряда, как глубина могил, наличие кованых гвоздей и монет.

Интересен семантический анализ нательных крестов. Рассмотрены два основных вида иконографической композиции, использованных в соответствии с церковными канонами: Голгофский крест и Распятие. В.И. Молодин определяет иконографические особенности коллекции и, учитывая некоторые конструктивные особенности крестов с изображением Распятия, выделяет группу изделий западного происхождения.

Не остались без внимания и факты преднамеренной порчи или полного отсутствия крестов в некоторых погребениях. Автор приводит ряд мнений по этому поводу (с. 86, 87), не отдавая предпочтения тому или иному объяснению.

В главе 5 (“Предметы из погребений Илимского кладбища”) рассмотрены символы личного благочестия, украшения, принадлежности костюма, обнаруженные в 26 погребениях (в том числе иконки второй половины XIX в., медальон 1908 г.). Малое число находок характерно для христианского погребального обряда Нового и Новейшего времени, но вряд ли можно считать случайным обнаружение монет в отдельных захоронениях. Вероятно, они оставлены с покойными или положены в могилу родственниками в качестве “откупных денег”.

В заключительной части книги читателю предложены рассуждения автора о кресте как символе русского православия. Он видит в кресте архетипический символ, зародившийся в период неолита, и благодаря своей универсальности пронесенный человеческой культурой до современности. Оставаясь верным принципу комплексного подхода к исследованию, В.И. Молодин предлагает экскурс в историю трактовки символической природы креста и его роли в русской православной культуре, заканчивая монографию замечательными словами о ценности таких источников, как кресты-тельники, о необходимости исследования православных кладбищ XVII–XIX вв., призывом к противодействию хищническому разграблению некрополей “черными археологами”.

Томский государственный университет
Институт археологии РАН, Москва

Несомненным украшением книги является прекрасно иллюстрированный каталог-определитель с прорисовками находок и подробным их описанием (с. 97–224). Ценно и проведенное автором исследование аббревиатур, комплекса надписей и текстов молитв на крестах-тельниках; они позволили сделать атрибуцию и классификацию материала более обоснованными.

Выход в свет монографии В.И. Молодина – весомый вклад в историческую археологию как Сибири, так и Европейской России. Прделанная автором тщательная и кропотливая работа по систематизации, анализу и сопоставлению данных из различных источников позволила со всей полнотой осветить историю развития креста-тельника в России от конца эпохи ранней модернизации до Нового и даже Новейшего времени. Книга станет также ценным справочником и учебным пособием для музейных работников и всех исследователей, занимающихся изучением культовой металлопластики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельнская Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосквья // СА. 1976. № 4.

Бельнская Д.А. Мелкая пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. 1993. Вып. 208.

Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тисинского могильника). Томск, 2007.

Винокурова Э.П. Металлические кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М., 1999.

Жизневский А.К. Описание Тверского музея. М., 1888.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Колтакова Ю.В. Нательные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли. Матер. науч. семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003.

Молодин В.И. Некрополь Илимского острога: палеодемографические реконструкции // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Вып. 13. Воронеж, 1999.

Молодин В.И. Старобрядческие нательные кресты Илимской коллекции // Исторический ежегодник. Спец. вып. Омск, 2001.

Молодин В.И. Кресты-тельники Европы как объект научного изучения // Scripta Gregoriana. Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгарда-Левина. М., 2003.

Молодин В.И. Русские серебряные кресты-тельники из коллекции Генри Синбома // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004.

Молодин В.И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Кн. третья. М., 2005а.

Молодин В.И. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса в Илимской коллекции // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул, 2005б.

Островский А.Б., Фёдоров Ю.А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2007.

*А.И. Боброва
М.А. Капитонова*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ – РЕАЛИТИ-ШОУ?

Заключение на проект реалити-шоу “Дербент: Восьмое чудо света. Докопаться до небес или Дорога к храму”

Собственным корреспондентом газеты “Русская мысль” (Париж – Лондон) по РФ и СНГ В.В. Захватовым, посетившим Дербент и ознакомившимся с достопримечательностями города и цитадели Нарын-кала, в настоящее время предприняты разработка и активное продвижение крупномасштабного (можно сказать – мирового уровня) проекта международного реалити-шоу под названием “Дербент: Восьмое чудо света. Докопаться до небес или Дорога к храму. Испытание. Покаяние. Примирение”. Ведутся переговоры на различных уровнях – высоких и низких, В.В. Захватовым направлены письма Президенту Республики Дагестан М.Г. Алиеву и полпреду Президента РФ по ЮФО В.В. Устинову с просьбой оказать содействие в реализации данного проекта, проведена его презентация в Администрации г. Дербента. Почему-то в стороне от обсуждения оказались Министерство культуры РД, в чьем ведомстве находится объект реалити-шоу (как памятник истории и культуры), и собственно археологи, которые, по мысли В.В. Захватова, должны быть непосредственно задействованы в нем, стать действующими лицами этого представления.

Первая часть шоу запланирована на 2009–2010 г. и, возможно, будет “проходить с благословения Папы Римского, Московского Патриарха, Верховного Муфтия, Далай-ламы и т.д.”. В основе проекта лежат приветствуемые идеи гуманизма, толерантности, мира, духовности, сотрудничества и т.д., и т.п. За ними же стоит крупная коммерческая цель.

По замыслу В.В. Захватова, который, судя по представленной презентации, уже запатентовал и оформил в нотариальном порядке идею проекта и 60-серийного телесериала для демонстрации на телевизионных каналах России, США, Европы и Азии, в центре внимания будут археологические исследования в Дербенте, в цитадели Нарын-кала, а именно раскопки расположенного в северо-западной части крепости монументального средневекового подземного крестово-купольного сооружения. Вокруг этого объекта, в раскопках которого, по В.В. Захватову, примут участие многочисленные волонтеры из разных стран мира (отобранные в результате кастингов), представляющие различные национальности и придерживающиеся разных вероисповеданий, и будут происходить основные действия археологического реалити-шоу.

По заявлению В.В. Захватова, “создан сценарий игрового художественного фильма на базе проекта, который будет предложен крупнейшим продюсерам Голливуда с условием привлечения звезд мирового кино, актеров Дагестана и Дербента (бюджет проекта – до 50 млн. долл. США)”, “зарубежные партнеры и российские телеканалы проявили интерес к созданию многосерийного телефильма (Италия – Россия) и художественного фильма (Россия – Италия – США), посвященных раскопкам цитадели Нарын-Кала. Проект изучает известный итальянский продюсер Массимо Эмилио Гобби, который может вложить в съемки многосерийного телефильма до 5 млн. евро. Идет поиск партнеров в Голливуде”. В качестве ведущих реалити-шоу предлагаются различные кандидатуры: известная российская певица Жасмин (уроженка Дербента), Шерон Стоун, Шон Коннери, Сильвестр Сталлоне, Жан-Клод Ван

Дамм, “а также другие звезды мирового и российского кино и эстрады”; “проведены консультации, с интересом встречена и одобрена идея проекта на уровне: крупных российских политиков и бизнесменов, представителей ряда иностранных государств, духовных лидеров, ученых, общественных деятелей, звезд кино и шоу-бизнеса”. Не отвечая за иные социальные слои населения, отметим, что с учеными данный проект не обсуждался. И вместе с тем выскажем сомнения по поводу изложенных заявлений, в которых, как думается, желаемое выдается за действительное.

Согласно В.В. Захватову (очевидно, с подачи сопровождавшего его гида), находящееся в центре внимания и являющееся краеугольным камнем реалити-шоу сооружение, крупномасштабные раскопки которого и предполагается произвести в ходе представления, является ничем иным, как сохранившимся в целости величественным христианским храмом, построенным в IV–V вв., равным по возрасту и значимости древнеримским христианским архитектурным памятникам, древнейшим храмам Иерусалима, Афона, Пальмиры, который не был разрушен в последующие века завоевателями, а был полностью засыпан снаружи землей и превращен в водохранилище. Эта идея была озвучена в газете “Русская мысль” (№ 15, 17–23 апреля 2009 г., с. 12), на различных веб-сайтах (<http://tm-daily.com/&cmd=main.news?id=1019>, <http://katolikforum.ru/index.php?showtopic=1150> и др.) и подхвачена другими СМИ. При этом автор публикации ссылается на мнение и заключение руководителя Дербентской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, заведующего отделом археологии, доктора исторических наук, профессора М.С. Гаджиева, с которым он якобы встречался, имел разговор и который рассказал ему об этом храме и глубоких корнях христианства в Дербенте. Ему же В.В. Захватов приписывает мысль, что указанный храм является “ровесником всемирно известных святынь христианского мира – древних храмов Иерусалима и монастыря святой Катерины у горы Моисея на Синайском полуострове”, а в письме Президенту РД и полпреду Президента РФ по ЮФО выражает “большую благодарность ученым Дагестана... за помощь в подготовке статьи и проекта”. Ни с М.С. Гаджиевым, ни с другими учеными Дагестана он не встречался, не обсуждал данный вопрос, ему не оказывалась никакая помощь в написании статьи и подготовке проекта реалити-шоу. Тем самым В.В. Захватов, опираясь на авторитет ученого, с которым в действительности не знаком, вводит в заблуждение массового читателя и лиц разного ранга и чина, привлекаемых к реализации проекта, о назначении и интерпретации рассматриваемого архитектурного памятника. Вместе с тем В.В. Захватов констатирует, что “у государства нет денег”, у России “нет ни копейки” на исследования этого храма, и ставит целью осуществить раскопки с проведением на них реалити-шоу.

Необходимо отметить, во-первых, что М.С. Гаджиев регулярно выигрывает гранты Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) на проведение археологических раскопок в Дербенте и его исторической округе, исследования и открытия Дербентской археологической экспедиции получили и получа-

ют отражение в российских и зарубежных научных и научно-популярных изданиях, на центральных и местных телевизионных каналах, в СМИ (см., например: "Archaeology Magazine". V. 61. № 4. July/August 2008; <http://www.archaeology.org/0807/abstracts/daghestan.html>). Во-вторых, сама идея проведения серьезных научных исследований, в данном случае широко-масштабных раскопок, на наш взгляд, несовместима с идеей организации реалити-шоу, несмотря на заявленные благие цели. Дербент – это не форт Боярд, раскоп – не "необитаемый остров", а археологи – не "последние герои" и не участники "Дома-2".

Что касается истории христианства в Дербенте, то у исследователей не вызывает сомнений, и это подтверждается сведениями письменных источников, что в V–VI вв. город являлся важным христианским центром Восточного Кавказа и до 552 г. н.э. здесь располагался престол главы автокефальной церкви Кавказской Албании. Здесь же находился патриарший дворец, который существовал еще в начале VIII в. (об этом, со ссылкой на рассказ М.С. Гаджиева, пишет и В.В. Захватов). Где располагался дворец, где – кафедральный храм, неизвестно; существуют лишь догадки, предположения. Но, независимо от решения вопроса о местонахождении и идентификации этих архитектурных памятников, сам исторический факт остается незыблем – Дербент в самом раннем средневековье являлся одним из оплотов христианства на Кавказе до утверждения здесь ислама.

В.В. Захватов со свойственной многим журналистам непосредственностью воспринимает как аксиому высказываемые научные предположения, иначе говоря, "ставит телегу впереди лошади". Ничтоже сумняшеся, он в своей презентации проекта заявляет, что "археологические исследования знаменитого дагестанского ученого М. Гаджиева показали, что данное сооружение, строго ориентированное по сторонам света, является крестово-купольным христианским храмом IV в. н.э.". Это откровенная ложь! М. Гаджиев не проводил исследования рассматриваемого объекта, он не показал, что сооружение является христианским храмом, не датировал его IV в., не писал об этом и не говорил о таком "открытии" журналисту Захватову.

Архитектурный памятник, вокруг которого должны разворачиваться все основные события предполагаемого реалити-шоу, давно вошел в научную и популярную литературу как подземная вырубленная в скальной породе крестообразная в плане цистерна для хранения воды, концы (рукава) которой перекрыты стрельчатыми сводами (пролетом в 4 м), а центральная часть – куполом (диаметром 5 м); длина трех рукавов – примерно по 4 м, одного – 6 м; высота цистерны-водохранилища превышает 10 м (см., например, Хан-Магомедов, 1958. С. 79, 80). Известный архитектор С.О. Хан-Магомедов предположительно и без каких-либо аргументов датировал это сооружение раннесредневековым временем (1979. С. 184).

Идея о возможной интерпретации данного объекта как раннехристианской крестово-купольной церкви V–VI вв. была высказана осторожно, в качестве предположения, 30 лет назад А.А. Кудрявцевым (1980. С. 50), в то время руководившим Дербентской археологической экспедицией. Основаниями для такого предположения послужили необычная для водохранилищ, но характерная для ранних церквей крестообразная форма сооружения, его ориентация по сторонам света (с некоторым отклонением. – *М.Г.*) и наличие внушительных культурных напластований (до 6 м), выявленных на заложенном рядом (около северного рукава) раскопе V. В результате работ на данном раскопе (в которых принимал участие и М.С. Гаджиев) было установлено, что здание с этой стороны окружено мощными средневековыми наслоениями цитадели VIII–XX вв.; оно использовалось в качестве водохранилища лишь в период XVI–

XIX вв. Высказывалась мысль, что сооружение некогда было наземным (Кудрявцев, 1980. С. 50).

Но имеются и аргументы, противоречащие предположению о христианском культовом назначении памятника. Это, во-первых, то, что постройка имеет удлиненный северный рукав, тогда как если бы она была христианской церковью (храмом), таковым должен был быть западный рукав, где располагался бы вход. Иначе говоря, имеется невозможное для христианской архитектуры смещение длинной центральной оси объекта на 90°. Во-вторых, на внутренней облицовке здания не прослеживаются следы закладки входного проема. В-третьих, своды сооружения стрельчатые (что типично, в частности, для исламской архитектуры), тогда как для христианских крестово-купольных построек характерны полуциркульные. К сожалению, из-за опасности нависания мощной позднесредневековой известково-каменной отсыпки вокруг купола и рукавов, следуя мерам безопасности, при проведении работ на раскопе V не стали подходить вплотную к наружной стороне сооружения. Следовательно, не были получены доводы в пользу того, что некогда это строение было наземным. Но даже в случае наличия наружной облицовки вопрос об интерпретации здания остается открытым, так как при строительстве подземного объекта могла быть применена двупанцирная (с внутренним и наружным панцирями) кладка.

Наконец, время возникновения памятника не установлено, датировка его не определена ни по архитектурным, ни по археологическим наблюдениям. Можно только говорить пока, что он не моложе XVI в. К тому же, предположительно датируя объект V–VI вв., необходимо иметь в виду, что это время, когда Дербент являлся оплотом власти Сасанидского Ирана на Восточном Кавказе. Здесь, а именно в цитадели города, располагалась резиденция сасанидского наместника (носившего титулы марзбан, шахрийар). Учитывая, что официальной и доминантной религией Сасанидского Ирана являлся зороастризм и что между Сасанидами и христианской церковью, зороастрийскими жрецами и христианскими служителями в V–VI вв. существовали непрестые взаимоотношения, представляется весьма спорной локализация в одной цитадели и резиденции иранского наместника, и места пребывания албанского католика. Кстати, заметим, что была высказана мысль и о возможной интерпретации рассматриваемого объекта как зороастрийского храма огня (Курбанов, 1998. С. 88–90), также встречающаяся серьезные контраргументы.

Таким образом, мы можем считать подземное сооружение в северо-западной части цитадели Нарын-кала крестово-купольной церковью лишь с небольшой долей вероятности и с опорой на сведения письменных источников о Дербенте как важном христианском центре V–VI вв. Однозначно же воспринимать и всепублично объявлять этот архитектурный памятник раннехристианским храмом, включать его в число древнейших памятников христианской архитектуры мира, приравнять это "открытие" по своему значению к открытию Трои, проводить пиар-кампанию в данном ложном направлении, опираясь на якобы однозначный вывод ученых-археологов, задумывать и предпринимать меры к осуществлению реалити-шоу по раскопкам древнего "храма" под лозунгами "Дорога к храму", "Докопаться до небес" и т.п. не только преждевременно, неправильно, но и незачем, антинаучно.

Дискуссионная ситуация вокруг указанного интересного архитектурного сооружения, являющегося объектом культурного наследия, показывает необходимость его тщательного, всестороннего, проведенного на основе новейших методик исследования как архитектурного и археологического памятника. Однако предпринимать его масштабные раскопки абсолютно нецелесообразно и нерационально. Речь должна идти

о тщательном визуальном осмотре и изучении с применением неразрушающих (неинтрузивных) методов, без наружного вскрытия здания и примыкающих к нему огромных площадей, насыщенных иными архитектурными остатками, комплексами, многометровыми (не менее 6 м) культурными напластованиями, которые также являются памятниками истории и культуры. К тому же предполагаемое вскрытие объекта приведет к кардинальному и недопустимому изменению сложившегося к настоящему времени ландшафта и облика цитадели. Наконец, даже положительное решение вопроса о христианском культовом назначении этого сооружения или, наоборот, его иная интерпретация не повлияют на историческое значение Дербента как важного христианского центра V–VI вв. Иначе говоря, в научном аспекте раскопки данного объекта не приведут к пересмотру устоявшихся представлений. Заключая, отметим, что при исследовании рассматриваемого памятника архитектуры и археологии необходимо прежде всего применение геофизических методов, георадарное зондирование постройки и окружающей ее территории. Это направление работ предусмотрено в планах деятельности Дербентской археологической экспедиции.

Вместе с тем развернутая кампания по подготовке и проведению археологического реалити-шоу, которое представляется совершенно нереальным, лишней раз демонстрирует общест-

венный интерес к археологии, к памятникам Дербента, внесенным в Список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО и требующим постоянного и самого пристального к себе отношения, прежде всего со стороны государства. Археологические исследования и археологические памятники как объекты культурного наследия, безусловно, требуют их популяризации (что закреплено в действующем законодательстве), но не превращения в объекты реалити-шоу.

Заключение принято в ходе обсуждения проекта реалити-шоу на открытом заседании отдела археологии ИИАЭ ДНЦ РАН 12 мая 2009 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кудрявцев А.А.* О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1980.
- Курбанов Г.М.* Зороастризм в средневековом Дагестане. Историко-философские аспекты. Махачкала, 1998.
- Хан-Магомедов С.О.* Дербент. М., 1958.
- Хан-Магомедов С.О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН, Махачкала

М.С. Гаджиев

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ МИР ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И КОЧЕВНИКИ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VIII–X – НАЧАЛО XI в.)”

Конференция состоялась 1–4 октября 2008 г. на базе Воронежского государственного университета при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-01-56180 г/ц). В ее организации и проведении кроме Воронежского государственного университета принял участие Природный архитектурно-археологический музей-заповедник “Дивногорье”. Материалы конференции были изданы до ее начала (2008). В период ее подготовки был опубликован сборник статей “Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи”, (2008), посвященный 90-летию доцента ВГУ Анны Николаевны Москаленко. Ее памяти было посвящено и одно из заседаний.

В конференции приняли участие более 60 человек. Среди них – представители России, Украины, Белоруссии, Венгрии. Для обсуждения в качестве ключевых были вынесены следующие вопросы: 1) проблема формирования славянской этнической общности в Днепро-Донском междуречье; 2) общее и особенное в материальной и духовной культуре славян в Днепро-Донском междуречье. Проблема выделения локальных групп славянского населения; 3) славянский мир и население салтово-маяцкой культуры; 4) роль и место кочевников южнорусских степей в исторических судьбах славянского населения Днепро-Донского междуречья; 5) проблемы истории и археологии восточных славян Днепро-Донского междуречья в отечественной историографии.

Участники конференции получили возможность ознакомиться с музеем археологии ВГУ и его фондами.

Первое заседание было посвящено памяти (и 90-летию со дня рождения) доцента Воронежского университета А.Н. Москаленко, находившейся у истоков становления археологической науки в ВГУ, с деятельностью которой связано начало изучения истории и археологии донских славян. Эта тема была отражена в докладе *А.З. Винникова* (Воронеж) “Из истории исследования донских славян (к 90-летию А.Н. Москаленко)”. В докладе *Е.Ю. Захаровой* (Воронеж) освещался вклад А.Н. Москаленко в изучение истории населения бассейна лесостепного Дона в эпохи бронзы и раннего железа. *А.Д. Пряхин* (Воронеж) охарактеризовал А.Н. Москаленко как педагога и воспитателя студенчества. Этому же вопросу было посвящено сообщение *А.С. Беляева* (Киев, Украина).

На заседании был заслушан также доклад директора музея-заповедника “Дивногорье” *М.И. Лыловой* (Воронеж), в котором автор ознакомила аудиторию с историей создания музея, перспективой его развития. Доклад *В.Я. Петрухина* (Москва) “Славянские данники хазар: к истории Восточной Европы в IX в.” послужил своеобразным прологом к дальнейшему ходу конференции. В нем были обозначены многие проблемы, которые стали предметами обсуждений и дискуссий во время последующей работы.

Утреннее заседание 2 октября было полностью посвящено истории лесостепного Подонья в середине I тыс. н.э. Археологические памятники этого периода на данной территории стали известны лишь в конце XX в., и последние годы интенсивно изучаются. Вопросы их хронологии, происхождения и этни-

ческой принадлежности на конференции остро дискутировались. Им был посвящен доклад *Д.В. Акимова* (Воронеж) “Лесостепное Подонье в эпоху Великого переселения народов”. Автор сделал вывод, что в рассматриваемое время лесостепное Подонье было “ареной массовых миграций европейского населения”, связанного с культурами, “которые большинство современных исследователей соотносят с процессами славянского этногенеза”. В докладе *И.В. Зиньковской* (Воронеж) “Археологические памятники раннегуннского времени Верхнего и Нижнего Дона (сравнительный анализ)” был сделан вывод, что верхнедонские материалы раннегуннской эпохи имеют много общего с синхронными нижнедонскими и свидетельствуют о близости хозяйства, домостроительства, керамики этих групп населения.

Особенно острая полемика развернулась вокруг докладов *А.П. Медведева* (Воронеж) и *А.М. Обломского* (Москва). По мнению А.П. Медведева, материалы археологических раскопок памятников, а также сведения письменных источников, лингвистические данные свидетельствуют о появлении на Верхнем Дону в середине I тыс. н.э. населения, которое своим происхождением связано с праславянскими образованиями Днепро-Донецкого Левобережья.

Доклад А.М. Обломского был посвящен анализу материалов могильника у с. Ксизово Липецкой области. Им выделены две группы погребений, за которыми скрываются две этнические группы: германские племена из Среднего Подунавья и Северо-Восточного Причерноморья и население из европейских провинций, покоренных гуннами, – Верхнего Подунавья и других районов.

2 октября после обеда состоялось выездное заседание – семинар-экскурсия на славянские памятники на р. Воронеж. Были осмотрены известные Кузнецовское городище и могильник, а также Лысогорский курганный могильник. Доцент ВГУ М.В. Цыбин ознакомил присутствовавших с историей полевого исследования памятников и результатами их раскопок. Затем участники конференции посетили городище боршевской культуры “Михайловский кордон”, получившее широкую известность в восточнославянской археологии. С этим памятником их ознакомил профессор ВГУ А.З. Винников.

Утреннее заседание 3 октября было посвящено проблеме салтово-маяцкой культуры. Было заслушано 15 докладов, освещающих историю населения, обитавшего в пограничье со славянским миром. Среди них можно выделить следующие направления: 1. специфика погребального ритуала населения салтово-маяцкой культуры – доклады *А.В. Комара* (Киев, Украина) «К вопросу о процедуре обряда “обезвреживания покойников” в Нетайловском могильнике», в котором предложен ряд интересных методических приемов исследования погребальных комплексов, *М.Л. Швецова* (Донецк, Украина) “Могильник эпохи средневековья в среднем течении р. Северский Донец”, в котором был представлен новый материал, *А. Тюрка* (Венгрия) “Новые археологические сведения о погребальном обряде у древних венгров (X в.) в Карпатской котловине и их аналоги в Восточной Европе”; 2. материальная культура, характер домостроительства и специфика крепостной архитектуры населения салтово-маяцкой культуры. По данной проблеме можно отметить доклады *В.С. Флёрова* и *В.Е. Флёровой* (Москва) “Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение планов и технологий”, *А.В. Степового* (Волоконовка, Белгородская область) “Металлургический горн салтово-маяцкой культуры у села Ютановка Белгородской области”. В выступлении *В.И. Квитковского* (Харьков, Украина) была сделана попытка проследить влияние славян на домостроительство населения салтово-маяцкой культуры. Во всех этих докладах был представлен новый материал и предло-

жена его историческая интерпретация; 3. этнические процессы на сопредельной со славянской территории – северо-западном побережье Хазарского каганата. Здесь необходимо отметить доклады *К.И. Красильникова* (Луганск, Украина) “Элементы этнокультур Евразии в среде населения степного Подонья в хазарское время”, *С.П. Щавелева* (Курск) “Славянская дань Хазарии: новые соображения”, упомянутый выше доклад *А. Тюрка*. В них был поднят вопрос о неоднородности этнического состава населения салтово-маяцкой культуры, о проникновении в ее ареал разноэтничных компонентов, об их судьбах и взаимоотношениях; 4. история изучения памятников салтово-маяцкой культуры. Среди докладов, посвященных этой теме, необходимо отметить выступления *Т.Е. Сидоренко* (Воронеж) “История изучения погребений с нарушениями анатомического порядка салтово-маяцкой культуры” и *Н.М. Савицкого* (Воронеж) “К истории изучения жилых и хозяйственных построек лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры”, а также ряд других.

Послеобеденное заседание 3 октября было посвящено истории славян, Древней Руси и кочевнического мира. В докладах были затронуты следующие проблемы: 1. становление славянской этнической общности в Днепро-Донецком междуречье. В докладе *В.В. Колоды* (Харьков, Украина) “Тончайшая керамика вольнцевской культуры как отражение межэтнических контактов и исторической судьбы ранних северян” прозвучала мысль о связи основных элементов вольнцевской культуры с аланами центральных районов Северного Кавказа. Выступление *Р.С. Веретюшкина* (Курск) было посвящено вопросам становления гончарных традиций в северянской среде и выделению этнографических групп среди этого населения. В докладе *А.З. Винникова* охарактеризованы жилые постройки раскопанного большой площадью Животинного городища на р. Воронеж. В докладе *А.Г. Дьяченко* (Белгород) “Культурная динамика и хронология роменского поселения на Хотмыжском городище” представлен процесс развития славянской культуры по материалам этого замечательного памятника. *А.Д. Пряхин* (Воронеж) и *Н.А. Тропин* (Елец) проинформировали слушателей о результатах раскопок Воргольского городища, расположенного на Верхнем Дону; 2. формирование культуры и политической системы древнерусского государства и становление городов в Днепро-Донецком междуречье. В докладе *В.В. Енукова* (Курск) освещался процесс освоения Русью отдельных районов, в частности Посеймья, которое, по мнению исследователя, представляло собой самостоятельную хозяйственно-культурную зону и своеобразное административно-политическое объединение. Интересные сведения о культуре Древней Руси содержались в докладах *О.Н. Енуковой* (Курск), *Г.Ю. Стародубцева* (Курск), *М.С. Сергеевой* (Киев, Украина), *Р.Н. Лосева* (Минск, Белоруссия); 3. Древняя Русь и кочевая Степь. В русле этой проблемы прозвучали доклады *В.В. Приймака* (Сумы, Украина), *С.А. Беляевой* (Киев, Украина). В них были рассмотрены не только собственно культура кочевых народов евразийских степей, но и процессы взаимообогащения между культурными традициями кочевых и оседлых народов; 4. два доклада были посвящены историографическим сюжетам. В сообщении *Р.В. Прокофьева* (Ростов-на-Дону) охарактеризован процесс накопления знаний в отечественной историографии о славяно-русском населении Нижнего Дона. В выступлении *А.Н. Голотвина* (Липецк) был проанализирован вклад замечательного отечественного историка и археолога Д.Я. Самоквасова в изучение восточных славян Днепро-Донецкого междуречья.

4 октября состоялось выездное заседание на Маяцком комплексе памятников салтово-маяцкой культуры в Природном архитектурно-археологическом музее-заповеднике “Дивногорье”, в котором приняли участие более 50 человек.

Сотрудники музея провели экскурсию по архитектурным комплексам заповедника. На отдельных археологических объектах участниками Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1975, 1977–1982 гг.) были проведены экскурсии: Винниковым А.З. – на городище-крепости и селище, Красильниковым К.И. – на комплексе гончарных мастерских и горнов (гончарный “хутор”), Флёровым В.С. – на Маяцком могильнике. Кроме того, А.Н. Бессуднов (Липецк) ознакомил присутствовавших с результатами исследования палеолитического памятника на территории заповедника.

После экскурсии-семинара в музее-заповеднике было проведено заключительное заседание, на котором были подведены итоги конференции.

Воронежский государственный университет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья: Матер. науч. конф. / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж, 2008.

Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи: сб. науч. тр. / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж, 2008.

А.З. Винников

К 70-ЛЕТИЮ АРСЕНА ТИГРАНОВИЧА СИНЮКА

Арсену Тиграновичу Синюку исполнилось 70 лет. Волею неволей каждый из нас, ступив на порог юбилея, подводит итог сделанному, оглядываясь на пройденный маршрут...

50 лет Арсен Тигранович посвятил археологии – науке, которой никогда не изменял. Ни в молодости, с ее изменчивым непостоянством, ни в зрелые годы, на которые выпали беспоконные 90-е прошлого века, свернувшие с избранного пути многих, в том числе и из археологической братии... Полвека Арсен Тигранович готовил молодые научные кадры, воспитывал и обучал учащихся школ и студентов.

Сегодня А.Т. Синюк – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Воронежского государственного педагогического университета, автор более ста научных работ по археологии Подонья. Его вклад в научно-педагогическую деятельность не остался без внимания. Арсен Тигранович носит почетное звание “Заслуженный работник высшей школы РФ”, награжден нагрудными знаками “Отличник просвещения СССР” и “За заслуги перед ВГПУ”.

А.Т. Синюк родился 22 октября 1939 г. в Ленинграде. После службы в рядах Советской Армии в 1961 г. переехал в Воронеж и поступил на исторический факультет Воронежского государственного университета. Здесь он с первого курса связал свою жизнь с археологией Дона, преданно и незабвенно отдавая ей свою творческую энергию и по сегодняшний день.

После окончания университета в 1966 г. Арсен Тигранович работал учителем истории в сельской школе, затем научным консультантом в Воронежском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, старшим научным сотрудником в Воронежском областном краеведческом музее.

В поселке Стрелица он создал краеведческий музей, а в школе – археологический кружок. Именно в это время Арсен Тигранович провел первые самостоятельные археологические раскопки. В областном отделении ВООПИК он создал секцию археологии, по его инициативе началась широкомасштабная работа по паспортизации археологических памятников Воронежской области.

Активность А.Т. Синюка в итоге привела к возрождению в областном краеведческом музее полевых археологических исследований. Объектом внимания стала Чертовицкая стоянка эпохи неолита на р. Воронеж. Когда же на территории будущего Воронежского водохранилища начала работу Воронежская новостроечная экспедиция Института археологии АН СССР и Воронежского государственного университета, Арсен Тигранович активно в нее включился, провел исследования памятников различных периодов, в основном эпох камня и бронзы.

Тогда же А.Т. Синюк завершил работу над кандидатской диссертацией “Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону”,

которую успешно защитил в Институте археологии АН СССР в 1971 г. В том же году началась его преподавательская деятельность в Воронежском государственном педагогическом университете (тогда – институте), продолжающаяся по сей день.

С приходом Арсена Тиграновича оживилась “археологическая жизнь” на историческом факультете. Студенты археологического кружка во главе с молодым и энергичным преподавателем провели первые полевые исследования. Так зародилась самостоятельная экспедиция ВГПУ, которая внесла свой вклад в изучение археологического наследия края. Ее отряды ежегодно осуществляют раскопки не только на территории Воронежской, но и сопредельных областей, а в составе экспедиции работают специалисты, занимающиеся изучением памятников от каменного века до средневековья. Результаты этих работ нашли отражение в 12 тематических сборниках научных трудов, издаваемых под редакцией А.Т. Синюка.

В 1970-е годы под руководством А.Т. Синюка были исследованы Павловский курганный могильник, Копанищенская, Черкасская, Дренихинская, Монастырская стоянки, комплекс археологических памятников эпохи бронзы – раннего железного века у хут. Мостище, Терешковский Вал и другие. Широкомасштабные работы привели к открытию на Среднем Дону новых памятников мезолита и позволили А.Т. Синюку выделить на этой территории среднедонскую неолитическую культуру. Итогом раскопок кургана Иванов Бугор на р. Битюг стало выделение еще одной культуры – иванобугорской, отнесенной исследователем к пережиточному энеолиту.

В 1985 г. Арсен Тигранович блестяще защитил докторскую диссертацию “История населения Донской Лесостепи в V–II тысячелетиях до н.э. (неолит–энеолит–бронза)” в Институте археологии АН СССР. В 1980–1990-е годы вышла серия его обобщающих работ: “Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник” (Воронеж, 1985), “Бронзовый век бассейна Дона” (Воронеж, 1995) и др., где во многом по-новому рассматриваются вопросы древней истории донской лесостепи, доказываются положения о параллельном существовании во времени и пространстве этнокультурных образований, о сущности подкурганного обряда захоронения и жреческой принадлежности погребенных в курганах лиц.

Научная деятельность А.Т. Синюка продолжается и сегодня. Когда в начале 2000-х годов в связи с обострением проблемы сохранения археологического наследия возникла срочная необходимость составить каталог археологических находок и определить их стоимостную оценку (заказ Территориального управления Министерства культуры РФ по сохранению культурных ценностей в г. Воронеже), Арсен Тигранович живо откликнулся на предложение о нелегкой новой работе. Недавно увидела свет его книга “Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов)” (Воронеж, 2007; соавтор – Ю.П. Матвеев).

Нельзя не отметить немалые достижения Арсена Тиграновича в научно-педагогической деятельности. С его приходом в ВГПУ на должный уровень было поставлено преподавание архе-

логии. Сегодня это и курс лекций, и спецкурсы по археологии, лабораторные занятия, и полевая археологическая практика.

Под руководством А.Т. Синюка выполнено восемь кандидатских диссертаций по специальности “археология”, несколько диссертационных исследований находятся на завершающей стадии.

А.Т. Синюк никогда не отрывал свою научную деятельность от деятельности педагогической, к чему обязывают не только специфика вуза, но и взгляды Арсена Тиграновича. Ведь большая часть его нынешних учеников – вчерашние школьники, которые однажды оказались в экспедиции и надежно “прикипели” к ней. А.Т. Синюк понимает необходимость развития школьной археологии. Именно поэтому он поддержал более 20 лет назад начинание, ставшее теперь традицией, – организацию совместных школьно-студенческих экспедиций. Сегодня это начинание переросло в областное движение “Возвращение к истокам”, объединяющее студентов и преподавателей ВГПУ и учащихся школ.

Понимая необходимость популяризации археологических знаний, Арсен Тигранович выпустил серию работ, призванных помочь школьному учителю и учащимся в освоении археологических знаний. Это и научно-популярная книга (в соавторстве с А.З. Винниковым) по археологии Подонья, и учебное пособие по использованию данных археологии в работе учителя.

На историческом факультете существует Археологический музей ВГПУ. Инициатива его создания принадлежит Арсену Тиграновичу. Много сил и творческой энергии он отдал “пробиванию” самой идеи и оформлению экспозиции. Сегодня Археологический музей вобрал в себя творческие силы студентов, преподавателей, а его экспозиции позавидует не один областной краеведческий музей. Здесь проводятся экскурсии для школьников и студентов, работают археологические кружки.

По-видимому, сама полевая жизнь, поиск истины в дебрях исторического прошлого приводят в археологию людей творческих и неординарных. Таким человеком является и А.Т. Синюк. Выпускники истфака помнят, каким “археологическим бардом” был Арсен Тигранович. Сейчас гитару в руки он берет редко, но стихи пишет постоянно и охотно делится своими мыслями, выраженными в них, со студентами и преподавателями. Нет-нет, но возьмется за кисть, и рождаются донские пейзажи с их разнотравьем, удивительными восходами и закатами.

Арсен Тигранович хороший собеседник. С ним можно поговорить на равных на любые темы: о происхождении человека и острых проблемах современной России, о жрецах бронзового века и сущности человеческой жизни... Он не любит всевозможных празднований и отмечаний очередных юбилеев. И в день своего семидесятилетия вряд ли стал засиживаться за столом. Ведь еще столько работы...

Искренне поздравляем Арсена Тиграновича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, стойкости и новых творческих успехов!

Коллеги по работе, ученики

К 60-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА СКОРОГО

В 2009 г. известному украинскому археологу, доктору исторических наук, заведующему отделом скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины С.А. Скорого исполняется 60 лет.

Сергей Анатольевич Скорый родился 14 декабря 1949 г. в городе Старый Крым Крымской области в семье служащих. “Любовь к истории, – вспоминает юбиляр, – проявилась рано. Старый Крым полон древностей золотоордынского времени. Сохранились руины многих зданий этого периода – мечетей, медресе, монетного двора, караван-сарая... Мальчишкой на не имеющих твердого покрытия улицах, после дождей, собирал вымываемые дождем монеты, стрелы, особенно часто – красивую поливную керамику”. Итак, любовь к истории, к старине была заложена еще с детства.

Но путь в археологию оказался далеко не простым. После окончания восьми классов Старо-Крымской средней школы – учеба в техникуме в г. Феодосии (1966–1970), работа на кузнечно-штамповочном заводе в г. Токмак Запорожской области, служба в армии (1970–1972).

В 1973 г. Сергей Анатольевич впервые принял участие в настоящих археологических раскопках – исследовании руин византийского храма в Судак – в составе экспедиции научно-сотрудника Крымского филиала Института археологии АН УССР М.А. Фронжуло. Тот познакомил любознательного юношу с известным крымским археологом А.А. Щепинским, кото-

рый был тогда начальником крупной новостроечной Северо-Крымской экспедиции. И весь полевой сезон 1974 г. будущий юбиляр вместе с А.А. Щепинским постигал нелегкую археологическую науку то на раскопках таврских могильников, то при исследовании скифских курганов. Так 35 лет назад состоялась первая “встреча” С.А. Скорого со скифами, которая, можно сказать, предопределила всю его последующую жизнь.

В 1975–1979 г. Сергей Анатольевич – студент исторического факультета Симферопольского (ныне Таврического) университета, где с третьего курса определилась его специализация – “Археология и музееведение”. Учился хорошо. Получал повышенную стипендию. Был бессменным председателем Студенческого научного общества истфака. По решению жюри Всесоюзной студенческой археологической конференции 1978 г. его работа “Скифские длинные мечи” была включена в число 20 лучших студенческих докладов Советского Союза и позже опубликована в главном журнале украинских археологов – “Археологія” (1981. № 36). Каждое лето во время обучения в университете посвящалось археологическим раскопкам, которыми руководили сотрудники Крымского филиала Института археологии АН УССР. 1975–1979 г. – позднескифские памятники Неаполь Скифский и Усть-Альминское городище (начальник экспедиции Т.Н. Высотская), 1978 г. – поселение эпохи бронзы в Восточном Крыму (начальник экспедиции В.А. Колотухин).

К окончанию университета у С.А. Скорого было уже четыре опубликованных научных работы, две из которых – в журнале “Советская археология”. Вместе с дипломом он, единственный из группы “Археология и музееведение”, получил направление для поступления в аспирантуру Института археологии АН УССР. И осенью 1979 г. началась напряженная, но интересная аспирантская жизнь. Тему будущей диссертации подсказал известный археолог Е.В. Черненко – “Вооружение скифского типа в Средней Европе”. Первым руководителем Сергея Анатольевича был выдающийся исследователь скифских древностей Северного Причерноморья Алексей Иванович Тереножкин. После его безвременной кончины (в мае 1981 г.) в работе над диссертацией С.А. Скорого стал помогать Е.В. Черненко.

Весной 1983 г. кандидатская диссертация была успешно защищена, а ее автор получил должность младшего научного сотрудника в отделе раннего железного века ИА АН УССР. Случилось так, что его сразу же включили в только что созданную группу по активизации исследований памятников скифского времени в Приднепровской лесостепи. В нее вошли такие ныне известные ученые, как Г.Т. Ковпаненко (руководитель группы) и С.С. Бессонова. С тех пор С.А. Скорый – верный служитель археологии раннего железного века лесостепной Скифии. “Началась, – вспоминает он, – моя лесостепная эпопея, которая продолжается уже более 25 лет. За эти годы я принял участие во многих экспедициях, осуществлявших археологические исследования древностей скифской поры в Украинской лесостепи (в Киевской, Черкасской, Винницкой и Полтавской областях). Работал в качестве начальника отряда, заместителя начальника экспедиции (а впоследствии и начальника экспедиции. – В.Г.). Чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что мне приходи-

лось принимать участие в исследованиях и правобережных, и левобережных памятников скифского времени”.

Наиболее впечатляющими полевыми работами С.А. Скорого были многолетние раскопки крупнейшего укрепленного поселения в бассейне р. Тясмин – Мотронинского городища (1988–1994 гг. – совместно с С.С. Бессоновой, 2001–2003 гг. – совместно с С.С. Бессоновой и польским археологом Я. Хохоровским) (Бессонова, Скорый, 2001), а также исследования захоронений высшей скифской знати в Украинской правобережной лесостепи – Большого Рыжановского кургана (1995–1998 гг.) и кургана “Скифская могила” (2001–2003 гг.), осуществленные совместной украинско-польской экспедицией (руководители – С.А. Скорый и Я. Хохоровский) (Скорый и др., 1999; Скорый, Хохоровский, 2004). В этой связи можно сказать, что юбилей – “баловень” капризной скифской археологии. С легкой руки А.И. Тереножкина, начавшего после долгого перерыва раскопки больших курганов скифской элиты в Степном Приднпровье (Мелитопольский курган, 1955 г.), украинские археологи Б.Н. Мозолевский, В.И. Бидзиля, Н.Н. Чердниченко, Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко приступили к исследованию ряда гигантских погребальных комплексов Скифии – Толстой могилы, Гаймановой могилы, Бердянского кургана, Огуза и др. Но, увы, все они были частично или полностью разграблены еще в древности. И вот в 150 км к югу от Киева, в самом центре лесостепи, на рубеже XX и XXI вв., когда, казалось бы, все открытия подобного рода уже позади, обнаружено абсолютно непогрешенное погребение скифского “царя” – в могиле катакомбного типа, со всеми регалиями и атрибутами, положенными персоне столь высокого социального ранга. Мы знаем в скифской археологии совсем немного примеров такого успеха: боковая гробница кургана Солоха (раскопки Н.И. Веселовского), боковая гробница (захоронение “царицы” с ребенком) Толстой могилы (раскопки Б.Н. Мозолевского), северная камера каменного склепа в Пятибратнем кургане № 8 в дельте Дона (раскопки В.П. Шилова). Теперь в узкий круг этих удачливых исследователей вошел и юбилей.

Однако главная заслуга С.А. Скорого, на мой взгляд, состоит в другом. В 2003 г. в Киеве вышла его монография “Скифы в Днепропровской правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)”, которая развивала основные положения его докторской диссертации “Кочевники предскифской и скифской поры в Днепропровской правобережной лесостепи: вопросы этнокультурной истории” (защита в 1997 г.). В этом фундаментальном исследовании автор на основе скрупулезного анализа всех известных ему погребальных памятников скифской эпохи в правобережной лесостепи впервые с фактами в руках обосновывает осязаемое присутствие ираноязычных кочевников (т.е. скифов), продвигавшихся в области Приднепровской лесостепи тремя волнами, начиная с конца VIII в. до н.э. и до IV в. до н.э. Основанием для таких выводов послужили характерные черты пришедшей с востока “всаднической культуры”: подкурганый обряд погребения; захоронения в ямах и на древнем горизонте в деревянных гроб-

ницах, в том числе с “шатровыми” перекрытиями; частичное сжигание деревянных конструкций и вообще культ огня в погребальном ритуале; культовый ровик вокруг кургана; выкидывал материковой глины вокруг могилы; использование пластов дерна в сооружении курганной насыпи; мясная пауптвенная пища (главным образом, мясо лошади и овцы) в могиле; в составе погребального инвентаря – предметы вооружения, конской сбруи, бронзовые котлы, деревянные сосуды и чаши с золотыми оковками; западная и южная ориентировка покойников и т.д. “По мнению некоторых исследователей, – отмечает С.А. Скорый, – универсальные общиранские признаки обряда, взятые в отдельных рамках евразийского степного региона, не могут быть основанием для этнических дефиниций, с чем трудно не согласиться. Иное дело – области оседлости и рассматриваемый лесостепной регион в частности, где появление подобных черт обряда, особенно их совокупности, вряд ли можно объяснить каким-либо заимствованием. Можно полагать, что они маркируют проникновение степного ираноязычного населения – носителей скифской культуры” в Приднепровскую лесостепь (Скорый, 2003. С. 50). В результате этого исследования осязаемое присутствие (и, скорее всего, господство) кочевых ираноязычных скифов в лесостепи убедительно доказано, и автор даже вычисляет в абсолютных цифрах (по числу характерных погребений) общее число скифов: в данном регионе оно не превышало 30–35%.

С.А. Скорый – автор более 200 научных работ, в том числе 7 монографий. С 2002 г. он возглавляет отдел скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины. Мне особенно приятно, что Сергей Анатольевич, как и я, является в скифологии сторонником и верным последователем идей выдающегося российского ученого Михаила Ивановича Ростовцева.

А еще юбилей – вполне состоявшийся поэт, издавший несколько сборников стихов, пользующихся неизменным успехом у читателей (например, “Ностальгия” (Полтава, 2008)).

Поздравляя Сергея Анатольевича с замечательным юбилеем, коллеги и в России, и в Украине желают ему здоровья, счастья и новых научных свершений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев, 2001.

Скорый С.А. Скифы в Днепропровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

Скорый С.А., Хохоровский Я. Курган Скифская Могила в Днепропровской Правобережной Лесостепи // Старожитності степового Причорномор’я і Криму. Запоріжжя, 2004.

Скорый С.А., Хохоровский Я., Григорьев В., Ридзевский Я. Центральная могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. № 1. Київ, 1999.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Гуляев

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПЛЕТНЕВОЙ (1926–2008)

“Счастлив человек, которого смерть застает за любимым делом”, – писал Вольтер. Светлана Александровна, как никто иной, заслуживала такое счастье. Увы, судьба не всегда справедлива: болезнь лишила ее возможности работать, и жизнь потеряла для нее смысл. Светлана Александровна ушла от нас 20 ноября 2008 г., а вместе с ней ушла целая эпоха. Вспомним о ней.

Светлана Александровна Плетнева родилась 1 апреля 1926 г. в старинной Вятке. Семья была трудовой и интеллигентной: отец – биолог, последователь Владимира Ивановича Вавилова, мать – учительница литературы. Детство оказалось трудным, но интересы и традиции семьи формировали характер девочки с ранних лет. В школе она выработала трудоспособность и широкий интерес ко многим предметам, а главное – стремление любое дело доводить до конца, будь то сочинение или оформление газеты (художником она уже тогда была первостепенным).

В 1945 г. Светлана Александровна поступила в Московский университет, а в 1949 г. успешно закончила его и была рекомендована в аспирантуру ИИМК АН СССР. Под руководством своего учителя академика Б.А. Рыбакова в 1952 г. защитила диссертацию “Кочевники южнорусских степей”. С этого момента начинается ее научная деятельность в стенах ИИМК АН СССР (впоследствии ИА АН СССР, современный ИА РАН), где она прошла долгий путь от младшего научного сотрудника (с 1952 г.) до главного научного сотрудника и заведующей отделом.

Опыт полевых исследований Светлана Александровна получила в экспедициях таких корифеев науки, как А.В. Ар-

циховский (Новгород), Б.А. Рыбаков (Тамань, Чернигов, Любеч), М.И. Артамонов (Саркел–Белая Вежа). С 1954 г. она вела самостоятельные работы: разведки и стационарные раскопки, направленные на изучение культуры, расселения и этнической принадлежности степняков VIII–X вв. Ею проведено 30 экспедиций (последний полевой сезон – 1982 г.). Результаты этих исследований стали фундаментом ее публикаций, аналитических и обобщающих трудов.

Поднятые в кандидатской диссертации проблемы “Дикого поля” Светлана Александровна исследовала всю жизнь. Особенно полюбили ей русские летописи, которые она знала превосходно и очень часто привлекала, например, в работах “Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях”, “Древности черных клобуков”, “Половецкие каменные изваяния”. В рамках комплексного подхода к изучению кочевых народов ею использовались данные гуманитарных и естественных наук, сообщения древних историков о степняках Азии. Важную роль играл и проявившийся с детства талант художника, которым она широко пользовалась.

В 1967 г. Светлана Александровна защитила докторскую диссертацию на тему “Социально-экономическая история и культура населения Европейских степей в VIII–X вв.” по книге “От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура”. Эта книга пользуется широкой популярностью и у нас в России, и за рубежом (единственный ее экземпляр в археологической библиотеке Будапешта отреставрирован, чтобы им можно было пользоваться). На нее часто ссылается молодое поколение и, думается, будет ссылаться еще долгие годы.

Изучение кочевников южнорусских степей эпохи средневековья позволило Светлане Александровне создать масштабную картину истории кочевых этносов, перехода их к полуседлости и к оседлому земледелию, сложения у них государственно-сти и культуры.

Классик нашей науки, Светлана Александровна принадлежала ко второму и последнему поколению археологов, изучавших не давние предметы и их скопления, не памятники и их совокупности, а скрытую в них и отстраненную от письменности историю народов. Она выросла и трудилась среди ученых, которые были археологами, потому что были историками. Преображение археологических данных в исторические источники было целью их работы. Труд был велик, но и цель – благородна. Медиевистика была в этом отношении не самой простой для восприятия общества сферой. Академизм обоснованных выводов нередко вступал в острое противоречие с обыденным восприятием прошлого. Подчас и профессионалам нелегко понять, что письменный источник не способен противостоят археологическим свидетельствам, зато археологическим материалам дано не только дополнить, но и опровергнуть уцелевшие в веках описания.

Светлана Александровна была подлинным и по-настоящему искусственным археологом исторического склада. Можно ли сказать, что она посвятила себя одной теме? Только если под темой понимать одну эпоху. Сложнейшую в своем бурном течении эпоху средневековья. А полем деятельности исследовательницы оказалось все Поле – поистине великая степная и лесостепная зона Евразии, прежде и глубже всего – Европы, но также и Передней, Средней и Центральной Азии. Кто еще из наших лучших археологов поставил и разрешил задачу выработки единого взгляда на закономерности развития как средноазиатских гуннов, так и каганатских тюрков, хазар и булгар,

печенегов и гузов, кыпчаков и половцев, вселенских в своем распространении монголов?

Особенно ярко и интересно отражена эта тема в книге “Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей”. Высоко оцененная Б.А. Рыбаковым (что бывало редко), восторженно встреченная на историческом факультете Воронежского университета, данная работа совершенно не была воспринята многими современниками, сверстниками Светланы Александровны, и только сейчас ее начинают понимать: ссылок на монографию все больше и больше даже у археологов, занимающихся более древними периодами.

Из других книг Светланы Александровны особое признание читателей получили ее ярко написанные очерки жизни степных народов древности (хазар, печенегов, половцев), созданные на археологическом и историческом материале. Их читают сейчас по-сербски, по-немецки, по-венгерски и по-японски; заслуженный успех, связанный с возрождением интереса к хазарам, пришел к ним и в Израиле.

Отличительная черта научного творчества С.А. Плетневой, приложившей свою энергию и к полевым исследованиям, разведкам и раскопкам, – исторический пафос ее работ. Материалы многочисленных поселений и могильников систематизировались и выстраивались в исторически обоснованные картины, рисуя жизнь целых народов и государств юга Восточной Европы. Предложенные С.А. Плетневой исторические реконструкции, будь то характеристика салтово-маяцкой культуры как государственной культуры Хазарского каганата или выявление главной тенденции развития кочевых обществ на юге России (“от кочевий к городам”), остаются актуальными и до сих пор порождают научную полемику, хотя широко приняты в современной историографии.

Особая черта Светланы Александровны – привязанность, искренняя преданность полученному при раскопках материалу, исключительная ответственность перед ним. Вообще ее характерным качеством была любовь к порядку и точности, аккуратность во всем. Она никогда не была довольна своими отчетами, ей казалось, что они не отражают полностью полученные данные. Поэтому она задумала создание собственного архивного фонда, над которым работала больше 10 лет в порядке отдыха, в свободные минуты. В результате была создана картотека каменных половецких изваяний, собранных ею в музеях Украины и Ростовской области, Краснодара и Ставрополя, Пятигорска и Саратова, Белгорода и Крыма, а также в селах, на усадьбах, на улицах и просто на полях. В книге “Половецкие каменные изваяния” помещены рисунки 300 находок, а в картотеке сохранены данные более чем о 700 изваяний и их информативных обломках. Рисунки в подавляющем большинстве сделаны самой С.А. Плетневой. Картотека будет нужна исследователям, которые займутся поздними кочевниками европейских степей, а также ученым, работающим над проблемами тюркского изобразительного искусства. Особую группу в архиве исследовательницы составляют материалы могильника IX–X вв. у с. Дмитриевка Шебекинского района Белгородской области. Это таблицы вещевых комплексов из погребений и тризны могильника.

Фонд содержит и материалы раскопок Правобережного Цимлянского городища, на котором С.А. Плетнева проводила работы в 1958–1959 гг. Интересно, что в архиве М.И. Артамонова был найден профиль, подтвердивший правильность прочтения стратиграфии данного памятника Светланой Александровной. Он попал в руки С.А. Плетневой только после смерти М.И. Артамонова, при разборке его бумаг в 1972 г., а значит, не оказал влияния на восприятие ею слоя. Более поздние работы в Плиске и на Левобережном Цимлянском городище также представлены в этом фонде.

Не перечисляя всех собранных Светланой Александровной памятников, подчеркнем, что возвращение автора к материалам раскопок многолетней давности и приведение их в столь систематизированный, абсолютно готовый для дальнейшей анализа вид не имеют на сегодняшний день других примеров в отечественной археологии.

С.А. Плетнева была замечательным настоящим учителем. Она легко отрывалась от собственной темы и глубоко погружалась в тему, предложенную ученику. Она постоянно присутствовала, была рядом на всех этапах работы, вместе с учениками переживала неудачи и находила выход в сложных ситуациях. Но она была строгим и требовательным учителем – столь же требовательным к другим, как и к самой себе. Она могла сказать горькую правду, не щадя самолюбия молодого человека. Иногда это помогало ему взять себя в руки и работать дальше, но не всегда ученик оказывался в состоянии понять учителя, и подчас такой сотрудник становился “бывшим учеником”. Школе Светланы Александровны прошли, защитив кандидатские диссертации, около 30 молодых ученых; при ее консультациях 8 из них стали к настоящему времени докторами наук. Кроме того, С.А. Плетнева редактировала множество книг учеников и коллег-ученых, работавших по близкой тематике.

В 1982 г. С.А. Плетневой было присвоено звание профессора. Ничем она не гордилась так, как этим. Ведь профессором был и ее отец. (Светлана Александровна хранила в душе значительную, памятную для нее сцену: на общем собрании Академии наук, где они были вместе, к ее отцу подходит Н.И. Вавилов и, дружелюбно поговорив, интересуется темой дочери, одобряя выбранную ею специальность.)

На рубеже тысячелетий возродился интерес к любимой С.А. Плетневой хазарской проблематике. В 1999 г. она уже не рискнула ехать в Иерусалим на первый международный коллоквиум по хазарам, но приняла активное участие в его подготовке и в работе второго коллоквиума в Москве в 2002 г. Ее вводная статья предвещает издание трудов этих форумов.

Итог жизни Светланы Александровны, выраженный в сухих цифрах публикаций, впечатляет: их более 200, причем значительная часть – монографии или крупные разделы основополагающих сводов. Так, С.А. Плетнева была автором и редактором свыше 30 статей и таблиц первого вышедшего из печати в серии “Археология СССР” тома “Степи Евразии в эпоху средневековья”. Она была также членом редколлегии этого издания и автором двух глав в томе по истории Европы в эпоху средневековья.

Всю жизнь С.А. Плетнева выполняла множество научно-организационных обязанностей, с которыми она сочетала научное творчество и от которых нельзя было отказаться. Слово “надо” вообще было ключевым в ее жизни. В 1972 г. Светлана Александровна стала заведующей отделом археологических сводов и карт, в 1974 г. – заведующей отделом славяно-русской археологии, которым руководила по 1991 г. включительно. С 1989 по 1994 г., по постановлению Президиума Академии наук, она несла обязанности главного редактора журнала “Советская (Российская) археология”.

Коллеги в редакции и редколлегии хорошо помнят ее неторопливую, уверенную, доброжелательную манеру строго (но и *cum grano salis*) подбирать материал, тщательно взвешивая и обсуждая аргументы за и против постановки в очередной номер каждой статьи и заметки. Конечно, нужно было серьезно ориентироваться во все более расхопившихся друг от друга областях науки, глубоко интересоваться ими. Но были и другие сложные проблемы, проблемы научной политики журнала. “Корочек” со статьями было тогда не просто много, и даже не слишком много (как сейчас), их было необъятно много. Стопки

для каждого раздела неуклонно росли, очередь выстраивалась на годы. Требовалось учесть все: длительность стояния в этой невидимой очереди; актуальность и научную глубину работы; подготовленность, “доводку” ее для печати; степень наполнения данного раздела; остроту потребности в публикации для автора; количество вышедших его статей в журнале за последние годы и еще множество нюансов. Соблюсти этот баланс, добиться взвешенного, ни для кого не обидного решения, проявить мудрость и деликатность в такой сложной ситуации Светлане Александровне удавалось как никому другому.

Научная деятельность Светланы Александровны Плетневой получила высокую оценку. В 1986 г. она была удостоена Государственной премии СССР. За научную, административную и педагогическую работу С.А. Плетнева была награждена орденом “Знак почета” и медалями “За трудовое отличие” и “За трудовую доблесть”.

Эти награды она заслужила всей своей жизнью, смысл которой видела именно в постоянном труде, никогда не казавшемся ей скучным. Ее последние усилия ушли на завершение сложной статьи “О семейных группах на Беловежских кладбищах конца X–XI в.”, которую Светлана Александровна все же успела отослать для публикации в Симферополь.

Вместе с С.А. Плетневой ушла целая эпоха. Выросшее археологическое племя “младое незнакомое” работает во многом по-другому. Не лучше и не хуже, но по-другому. Будем надеяться, что оно не раз вспомнит Светлану Александровну. Ее труды будут переизданы торжественной серией томов. Жизненный путь Светланы Александровны закончился. Но память о Плетневой останется. И будет долгой.

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПЛЕТНЕВОЙ¹

1. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М.; Л., 1958 (МИА; № 62). С. 151–226, 35 рис., 5 табл.

2. Керамика Саркела – Белой Вежи (По материалам Волго-Донской археологической экспедиции) // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л., 1959 (МИА; № 75). С. 212–272, 52 рис., 1 табл.

3. Кочевые народы VII–XIII вв. (Хазарский каганат. Венгры. Печенеги и торки. Половцы) // История СССР. В 2-х сериях в 12 т. Сер. первая. Т. I. М., 1966. С. 438–463, 3 рис.

4. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.; Л., 1967 (МИА; № 142). 199 с., 10 арх. и ист. карт, 40 рис., 6 табл.

5. Древности черных клобуков. М., 1973 (САИ; Вып. Е1–19). 96 с., 3 арх. карты, 55 рис., 19 табл.

6. Половецкие каменные изваяния. М., 1974 (САИ; Вып. Е4–2). 200 с., 19 карт, 101 рис., 14 табл.

7. Хазары // Страницы истории нашей Родины. М., 1976. 93 с., 2 карты, 32 рис. 2-е изд., дополненное: М., 1986. 92 с., 2 карты, 19 рис.

8. Переводы книги “Хазары” на другие языки: Die Chasaren. Mittelalterliches Reich an Don und Wolga. Leipzig, 1978. 172 s., abb. 28, taf. 96 (на нем. яз.). Переиздание: Wien, 1979.

¹ Полный список будет опубликован в посмертном сборнике в память Светланы Александровны, который, не сомневаемся, скоро последует. Сейчас самый подробный перечень: Кызласов и др. Список работ доктора исторических наук, профессора Светланы Александровны Плетневой // Средневековая археология евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола, 2006. С. 5–18.

Хазари. Београд, 1995. 143 с., карты, ил. (на сербск. яз.).

Khazary. Tokyo, 1996. 122 с., 2 карты (на яп. яз.).

9. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (отв. ред.; многочисленные карты и статьи). (Археология СССР).

10. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // Вопросы истории. № 6. М., 1981. С. 50–63.

11. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. 188 с., 6 ист. карт, 9 рис.

12. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 62–77, 8 рис. (в соавт. с Т.И. Макаровой).

13. Маяцкое городище // Маяцкое городище. Тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1984. С. 3–19, 7 рис.

14. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 287 с., 120 рис., 72 табл.

15. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). М., 1990. 102 с., 29 рис., 9 табл.

16. Половцы // Страницы истории нашей Родины. М., 1990. 206 с., 3 карты, 16 рис.

17. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2. С. 77–91.

18. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. № 3. С. 98–107.

19. Кочевники и раннефеодальные государства степей Восточной Европы // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 213–231.

20. Кочевое население и феодальные государства юго-восточной Европы в X–XV вв. // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 463–487.

21. История одного хазарского поселения // РА. 1993. № 2. С. 48–69, 9 рис.

22. О домашних обретах в Саркеле – Белой Веже // РА. 1994. № 1. С. 166–172, 2 рис.

23. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь; Таврия, 1994. С. 271–396.

24. Саркел и “Шелковый путь”. Воронеж, 1996. 168 с., 55 рис., 6 табл.

25. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела // РА. № 2. 1992. С. 182–197, 6 рис.

26. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998. 216 с., 79 рис., 12 табл. (в соавт. с А.З. Винниковым).

27. Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения) // РА. 1998. № 4. С. 202–213.

28. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 539–624, 31 рис. (в соавт. с О.А. Артамоновой).

29. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999. 248 с., 3 арх. карты, 121 рис. (2-е изд. М.; Иерусалим, 2000).

30. Кочевники в Таматархе // РА. 2001. № 2. С. 97–107, 6 рис.

31. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века: Уч. пособие. Воронеж, 2003. 248 с., 62 рис.

32. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках: Таматарха – Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причер-

номорье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003 (Археология). С. 171–179.

33. Хазары и Хазарский каганат // Хазары / Jews and Slavs. V. 16. Иерусалим; М., 2005. С. 17–24.

34. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006. 390 с., ист. карта, 86 рис., 27 с. приложений.

Древнерусский город в кочевой степи (Опыт историко-стратиграфического исследования) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 1. Симферополь, 2006. 244 с., ист. карта, 86 рис., 21 с. приложений.

*Группа средневековой археологии евразийских степей
Института археологии РАН
и редколлегия журнала “Российская археология”*

ПАМЯТИ ИГОРЯ ВИКТОРОВИЧА СЕРГАЦКОВА (1955–2009)

После тяжелой болезни 4 февраля 2009 г. скончался исследователь археологических памятников Нижнего Поволжья, кандидат исторических наук, доцент, Игорь Викторович Сергацков. Игорь Викторович родился 11 марта 1955 г. в Пензе, но вся его сознательная жизнь была связана с Волгоградом. В этом городе он закончил в 1973 г. среднюю школу, попробовал себя в рабочей специальности на заводе медоборудования. В 1975 г. поступил на историко-филологический факультет Волгоградского государственного педагогического института. Здесь в то время преподавали А.С. Скрипкин, В.И. Мамонтов, И.П. Лисицын, принадлежащие к первому поколению волгоградских археологов. Еще в студенческие годы они познакомили И.В. Сергацкова с основами археологических знаний и полевых исследований. Обучаясь в институте, он постоянно участвовал в работах археологической экспедиции Волгоградского педагогического института в заволжских районах Волгоградской области. В то же время И.В. Сергацков был сотрудником Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР, руководство которой осуществлял В.П. Шилов. Она проводила раскопки курганных могильников в пойме р. Аксая, левого притока Дона.

Окончив институт в 1979 г., И.В. Сергацков по распределению был направлен учителем истории средней школы в с. Абганерово, в те самые края, где ранее работал в составе ленинградской экспедиции. А через год друзья и коллеги, участники первой новостроечной экспедиции молодого Волгоградского государственного университета в Краснодарском крае, с интересом следили за невысокой фигурой с рюкзаком за плечами, бодро шагающей по валу рисового чека в направлении лагеря. С 1981 г. Игорь Викторович энергично включился в работу вновь созданной археологической лаборатории при Волгоградском университете. Преподаватель, доцент кафедры археологии, древней и средневековой истории, директор НИИ археологии Нижнего Поволжья, заведующий отделом археологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований при Волгоградском государственном университете – все это шаги в одном, давно выбранном им направлении.

Научные интересы Игоря Викторовича определились еще в студенческие годы. В то время его интересовали проблемы скифо-сарматского звериного стиля. В дальнейшем у него сформировался устойчивый интерес к сарматской тематике и особенно к яркой, насыщенной находками среднесарматской культуре. Накопленный опыт позволил Игорю Викторовичу взять на себя груз ответственности за самостоятельную полевую работу. С 1982 г. он возглавлял экспедицию, которая в течение многих лет занималась исследованием археологических памятников бассейна Иловли. Систематический анализ курганных могильников позволил И.В. Сергацкову создать солидную источниковую базу для изучения сарматских племен, заселявших этот регион начиная с раннесарматского и заканчивая позднесарматским временем. Целенаправленная работа привела к защите в 1997 г. в Институте археологии РАН кандидатской диссертации “Сарматские памятники II в. до н.э. – III в. н.э. в бассейне Иловли”. В 2000 г. на основе диссертационного исследования была опубликована первая монография И.В. Сергацкова “Сарматские курганы на Иловле”, а уже через два года в издательстве “Восточная литература” вышел новый плод его научных усилий – “Среднесарматская культура”. Книга была подготовлена в рамках проекта “Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии”, выполняемого совместно с Институтом археологии РАН. Всего Игорем Викторовичем было написано свыше 100 научных статей и 4 монографии. Много сил и энергии он отдавал охране памятников историко-культурного наследия Нижневолжского региона. При его непосредственном участии был спасен для науки уникальный клад сарматских древностей, найденный у станицы Качалинской.

Игорь Викторович был настоящим ученым, активным и порядочным человеком. Для нас, его друзей, коллег и учеников, он был добрым другом, настоящим товарищем, глубоким и интересным исследователем, преданным археологической науке. Лучшее, что мы можем теперь сделать – это продолжать то, что делал он.

Друзья и коллеги

АННЕТА ЛЕОНИДОВНА НЕЧИТАЙЛО. ПАМЯТИ АРХЕОЛОГА

Археологическая наука России и Украины понесла большую утрату. Ушел из жизни археолог, внесший большой вклад в развитие науки двух стран.

Пятого марта 2008 г. на семьдесят третьем году жизни ушел из жизни на родине, в городе Усть-Джегута (бывшей станице Усть-Джегутинской) Карачаево-Черкесской АО Ставропольского края, скончалась широко известный археолог, доктор исторических наук Аннета Леонидовна Нечитайло. Ушел из жизни прекрасный человек, уникальный специалист, одинаково хорошо знавший археологию эпохи энеолита–бронзы Кавказа и Украины, в тонкостях разбиравшийся в древней металлургии, в идеологии, в этнических и социально-экономических вопросах населения эпохи бронзы в степях Восточной Европы.

Видимо, само Провидение позаботилось о том, чтобы место упокоения археолога было рядом с местом его первых раскопок. Именно здесь, в верховьях р. Кубань, начинался научный путь Аннеты Леонидовны. Она родилась 16 ноября 1935 г. на Северном Кавказе в станице Старо-Минской Краснодарского края в семье служащего. После освобождения Северного Кавказа в 1943 г. семья Аннеты Леонидовны поселилась в Ставрополе, где прошли ее школьные годы. Потом была учеба на историческом отделении Ставропольского государственного педагогического института, который она окончила в 1958 г. Уже в студенческие

годы проявился у Аннеты Леонидовны живейший интерес к древней истории своего края. Ее первым учителем и наставником в археологии стала Татьяна Максимовна Минаева – известный русский археолог, исследователь и знаток археологии Северного Кавказа. После окончания пединститута Аннета Леонидовна поступает на работу в Ставропольский краеведческий музей на должность научного сотрудника-археолога. Одиннадцать лет она отдает музейной работе, сочетая ее с археологическими раскопками. Усть-Джегутинский курганный могильник стал первым археологическим памятником, раскопанным Аннетой Леонидовной. Материалы от энеолита до средневековья требовали широкой эрудиции, постоянной работы в библиотеке, общения с учителем. Аннета Леонидовна выступает с докладами по материалам своих раскопок на конференциях в Москве, Ленинграде, Кишиневе, Киеве. Появляются первые печатные работы. Публикуются результаты разведок Ставропольского музея (1964). В «Советской археологии» совместно с Р.М. Мунчаевым выходят «Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике» (1966). В этом же году она выступает на археологической сессии с докладом «Катакомбные погребения эпохи бронзы в окрестностях города Черкесска». Дальше было руководство крупной новостроечной экспедицией в районе станицы Суворовская на Ставрополье. Эта экспедиция стала подлинной школой полевого мастерства и организационного таланта молодого археолога. Материалы, полученные в результате напряженного труда, заинтересовали специалистов-археологов Москвы и Ленинграда. Особенно интересными были материалы майкопской, катакомбной и северокавказской культур.

Кропотливая работа с музейными коллекциями, специфика учета и хранения музейных фондов, безусловно, наложили свой отпечаток на формирование Аннеты Леонидовны как исследователя-археолога. Аккуратность, точность и пунктуальность, выверенность всех сносок и цитат стали одной из отличительных черт всех ее последующих работ.

В 1969 г. Аннета Леонидовна поступает в аспирантуру Института археологии АН Украинской ССР. Отныне вся ее научная деятельность будет связана равно и с Северным Кавказом, и с Украиной. Ее учителем в украинской археологии становится крупнейший ученый-первобытник, заведующий отделом археологии камня и бронзы профессор д.и.н. Д.Я. Телегин. Аннета Леонидовна напряженно работает над кандидатской диссертацией. Тема работы, конечно же, связана с ее любимым Кавказом – «Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы». В основу диссертации были положены материалы раскопок Аннеты Леонидовны в бытность научным сотрудником Ставропольского краеведческого музея. В 1973 г. А.Л. Нечитайло успешно защитила кандидатскую диссертацию.

После защиты диссертации Аннету Леонидовну назначают заведующей научными фондами Института археологии АН УССР. Видимо, это назначение было связано с длительной работой Аннеты Леонидовны в музее. Руководство Института археологии не ошиблось в выборе кандидатуры на должность

завфондами. Аннета Леонидовна с присущим ей энтузиазмом взялась за упорядочение коллекций, наведение порядка в фондохранилище. Институт археологии Украины помещался в то время в доме №4 по улице Кирова (современная улица Грушевского) в Киеве, в комнате под конференцзалом и в подвале под ним. Чтобы понять какую огромную работу осуществила А.Л. Нечитайло в фондах, необходимо было побывать там до ее прихода. На годы ее заведования фондами (кстати, на общественных началах) пришлось переезд Института археологии на новое место. Эта сложнейшая операция была выполнена образцово. Конечно, понадобилась помощь всех сотрудников Института археологии, но вся организация переезда легла на плечи Аннеты Леонидовны.

На новом месте фонды расположились в Трапезной церкви и в нижних этажах колокольни Выдубецкого монастыря. Аннета Леонидовна начинает практику публикации новых поступлений в научные фонды института археологии. Работа в фондах отнимала очень много времени.

В конце 1970-х годов выходят из печати две ее монографии, посвященные Верхнему Прикубанью. А.Л. Нечитайло публикует ряд статей, посвященных особенностям погребального обряда народов Северного Кавказа в эпоху бронзы.

В 1980 г. она становится старшим научным сотрудником. В этом же году выходят из печати ее тезисы о связях культур Украины и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы, давшие начало написанной со временем докторской диссертации. Ее основой стала фундаментальная монография “Связи племен степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы”. В этой книге Аннета Леонидовна собрала и обработала огромный материал по разнообразным связям Древнего Кавказа и Украины. По количеству находок металлических вещей ею была определена

динамика взаимодействия металлургических центров Кавказа и Украины, предложены оценки роста металлургического производства в исследуемом регионе, показаны возможные обменные эквиваленты в торговле между исследуемыми странами. Практически все 1980-е Аннета Леонидовна работает над докторской диссертацией, которую успешно защищает в Москве в 1995 г. А.Л. Нечитайло публикует ряд статей, посвященных связям Северного Кавказа и Украины. Среди них статьи, посвященные особенностям технологии получения металла, детальный анализ орудий труда и приспособлений для плавки иликовки металла. Ею впервые были выделены и всесторонне охарактеризованы металлообрабатывающие и металлургические центры на территории Северного Причерноморья в эпоху ранней бронзы. Параллельно Аннеты Леонидовны увлекают проблемы раннеэолитических степных культур. Вместе с Д.Я. Телегиным она активно работает над обобщающей монографией по новоданиловской и среднестоговской культурам, увлеченно продолжает участвовать в исследованиях по Северному Кавказу, оставшемуся до самых последних дней ее неизменной любовью. Ее работы по металлургии и металлургическим центрам получили признание ведущих специалистов ряда стран, доклады на многочисленных международных конференциях вызывают неизменный интерес. Общее количество научных публикаций превысило 160.

Оказавшись на пенсии, Аннета Леонидовна последние два года своей жизни тяжело болела, но продолжала работать. Никогда не жаловалась ни на какие трудности, интриги, несправедливости. Она имела свое собственное мнение и умела его отстаивать в любой аудитории. Жизнерадостность, доброжелательность, огромная работоспособность всегда отличали Аннеты Леонидовны. Ее научное наследие, ее работы войдут в золотой фонд археологической науки, а мы, ее друзья и коллеги, сохраним в своем сердце добрую память о ней.

Институт археологии НАН Украины, Киев

С.Ж. Пустовалов

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА В.П. АЛЕКСЕЕВА

22 августа 2009 г. исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого, академика АН СССР Валерия Павловича Алексеева (1929–1991).

В.П. Алексеев с 1988 по 1991 г. был директором Института археологии АН СССР, заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР (с 1991 г.), Председателем Музейного Совета при Президиуме АН СССР (1990–1991), Председателем Комиссии по экологии человека при научном совете АН СССР по проблеме биосферы, Председателем научного совета АН СССР по проблемам экологии, культуры и истории древних обществ (1988–1991).

В.П. Алексеев окончил дальневосточный факультет Московского института востоковедения (1952), аспирантуру Института этнографии АН СССР. В 1956 г. В.П. Алексеев защитил кандидатскую диссертацию по теме “Палеоантропология Южной Сибири” (научный руководитель – Г.Ф. Дебец), в 1967 г. – докторскую диссертацию “Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения”. В 1981 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1987 г. – академиком АН СССР.

Валерий Павлович – уникальный ученый-энциклопедист, его научное наследие – огромно, его перу принадлежит более 600 работ, в том числе 34 монографии. Труды академика Алексеева были переведены на многие языки и изданы в США, странах Европы, Азии и Африки.

Монографии “География человеческих рас” (1974), “Историческая антропология” (1979), “Этногенез” (1986), “Историческая антропология и этногенез” (1989) рассматривают теоретические проблемы этнической антропологии, биологической дифференциации человечества и исторического процесса. Для этих исследований, как и для творчества В.П. Алексеева в целом, характерен междисциплинарный подход к решению поставленных задач. Валерий Павлович широко привлекал данные истории, археологии, этнографии, географии, зоологии и ботаники. Поэтому его труды органически вошли в систему смежных гуманитарных и естественных наук.

Важнейшее место в научном наследии В.П. Алексеева занимают проблемы становления человечества, происхождения и истории гоминид, морфологические и социальные критерии вида *Homo sapiens*, происхождение языка, культуры и социальной организации. Результаты исследований в этих областях воплотились в фундаментальных монографиях “Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит” (1978), “Человек: Эволюция и таксономия” (1985), “Становление человечества” (1984). Учебник “История первобытного общества” (в соавторстве с А.И. Першицем и А.Л. Монгайтом, 1968) выдержал восемь переизданий.

С начала 70-х годов прошлого века в сферу научных интересов Валерия Павловича включается экология человека: ее предмет, границы, структура и функции, урбоэкология, роль природных и социальных факторов в становлении человечества, экологическое содержание процесса антропогенеза и палеодемография. Работа в Институте археологии на посту директора и тесное общение со специалистами-археологами подтолкнули Валерия Павловича к организации нового научного направления в нашей стране – реконструкции образа жизни древних популяций и среды их обитания по ископаемым останкам человека. В планах В.П. Алексеева было проведение масштабных междисциплинарных исследований в археологии: выявление изменений и оценка динамики географической среды на различных этапах истории человечества, изучение влияния климата на особенности хозяйственной организации древних обществ, палеоэкологические проблемы урбанизации, палеодемографические кризисы и динамика демографической структуры древних популяций и т.п.

В.П. Алексеев принимал участие во многих антропологических и археологических экспедициях, где собирал палеоантропологический материал, проводил самостоятельные раскопки близких к современности кладбищ. В многолетних экспедициях на Чукотку, Камчатку, Командорские острова, в Якутию, на Кольский полуостров, на Кавказ и в Среднюю Азию, в различные районы Сибири, Вьетнам, Монголию, на Кубу, в Индию, Йемен им измерены и описаны тысячи представителей различных эпох, культур и народов.

Обширная библиография трудов академика Алексеева опубликована в выпуске серии “Биобиблиографии ученых” издательства “Наука” в 2002 г. Однако стоит подчеркнуть, что список публикаций Валерия Павловича с тех пор значительно пополнился. И, главное, в последние годы было осуществлено издание пятитомного собрания трудов академика В.П. Алексеева, отобранных и подготовленных к печати его

женой, коллегой и соратницей академиком РАН Т.И. Алексеевой (1928–2007).

Память академика Алексева была увековечена в премии, учрежденной отделением историко-филологических наук РАН, присуждаемой за междисциплинарные исследования в археологии, антропологии и этнологии. С 1994 г. регулярно проводятся Международные Алексеевские чтения, неизменно собирающие представителей разных областей знания.

Валерий Павлович Алексеев – основатель школы отечественной антропологии. Его ученики успешно работают в учреждениях России, Белоруссии, Республиках Средней Азии и Кавказа, Монголии и Латинской Америки. Проблемы, над которыми трудился академик Алексеев, остаются наиболее актуальными в современной науке о прошлом человечества, а его труды – незаменимым источником теоретических концепций и фактических данных для многих поколений антропологов и археологов.

А.П. Бужилова
М.В. Добровольская

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в двух экземплярах, распечатанных через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman, кегль 14) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290×210) с одной стороны листа с обязательным приложением электронной версии (на дискете). К рукописям (по

разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое резюме (не более 1 стр.). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

На отдельном листе приводятся подробные сведения об авторах (с обязательным указанием почтового, электронного адресов и контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 8 иллюстраций. Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш.Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва

Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельном листе.

Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. через точку с прописной буквы. Например (Смирнов, 1964. С. 23. Рис. 5).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений на отдельной странице. Источником библиографического описания является титульный

лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, включая иностранные издания. Например,

монография: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

статья: Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. №3.

источники: Псковские летописи. Т.1. М.;Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г.// Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Присланные распечатанный и электронный варианты публикации должны сопровождаться подписанным договором о передаче авторских прав на публикацию издательству “Наука”. Текст Договора размещен на сайте Издательства “Наука” <http://www.naukaran.ru/>

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!